

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

1(85)'2021

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2021. – Вып. 1 (85). – 170 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2021. – Issue 1 (85). –
170 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(85)'2021

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2021

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

1(85)'2021

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

- Э. В. Будаев*   Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
- М. Б. Ворошилова*   Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

- В. Н. Базылев*   Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
- Ю. В. Богоявленская*   Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
- Е. В. Дзюба*   Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- С. В. Иванова*   Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
- В. И. Карасик*   Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
- Н. Н. Кошкарлова*   Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
- Е. А. Нахимова*   Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- Н. Б. Руженцева*   Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- О. А. Солопова*   Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
- Д. Вайс*   Университет Цюриха, Швейцария
- Р. Гусман Тирадо*   Университет Гранады, Гранада, Испания
- А. де Лазари*   Лодзинский университет, Польша
- И. Иньиго-Мора*   Севильский университет, Испания
- Б. Ю. Норман*   Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
- П. Серйо*   Лозаннский университет, Швейцария
- Й. Сипко*   Прешовский университет, Словакия
- П. Стейнер*   Пенсильванский университет, США
- У Айхуа*   Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Л. Цонева*   Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
- Дж. Шарафутдинов*   Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Ян Кэ*   Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia
M. B. Voroshilova Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia
V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
D. Weiss University of Zurich, Switzerland
R. Guzman Tirado University of Granada, Spain
A. de Lazari University of Łódź, Poland
I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain
B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
P. Seriot University of Lausanne, Switzerland
J. Sipko University of Prešov, Slovakia
P. Steiner University of Pennsylvania, USA
Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China
L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria
G. Sharafutdinov Guangdong University of Foreign Studies, China
Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Руженцева Н. Б. Кошкарова Н. Н.	Фидбэки в дискурсе печатных СМИ.....	10
Тамерьян Т. Ю.	Когнитивное моделирование биполярной концептуальной области «толерантность — интолерантность» (по данным опроса среди североосетинской молодежи)	21

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Каменова В. А. Рабкина Н. В.	Англоязычная лексика в политическом дискурсе (лингвоперсонологический подход).....	33
Колмогорова А. В. Горностаева Ю. А.	Всё ли могут короли? или Стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ.....	41
Лату М. Н. Тагильцева Ю. Р.	Коммуникативные стратегии и тактики в статических поликодовых текстах, посвященных массовой самоизоляции	50
Мухарямова Л. М. Заляев А. Р. Шаммазова Е. Ю.	Пандемия COVID-19 в российских массмедиа: политический контекст	72
Рябченко Н. А. Мальшева О. П. Катермина В. В. Гнедаш А. А.	Модель коммуникации «Говорящий — Слушающий» в условиях цифровизации лингвистического поворота: опыт сетевого и лингводискурсивного анализа контента видеохостинга «YouTube»	81
Чепорухина М. Г.	Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней	95
Юдина О. Л.	Особенности метафорической модели «Управленческая деятельность — это мир растений» в англо-американском и российском управленческом дискурсе.....	103

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Лату М. Н.	Категоризация ключевых смысловых компонентов, актуализируемых в статических поликодовых текстах, посвященных самоизоляции	116
Соколова Н. Ю.	Интерпретация советской действительности в англоязычном искусствоведческом дискурсе	124

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Вандышева А. В. Темникова Л. Б.	Информация личного и профессионального характера: спорные вопросы лингвистической экспертизы текста.....	133
------------------------------------	--	-----

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Цзян Чао	Исследования военного дискурса в Китае.....	140
Юй Сяо	Использование социальных сетей в политической коммуникации	149

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Красса С. И.	Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 2).....	159
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		167

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	8
PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS	
Ruzhentseva N. B. Koshkarova N. N.	Feedbacks in Print Media Discourse 10
Tamer'yan T. Yu.	Cognitive Modeling of the Bipolar Conceptual Area “Tolerance-Intolerance” (According to the North Ossetian Youth Interviews Survey) 21
PART 2. POLITICAL COMMUNICATION	
Kameneva V. A. Rabkina N. V.	English Borrowings in Russian Political Discourse: A Linguistic Personology Approach 33
Kolmogorova A. V. Gornostaeva Yu. A.	Legitimation of the Spanish Monarchy in the Political Media Discourse: The Strategy of Appeal to Authority and Polyphony of Voices..... 41
Latu M. N. Tagil'tseva Yu. R.	Communicative Strategies and Tactics in Static Polycode Texts Devoted to Mass Lockdown..... 50
Mukharyamova L. M. Zalyaev A. R. Shammazova E. Yu.	COVID-19 Pandemic in the Russian Mass Media: A Political Context 72
Ryabchenko N. A. Malysheva O. P. Katermina V. V. Gnedash A. A.	Communication Model “Speaker — Listener” in the Context of Digitalization of the Linguistic Turn: Experience of Network and Linguodiscursive Analysis of <i>YouTube</i> Content..... 81
Cheporukhina M. G.	Euphemisms and Dysphemisms in Online Political News Articles and in Their Readers’ Comments 95
Yudina O. L.	Specific Features of the Metaphorical Model “MANAGEMENT ACTIVITY IS THE WORLD OF PLANTS” in Anglo-American and Russian Management Discourse..... 103
PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE	
Latu M. N.	Categorization of Key Semantic Components Represented in Internet Memes and Demotivators Devoted to Lockdown..... 116
Sokolova N. Yu.	Interpretation of Soviet Realities in the English-Language Critical Art Discourse 124
PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW	
Vandyшева A. V. Temnikova L. B.	Personal and Professional Information: Controversial Issues of Linguistic Text Expertise..... 133
PART 5. FOREIGN EXPERIENCE	
Jiang Chao	Military Discourse Studies in China 140
Yu Xiao	The Use of Social Networking Sites in Political Communication..... 149
PART 6. REVIEWS. CHRONICLE	
Krassa S. I.	First Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis (overview 2) 159
Manuscripts Requirements.....	167

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зару-

бежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность ци-

тат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38

ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_01

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Н. Б. Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: —

Н. Н. Кошкарлова

Южно-Уральский гос. ун-т (национальный исследовательский ун-т), Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

E-mail: verbalis@mail.ru; nkoshka@rambler.ru.

Фидбэки в дискурсе печатных СМИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена феномену фидбэка, или обратной связи, которая входит в число аксиологических приоритетов любой сферы человеческой деятельности и репрезентируется в различных типах дискурса, в том числе дискурса печатных СМИ. На материале публикаций известных журналистов А. Угланова и А. Чуйкова («Аргументы недели», 2019—2020 гг.) авторы статьи исследуют феномен фидбэка и как результат — внешнюю и внутреннюю реакцию на проблемы, поднимаемые печатными СМИ, и как процесс, в итоге которого стимул-раздражитель активизирует читательский ответ. Репертуар реакций, связанных с конкретным текстом, можно дифференцировать, выделив внешние и внутритекстовые. К первым относятся действия или высказывания третьих лиц в ответ на публикацию. Ко вторым относятся внутритекстовые ответы-реакции на цитаты (чужие высказывания). Кроме того, возможны автореакции и додуманные реакции в пародийной форме. Основными формами введения реакций в текст публикации являются прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. В свою очередь, средства и способы активизации фидбэка можно дифференцировать с выделением лексических, синтаксических и текстовых раздражителей-стимулов, провоцирующих внешний или внутренний ответ. К лексическим средствам относятся ярлыки, просторечие и грубое просторечие, жаргон и сленг, а также метаоператоры, тяготеющие к семантическому полю «речь» и активизирующие ответ реципиента. К синтаксическим способам формирования читательской реакции относятся разные виды вопросов, и в первую очередь — открытый вопрос, объективизация и дубитация, а также сермозиация — стилистическая фигура, восходящая к эристическому диалогу. К текстовым способам активизации читательской реакции можно, по мнению авторов статьи, отнести моделирование эмоциогенных ситуаций, введение квазиоппонента и использование ай-стопперов — нестандартных средств привлечения внимания и одновременно активизации читательской реакции. Сказанное может свидетельствовать о таком специфическом признаке современного публицистического текста, как высокая реактивность, предполагающая и ответ на «чужой голос», и авторскую стимуляцию фидбэков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; российские СМИ; фидбэк; феномен фидбэка; обратная связь; лексические средства; синтаксические средства; текстовые средства формирования стимула.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454000, Россия, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail: nkoshka@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Фидбэки в дискурсе печатных СМИ / Н. Б. Руженцева, Н. Н. Кошкарлова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 10-20. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_01.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена с поддержкой гранта РФФИ № 19-012-00465/19 «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот».

Одним из основополагающих принципов развития языка является стремление говорящих к экономии речевых усилий. Согласно этому принципу, в русский язык прочно вошел термин *фидбэк*, под которым понимается *обратная связь*. В Кембриджском словаре находим следующее определение слова **feedback**: *information or statements of opinion*

about something, such as a new product, that can tell you if it is successful or liked [Cambridge Dictionary www] — *выражение мнения о чем-либо (например, новом продукте), что является успешным или любимым* (здесь и далее перевод наш. — Н. Р., Н. К.).

Современное общество, которое можно охарактеризовать как общество потребления,

© Руженцева Н. Б., Кошкарлова Н. Н., 2021

формирует и транслирует определенный набор ценностей, среди которых обратная связь занимает одно из центральных мест. Фидбэк (обратная связь) входит в число аксиологических приоритетов любой сферы человеческой деятельности и репрезентируется в различных типах дискурса: экономическом, политическом, педагогическом, научном, художественном, а также в дискурсе новой чувствительности и др. В настоящее время принято говорить и о более глобальном феномене, а именно о культуре обратной связи.

Фидбэк выполняет важную роль и в медицинской сфере, о чем пишет В. И. Казаков: «Как уже было сказано, фидбэк, или обратная связь, — это реакция на отзывы о клинике. Если отклик позитивный, вы можете поблагодарить пациента и пригласить его вновь воспользоваться услугами вашей клиники» [Казаков 2017: 62—63].

Безусловно, фидбэк играет важную роль и в образовании, которое в последнее время стало рассматриваться в качестве сферы услуг. В учебном процессе фидбэк является важным компонентом учебного занятия и представляет собой «передачу информации между взаимодействующими участниками педагогического процесса на основе причинно-следственной детерминации действия каждого из них» [Касаткин 2002: 31]. К. С. Борзова говорит о возможности использования информационных и коммуникационных технологий как инструмента фидбэка: «ИКТ делают возможным получение новой информации, налаживают фидбэк со студентами, способствуют в формировании новых способов коммуникации, учат критическому мышлению» [Борзова 2018: 175].

В рамках дискурса новой чувствительности фидбэк — это не только контакт с другими и получение обратной связи от них, но и «субъективное восприятие, далее контакт с собственным телом на сознательном и бессознательном уровнях» [Завалишина 2015: 121]. Л. В. Завалишина оперирует термином *фидбэк-культура* и выделяет несколько ее правил: сначала озвучивать удавшиеся моменты, а только затем негативные; ссылаться на конкретные детали; предлагать свой фидбэк, а не навязывать его и др. [Завалишина 2013: 36]. Выделенные правила могут и должны быть соблюдены, когда фидбэк отложен во времени и на расстоянии: «Данная работа — своего рода „реплика в диалоге“, фидбэк на научную дискуссию, которая состоялась в первом номере за 2017 г. „Вестника“ между У. М. Бахтикиреевой, О. А. Валиковой и Ж. Кинг и была посвящена важной проблеме современности — транслингвизму в широком смысле этого понятия» [Дианова 2017: 521].

Материал данной статьи — тексты печатных СМИ — предполагает понимание фидбэка именно как обратной связи. «Обратная связь — это вербальные и невербальные сообщения, которые человек намеренно или ненамеренно посылает на сообщения другого» [Куницына, Казаринова, Погольша 2001: 90]. Феномен ответной реакции на сообщения, которые служат своеобразными речевыми раздражителями, хорошо известен еще с советских времен. Такой реакцией были письма читателей, фидбэки же имели многоступенчатый характер, ср.: «„Написать в газету“ — это настолько обычно, естественно, массово, что без такой возможности человек не представляет нормальной жизни. Например, редакция „Правды“ в среднем получает 1300 читательских писем в день — около 500 тысяч в год; редакция „Пионерская правда“ — более 200 тысяч детских писем в год.

Над каждым письмом работают сотрудники и активисты редакции. Присланные сигналы проверяются, многие поставленные в них проблемы решаются в рабочем порядке, по некоторым пишутся статьи, очерки, фельетоны, а значительная часть редактируется и помещается в газете. Среди читателей формируется широкий актив внештатных корреспондентов» [Васильева 1982: 13].

В настоящее время ответная реакция переместилась в электронные СМИ.

Фидбэк является целью и инструментом многих интернет-пользователей: «Пробиться можно разными способами: будь то ампула видео-ревьюера или же блоггера. Свою популярность они приобретают именно за счет откликов других людей на их действия, т. е. получают так называемый фидбэк» [Карпова 2014: 114]. В интернет-пространстве фидбэк важен и в таком новом жанре виртуальной реальности, как сетература, что подчеркивают в своей работе И. Н. Гуцко и Ю. В. Лис: «Опубликовав свое произведение на просторах Сети, автор в большинстве случаев получает так называемый фидбэк (feedback) — комментарии или отзывы на работу. Как правило, именно фидбэк служит для автора стимулом к литературному самосовершенствованию» [Гуцко, Лис 2016: 58].

Основной формой фидбэка является комментарий, имеющий двухступенчатую структуру (текст комментария к сообщению + реакция в виде лайков/дизлайков), ср.:

<https://lenta.ru/news/2020/12/05/isk>

LENTA.ru

5 декабря 2020

Сообщение

Штаб Трампа подал иск об аннулировании результатов выборов в Джорджии

Штаб действующего американского лидера Дональда Трампа подал иск с требованием признать недействительными результаты президентских выборов США в штате Джорджия. Об этом сообщается в Твиттер-аккаунте (Twitter account) штаба главы Белого дома. <...>

Комментарии читателей

5 декабря 2020

Игорек Икс:

Бешеный Трамп!!!

0

Andruxa Xron:

Рыжего уже жалко становится

0

Генри Киссинджер:

Похоже, что это только начало. Посмотрев обзор махинаций у Саши из Флориды поразился масштабами фальсификации выборов в США

–6

Фидбэк может иметь и многоступенчатый характер в виде ответа на комментарий и лайков/дизлайков на него, ср.:

Барс Барсук (отвечает Генри Киссинджеру):

Если бы у Трампа было хоть одно популярное СМИ, то в Америке бы уже полыхал грандиозный скандал. Но увы, все СМИ принадлежат демократам. Народ просто вообще не в теме о масштабах аферы.

+3

Однако, в отличие от электронной коммуникации, возможности получения ответной реакции в дискурсе печатных СМИ в настоящее время сократились. Число писем в редакцию резко уменьшилось, институт внештатных корреспондентов, сформированный из читательского актива, во многом потерял свое значение с развитием блогинга. В связи с этим фидбэки переместились в сферу порождения публицистического текста. Поэтому целью данной статьи является характеристика реактивности современного публицистического текста в двух основных аспектах: а) выявление и типологизация реакций в современных публицистических текстах; б) выявление и характеристика речевых раздражителей — стимулов, активизирующих читательские реакции и формирующих «установку на ответ»: «В слове говорящего всегда есть момент обращения к слушателю, установка на его ответ» [Бахтин 1996: 209]. «Установку на ответ, возражение, немедленную реакцию» М. М. Бахтин отмечал еще в художественной литературе и публицистике XIX века [Там же: 211]. Со своей стороны мы попытались достичь указанной выше цели на материале публикаций двух известных российских журналистов А. Угланова и А. Чуйкова (газета «Аргументы недели» за 2019—2020 гг.). Материал

позволяет нам понимать фидбэк в публицистических текстах комплексно (с позиций восприятия и порождения текста): и как реакцию на проблемы, поднимаемые в конкретном публицистическом тексте, и как стимул-раздражитель, используемый для активизации реакции реципиентов.

Представим типологию реакций.

1. ВНЕШНИЕ РЕАКЦИИ

Читательские письма в газету

• Внешняя (определенная) реакция на публикацию:

АН заступались (за один из научных институтов. — Н. Р., Н. К.) как могли. И эти материалы регулярно появлялись на сайте института. Но однажды мы коснулись святого — крайне отрицательно отозвались о „международном сотрудничестве“ в том безобразном виде, в котором оно прижилось на Руси. И тут не выдержали не киты, а научный планктон института, некоторые молодые ученые. Написали казаки султану-директору, что статьи АН могут поспорить их с министерством и даже хуже, с западными „коллегами“. И тогда совсем ни конференций, ни статей, ни грантиков западных, ни пробирок чужеземных. Как жить? Как жить? И снял султан-директор статьи хулительные и запретил печатать новые (А. Чуйков. АН № 22 (738), 11 ноября 2020).

• Внешняя (неопределенная) реакция на неформальные вопросы / запросы газеты:

Когда АН неформально задавали вопрос „как такое возможно?“ чиновникам Миннауки, лицам из РАН и прочим причастным, то никто не взял на себя ответственность за окончательное „добро“. В Миннауки валили все на академию: „Их затея!“ В академии загадочно говорили о заранее составленных планах экспедиций, которые утверждает Миннауки. В „конторе глубокого бурения“ источник утверждал, что они только согласовывали списки министерства. Вояки, над лодками которых плавали натовские „ученые“, развели руками: „Не наша компетенция“ (Там же).

• Внешняя реакция, публикуемая одновременно со статьей.

Это мнение третьих лиц или ссылка на репрезентативные источники в виде комментариев к основной проблеме публикации, ср.:

ЗАГОЛОВОК: *Как обрусевший немец из Казахстана изменил смысл российских науки и образования*

КОММЕНТАРИИ-РЕАКЦИИ:

– Аргумент директора Центра стратегических исследований Михаила Бочарова.

– Аргумент академика Бетелина.

– Аргумент цифр: «Нужен нам берег ту-рецкий!» (А. Чуйков. АН № 26 (720), 08.07.2020).

2. ВНУТРИТЕКСТОВЫЕ (АВТОРСКИЕ) РЕАКЦИИ НА ЦИТАТЫ

• Реакция (иронический ответ автора) на цитату-афоризм:

„Хочешь завоевать народ — воспитай его детей“. То есть сделай такую систему образования и науки, чтобы дети врага поколение за поколением становились не сильнее и умнее, а глупее и инфантильнее. Подменяй моральные ценности, как шулер подменяет карту. Приучай, что черное — это белое и правильное, а настоящее белое — тьфу, бяка, брось немедленно, проклятый „совок“ (Там же).

• Реакция (негативно-оценочный ответ автора) на цитату-загадку, суть которой — «порождение вопроса и поддержание ответа на него» [Майданова 2009: 195]:

Давайте вначале сыграем в игру. Она будет называться „Чья это цитата?“. Первая: „Человека нужно учить лишь самому необходимому. Все остальное будет ему только мешать“. Вторая: „Одна из моих личных целей — убить экзамены. Я надеюсь, что на это уйдут не десятилетия“. Третья: „Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей. Если (они) научатся читать и писать, нам это только повредит...“ <...>

Правильный ответ. Первая и третья — конечно, Адольф Гитлер. Вторая — российский государственный деятель, банкир, ответственный за искусственный интеллект и современные методы обучения для российских детей, тоже немец, как говорят, обрусевший и родом из Казахстана, — Герман Оскарович Греф (А Чуйков. АН № 26 (720), 08.07.2020).

• Реакция на цитату, использованную как контекст самодискредитации:

– И напоследок еще одна цитата от... Германа Грефа: „Я вам хочу сказать, что вы говорите страшные вещи вообще-то. Вы предлагаете передать власть фактически в руки населения. Если каждый человек сможет участвовать напрямую в управлении, что же мы науправляем? Как только все люди поймут основу своего „Я“, самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать ими, будет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемыми, когда они имеют знания. Так как в таком обществе жить?“ Если это не фашизм, то что это? (Там же);

– Вот что он (ректор НИУ ВШЭ Кузьминов) говорит в программном интервью:

„Сегодня 2870 выпускников школы не осваивают базовых знаний и умений минимум по одному предмету, а 1870 — по двум и больше“. То есть 20 лет экспериментов с системой образования дали отрицательный результат, — констатирует академик Бетелин. По-моему, такое возможно только в африканской стране! Почти четверть века они изгалялись над важнейшим государственным институтом, превратили его во что-то непотребное, но будут изгаляться и дальше, да еще бы желательно, чтобы за это и деньги платили. Такова мысль этих экспериментаторов (Там же).

3. АВТОРЕАКЦИИ

– Зачем считать землю в чужом кармане? А вот зачем... (А. Чуйков. АН № 49 (743). 16.12.2020);

– ...Весь мир переходит на цифровую платформу, поэтому и Россия обязана следовать этому же курсу. Почему обязана? Кто так решил? Обязана, и точка (А. Чуйков. АН № 21 (715). 03.06.2020).

4. РЕАКЦИЯ В РАМКАХ ИНТЕРВЬЮ

А. Угланов: Чубайс почему до сих пор держится? Его будут когда-нибудь выгнать или он вечный?

М. Делягин: Чубайса выгнать нельзя. Чубайс может только сидеть. Или в большом кабинете, или в чуть меньшем (А. Угланов. АН № 3 (697), 2020).

В текстах А. Чуйкова широко используется прием домысливания реакций и их пародийное, **ироническое представление**:

– „Кто виноват?“ — вкрадчиво спросил президент. „Виноваты все, кроме нас!“ — находчиво откликнулся премьер. „Что делать? Что делать?“ — в унисон запели названные виновными главы Минэкономразвития, Минсельхоза, Минпромторга. „Исправим! Исправим!“ — отшутились вице-премьеры и ФАС (А. Чуйков. АН № 49 (743), 16.12.2020);

– Если до пожилого Байдена дойдет, как легко он может взять нас за горло одной только угрозой ввести санкции против офшорков... связанных с нашим сельским хозяйством, то это будет аллес капут всем нашим продбезопасности и проднезависимости. Вы, конечно, сбежите через Внуково-3, а нам вместо „ножек Буша“ будут присылать „ляжки Байдена“ (Там же).

Основными формами введения реакций в текст публикаций являются прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Последняя «сообщает чужое высказывание от лица автора, передающего чужую речь, но с

точки зрения персонажа, чьи мысли, размышления передаются» [Фещенко 2004: 49]. Ср. сочетание прямой, косвенной и несобственно-прямой речи как форм текстового представления реакций на скандал, спровоцированный газетой «Guardian»:

Виновных нет, зато есть скандал. Прямо с борта научного судна „Мстислав Келдыш“ Орджан Густафсон из Стокгольмского университета позвонил в английскую газету „Guardian“ по спутниковому телефону и рассказал, что в Арктике тикает метановая бомба, которая не просто взорвется, но и чуть не приведет к всемирной парниковой катастрофе... Скандал с „Guardian“ постарались замять. Мол, ошибочка вышла. Мы на самом деле климат изучаем, святое дело делаем... Но агентство „обс“ (одна бабка сказала) распространило новость, не дав при этом никаких цифр, что в Арктику рванули теплые воды Атлантики... Климат земли под угрозой! Виноваты, естественно, Россия и лично Путин. Вот какую важную миссию делают шведско-натовско-российские экспедиции. А вы придираетесь! Не вдаваясь в научные подробности, по мнению экспертов, несут эти господа-товарищи полную ахинею. — ...Никаких взрывов метановых бомб или катастроф быть не может. Мы в сентябре были в Арктике с аппаратом Пикарро (А. Чуйков. АН № 44 (738), 11.11.2020).

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ АКТИВИЗАЦИИ ФИДБЭКА

Перейдем к средствам и способам активизации фидбэка как читательской реакции.

Средства и способы формирования в тексте «установки на ответ», т. е. читательской реакции на высказывание автора, можно, с нашей точки зрения, дифференцировать с выделением лексических, синтаксических и текстовых и идентифицировать как реактивные стимулы (раздражающие адресата, провоцирующие ответ).

К лексическим средствам относятся, в первых, **ярлыки**, ср. мнение М. Кронгауза: «Для языка пропаганды очень важно апеллировать к эмоциям, а не к разуму. Поэтому идет поиск ярлычков в истории, которые сами по себе могут вызвать отрицательную эмоцию. Есть люди, которые не разделяют взгляды власти. Но если мы навешиваем некий ярлык на них, вызывающий определенную негативную реакцию, это действует сильнее, чем просто назвать их оппонентами» [Кронгауз www]. Этот способ формирования «установки на ответ» очень характерен для публикаций А. Угланова:

– А они уже знали, как унизили нашу страну **допинговые гномы ВАДА** и выступили в роли **комодских ящеров** (А. Угланов. АН № 49 (603), 18—24.09.2019);

– *Надо же, какого уровня цинизм сидит в этих крокодилах — предлагать западным банкирам грабить наших бизнесменов* (А. Угланов. АН № 46 (690), 27.11.2019);

– ...президент не замечает свою **„арбузную корку — горе-премьера Медведева“** (А. Угланов. АН № 36 (680), 18—24.09.2019);

– **Крестный отец** всех этих голиковых, силуановых и орешкиных — А. Б. Чубайс (А. Угланов. Там же);

– Эти люди, придя в министерскую власть, заполнили клеточки в министерствах никому не известными **пройдохами**, часто из комсомольских работников, кто принялся нещадно грабить всех, что плохо лежало. Эта публика, словно **саранча**, принялась приватизировать российскую нефтянку, металлургию, оборонку... **Бестолочи без технического образования** убивали фабрики и заводы ради куска земли и подержанного Мерседеса... А сейчас, посмотрите, кто считается лидерами нынешнего протеста. Вновь юристы, журналисты и вообще **незнамо кто**. Все по отдельности очень милые и искренние в своем протесте личности. Но, как и в начале бандитских 90-х, в своем обозе они привезут во власть **новых жуликов и пройдохцев**... Если нынешний протест все же продавит власть, как это случилось в 1990, то одних **„гуманитариев“** сменят другие... Россия становится страной, где **пилигримы**, пришедшие из Питера, считают себя вечными **придворными вельможами** (А. Угланов. АН № 31 (675), 14.09.2019).

Во-вторых, к лексическим средствам относятся другие языковые раздражители, вызывающие ответную реакцию, ср. выводы О. С. Иссерс, полученные экспериментальным путем: «Ответы на вопрос о негативных тенденциях современной речи показали, что наиболее „раздражающей“ характеристикой является активное использование заимствований, которые регулярно обозначаются как „новомодные“. Основанием для негативной оценки стало также использование „сокращенных слов“. Нарушение языковых норм вызывает неприятие у четверти информантов. Жаргон и сленг воспринимаются как отрицательные характеристики современных дискурсивных практик примерно 10 % опрошенных» [Иссерс 2019: 27].

Со своей стороны мы считаем, что наиболее частотными языковым раздражителями в публицистическом тексте являются

просторечие и грубое просторечие, жаргон и сленг, ср.:

– ...*Им, простите, по барабану как проблемы российского народа, так и грозный вид Михаила Мишустина* (А. Чуйков. АН № 49 (743), 16.12.2020);

– *Дебилизм вышел на уровень элитной журналистики* (А. Угланов. АН №3 (697), 29.12.2020);

– *В космос послали железяку, спалив в чьих-то интересах миллиарды рублей* (А. Угланов. АН № 36 (680), 18—24.09.2019);

– *С ним кто-то визеливо спорил, и эту хрень были вынуждены смотреть иностранные гости из 34 стран мира* (А. Угланов. Там же);

– *Сам Чубайс хвастает своим браткам на новогодних пьянках, что у него много денег — очень много денег* (А. Угланов. АН № 7 (701), 26.02.2020);

– *Пока трогали только мелочь, крупняк не трогали* (А. Угланов. АН № 14 (798), 15.04.2020);

– *Если у тебя в кармане лежит „капустка“ так называемая, ты можешь кому-то дать и в конверте* (А. Угланов. АН № 3 (607), 29.01.2020).

В публицистике А. Угланова и А. Чуйкова за 2019—2020 гг. используются и такие раздражители, как просторечные и грубопросторечные, готовые, трансформированные и индивидуально-авторские (созданные по языковым моделям) фразеологические обороты: *лепить схематоз, понты корявые, ответят за базар, заткнули рот, наложил лапу, ворует не по чину, пускать «американских козлов в наш огород», пинок под зад* — ср., например:

– *По требованию конгрессмена Трамп выставил на всеобщее обозрение содержание этого разговора, где Зеленский подленько унижал европейских лидеров и вылизывал Трампу все, что только можно* (А. Угланов. АН № 38 (682), 02—08.10.2020);

– *Пока люди по своим квартирам в режиме изоляции наматывали сопли на кулак, через Думу и Сенат протащили законы, которые ставят цифровой крест на останках нашей независимости и личной жизни* (А. Чуйков. АН № 21 (715), 03.05.2020).

В-третьих, к лексическим средствам, провоцирующим реакцию адресата, относятся, на наш взгляд, средства «наведения мысли на резкость», и прежде всего **метаоператоры**.

Под «наведением на резкость» в узком смысле понимается метаязыковая рефлексия: «Метаязыковая рефлексия зачастую это попытка „навести на резкость“ собственную

мысль, собственное чувствование жизни, собственную ее (жизни) оценку» [Садова 2019: 129]. В свою очередь, «выделяя формальные показатели метаязыкового контекста, исследователи подчеркивают, что все они содержательно тяготеют к семантическому полю говорения, речевого действия, и в самом широком смысле — к полю „слово“. И. Т. Вепрева называет эти формальные маркеры дискурсивными маркерами, или метаоператорами» [Вепрева 2005: 89; цит. по: Садова 2018]. С нашей точки зрения, именно принадлежность метаоператоров к «семантическому полю говорения, речевого действия» активизирует мыслительную деятельность адресата тем, что диалогизирует монолог и детерминирует ответную реакцию (сказанное слово предполагает ответную реплику):

– *Но допустит ли это Путин и его ближайшее окружение? Допустит ли своих „американских партнеров“, как он их всегда называет, а если просто и по-русски — козлов в огород — до глобальных сведений о финансовых проводках?* (А. Угланов. АН № 38 (682), 02—08.10.2019);

– *Похоже, в Кремле скоро пожалеют о том, что президентом США стал Дональд Трамп. Сначала он предал своих европейских партнеров, вернее, „кинул“, если выразиться правильным языком* (А. Угланов. Там же);

– *Вообще это интервью похоже на самоприговор по обвинению в госизмене. Например, глава, прости господи, „высшей школы“ формирует принципиальные задачи, которые должно решать образование в России* (А. Чуйков. АН № 26 (720), 08.07.2020);

– *Вместо компенсаций власть с точностью до наоборот активно обирает посаженное население за нарушение режима „заключения“, грабит, простите, штрафует за нарушение содержания режима в домашней клетке* (А. Чуйков. АН № 21 (715), 03.2020).

Со своей стороны мы считаем, что функцию метаоператоров могут выполнять и иные речевые средства, прежде всего средства формирования иронического эффекта посредством «несовпадения мыслимого и созерцаемого» [Зарецкая 1998: 407]:

И последний на сегодня вопрос. Радостный и позитивный. Медведев — сокол наш ясный — заявил, что скоро мы перейдем на четырехдневную рабочую неделю (А. Угланов. АН № 33 (677), 26.08 — 04.09.2020).

Метаоператоры могут сочетаться и с другими средствами активизации читательской реакции, например с открытым вопросом:

Понятно же, что ни первая, ни вторая, ни сотая такая задача не может быть решена в рамках образовательной системы, настроенной на „базовые механизмы и ценности, присущие рыночной экономике“. **А проще говоря, в рамках глобального рынка, в котором нам отведена роль сырьевого придатка... А зачем бензоколонке грамотные люди?** (А. Чуйков. АН № 26 (729), 08.07.2020).

В-четвертых, активизация читательской реакции может быть достигнута и таким приемом, как **декодирование дисфемизмов и эвфемизмов**:

— *А значит, финансовый блок правительства и в самом деле находится на службе у „мировой закулисы“.* Вернее — на службе у наших „американских партнеров“ (А. Угланов. АН № 14 (708), 15.04.2020);

— *Последнее время среди членов правительства, особенно экономического блока, стало модно участвовать в разных форумах, где они сидят „на панелях“.* Откуда в этих людях, которые называют себя „панельными персонами“, такое мелкое самосознание?.. **В российском понимании работать на панели — это удел уличной проститутки** (А. Угланов. АН № 39 (693), 09.10.2019).

Перейдем к синтаксическим способам формирования читательской реакции. В текстах А. Углanova и А. Чуйкова с этой целью наиболее часто употребляются приемы стилистического синтаксиса: вопросы и вопросительные конструкции, а также сермоциацию.

Из арсенала вопросительных конструкций большим реактивным потенциалом обладает **открытый вопрос** (читателям или даже представителям власти). «Открытый вопрос провоцирует читателя на ответ — в виде письма в редакцию или публичного выражения своего, а точнее, подготовленного газетой мнения. Высокая эмотивность вопросов вызывает столь же эмоциональную ответную реакцию» [Платонова, Виноградов 1998: 266]:

— *Но Путин-то его чего терпит, этого Мутко?* (А. Угланов. АН № 49 (693), 18—24.12.2019);

— *Где Минины и Пожарские, которые должны выйти из глубины народа и прогнать этих бесов, превративших страну в полуколонию?* (А. Угланов. АН № 39 (683), 09.10.2019);

— *Вопрос президенту: „Что можно было купить на 2803 рубля в 2017 году, чтобы прожить целый месяц и не сдохнуть? А что можно купить сегодня, в 2020-м?“* (А. Чуйков. АН № 49 (743), 16.12.2020).

Реактивным стимулом является также **объективизация** — вопрос, на который автор отвечает сам:

Что изменилось? Воров стало меньше? Наоборот — больше, и наглость их зашкаливает (А. Угланов. АН № 7 (701), 26.02.2020).

Однако самым сильным реактивным потенциалом, на наш взгляд, обладает такая разновидность вопросов, как **дубитация** — ряд вопросов к воображаемому собеседнику, служащих для постановки проблемы. «Дубитация — это и своего рода план дальнейшего изложения, и способ установить контакт с читателем. Вопрос всегда обращен к собеседнику и требует от него ответной реакции» [Платонова, Виноградов 1998: 265], ср.:

Какой же была на самом деле роль в допинговом скандале вселенского масштаба этого простого парня (В. Мутко. — Н. Р., Н. К.) — *моториста речных буксиров, выросшего до „инженера-моториста судовых машин“? За что ему, бывшему морячку с Невы, не имеющему к спорту никакого отношения, Международный олимпийский комитет впервые в истории пожизненно запретил присутствовать на любых Олимпиадах?* (А. Угланов. АН № 49 (603), 2019).

Особенно действенной является финальная **дубитация**, когда вопросы расположены в сильной позиции текста и поэтому дольше задерживаются в памяти читателя, активизируя его критическое мышление:

Интересно, когда в последний раз норвеги или шведы брали российских ученых с российским же современным оборудованием, разрешением брать образцы донных осадков и проводить суперэкспертизы прямо на борту их научного судна, отправляя результаты напрямую в ГРУ Генштаба? А может, финны брали? Греки? „Заклятые друзья“ из Литвы? Франции? Италии? Кто еще из стран НАТО был на Келдыше? Откуда такой жест доброй воли? Что в ответ? (А. Чуйков. АН № 44 (738), 11.11.2020).

Сермоциацио — фигура, известная еще с античных времен, которая представляет собой «„прямую речь“ в ткани устной монологической речи (выступления), но не любую, а выдуманную, додуманную или в обработанной форме восстановленную самим оратором... Кроме голоса самого ратора, в его речи начинают звучать другие голоса, выступающие с других позиций; рассуждение превращается в обсуждение» [Михальская 1996: 242]. В настоящее время сермоциацию как средство создания эристического диалога широко используется и в письменной публицистической речи:

Если вы так думаете, что мудрые „родители“ страны этого не понимают, то вы глубоко заблуждаетесь. Незаконно объ-

явленную Всемирной организацией здравоохранения пандемию к-вируса каждая страна использовала к вящей собственной выгоде (А. Чуйков. АН № 21 (715), 03.06.2020).

Эффект сермоциации может быть усилен и модальной рамкой высказывания (вероятностного или категорического):

17 декабря 2020 г. на прямой линии, совмещенной с пресс-конференцией (или наоборот?), у Владимира Путина **наверняка запланированно спросят: „Доколе?“** Ответ президента пока неизвестен почтенной публике, но **вряд ли прозвучат прямые слова, что грош цена нашей так называемой продовольственной независимости и безопасности, пока государство позволяет иностранцам контролировать этот стратегический рынок. Скорее всего, мы услышим версию о том, что все недобросовестные производители пытаются привести внутренние цены к мировым, а продавцы беззастенчиво пользуются пандемией. Но все правительство объединенным фронтом выйдет на субботник по борьбе с ростом цен** (А. Чуйков. АН № 49 (743), 16.12.2020).

Силлепсис — «любое риторически обусловленное нарушение правил согласования морфем или синтагм» [Дюбуа 1986: 143], ср.:

– Как, когда они так дожили до мышей? (А. Чуйков. АН № 44 (738), 11.11.2020);

– Пандемия, пандемия, а я маленький такой! (А. Чуйков. АН № 21 (715), 03.06.2020).

Силлепсис как разновидность алогизма намеренно ломает нормативную логическую структуру текста, отчего и является достаточно сильным раздражителем.

К текстовым способам активизации читательской реакции относятся такие стимуляторы, как моделирование эмоциогенных ситуаций, введение квазиоппонента, а также использование ай-стопперов.

1. **Моделирование эмоциогенных ситуаций** берет начало в художественной литературе: «Эмоциональный момент вложен в произведение, а не привносится читателем» [Томашевский 1999: 179]. Распространеннейшим способом такого моделирования является прием конвергенции. «Один и тот же мотив, одно и то же настроение или чувство передается обычно параллельно несколькими средствами, если оно имеет большое значение для целого. Такая избыточность усиливает и концентрирует впечатление и называется конвергенцией» [Арнольд 1981: 35].

В свою очередь, сильное впечатление является раздражителем, способным вызвать ответную реакцию. В публицистике исследуемых авторов на коротком отрезке текста чаще всего сходятся такие средства

негативной оценки, как ярлыки, просторечие, жаргонизмы и негативно-оценочная лексика:

– Он сначала в правительстве работал, потом долго был **„серым кардиналом“** в экономике, **„на отстое“** у президента — советником. Он автор нацпроектов вместе с Кудриным, **щемил олигархов, хотел отжать** у них сверхприбыли — примерно полтриллиона рублей на нацпроекты. Они все время против него **пыхтели**. И вдруг из **„серого кардинала“** превращается в **белого** (А. Угланов. АН № 3 (697), 29.01.2020);

– Мы, например, на своих плечах принесли во власть Егора Гайдара, Чубайса и всю так называемую **„семибанкирщину“**. А революционеры — кто помер давно в нищете, кто-то продолжает **биться с ветряными мельницами**, как Лев Пономарев. У тебя нет чувства повторения событий 30-летней давности? И кого нынешние оппозиционеры **принесут во власть на своих плечах?** (А. Угланов. АН № 33 (677), 28.08.2019);

– Все эти колобродовы, мутко и медведьки были в день приговора ВАДА в Москве, когда Путин улетел в Париж на встречу **„нормандской четверки“** по Украине. Представляете — ему вести переговоры с **удавами, пираниями и тарантулами**, а ему приходит новость, что наших спортсменов **выгнали взашей** с Олимпиады (А. Угланов. АН № 49 (693), 18—24.12.2019).

2. Введение **квазиоппонента**, который, усложняя субъектную организацию текста, провоцирует дополнительную реакцию не только на точку зрения автора, но и на иные:

– Зачем-то **подкованный читатель** спросит: **„А как же страшилка насчет искусственного интеллекта, который будет управлять вначале столичным, а затем и федеральным офисным планктоном? Жуткие заголовки типа „Москвичей отдадут в жертву ИИ“?“** (А. Чуйков. АН № 21 (715), 03.06.2020);

– **„Бред и чепуха! — воскликнет в этом месте простой российский гражданин Сергей Юрьевич Беляков, который любит разговаривать с телевизором. — Зачем им знать обо мне? Тем более они наши враги, а посконные и домотканые сервера хранятся на родимой земле-матушке. Ни шагу байту и биты за кордон. Так когда-то говорил Заратустра, так сейчас говорит канал „Россия““** (Там же);

– **Есть программы „Сколтех“ и высшей школы экономики, которые вместе с РАНХ г-на Мау выступают главными апологетами следования курсу „всего цивилизованного мира во главе с США“... Сообщество «мяу» и их последователи преподносят**

цифровизацию как некое благо, как неизбежный и прогрессивный путь развития человечества. Самое загадочное, что, когда их спрашивают: „Откуда вы это взяли?“, звучит ответ: „Это все знают! Это истина!“ Значит: „шагай, ослик, за морковкой!“ (А. Чуйков. АН № 21 (715), 03.06.2020).

3. **Ай-стопперы** — нестандартные средства привлечения внимания и одновременно активизации читательской реакции:

– Себя они также называют ведущим экспортером зерновых из нашей страны. **Бинго!** На неизвестно кому в реальности принадлежащих российских землях выращиваются в том числе и пшеница, ячмень, кукуруза. А хранится и транспортируется транснационалами (А. Чуйков. АН № 49 (743), 16.12.2020);

– Вторая задача: „совершение технологического прорыва“ — вообще за гранью! Это не развитие своих исследований и разработок, а обучение студентов, „способных отбирать и развивать передовые технологии с глобального рынка“. **Следите за руками наперсточников** — не сделать свое, а развить чужое (А. Чуйков. АН № 26 (720), 08.07.2020);

– Все это по приказу суверенного Российского государства добровольно-принудительно сдаем в МФЦ в госучреждениях, в загсах, на сайте госуслуг, в социальных сетях, магазинах и банках, на транспорте, при регистрации поездок, при переписях населения и т. д. **Везде! Все! Всегда!** (А. Чуйков. АН № 21 (715), 03.06. 2020).

Другие текстовые стимулы читательской реакции встречаются у этих авторов реже. К ним можно отнести стимул-загадку, стимул читательского ожидания, намеки и некоторые иные приемы текстообразования, ср., например:

● **Стимул-загадка:** С землей же все страньше и страньше (А. Чуйков. АН № 49 (743), 16.12.2020).

● **Стимул — читательское ожидание:** Та самая ВШЭ, которая была создана, что не скрывается, на гранты Всемирного банка. Вам до сих пор смешно? **Скоро обхохочетесь!** (А. Чуйков. АН № 21 (715), 03.06. 2020).

● **Стимул — намек на тайну,** которая скоро будет раскрыта: **Приоткрыть занавес над византийскими тайнами Кремля главному редактору „АН“ Андрею Угланову поможет экономист и политолог Михаил Делягин** (А. Угланов. АН № 3 (697), 29.01. 2020).

В настоящее время можно говорить о целом ряде динамических процессов, связанных с текстообразованием в публицистике. Это аксиологическая многовекторность и расширение жанрового корпуса, появление

большого количества модификаций той или иной канонической формы. Это стремительный переход от линейного текста к дискретному как отражение клипового мышления. Это резкое увеличение манипулятивного компонента и интертекстуальности текстовой ткани. К указанным процессам относится и высокая степень реактивности текста, предполагающая стимуляцию фидбэков. Думается, что дальнейшее исследование динамических процессов в современной публицистике позволит обобщить ее стилеобразующие черты, как это было сделано для СМИ советского периода, а также для СМИ перестроечной и постперестроечной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / А. В. Арнольд. — Ленинград : Просвещение, 1981. — 295 с. — Текст : непосредственный.
2. Бахтин, М. М. Из архивных записок к «Проблеме речевых жанров» // Собр. соч. В 7 т. Т. 5 / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 1996. — С. 207—286. — Текст : непосредственный.
3. Борзова, К. С. Внедрение интернет-сервисов в современный урок иностранного языка / К. С. Борзова. — Текст : непосредственный // Учитель создает нацию : сборник материалов III Междунар. науч.-практ. конф. — Грозный : Чечен. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 174—179.
4. Васильева, А. Н. Газетно-публицистический стиль речи / А. Н. Васильева. — Москва : Русский язык, 1982. — 198 с. — Текст : непосредственный.
5. Вепрева, И. Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Вепрева И. Т. — Екатеринбург, 2003. — 45 с. — Текст : непосредственный.
6. Гуцко, И. Н. Плюсы и минусы сетературы / И. Н. Гуцко, Ю. В. Лис. — Текст : непосредственный // Языковые процессы в эпоху глобализации : материалы междунар. науч. семинара. — Москва : Моск. пед. гос. ун-т, 2016. — С. 57—60.
7. Дианова, Л. П. Культура в транспозиции: отзыв на статью У. М. Бахтиреевой, О. А. Валиковой и Ж. Кинг «Транслингвизм: коммуникативный мост или „культурная бомба“?» / Л. П. Дианова. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. — 2017. — Т. 14. — № 3. — С. 521—525.
8. Дюбуа, Ж. Общая риторика / Ж. Дюбуа. — Москва : Прогресс, 1986. — Текст : непосредственный.
9. Завалишина, Л. В. Основные признаки эффективного преподавания в педагогике ФРГ / Л. В. Завалишина. — Текст : непосредственный // Наука и школа. — 2013. — № 5. — С. 34—37.
10. Завалишина, Л. В. Практическая реализация телесных компетенций в коммуникативной педагогике ФРГ / Л. В. Завалишина. — Текст : непосредственный // Наука и школа. — 2015. — № 6. — С. 120—125.
11. Зарецкая, Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. — Москва : Дело, 1998. — 480 с. — Текст : непосредственный.
12. Иссерс, О. С. Ценностные оценки молодежи в оценке современной речи / О. С. Иссерс. — Текст : непосредственный // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. — Екатеринбург : УрФУ, 2019. — С. 26—27.
13. Казаков, В. И. Управление репутацией стоматологической клиники / В. И. Казаков. — Текст : непосредственный // Dental Magazine. — 2017. — № 5 (161). — С. 62—64.
14. Карпова, М. А. Фидбэк как цель и инструмент воплощения целей интернет-пользователя / М. А. Карпова. — Текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. — Москва : Науч.-изд. центр Академии естествознания, 2014. — № 6-2. — С. 114.

15. Касаткин, С. Ф. Техника обратной связи в аудитории / С. Ф. Касаткин. — Текст : непосредственный // Новые знания. — Москва : Общество «Знание», 2002. — № 4. — С. 31—35.

16. Кронгауз, М. Слова ненависти заменяют аргументы / М. Кронгауз. — URL: <https://maxpark.com/community/5652/content/3129729>. — Текст : электронный.

17. Куницына, В. Н. Межличностное общение / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 544 с. — Текст : непосредственный.

18. Майданова, Л. М. Средства выразительного письма / Л. М. Майданова. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2009. — 284 с. — Текст : непосредственный.

19. Михальская, А. К. Основы риторики: мысль и слово / А. К. Михальская. — Москва : Просвещение, 1996. — 416 с. — Текст : непосредственный.

20. Садова, Т. С. Метаязыковая рефлексия современных российских СМИ: по-русски говоря / Т. С. Садова. — Текст : непосредственный // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития. — Ереван : ЕГУ, 2019. — С. 128—132.

21. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — Москва : Аспект-Пресс, 1999. — 334 с. — Текст : непосредственный.

22. Cambridge Dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 01.12.2020). — Text : electronic.

N. B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

N. N. Koshkarova

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

E-mail: verbalis@mail.ru; nkoshka@rambler.ru.

Feedbacks in Print Media Discourse

ABSTRACT. *The article deals with the phenomenon of feedback which is one of the axiological priorities of any sphere of human activity and is represented in various types of discourse, including print media discourse. Based on the materials of the publications by well-known journalists A. Uglanov and A. Chuykov (“Argumenty Nedeli” 2019-2020), the authors of the article explore the phenomenon of feedback and, as a result, reveal the exotextual and endotextual reactions to the problems raised by the print media also as a process which finally activates the readers’ response. The repertoire of responses associated with a certain text can be differentiated by singling out endotextual and exotextual ones. The former include actions or utterances of third parties in response to the publication. The latter embrace endotextual answers-responses to quotations (other person’s utterances). In addition, we can come across autoreponses and fictitious responses in the form of parody. The main forms of introduction of responses into the text of a publication are direct, reported and free indirect speech. In their turn, the means and ways of feedback activation can be differentiated by singling out lexical, syntactical and textual stimuli provoking endotextual or exotextual response. The lexical means include labels, low colloquialisms and vulgarisms, jargonisms and slangisms, as well as meta-operators tending to the semantic field “speech” and activating a response of the recipient. The syntactic ways of formation of the readers’ response incorporate various kinds of questions and, first of all, open question, objectivization and dubitation, as well as sermocination – a figure of style originating from heuristic dialogue. According to the authors of the article, the textual ways of the readers’ response activation may comprise modeling emotiogenic situations, introduction of quasi-opponent and use of eye stoppers – non-standard means attracting attention and simultaneously activating the readers’ response. All this shows that the modern publicistic text possesses such a specific feature as high reactivity, presupposing both response to “another person’s voice” and the author’s stimulation of feedbacks.*

KEYWORDS: *political discourse; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; mass media language; linguistic means; Russian mass media; feedback; feedback phenomenon; lexical means; syntactic means; textual means of stimulus formation.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Ruzhentseva Natal’ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Koshkarova Natal’ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Political Sciences and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Relations, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Ruzhentseva, N. B. Feedbacks in Print Media Discourse / N. B. Ruzhentseva, N. N. Koshkarova // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 10-20. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_01.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) Grant № 19-012-00465/19 “Linguopolitical Personology: A Discursive Turn”.*

REFERENCES

1. Arnol'd, I. V. Stylistics of the Modern English Language / A. V. Arnol'd. — Leningrad : Education, 1981. — 295 p. — Text : unmediated. [Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka / A. V. Arnol'd. — Leningrad : Prosveshchenie, 1981. — 295 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Bakhtin, M. M. From Archival Notes to the "Problem of Speech Genres" // Works. In 7 volumes. Vol. 5 / M. M. Bakhtin. — Moscow : Russian Dictionaries, 1996. — P. 207—286. — Text : unmediated. [Iz arkhivnykh zapisok k «Probleme rechevykh zhanrov» // Sobr. soch. V 7 t. T. 5 / M. M. Bakhtin. — Moskva : Russkie slovari, 1996. — S. 207—286. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Borzova, K. S. Implementation of Internet Services in a Modern Foreign Language Lesson / K. S. Borzova. — Text : unmediated // Teacher Creates a Nation: Collection of Materials of III Intern. scientific-practical conf. — Grozny : Chechnya State Ped. Univ., 2018. — P. 174—179. [Vnedrenie internet-servisov v sovremenny urok inostrannogo yazyka / K. S. Borzova. — Tekst : neposredstvennyy // Uchitel' sozdaet natsiyu : sbornik materialov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Grozny : Chechen. gos. ped. un-t, 2018. — S. 174—179]. — (In Rus.)
4. Vasilieva, A. N. Newspaper-publicistic Style of Speech / A. N. Vasilieva. — Moscow : Russian Language, 1982. — 198 p. — Text : unmediated. [Gazetno-publitsisticheskiy stil' rechi / A. N. Vasilieva. — Moskva : Russkiy yazyk, 1982. — 198 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Vepreva, I. T. Metalanguage Reflection in Functional-typological Aspect : synopsis of doctoral thesis ... of Dr. of Philol. sciences / Vepreva I. T. — Ekaterinburg, 2003. — 45 p. — Text : unmediated. [Metazykovaya refleksiya v funktsional'notipologicheskoy osveshchenii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / Vepreva I. T. — Ekaterinburg, 2003. — 45 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Gutsko, I. N. Pros and Cons of Net-literature / I. N. Gutsko, Yu. V. Lis. — Text : unmediated // Language Processes in the Era of Globalization: Materials of the International Scientific Seminar. — Moscow : Mosk. Ped. State Univ., 2016. — P. 57—60. [Plyusy i minusy seteratury / I. N. Gutsko, Yu. V. Lis. — Tekst : neposredstvennyy // Yazykovye protsessy v epokhu globalizatsii : materialy mezhdunar. nauch. seminar. — Moskva : Mosk. ped. gos. un-t, 2016. — S. 57—60]. — (In Rus.)
7. Dianova, L. P. Culture in Transposition: a Response to the Article by U. M. Bakhtikireeva, O. A. Valikova and J. King "Translingualism: a Communicative Bridge or a 'Cultural Bomb'?" / L. P. Dianova. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Ser.: Educational issues: languages and specialty. — 2017. — Vol. 14. — No. 3. — P. 521—525. [Kul'tura v transpozitsii: otzyv na stat'yu U. M. Bakhtikireevoy, O. A. Valikovoy i Zh. King «Translingvizm: kommunikativnyy most ili „kul'turnaya bomba“?» / L. P. Dianova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RUDN. Ser.: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. — 2017. — T. 14. — № 3. — S. 521—525]. — (In Rus.)
8. Dyubua, Zh. General Rhetoric / J. Dubois. — Moscow : Progress, 1986. — Text : unmediated. [Obshchaya ritorika / Zh. Dyubua. — Moskva : Progress, 1986. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Zavalishina, L. V. The Main Features of Effective Teaching in Pedagogy in Germany / L. V. Zavalishina. — Text : unmediated // Science and School. — 2013. — No. 5. — P. 34—37. [Osnovnye priznaki effektivnogo prepodavaniya v pedagogike FRG / L. V. Zavalishina. — Tekst : neposredstvennyy // Nauka i shkola. — 2013. — № 5. — S. 34—37]. — (In Rus.)
10. Zavalishina, L. V. Practical Implementation of Bodily Competencies in Communicative Pedagogy in Germany / L. V. Zavalishina. — Text : unmediated // Science and School. — 2015. — No. 6. — P. 120—125. [Prakticheskaya realizatsiya telesnykh kompetentsiy v kommunikativnoy pedagogike FRG / L. V. Zavalishina. — Tekst : neposredstvennyy // Nauka i shkola. — 2015. — № 6. — S. 120—125]. — (In Rus.)
11. Zaretskaya, E. N. Rhetoric: Theory and Practice of Speech Communication / E. N. Zaretskaya. — Moscow : Delo, 1998. — 480 p. — Text : unmediated. [Ritorika: teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii / E. N. Zaretskaya. — Moskva : Delo, 1998. — 480 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Issers, O. S. Valuable Assessments of Youth in the Assessment of Modern Speech / O. S. Issers. — Text : unmediated // Axiological Aspects of Modern Philological Research. — Ekaterinburg : UrFU, 2019. — P. 26—27. [Tsennostnye otsenki molodezhi v otsenke sovremennoy rechi / O. S. Issers. — Tekst : neposredstvennyy // Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy. — Ekaterinburg : UrFU, 2019. — S. 26—27]. — (In Rus.)
13. Kazakov, V. I. Reputation Management of a Dental Clinic / V. I. Kazakov. — Text : unmediated // Dental Magazine. — 2017. — No. 5 (161). — P. 62—64. [Upravlenie reputatsiyey stomatologicheskoy kliniki / V. I. Kazakov. — Tekst : neposredstvennyy // Dental Magazine. — 2017. — № 5 (161). — S. 62—64]. — (In Rus.)
14. Karpova, M. A. Fidback as a Goal and Tool for Implementing the Goals of an Internet User / M.A. Karpova. — Text : unmediated // International Journal of Experimental Education. — Moscow : Scientific-ed. Center of the Academy of Natural Sciences, 2014. — No. 6-2. — P. 114. [Fidbek kak tsel' i instrument voploshcheniya tseley internet-pol'zovatelya / M. A. Karpova. — Tekst : neposredstvennyy // Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. — Moskva : Nauch.-izd. tsentr Akademii estestvoznaniya, 2014. — № 6-2. — S. 114]. — (In Rus.)
15. Kasatkin, S. F. Feedback Technique in the Audience / S. F. Kasatkin. — Text : unmediated // New Knowledge. — Moscow : Society "Knowledge", 2002. — No. 4. — P. 31—35. [Tekhnika obratnoy svyazi v auditorii / S. F. Kasatkin. — Tekst : neposredstvennyy // Novye znaniya. — Moskva : Obshchestvo «Znanie», 2002. — № 4. — S. 31—35]. — (In Rus.)
16. Krongauz, M. Words of Hatred Replace Arguments / M. Krongauz. [Slova nenavisti zamenyayut argumenty / M. Krongauz]. — URL: <https://maxpark.com/community/5652/content/3129729>. — Text : electronic.
17. Kunitsyna, V. N. Interpersonal Communication / V. N. Kunitsyna, N. V. Kazarinova, V. M. Pogolsha. — St. Petersburg : Peter, 2001. — 544 p. — Text : unmediated. [Mezhlichnostnoe obshchenie / V. N. Kunitsyna, N. V. Kazarinova, V. M. Pogolsha. — Sankt-Peterburg : Piter, 2001. — 544 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Maydanova, L. M. Means of Expressive Writing / L. M. Maydanova. — Ekaterinburg : Humanitarian University, 2009. — 284 p. — Text : unmediated. [Sredstva vyrazitel'nogo pis'ma / L. M. Maydanova. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy un-t, 2009. — 284 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Mikhail'skaya, A. K. Foundations of Rhetoric: Thought and Word / A. K. Mikhail'skaya. — Moscow : Education, 1996. — 416 p. — Text : unmediated. [Osnovy ritoriki: mysl' i slovo / A. K. Mikhail'skaya. — Moskva : Prosveshchenie, 1996. — 416 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
20. Sadova, T. S. Metalanguage Reflection of Modern Russian Media: Speaking Russian / T. S. Sadova. — Text : unmediated // Russian Studies in the XXI century: trends and directions of development. — Yerevan : YSU, 2019. — P. 128—132. [Metazykovaya refleksiya sovremennykh rossiyskikh SMI: po-russki govorya / T. S. Sadova. — Tekst : neposredstvennyy // Rusistika v KhKhI veke: tendentsii i napravleniya razvitiya. — Erevan : EGU, 2019. — S. 128—132]. — (In Rus.)
21. Tomashevskiy, B. V. Theory of Literature. Poetics / B. V. Tomashevskiy. — Moscow : Aspect-Press, 1999. — 334 p. — Text : unmediated. [Teoriya literatury. Poetika / B. V. Tomashevskiy. — Moskva : Aspekt-Press, 1999. — 334 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
22. Cambridge Dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 01.12.2020). — Text : electronic.

Т. Ю. ТамерьянСеверо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0532-2538 **E-mail:** tamertu@mail.ru.

Когнитивное моделирование биполярной концептуальной области «толерантность — интолерантность» (по данным опроса среди североосетинской молодежи)

АННОТАЦИЯ. *Репрезентация бинарного пространства «толерантность — интолерантность» в этническом и межэтническом аспектах, представленного ключевыми сопряженными концептами «толерантность» и «интолерантность», осуществлялась посредством опроса групп молодежи, обучающихся в средних специальных и высших учебных заведениях Северной Осетии. Теоретико-методологической основой исследования послужили метод опроса, контекстуального, семантико-когнитивного, концептуального анализа, фреймовый подход и приемы когнитивного и полевого моделирования. Целью статьи является конструирование фрагмента экспликации концептуальной оппозиции «толерантность — интолерантность» в языковом сознании жителей Северной Осетии.*

На базе 7 когнитивных моделей описано информационно-понятийное содержание концепта «толерантность» и эксплицировано его интерпретационное поле; на основе 6 когнитивных моделей, градуированных по шкале интенсификации негативного качества, раскрыт понятийный компонент концепта «интолерантность» и интерпретационное поле с учетом реализации оценочной зоны. Раскрыты представления о субъектах интолерантности (иностранцах, чужаках, представителях другого этноса) в рамках представления энциклопедического поля концептуальной области «толерантность — интолерантность» при помощи позитивных и негативных концептуальных моделей. Выявлены индексы толерантности в российском, североосетинском и югоосетинском обществах в целом и среди российской, североосетинской и югоосетинской молодежи по результатам опроса респондентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *опросы респондентов; молодежь; концепты; толерантность; интолерантность; межкультурная интеракция; фреймы; полевое моделирование; этносы; этнолингвистика; языковое сознание.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета международных отношений, Северо-Осетинский государственный университет; 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46; e-mail: tamertu@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Тамерьян, Т. Ю. Когнитивное моделирование биполярной концептуальной области «толерантность — интолерантность» (по данным опроса среди североосетинской молодежи) / Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 21-32. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_02.*

БЛАГОДАРНОСТИ. *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 20-512-07003.*

ВВЕДЕНИЕ

Глобальной проблемой последних десятилетий является изучение специфических аспектов формирования этнической и межнациональной толерантности в условиях неоднозначного кросс-культурного взаимодействия и поиска подходов к осуществлению интеграционных процессов внутри- и межэтнической консолидации, протекающих на общероссийском и региональном уровнях.

Проблема толерантности в процессе межэтнического взаимодействия, столкновения и неприятия в отношении друг друга представителей разных культур является перманентно актуальной. Практика ее регуляции оказывается более или менее успешной в разные периоды, а эффективность разрешения проблемы этнической интолерантности зависит от каждой конкретной ситуации.

Современный мир столкнулся не только с обострением межгосударственных проблем, но и с усилением межнациональных и межконфессиональных конфликтов, реализуемых через политику экстремизма и акты терроризма.

Угроза экстремизма и терроризма в Северной Осетии — одна из самых опасных проблем современности. Следствием массовых беспорядков, развернувшихся на почве осетино-ингушского этнополитического конфликта во Владикавказе (Орджоникидзе) в 1981 г., а в 1992 г. на территории Пригородного района Северной Осетии, стали многочисленные жертвы со стороны осетинского и ингушского населения. В результате обострения осетино-грузинских отношений и вооруженных столкновений между Грузией и Южной Осетией в конце XX — начале XXI в. на территории Северной Осетии появилось значительное число южных осетин — бе-

© Тамерьян Т. Ю., 2021

женцев. Самым трагическим событием начала XXI в. для Северной Осетии стал террористический акт в школе № 1 города Беслана — захват заложников 1 сентября 2004 г.

В Республике Северная Осетия, кроме осетин, проживает свыше ста национальностей: наиболее многочисленные этнические группы составляют русские, ингуши, армяне, кумыки, грузины, украинцы и чеченцы. В 1992 г. в целях этнокультурного развития и укрепления единства народов России было создано республиканское межнациональное общественное движение «Наша Осетия», объединившее 29 национально-культурных обществ. Это общественное движение способствует гармонизации интересов народов, населяющих республику, поддерживает и сохраняет их культуру, обычаи и языки. Таким образом, акцентируется ценность всех этнических идентичностей в социокультурном пространстве Северной Осетии и проводится двунаправленный курс на толерантное сосуществование благодаря реализации собственной идентичности и интериоризации другой этнической общности на основе понимания и принятия.

За последние годы число мигрантов из Армении, Азербайджана, Таджикистана, Украины и Узбекистана в Северную Осетию резко возросло, что привело к изменению не только социополитической и культурно-языковой ситуации в республике.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена конструированию бинарного пространства этнической толерантности и интолерантности как отражения социополитических процессов, протекающих в контексте меняющейся поликультурной ситуации в Северной Осетии. Данная проблема имеет особую значимость для такого региона, как Северный Кавказ, где велика плотность сосредоточения различных этносов и чрезвычайно актуальны вопросы реализации позитивной интеракции, принятия представителей другой этничности и другой культуры посредством формирования особых социальных конструкторов, обуславливающих позитивную аксиологию и позитивную эмоциональную коннотацию по отношению к «чужой» этнокультуре.

Этническая толерантность означает терпимость к иному образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. Она способствует установлению и сохранению общности с людьми, отличающимися в каком-либо отношении.

Как отражение значимости данного феномена для современности в 1995 г. ЮНЕСКО

была подписана Декларация принципов толерантности, включающих уважение, принятие и правильное понимание многообразия культур, форм и способов их проявлений в целях достижения мира и культурного взаимодействия [Декларация принципов толерантности. ЮНЕСКО. 1995 www].

В психологической науке выделяют естественную толерантность как проявление любознательности и доверчивости в раннем возрасте; моральную толерантность как проявление терпимости индивидом, умение сдерживать эмоции; и нравственную толерантность, предполагающую принятие и доверие. Последний вид толерантности базируется на осознании собственных ценностей и смыслов и включает уважение ценностей и смыслов, значимых для другого [Качмазова, Тамерьян 2017; Тамерьян 2017].

В изысканиях, проводимых в рамках психологических и социологических направлений зарубежными [Triandis, Leung, Villareal, Clack 1985; Berry, Kalin 1995; Gorenburg 1999; Tom van der Meer 2016; Caqueo-Úrizar, Flores, Mena-Chamorro, Matías Irrázaval 2020; Fisher, Zapolski, Wheeler, Arora, Barnes-Najor 2020 etc.] и отечественными исследователями [Лебедева 1998; Солдатова 1998; Выскочил, Лебедева 2002; Лебедева, Татарко 2003; Выскочил 2005; Рыбалко 2012; Ananina, Danilov 2015 и др.], установлено, что позитивная этническая идентичность составляет основу этнической толерантности.

Описание языкового воплощения толерантности как образа сознания русских, а также жителей различных регионов России и отдельных зарубежных стран в контексте проблем, решаемых политической лингвистикой, осуществлено в ряде работ, выполненных в когнитивно-дискурсивном, психолингвистическом, лингвокультурологическом и межкультурном аспектах [Тарасов 1996; Стернин, Шилихина 2001; Воропаева 2007; Растатуева 2008; Аболин 2009; Коноваленко 2009; Ли Же 2009; Богатырева 2010; Матюшина 2017; Ворошилова, Пирожкова, Чудинов 2018; Кучукгузель, Чудинов 2018; Нервная 2018].

В центре нашего исследования — выявление способов вербальной экспликации представлений о возможных векторах этнического взаимодействия в языковом сознании молодежи Северной Осетии методом опроса среди студентов 17—25 лет, обучающихся в вузах Владикавказа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образовательный процесс в республике осуществляется в поликультурной среде, где кроме представителей различных этниче-

ских и субэтнических групп, проживающих в Северной Осетии и на территории РФ, обучаются студенты из стран бывшего СССР, ближнего и дальнего зарубежья. В качестве респондентов привлекалось 100 юношей и девушек. Гендерный критерий не был релевантен для данного исследования.

Когнитивные области *толерантности* и *интолерантности* как сопряженных оппозитивных концептов формируют взаимодействующие пространства, разворачивающиеся вокруг общей идеи, идеала, воплощающего духовную ценность [Воркачёв 2007: 19]. Сопряженные концепты образуют биплярную шкалу в соответствии со специфичной для определенной культуры, социальной, возрастной группы или индивида нормой, существующей в сознании человека [Маслова 2001: 64].

На примере языкового выражения практики межэтнической интеракции *проявляются онтологические связи* единства и борьбы противоположностей, порождающие концептуальное поле оппозитивности, а также демонстрируется функциональное проявление категорий качества и количества посредством установления статуса нормы, нейтрального проявления признака как ориентира для шкалирования. Заметим, что интенсивность и оценка, будучи категориями одного порядка с градуальностью, производны от мерности как основы бытия и пространства [Воротников 2001: 20].

Для выявления информационно-понятийного наполнения и интерпретационных составляющих концептов [Попова, Стернин 2001: 27—30] «толерантность» и «интолерантность» студентам было предложено высказать свои суждения об их содержании, дав ответ на следующие вопросы: 1. *Что вы вкладываете в понятия этнической и межнациональной толерантности?* 2. *Что вы вкладываете в понятия этнической и межнациональной интолерантности?*

Социологический энциклопедический словарь определяет толерантность (англ. *tolerance*; *toleration*; нем. *Toleranz*, от лат. *tolerantia* «терпение») как терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям [СЭС 1998: 370]. Отметим, что термин «толерантность» возник в Европе XVI в., раздираемой теологическими распрями, когда вопросы религиозной нетерпимости накладывались на межнациональные конфликты. Таким образом, понятия толерантности и терпимости взаимосвязаны.

Толерантность предполагает эмоционально выраженную позитивную или нейтральную оценку, готовность к компромиссу

в рамках определенных границ, интолерантность, в свою очередь, выражает агрессивное отношение и неприятие «другого», представителя иной национальности. Терпимость отражает отношения человека, социальной группы, слоя, народа, нации, государства к другим себе подобным общностям, основанные на понимании, уважении, согласии, сопричастности [Кушаев 2014].

Если *толерантность* рассматривается как морально-нравственное качество, то *терпимость* связана с осознанным отказом индивида или группы людей от агрессивной реакции по отношению к чужим верованиям, убеждениям, культуре и языку, с проявлением терпения к чуждым феноменам как с общечеловеческой ценностью.

Анализ высказываний о сущности толерантности (398 ответов респондентов) осуществляется в опоре на прием выделения когнитивных моделей концепта «толерантность»: «*толерантность*» — это «*терпимость/терпение; принятие; понимание; уважение; позитивное отношение; равенство*».

Информационно-понятийная составляющая концепта «толерантность»

Толерантность — это терпимость (70): терпимость; терпимость к другой нации; терпимость к другим нациям; способность человека проявлять терпение к другой нации; терпимость к чужой вере; терпимость, особенно если традиции очень отличаются; терпимость к другим народам, нациям; это проявление терпимости к людям другого вероисповедания; терпимость ко всем народам как внутри определенной территории, так и за ее пределами; терпимость ко всем: такая практика активно проходит в странах Евросоюза.

Толерантность — это терпение (58): способность человека проявлять терпение к малознакомому образу жизни представителей других этнических общностей, их поведению, национальным традициям, обычаям, темпераменту, мнениям, идеям, верованиям и т. д.

Толерантность — это уважение (55): уважение; уважение к другим народам; уважение ко всем этносам; уважительное отношение к нациям; уважение ко всем народам; уважение к людям всех национальностей и рас; уважительное отношение к людям различных культур и народов; уважение к традициям другой нации; уважение к другим этническим, внутриэтническим отличиям; уважение к разным культурам и традициям.

Толерантность — это принятие (51): принятие; принятие другой нации; принятие чужих традиций, религии; принятие

прав людей с иным, отличающимся мировоззрением; принятие всех наций и рас; принимать каждую нацию; принимать людей такими, какие они есть, несмотря на этническую принадлежность.

Толерантность — это понимание (50): понимание этнических особенностей; понимание чужих традиций и ритуалов, религии; понимание, что все люди разные; понимание, что у каждого этноса свой уклад жизни, другой язык.

Толерантность — это позитивное отношение (47): хорошее отношение к другим культурам; хорошее отношение; адекватное отношение к людям различных наций в нашей стране и за ее пределами; отношение без угнетения, унижения, стереотипов; отсутствие негативного отношения; тактичность в отношениях и общении; ненарушение внутренних человеческих границ той или иной национальности или этноса; не перекладывать недостатки и негатив к отдельным представителям нации на всю нацию; не иметь стереотипного мышления по отношению к людям другой нации и т. д.

Толерантность — это равенство (30): равное отношения; когда все равны; равенство всех наций.

Интерпретационное поле концепта «толерантность» выявляется на основе ряда когнитивных признаков.

В качестве условия реализации политики толерантности названо **межэтническое сотрудничество** (22): взаимоуважение; нормальные отношения между людьми разных наций; способность сосуществовать и взаимодействовать с любыми людьми, независимо от какой-либо принадлежности; основа взаимодействия культур разных народов.

Базисом для установления норм толерантности называется **общегуманитарный подход** (9): любовь к человеку; доброта; человечность; гуманизм; согласие и миролюбие.

Определена **цель толерантных отношений** (6): объединение общества, достижение межнационального согласия политическими средствами.

Таким образом, мы можем заключить, что содержание концепта «толерантность» в представлениях североосетинской молодежи моделируется посредством фрейма **позитивное/нейтральное отношение к другому этносу** на основе приводимых ниже субфреймов.

Терпимое/терпеливое отношение к другому этносу. Терпимость/терпение проявляется к другим нациям, их вере, традициям, обычаям, к иному образу жизни, поведению, эмоциональным проявлениям, взглядам.

Уважительное отношение к другому этносу. Уважение означает принятие и почтительное отношение к представителям других этнокультур, к разным культурам и традициям, к этническим отличиям. Условием реализации толерантности выступает **взаимоуважение**.

Отношение к другому этносу на основе принятия и понимания. Принятие факта существования других наций во всей полноте их проявлений, с их традициями, религией, мировоззрением. Понимание значения и значимости чужих традиций и ритуалов, уклада жизни, другого языка.

Межэтническое сотрудничество. Эффективное взаимодействие между нациями возможно при условии признания равенства людей, независимо от расы, национальности или религии, благодаря исповеданию общечеловеческих ценностей.

Интолерантность (от лат. *intolerans*, *-ntis* «нетерпеливый, нелегко переносящий») толкуется как «несклонность к компромиссу; нетерпимость, агрессивность, деструктивность» [СТСРЯ 2000 www]; а также как «понятие, противоположное толерантности, означающее действия, поведение и поступки, препятствующие, подрывающие и разрушающие уважительные, терпимые, солидарные, равные, открытые, бескорыстные взаимоотношения между социальными субъектами, также события и явления, которые имеют такой характер» [Кушаев, Дорошина 2014 www].

Высказывания респондентов (363) позволили установить информационно-понятийное наполнение и интерпретационное поле концепта «интолерантность» с учетом его оценочной зоны, и, кроме того, выделить когнитивные модели его репрезентации: «**интолерантность**» — это «**нетерпимость/нетерпение; отсутствие принятия, понимания, уважения, позитивного отношения, равенства**».

Информационно-понятийная составляющая концепта «интолерантность»

Интолерантность — это нетерпимость/нетерпение/непереносимость (68): нетерпимое отношение к людям других национальностей; нетерпимость к другим нациям; нетерпимость, основанная на уверенности в том, что мое представление об окружающем мире и его устройстве самое верное; когда люди не терпят культуру других, кроме своей; нетерпение к этническим, внутриэтническим и межнациональным отличиям; когда люди разных наций не могут терпеть друг друга; нетерпимость к группам лиц, чье вероисповедание не соответствует вашему; нетерпимость к окружающим; непе-

реносимость; этническая непереносимость; нетерпимость к иностранцам.

Интолерантность — это неприятие/неприязнь (59): неприятие; неприятие чужих особенностей; свойство этнической общности или отдельного его представителя, характеризующееся неприятием или отрицанием культуры, традиций, ценностей, поведенческих и коммуникативных моделей, образа жизни: неприятие менталитета другого этноса; неприязнь к группе лиц, чье мировоззрение не схоже с твоим; неприятие чужих, нероссийских народов; неприязнь к некоторым иностранцам.

Интолерантность — это вражда/конфликт/агрессия/война (52): войны; агрессия; межнациональная агрессия; этническая вражда; агрессивное отношение к чужим традициям; агрессивность в адрес другого, не похожего на него; беспочвенная агрессия; вражеские отношения республик; вражда республик; конфликты; когда ты открыто проявляешь агрессию к другой нации; проявлять агрессию в сторону человека другой национальности; когда народы не уважают друг друга и начинают конфликтовать между собой; в широком смысле, интолерантность подразумевает негативные, агрессивные проявления, направленные против кого-то, чей образ жизни отторгается.

Интолерантность — это дискриминация/расизм/нацизм (36): расизм; нацизм; дискриминация по этническим признакам; расовая ненависть; преследование по отношению к людям, имеющим отличный от твоего образ мыслей/действий; негативные проявления к другому по нации человеку.

Интолерантность — это неуважение (25): неуважение; неуважительное отношение к нациям; неуважение к этносу или нации; когда две нации не уважают друг друга и каждая считает себя лучше другой.

Интолерантность — презрение/пренебрежение (20): презрение; пренебрежительное отношение к чужим этническим принципам; пренебрежение, высокомерие; неприязнь к человеку другой нации.

Интолерантность — негативное отношение (20): негативные отношения между людьми разных наций; плохое отношение; резкое отношение к другим нациям.

Интолерантность — непонимание (16): непонимание другого мировоззрения; непонимание чужих традиций; непонимание чужого поведения.

Интерпретационное поле концепта «интолерантность» сформировано несколькими когнитивными признаками.

Ведущей причиной интолерантности названа **религиозная нетерпимость** (18):

религиозная нетерпимость обернулась для человечества многими бедами и кровопролитиями. Сегодня идея веротерпимости разделяется основными религиозными конфессиями. Также среди причин назван **антигуманитарный подход** к межэтнической интеграции (14): «Когда людям одной нации не хочется жить с людьми другой нации»; «Когда люди настойчиво ищут не то, что их объединяет, а то, что разъединяет»; «нечеловечность»; «Не люблю чужаков и иностранцев».

Следствием интолерантности является **инвективизация речи и невербальная агрессия** (12): обидные слова; надменно-показательное отношение; высмеивание; резкая критика; беспричинные оскорбления; оскорбительные жесты.

Оценочная зона концепта «интолерантность» (15) продемонстрировала неприятие интолерантности как фактора этнической конфликтности: «это зло»; «ненормально»; «негативно, отрицательно»; «Думаю, это плохо»; «Обидно за тех людей, которые попадают в ситуации с угнетением и унижением, пренебрежительным отношением только потому, что у человека, к примеру, цвет кожи другой».

Структурным обобщением эмпирического материала, репрезентирующего содержание концепта «интолерантность» в представлениях североосетинской молодежи, служит фрейм **«негативное отношение к другому этносу»**, включающий приводимые ниже субфреймы, отражающие интенсификацию данного когнитивного признака:

- 1) непонимание другого этноса;
- 2) неуважительное отношение к другому этносу;
- 3) нетерпимое/терпеливое отношение к другому этносу;
- 4) неприязнь к другому этносу;
- 5) проявление дискриминации, расизма или нацизма по отношению к другому этносу;
- 6) проявление вражды, агрессии, конфликтные отношения с другим этносом, военные действия.

Первый этап описания эмпирического материала позволил выявить представления о толерантности и интолерантности в среде североосетинской молодежи. Анализ показал, что вектор негативного отношения направлен к другому народу в том случае, если определенная этническая группа квалифицируется как чужаки, иностранцы или недружественный этнос.

Содержание **энциклопедического поля концептуальной области «толерантность — нетолерантность»** как многоаспектного электронаправленного феномена в онтогене-

зе эксплицируется ответами на следующие вопросы: 1. *Кого вы считаете иностранцами?* 2. *Причисляете ли вы граждан бывшего СССР к иностранцам?*

В процессе анализа нами были установлены когнитивные модели, на основе которых респонденты дефинируют иностранцев (264 ответа). Фрейм «иностранец» составили когнитивные модели, построенные по принципу отрицательных или положительных тождеств.

Негативная когнитивная модель **«гражданин стран СНГ НЕ является иностранцем»** (49): люди из всех стран, кроме СНГ; люди вне СНГ; люди из других стран, кроме стран СНГ; те, кто живет за пределами России, не считая ближайшей страны — Казахстан, Белоруссию и страны Кавказа и Закавказья — Армению, Азербайджан.

Позитивная когнитивная модель **«иностранец — это гражданин другого государства»** (48): гражданин другого государства; гражданин другой страны; человек, который имеет другое гражданство; гражданин, имеющий нероссийское гражданство; тот, у кого нет гражданства РФ; лицо, находящееся на территории государства, гражданином которого он не является; негражданин России; лицо, которое находится на территории государства, гражданином или подданным которого он не является.

Негативная когнитивная модель **«гражданин бывшего СССР НЕ является иностранцем»** (45): жители, не относящихся к странам бывшего СССР; люди, не имевшие отношения к СССР; люди, которые жили за границей СССР; все, кто не входил в СССР; иностранцами я считаю все народы, кроме стран бывшего СССР; жители частично признанных государств: Республики Абхазия и Южная Осетия, независимость которых признана Россией и ещё несколькими странами, а также непризнанных Нагорно-Карабахской Республики и Донецкой Народной Республики.

Позитивная когнитивная модель **«иностранец — это человек, переехавший в другую страну»** (32): мигранты; иммигранты; приезжие из других стран; те, кто приехал из других стран; люди, прибывшие из другой страны.

Позитивная когнитивная модель **«иностранец — это человек, проживающий в другой стране»** (27): человек, живущий за рубежом; люди, живущие за пределами РФ; люди, живущие в других странах; это лица, которые живут за пределами РФ; все, кто проживает за пределами моей страны.

Позитивная когнитивная модель **«иностранец — это человек, рожденный в**

другой стране» (20): те, кто родился за пределами России; я считаю тех, кто не был рожден в РФ, иностранцами; все, кто родился и вырос в других странах.

Негативная когнитивная модель **«иностранец — это человек, НЕ принадлежащий к народам России»** (19): все, кто не проживал исторически на территории Руси и России; этносы и национальности, не входящие в состав нашей страны; для меня иностранец — представитель иного этноса, национальности, не связанный с Россией; некоренное население России.

Негативная когнитивная модель **«иностранец — это человек, НЕ владеющий русским языком»** (15): люди, говорящие на другом языке; люди, человек, не понимающий русского языка; люди, говорящие на иностранных языках; люди, которые не знают моего родного языка (русского); люди, чей язык отличается от моего.

Негативная когнитивная модель **«иностранец — это прибалт/грузин/азербайджанец»** (9): из бывших республик СССР — латвийцы, литовцы и эстонцы; все прибалтийские народы; прибалты; грузины; азербайджанцы.

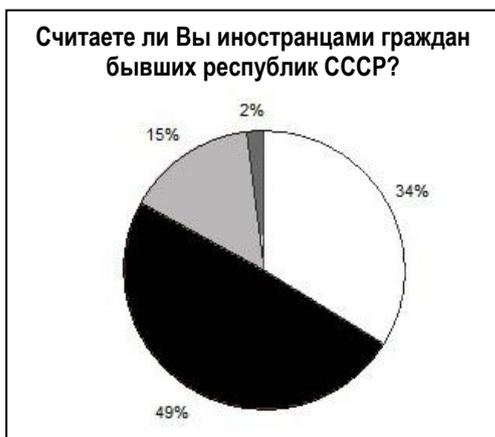
Среди причин отнесения граждан Прибалтики к иностранцам, кроме факта их выхода первыми из состава СССР, присутствует их культурная «инаковость»: из-за отличающейся внешности и сдержанной манеры поведения их называли «иностранцами» советского кино, поскольку роли всех иностранцев в советских фильмах исполняли именно они. Азербайджанская ССР и Грузинская ССР присоединились к странам Балтии еще до официальной ликвидации СССР. Однако основными причинами негативной акцентуации грузин и азербайджанцев респондентами послужили многолетние армяно-азербайджанские и югоосетинско-грузинские конфликты.

Итак, на базе 4 утвердительных и 5 отрицательных моделей репрезентировано содержание представлений об иностранце в языковом сознании североосетинских студентов: *иностранец — это гражданин другого государства; человек, рожденный в другой стране; проживающий в другой стране; приехавший или переехавший из своей в другую страну; не являющийся гражданином стран СНГ или выходцем из стран бывшего СССР; не относится к народам России; не владеет русским языком; возможно, прибалт/грузин/азербайджанец.*

На вопрос о принадлежности иностранцев к гражданам бывших республик СССР отрицательно ответили 49 %, положительно — 34 %, затруднились ответить 15 %

респондентов (см. диаграмму на рис. 1). Другой ответ дали 2 % опрошиваемых:

В современном мире национальность не имеет значения; гордиться своей нацией — значит быть нацистом или глупцом; жители Южной Осетии — это не иностранцы, а жители Украины, Казахстана и другие — иностранцы.

Рис. 1. Принадлежность иностранцев к гражданам бывших республик СССР

Примечания: □ — да; ■ — нет; ■ — затрудняюсь ответить; ■ — другой

С целью получения более объективных показателей при выявлении существующих критериев наличия толерантности на этническом и межнациональном уровнях мы дифференцировали содержание опросника для североосетинских студентов на общие и частные аспекты с учетом гражданской принадлежности, этнической идентичности и возрастной рестриктированности по шкале индексов от 1 до 5 баллов. Молодым людям было предложено проставить индексы толерантности, существующие, по их мнению, в российском, североосетинском и югоосетинском обществах в целом и среди российской, североосетинской и югоосетинской молодежи.

В соответствии с полученными результатами индекс толерантности имеет следующие показатели (см. рис. 2):

- **в российском обществе** — 50 % (34 % — 4 балла, 16 % — 5 баллов), 37 % — 3 балла, 13 % (9 % — 2 балла, 4 % — 1 балл);
- **в североосетинском обществе** — 54 % (27 % — 5 баллов, 27 % — 4 балла), 23 % — 3 балла, 23 % (13 % — 2 балла, 10 % — 1 балл);
- **в югоосетинском обществе** — 51 % (18 % — 5 баллов, 33 % — 4 балла), 25 % — 3 балла, 24 % (14 % — 2 балла, 10 % — 1 балл);

– **в среде российской молодежи** — 51 % (31 % — 4 балла, 20 % — 5 баллов), 35 % — 3 балла, 13 % (9 % — 2 балла, 5 % — 1 балл);

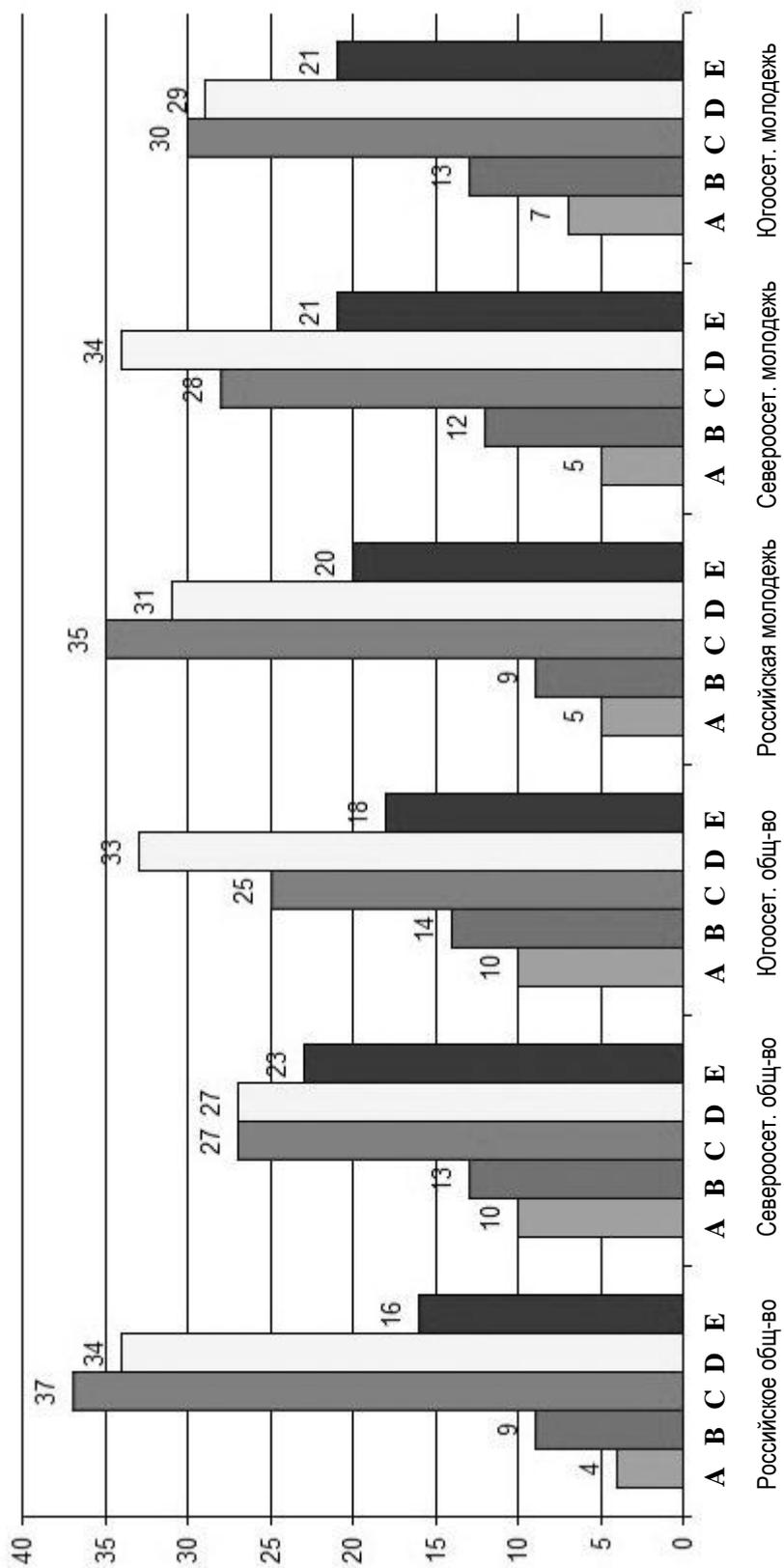
– **в среде североосетинской молодежи** — 55 % (34 % — 4 балла, 21 % — 5 баллов), 28 % — 3 балла, 17 % (12 % — 2 балла, 5 % — 1 балл);

– **в среде югоосетинской молодежи** — 50 % (29 % — 4 балла, 21 % — 5 баллов), 30 % — 3 балла, 20 % (13 % — 2 балла, 7 % — 1 балл).

Как следует из опроса, индекс позитивной оценки варьируется от 50 % до 55 %; нейтральная оценочность колеблется от 37 % до 23 %; показатели интолерантности составили от 24 % до 13 %. Самый высокий индекс толерантности по данным позитивной и нейтральной оценочности выявлен в российском обществе в целом — 87 % и среди российской молодежи — 86 %; вторую позицию занимает североосетинское общество в целом — 77 % и североосетинская молодежь — 83 %; и наименьший индекс толерантности установлен в югоосетинском обществе в целом — 76 % и среди югоосетинской молодежи — 80 %. Наибольший процент нетерпимости на этническом и межнациональном уровнях выявлен в югоосетинской среде, несколько меньший — в североосетинской, что обусловлено конфликтами и социополитическими событиями, рассмотренными выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, отметим, что полученные в ходе опросов респондентов результаты свидетельствуют о восприятии этнической и межнациональной толерантности как совокупности социальных конструктов, формирование которых обуславливает создание позитивных коннотаций в процессе взаимодействия, в противовес интолерантности как противодействию инаковости. Осуществление принципов толерантности требует от индивида и общества в целом наличия внутренней культуры, нравственности и общечеловеческой морали, что полностью соответствует Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО [Декларация принципов толерантности. ЮНЕСКО 1998 www; Солдатова, Шайгерова, Шарова 2000]. Предпринятый анализ конструирования концептуального поля толерантности и интолерантности как социокультурного процесса в контексте противодействия межэтническим конфликтам и агрессии осуществлен с учетом многообразия мирового опыта в рамках ситуации на Северном Кавказе и в Закавказье.

Рис. 2. Сводная диаграмма индексов толерантности

Примечания: А — шкала 1; В — шкала 2; С — шкала 3; D — шкала 4; E — шкала 5

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболин, Б. И. Концепт «толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте : автореф. ... канд. филол. наук / Аболин Б. И. — Екатеринбург, 2009. — 21 с. — Текст : непосредственный.
2. Богатырева, С. Н. Диахронический аспект концепта *толерантность* в разных лингвокультурах (на материале испанского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Богатырева С. Н. — Пятигорск, 2010. — 31 с. — Текст : непосредственный.
3. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2007. — Т. 66. — № 2. — С. 13—22.
4. Воропаева, В. А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воропаева В. А. — Москва, 2007. — 24 с. — Текст : непосредственный.
5. Воротников, Ю. Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка / Ю. Л. Воротников. — Москва : Азбуковник, 2011. — Текст : непосредственный.
6. Воршилова, М. Б. Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация (опыт межкультурного взаимопонимания) / М. Б. Воршилова, И. С. Пирожкова, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 5 (71). — С. 166—174.
7. Высокчил, А. А. Кросс-культурное исследование этнической идентичности и этнической толерантности в поликультурном регионе (на примере северного Башкортостана) / А. А. Высокчил, Н. М. Лебедева. — Текст : непосредственный // Прикладная психология. — 2002. — № 2. — С. 33—44.
8. Декларация принципов толерантности. ЮНЕСКО. — 1995. — URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 07.01.2021).—Текст : электронный.
9. Жмырова, Е. Ю. О понятии «толерантность» и ее видах / Е. Ю. Жмырова. — Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского государственного технического университета. — 2006. — Т. 12. — № 4Б. — С. 1265—1269.
10. Качмазова, А. У. Этническое пространство стереотипизации «свои-чужие-свои» / А. У. Качмазова, Т. Ю. Тамерьян. — Владикавказ : СОГУ, 2017. — Текст : непосредственный.
11. Коноваленко, И. В. Интолерантная языковая личность / И. В. Коноваленко. — Текст : электронный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2009. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intolerantna-ya-yazykovaya-lichnost> (дата обращения: 26.11.2020).
12. Кучукгузель, М. М. Представление национальной культуры США и религии в учебниках английского языка «Школы завтрашнего дня» / М. М. Кучукгузель, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Педагогического образование в России. — 2018. — № 3. — С. 40—47.
13. Кушаев, У. Р. Толерантность : энциклопедический словарь / У. Р. Кушаев, И. Г. Дорошина. — Пенза : Социосфера, 2014. — URL: <http://sociosfera.com/tolerantnost/>. — Текст : электронный.
14. Ли, Же. Толерантность / Ли Же. — Текст : непосредственный // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2009. — Т. 7. — С. 70—79.
15. Лебедева, Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н. М. Лебедева. — Текст : непосредственный. — Москва : Старый сад, 1998.
16. Лебедева, Н. М. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. — Текст : непосредственный // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. — № 5. — С. 31—45.
17. Матюшина, В. В. Ассоциативное поле ценности «толерантность» как один из инструментов описания образа сознания носителей русского языка / В. В. Матюшина. — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 31. — С. 174—187.
18. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — Текст : непосредственный.
19. Неровная, Н. А. Содержание концепта «толерантность» в английском языковом сознании: динамический аспект / Н. А. Неровная. — Текст : непосредственный // Вестник Вол-гоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 2. — С. 126—133. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.14>.
20. Попова, З. Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Текст : непосредственный // Культура общения и ее формирование. — Воронеж, 2001. — Вып. 8. — С. 27—30.
21. Растатуева, С. Г. Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Растатуева С. Г. — Елец, 2008. — 19 с. — Текст : непосредственный.
22. Рыбалко, Е. Е. Толерантность как феномен культуры: к истории вопроса / Е. Е. Рыбалко. — Текст : электронный // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-kak-fenomen-kultury-k-istorii-voprosa> (дата обращения: 07.01.2021).
23. СТСРЯ = Современный толковый словарь русского языка Ефремовой : в 3 т. // Словари и энциклопедии на Академике. — Москва : Русский язык, 2000. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/275407>. — Текст : электронный.
24. Солдатова, Г. У. Жить в мире с собой и другими. Тренинг толерантности для подростков / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, О. Д. Шарова. — Москва : Генезис, 2000. — URL: <http://www.tolerance.ru/Git-v-mire.php?PrPage=Master>. — Текст : электронный
25. СЭС = Социологический энциклопедический словарь. — Москва : Издательская группа «ИНФРА», 1998. — Текст : непосредственный
26. Стернин, И. А. Коммуникативные аспекты толерантности / И. А. Стернин, К. М. Шилихина. — Воронеж : ВГУ, 2001. — Текст : непосредственный.
27. Тамерьян, Т. Ю. Межкультурное взаимодействие в полиязычном пространстве региона / Т. Ю. Тамерьян. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 24—32.
28. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов. — Текст : непосредственный // Этнокультурная специфика языкового сознания. — Москва : ИЯ РАН, 1996. — С. 7—22.
29. Ananina, V. Ethnic Tolerance Formation Among Students of Russian Universities: Current State, Problems, and Perspectives / V. Ananina, D. Danilov. — Text : unmediated // Procedia — Social and Behavioral Science. — 2015. — Vol. 214. — P. 487—496. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.746>.
30. Berry, J. W. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey / J. W. Berry, R. Kalin. — Text : unmediated // Canadian Journal of Behavioural Science. — 1995. — № 27 (3). — P. 301—320.
31. Caqueo-Urizar, A. Ethnic identity and life satisfaction in indigenous adolescents: The mediating role of resilience/ A. Caqueo-Urizar, J. Flores, P. Mena-Chamorro, A. Urzúa, M. Irazábal. — Text : unmediated // Children and Youth Services Review. — 2020. — Vol. 120. — P. 105812. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105812>.
32. Fisher, S. Multigroup Ethnic Identity Measurement invariance across adolescence and diverse ethnic groups / S. Fisher, T. B. Zapolski, L. Wheeler, P. G. Arora, J. Barnes-Najor. — Text : unmediated // Journal of Adolescence. — 2020. — Vol. 83. — P. 42—51. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2020.07.006>.
33. Gorenburg, D. Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back / D. Gorenburg. — Text : unmediated // Ethnic and Racial Studies. — 1999. — № 22 (3).—P. 554—580. — DOI 10.1080/014198799329422.
34. Meer, T. van der. Neither bridging nor bonding: A test of socialization effects by ethnically diverse voluntary associations on participants' inter-ethnic tolerance, inter-ethnic trust and intra-ethnic belonging / T. van der Meer. — Text : unmediated // Social Science Research. — 2016. — Vol. 55. — P. 63—74. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.09.005>.
35. Triandis, H. C. Allocentric versus idiocentric tendencies: Convergent and discriminant validation / H. C. Triandis, K. Leung, M. J. Villareal, F. L. Clack. — Text : unmediated // Journal of Research in Personality. — 1985. — № 19 (4). — P. 395—415. — DOI [https://doi.org/10.1016/0092-6566\(85\)90008-X](https://doi.org/10.1016/0092-6566(85)90008-X).

T. Yu. Tameryan

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

ORCID ID: 0000-0003-0532-2538

 E-mail: tamertu@mail.ru.

Cognitive Modeling of the Bipolar Conceptual Area “Tolerance-Intolerance” (According to the North Ossetian Youth Interviews Survey)

ABSTRACT. *The binary space “tolerance-intolerance” representation in ethnic and interethnic aspects, expressed by the corresponding key concepts “tolerance” and “intolerance” was carried out through interviewing young people studying in vocational schools and higher education institutions of North Ossetia. The method of interview, of contextual, semantic-cognitive and conceptual analysis, the frame study approach and the techniques of cognitive and field modeling make up the theoretical and methodological foundation of this study. The article aims to construct a fragment of explication of the conceptual opposition “tolerance-intolerance” in the linguistic consciousness of the people of North Ossetia.*

On the basis of 7 cognitive models, the article describes the information-cognitive content of the concept “tolerance” and explicates its interpretation field; on the basis of 6 cognitive models, graded according to the scale of the negative quality intensification, the authors describe the cognitive component of the concept “intolerance” and its interpretation field, taking into account the realization of evaluation zone. The study identifies the subjects of intolerance (foreigners, strangers, representatives of other ethnic groups) within the framework of representation of the encyclopedic field of the conceptual area “tolerance — intolerance” by using positive and negative cognitive models. The indices of tolerance are calculated for the Russian, North Ossetian and South Ossetian societies in general and among the Russian, North Ossetian and South Ossetian youth according to the results of the respondents’ interviews.

KEYWORDS: : respondent interviews; youth; concepts; tolerance; intolerance; cultural interaction; frames; field modeling; ethnoses; ethnolinguistics; linguistic consciousness.

AUTHOR’S INFORMATION: *Tameryan Tat’yana Yul’evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Specialties of the Faculty of Foreign Languages, North Ossetian State University; Vladikavkaz, Russia.*

FOR CITATION: *Tameryan, T. Yu. Cognitive Modeling of the Bipolar Conceptual Area “Tolerance-Intolerance” (According to the North Ossetian Youth Interviews Survey) / T. Yu. Tameryan // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 21-32. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_02.*

ACKNOWLEDGMENTS. The Study is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Ministry of Education and Science of South Ossetia, Project № 20-512-07003.

REFERENCES

1. Abolin B. I. The concept of “tolerance” in the cognitive-discursive aspect / B. I. Abolin. — Text : unmediated. Thesis dis ... candidate of philol. sciences. Ekaterinburg. — 2009. — 21 p. [Abolin B.I. Kontsept «tolerantnost’» v kognitivno-diskursivnom aspekte / B.I. Abolin. — Tekst: neposredstvennyy. Avtoref. ... kand. filol. nauk. — Yekaterinburg. — 2009. — 21 s.]. — (In Rus.)
2. Bogatyreva S. N. Diachronic aspect of the concept of tolerance in different linguocultures (based on the Spanish and Russian languages) / S. N. Bogatyrev. — Text : unmediated. Thesis dis. ... cand. philol. sciences. — Pyatigorsk. — 2010. — 31 p. [Bogatyreva S. N. Diachronicheskiy aspekt kontsepta tolerantnost’ v raznykh lingvokul’turakh (na materiale ispanskogo i russkogo yazykov) / S.N. Bogatyreva. — Tekst: neposredstvennyy. Avtoref. dis...kand. filol. nauk. — Pyatigorsk. — 2010. — 31 s.]. — (In Rus.)
3. Vorkachev S. G. Linguocultural conceptology: formation and prospects / S. G. Vorkachev. — Text : unmediated // News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series. — 2007. — V. 66. — № 2. — P. 13—22. [Vorkachev S. G. Lingvokul’turnaya kontseptologiya: stanovleniye i perspektivy / S.G. Vorkachev. — Tekst: neposredstvennyy//Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. — 2007. — T. 66. — № 2. — S. 13—22.]. — (In Rus.)
4. Voropaeva V. A. Comparative characteristics of English, German and Russian paremiias and phraseological units expressing tolerance / V. A. Voropaeva. — Text : unmediated. Thesis dis. ... cand. philol. sciences. — Moscow, 2007. — 24 p. [Voropayeva V. A. Sopostavitel’naya kharakteristika angliyskikh, nemetskikh i russkikh paremiy i frazeologizmov, vyrazhayushchikh tolerantnost’. / V. A. Voropayeva. — Tekst: neposredstvennyy. Avtoref. dis...kand. filol. nauk. — Moskva, 2007. — 24 s.]. — (In Rus.)
5. Vorotnikov Yu. L. Category measures of the attribute in the semantic structure of the Russian language / Yu. L. Vorotnikov. — Text : unmediated. M.: Publishing Center “Azbukovnik”. — 2011. [Vorotnikov Yu. L. Kategoriyamery priznaka v smyslovom stroye russkogo yazyka / Yu. L. Vorotnikov. — Tekst : neposredstvennyy — M.: Izdatel’skiy tsentr «Azbukovnik». — 2011.]. — (In Rus.)
6. Voroshilova M. B. Learning to understand Russia: political and mass media communication (the experience of intercultural understanding) / M. B. Voroshilova, I. S. Pirozhkova, A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2018. — № 5 (71). — P. 166—174 [Voroshilova M. B. Uchimsya ponimat’ Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya (opyt mezhkul’turnogo vzaimoponimaniya) / M. B. Voroshilova, I. S. Pirozhkova, A. P. Chudinov. — Tekst: neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2018. — № 5 (71). — S. 166—174.]. — (In Rus.)
7. Vyskochil A. A. Cross-cultural study of ethnic identity and ethnic tolerance in a multicultural region (on the example of northern Bashkortostan) / A. A. Vyskochil, N. M. Lebedeva. — Text : unmediated // Applied psychology. — 2002. — № 2. — P. 33—44 [Vyskochil A. A. Kross-kul’turnoye issledovaniye etnicheskoy identichnosti i etnicheskoy tolerantnosti v polikul’turnom regione (na primere severnogo Bashkortostana) / A. A. Vyskochil, N. M. Lebedeva. — Tekst : neposredstvennyy // Prikladnaya psikhologiya. — 2002. — № 2. — S. 33—44.]. — (In Rus.)
8. Declaration of principles of tolerance. UNESCO. — Text: electronic. — 1995. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (date of access: 07.01.2021) [Deklaratsiya printsipov tolerantnosti. YUNESKO. — Tekst: elektronnyy. — 1995. — (In Rus.)
9. Zhmyrova E. Yu. On the concept of “tolerance” and its types. / E. Yu Zhmyrova. — Text : unmediated // Bulletin of the

- Tambov State Technical University. — 2006. — V. 12. — № 4B. — P. 1265—1269 [Zhmyrova Ye. Yu. O ponyatii «tolerantnost» i yeye vidakh Tekst: neposredstvennyy / Ye.Yu Zhmyrova. — Tekst: neposredstvennyy // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. —2006.— T. 12. — № 4B. — S. 1265-1269]. — (In Rus.)
10. Kachmazova A. U. Ethnic space of stereotyping “ours-foes-ours” / A. U. Kachmazova, T. Yu. Tameryan. Text : unmediated. — Vladikavkaz : SOGU. —2017 [Kachmazova A. U. Etnicheskoye prostranstvo stereotipizatsii «svoi-chuzhiye-svoi»/ A.U. Kachmazova, T.Yu. Tamer'yan. — Tekst: neposredstvennyy. — Vladikavkaz: SOGU. — 2017]. — (In Rus.)
11. Konovalenko I. V. Intolerant linguistic personality / I. V. Konovalenko. —Text : electronic // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. — 2009. — № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intolerantnaya-yazykovaya-lichnost> (date of access: 11.26.2020). [Konovalenko I. V. Intolerantnaya yazykovaya lichnost' / I. V. Konovalenko. — Tekst : elektronnyy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2009. — №5]. — (In Rus.)
12. Kuchukguzel M. M. Representation of the US national culture and religion in the English textbooks “Schools of Tomorrow” / M. M. Kuchukguzel, A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Pedagogical education in Russia. — 2018. — № 3. — P. 40—47 [Kuchukguzel' M. M. Predstavleniye natsional'noy kul'tury SSHA i religii v uchebnikakh angliyskogo yazyka “Shkoly zavtrashnego dnya” / M. M. Kuchukguzel', A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyy // Pedagogicheskogo obrazovaniye v Rossii. — 2018. — № 3. — S. 40—47]. — (In Rus.)
13. Kushaev U. R. Tolerance: an encyclopedic dictionary / U. R. Kushaev, I. G. Doroshina. —Text : electronic. — Penza : Sociosphere Scientific Publishing Center. — 2014. URL: <http://sociosfera.com/tolerantnost/>. [Kushayev U. R. Tolerantnost': entsiklopedicheskiy slovar' / U. R. Kushayev, I. G. Doroshina. — Tekst : elektronnyy. — Penza : Nauchno-izdatel'skiy tsentr «Sotsiosfera». — 2014]. — (In Rus.)
14. Li Zhe. Tolerance / Li Zhe. —Text : unmediated // Anthology of concepts. — Volgograd : Paradigm, 2009. — V. 7. — P. 70—79. [Li Zhe. Tolerantnost' / Li Zhe. — Tekst : neposredstvennyy // Antologiya kontseptov. — Volograd : Paradigma, 2009. — T. 7. — S. 70—79]. — (In Rus.)
15. Lebedeva N. M. Introduction to ethnic and cross-cultural psychology / N. M. Lebedeva. — Text : unmediated. — M. : Old Garden, 1998. [Lebedeva N. M. Vvedeniye v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu/ N. M. Lebedeva. — Tekst : neposredstvennyy. — M. : Staryy sad, 1998]. — (In Rus.)
16. Lebedeva N. M. Socio-psychological factors of ethnic tolerance and strategies of intergroup interaction in multicultural regions of Russia / N. M. Lebedeva, A. N. Tatarko. — Text : unmediated // Psychological journal. — 2003. — V. 24. — № 5. — P. 31—45. [Lebedeva N. M. Sotsial'no-psikhologicheskiye faktory etnicheskoy tolerantnosti i strategii mezhhruppovogo vzaimodeystviya v polikul'turnykh regionakh Rossii / N. M. Lebedeva, A. N. Tatarko. — Tekst : neposredstvennyy // Psikhologicheskii zhurnal. — 2003. — T. 24. — № 5. — S. 31—45]. — (In Rus.)
17. Matyushina V. V. The associative field of value “tolerance” as one of the tools for describing the image of consciousness of native speakers of the Russian language / Matyushina V. V. — Text : unmediated // Issues of psycholinguistics. — 2017. — № 31. — P. 174—187. [Matyushina V. V. Assotsiativnoye pole tsennosti «tolerantnost» kakodin iz instrumentov opisaniya obraza soznaniya nositeley ruskogo yazyka / Matyushina V. V. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy psikholingvistiki. — 2017. — № 31. — S. 174-187]. — (In Rus.)
18. Maslova V. A. Linguoculturology / V. A. Maslova. — Text : unmediated. — M. : Academy, 2001. [Maslova V. A. Lingvokul'turologiya / V. A. Maslova. — Tekst : neposredstvennyy. — M. : Akademiya, 2001]. — (In Rus.)
19. Nerovnyaya N. A. The content of the concept of “tolerance” in the English language consciousness: a dynamic aspect / N. A. Nerovnyaya. — Text : unmediated // Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics. — 2018. — T. 17. — № 2. P. 126—133. DOI <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.14> [Nerovnyaya N. A. Soderzhaniye kontsepta «tolerantnost» v angliyskom yazykovom soznanii: dinamicheksiy aspekt/ N. A. Nerovnyaya. — Tekst: neposredstvennyy // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniiye. — 2018. — T. 17. — № 2. — S. 126—133]. — (In Rus.)
20. Popova Z. D. Interpretive field of the national concept and methods of its study / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Text : unmediated // Culture of communication and its formation. — Voronezh, 2001. — Vol. 8. — P. 27—30. [Popova Z. D. Interpretatsionnoye pole natsional'nogo kontsepta i metody yego izucheniya / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'tura obshcheniya i yeye formirovaniye. — Voronezh, 2001. — Vyp. 8. — S. 27—30]. — (In Rus.)
21. Rastatueva S. G. Representation of the concept of “tolerance” in Russian / Rastatueva S. G. — Text : unmediated. Author's abstract. Dis. ... cand. philol. sciences. — Yelets, 2008. — 19 p. [Rastatuyeva S. G. Rerezentatsiya kontsepta «tolerantnost» v ruskom yazyke / Rastatuyeva S. G. — Tekst : neposredstvennyy. Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. — Yelets, 2008. — 19 s.]. — (In Rus.)
22. Rybalko E. E. Tolerance as a cultural phenomenon: to the history of the issue / E. E. Rybalko. — Text : electronic // Theory and practice of social development. — 2012. — № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-kak-fenomen-kul-tury-k-istorii-voprosa> (date of access: 01.07.2021). [Rybalko Ye. Ye. Tolerantnost' kak fenomen kul'tury: k istorii voprosa / Ye. Ye. Rybalko. — Tekst: elektronnyy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — 2012. — № 3]. — (In Rus.)
23. MEDRL — Modern explanatory dictionary of the Russian language / ed. T. F. Efremova. — Text : electronic. — M. : Russian language. — In 3 vols. — 2000. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/275407>. [SSTRYA — Sovremennyy tolkovyy slovar' ruskogo yazyka /Pod red. T.F. Yefremovoy. — Tekst: neposredstvennyy. — M.: Russkiy yazyk. — V 3-kh tt., 2000]. — (In Rus.)
24. Soldatova G. U. Live in peace with yourself and others. Tolerance training for adolescents / G. U. Soldatova, L. A. Shaygerova, O. D. Sharova. — Text : electronic — M. : Genesis, 2000. [Soldatova G. U., Shaygerova L. A., Sharova O. D. Zhit' v mire s soboy i drugimi. Trening tolerantnosti dlya podrostkov / G.U. Soldatova, L.A. Shaygerova, O.D. Sharova. — Tekst: elektronnyy — M. : Genesis. — 2000]. — (In Rus.)
25. SED — Sociological Encyclopedic Dictionary. — Text : unmediated. — M. : INFRA Publishing Group, 1998. [SES — Sotsiologicheskii entsiklopedicheskiy slovar'. — Tekst: neposredstvennyy — M.: Izdatel'skaya gruppa INFRA, 1998]. — (In Rus.)
26. Sternin I. A. Communicative aspects of tolerance / I. A. Sternin, K. M. Shilikhin. — Text : unmediated. — Voronezh : Voronezh State University, 2001. [Sternin I. A., Shilikhina K. M. Kommunikativnyye aspekty tolerantnosti / I. A. Sternin, K. M. Shilikhina. — Tekst : neposredstvennyy. — Voronezh : VGU, 2001]. — (In Rus.)
27. Tameryan T. Yu. Intercultural interaction in the multilingual space of the region / T. Yu. Tameryan. — Text : unmediated // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. — 2017. — V. 8. — № 1. —P. 24—32. [Tamer'yan T. Yu. Mezhhkul'turnoye vzaimodeystviye v poliyazychnom prostranstve regiona / T. Yu. Tamer'yan. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. — 2017. — T. 8. — № 1. — S. 24—32]. — (In Rus.)
28. Tarasov E. F. Intercultural communication — a new ontology of the analysis of linguistic consciousness / E. F. Tarasov. Text : unmediated // Ethnocultural specificity of linguistic consciousness. — M. : IL RAS, 1996. — P. 7—22. [Tarasov Ye. F. Mezhhkul'turnoye obshcheniye — novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya/ Ye.F. Tarasov. Tekst: neposredstvennyy // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya. — M.: IYA RAN. — 1996. — S. 7-22. 29]. — (In Rus.)
29. Ananina, V. Ethnic Tolerance Formation Among Students of Russian Universities: Current State, Problems, and Perspectives / V. Ananina, D. Danilov. — Text : unmediated // Procedia — Social and Behavioral Science. — 2015. — Vol. 214. — P. 487—496. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.746>.
30. Berry, J. W. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey / J. W. Berry, R. Kalin. —

Text : unmediated // Canadian Journal of Behavioural Science. — 1995. — № 27 (3). — P. 301—320.

31. Caqueo-Urizar, A. Ethnic identity and life satisfaction in indigenous adolescents: The mediating role of resilience / A. Caqueo-Urizar, J. Flores, P. Mena-Chamorro, A. Urzúa, M. Irrarrazaval. — Text : unmediated // Children and Youth Services Review. — 2020. — Vol. 120. — P. 105812. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2020.105812>.

32. Fisher, S. Multigroup Ethnic Identity Measurement invariance across adolescence and diverse ethnic groups / S. Fisher, T. B. Zapolski, L. Wheeler, P. G. Arora, J. Barnes-Najor. — Text : unmediated // Journal of Adolescence. — 2020. — Vol. 83. — P. 42—51. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2020.07.006>.

33. Gorenburg, D. Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back / D. Gorenburg. — Text : unmediated // Ethnic and Racial Studies. — 1999. — № 22 (3).—P. 554—580. — DOI [10.1080/014198799329422](https://doi.org/10.1080/014198799329422).

34. Meer, T. van der. Neither bridging nor bonding: A test of socialization effects by ethnically diverse voluntary associations on participants' inter-ethnic tolerance, inter-ethnic trust and intra-ethnic belonging / T. van der Meer.— Text : unmediated // Social Science Research. — 2016. — Vol. 55. — P. 63—74. — DOI <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.09.005>.

35. Triandis, H. C. Allocentric versus idiocentric tendencies: Convergent and discriminant validation / H. C. Triandis, K. Leung, M. J. Villareal, F. L. Clack. — Text : unmediated // Journal of Research in Personality. — 1985. — № 19 (4). — P. 395—415. — DOI [https://doi.org/10.1016/0092-6566\(85\)90008-X](https://doi.org/10.1016/0092-6566(85)90008-X).

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'271.2:811.111\73
 ББК ШП43.21-3+ШП41.12-55
 DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_03

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

В. А. Каменева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
 ORCID ID: 0000-0001-8146-9721

Н. В. Рабкина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
 ORCID ID: 0000-0002-6623-6679

 E-mail: russia_science@mail.ru; nrabkina@mail.ru.

Англоязычная лексика в политическом дискурсе (лингвоперсонологический подход)

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты анализа англоязычной лексики, употребляемой русскоязычным политиком в профессиональном дискурсе, с лингвоперсонологических позиций. Под иноязычной лексикой понимается элемент чужого языка — слово, морфема или синтаксическая конструкция, — попавший из одного языка в другой в процессе лингвокультурных контактов, а также сам процесс этого перехода. Материалом исследования послужили интервью и выступления Д. А. Медведева — Председателя Правительства Российской Федерации с 2013 по 2020 год. Актуальность исследования иноязычной лексики в речи политических деятелей высшего эшелона власти обусловлена тем, что их речь воспринимается как образец для подражания, причем как другими политиками, так и рядовыми гражданами. Обобщены темы, при обсуждении которых используются англицизмы: экономические вопросы, новейшие достижения науки и техники, политические вопросы, интернет-коммуникация и распространение информации в Сети, музыкальные предпочтения, спорт. Определены функции англоязычной лексики: номинация актуальных понятий глобальной экономической и политической коммуникации; языковая экономия; создание имиджа современного политика; нейтрализация (эвфемизация) закрепившихся негативных коннотаций слов родного языка, функция пароля и идеологическая. В аспекте фонетико-графической адаптации в профессиональном дискурсе политика доминируют слова, которые завершили фонетико-графическую адаптацию в русском языке. Представляется перспективным определить степень влияния антропоцентрических параметров на процесс англоизации, для чего целесообразным будет провести сопоставительный анализ англоизации профессионального дискурса политиков в зависимости от возраста и пола.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: англицизм; английский язык; лексикология английского языка; лингвоперсонология; политические деятели; языковая личность; политический дискурс; политическая риторика; политические речи; интервью; речевые жанры; речевая деятельность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 5; e-mail: russia_science@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Рабкина Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 5; e-mail: nrabkina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каменева, В. А. Англоязычная лексика в политическом дискурсе (лингвоперсонологический подход) / В. А. Каменева, Н. В. Рабкина // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 33-40. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_03.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Вопросы, связанные с иноязычными заимствованиями в различных видах дискурса, находятся в центре исследовательского интереса уже длительное время [Афанасьева 2017; Басиева 2015; Баско 2017; Беляева 1979; Емельянова 2017; Заварзина 2019; Крысин 1965; Крысин 2008; Минова 2019; Мистюк 2013], но до сих пор актуальны в свете определенных культурных и политико-экономических процессов современности. Особенно остро стоит вопрос о заимст-

вованиях из английского языка. С одной стороны, английский — язык международной политики, экономики, спорта и других сфер. Вольно или невольно, он становится языком-донором для языков многих стран мира. С другой стороны, практически каждая страна оберегает свой язык — свое культурное наследие — в рамках проводимой языковой политики, препятствуя необоснованному заимствованию иноязычной лексики.

На начальном этапе иноязычная лексика попадает в систему языка в виде иноязычных вкраплений, последовательно проходя через стадии проникновения, вхождения и интеграции. Так, С. А. Беляева подразделяет заимствованную лексику на неосвоенную, освоенную частично и освоенную полностью [Беляева 1979].

Аналогичную трехчленную классификацию из проникновения, заимствования и укоренения предлагает В. М. Аристова: слово относится к определенной категории в зависимости от этапа освоения, на котором оно находится в данный момент развития языковой системы [Аристова 1978].

Ю. А. Жлуктенко также выделяет три стадии освоения иностранной лексики системой языка. Первая стадия — начальная, когда иноязычные слова используются в контекстах другого языка. Вторая — заимствование: система языка-реципиента воспринимает копию иноязычной лексической единицы как постоянный, хотя и гетерогенный элемент. Система языка окончательно заимствует лишь малую часть иноязычной лексики, обладающей соответствующим потенциалом, поэтому, в отличие от использования, заимствование — явление системное. Заимствованная лексика может долго сохранять иноязычные черты, но уже является полноправной составляющей новой лексико-семантической системы. Третий этап процесса вхождения иноязычной лексики в чужой язык называется «глубоким усвоением», когда носители языка перестают ощущать ее «чужеродность» [Жлуктенко 1974].

До глобализации коммуникативных процессов, ставшей новой реальностью в эпоху Интернета, переход иноязычной лексики из языка-донора в язык-акцептор занимал значительный период времени. В условиях интенсификации глобального обмена информацией длительность перехода иноязычной лексики от вкрапления до лексического заимствования сократилась.

Необходимость присутствия того или иного элемента в системе чужого языка определяется как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами.

Анализ научных работ показал, что существует множество объективных причин заимствования и употребления иноязычной лексики, как то: заимствование иноязычных наименований одновременно с принятием новых понятий; заимствование иностранных наименований вместе с появлением зарубежных новинок из сферы науки и техники; экономия языковых средств; необходимость или желание подчеркнуть определенную

характеристику или свойство предмета или явления; нейтрализация закрепившихся негативных коннотаций слов родного языка; следование модным тенденциям [Басиева 2015; Крысин 1965, 2008; Можикова 2019; Муллагаянова 2017; Павлова 2017; Парфиненко 2016; Шарафутдинова 2016]; создание имиджа технологически развитой страны; манифестация вовлеченности страны в решение проблем мировой политики и экономики [Каменева 2019].

В данной работе под иноязычной лексикой понимается элемент чужого языка — слово, морфема или синтаксическая конструкция, — попавший из одного языка в другой в процессе лингвокультурных контактов, а также сам процесс этого перехода [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 158].

Цель данного исследования состоит в установлении особенностей иноязычной лексики, употребляемой Председателем Правительства Российской Федерации, которым на момент написания статьи являлся Д. А. Медведев, в его профессиональном дискурсе. Актуальность исследования иноязычной лексики в речи политических деятелей высшего эшелона власти обусловлена тем, что их речь воспринимается как образец для подражания, причем как другими политиками, так и рядовыми гражданами. Данному процессу способствует как интенсивное тиражирование высказываний политиков высшего эшелона средствами массовой информации, так и тот факт, что в эпоху тотальной цифровизации политик любого уровня — от президента до депутата городской администрации — чувствует себя обязанным присутствовать во всех популярных социальных сетях.

Для достижения цели был решен ряд задач: отобраны иностранные слова в политическом дискурсе Д. А. Медведева; составлена классификация тем, при обсуждении которых политик использует иноязычную лексику; проанализированы функции иноязычных слов; иноязычная лексика рассмотрена с позиции ее фонетико-графической адаптации в русском языке. В работе исследуется лексика, заимствованная из английского языка с разной степенью адаптации в русском языке. В целях языковой экономии далее будем использовать термин «англицизм».

В корпус исследования приемом сплошной выборки были включены 100 текстов интервью и выступлений Д. А. Медведева в должности Председателя Правительства РФ с 2013 по 2020 г., выложенных в публичный доступ на сайте Правительства РФ [<http://government.ru>].

ТЕМАТИКА КОНТЕКСТОВ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Анализ тем, при обсуждении которых Д. А. Медведев в своем профессиональном дискурсе использует англицизмы, позволил установить следующее.

Д. А. Медведев активно применяет англицизмы при обсуждении экономических вопросов. Использование экономических терминов, пришедших из английского языка, для пояснения причин определенных проблем мировой экономики и экономики страны, а также для объяснения предлагаемых экономических решений обусловлено рядом экстралингвистических факторов. Отметим, что основную роль играет положение английского языка как языка мировой экономики: соответственно, и все нововведения в данной сфере получают сперва англоязычную номинацию и только затем, попадая в язык-акцептор, проходят стадии проникновения, заимствования и укоренения.

Д. А. Медведев использует англоязычную лексику, когда говорит о новейших изобретениях науки и техники и современных компьютерных технологиях, причем как о тех, которые только недавно появились в мире, так и о тех, которые знакомы многим. Как известно, в случае с новейшими изобретениями, пришедшими в нашу страну вместе с их англоязычными наименованиями, у политика нет выбора. В таких случаях он прибегает к единственному существующим наименованиям, пришедшим из английского языка. Например: *Врач не может быть подготовлен с айпадом в руках или с блокнотом в руках. Он должен идти в операционную, должен идти в больницу* (Интервью пяти телеканалам, 6 декабря 2018 г.). Отметим в данном случае некоторую негативную коннотацию: практическое обучение противопоставлено теоретическому, синекдохическими символами которого становятся средства для фиксации информации — электронное и традиционное. В случае с лексемой «блокнот» негативная коннотация достигается добавлением уменьшительного суффикса, а в случае с «айпадом» именно иностранная форма этого слова служит выражением негативного отношения говорящего к ситуации, сложившейся в медицинском образовании, где теоретическая подготовка превалирует над практикой.

Было установлено, что при обсуждении политических вопросов Председатель Правительства Российской Федерации также прибегает к англоязычной лексике. Данный факт обусловлен тем, что Д. А. Медведев, как и все политики высшего эшелона власти, обсуждает профессиональные вопросы как

на языке своей страны, так и английском — языке мировой политики и международных переговоров, что вызывает определенную интерференцию профессиональных терминов и приводит к неоправданному использованию англоязычных эквивалентов в профессиональном дискурсе политика на русском языке, например: *устеблишмент, мейнстрим, клинч* и т. д.

Активное употребление англицизмов отмечено при обсуждении интернет-коммуникации и вопросов распространения информации в Сети. Предположительно, этому способствует не только необходимое для политиков такого ранга ежедневное чтение мировой прессы на английском языке, которое позволяет им быть в курсе последних новостей, но и проведение пресс-конференций для иностранной прессы, во время которых необходимо подбирать такую лексику, которая будет переведена с максимальным сохранением задуманного прагматического эффекта. Например: *Вы ещё про fake news не спросили. Это, наверное, тоже важно* (Онлайн-конференция с интернет-пользователями, 29 марта 2019 г.); *Это анонимные ресурсы, да те же самые анонимные информационные каналы, Telegram-каналы, которые, к сожалению, зачастую производят новости, не имеющие под собой никакой фактической основы* (Онлайн-конференция с интернет-пользователями, 29 марта 2019 г.); *Известный пример касается трагедии, которая произошла на пожаре, и некоторые другие случаи, когда фейки такие были присланы нам из-за границы, но, тем не менее, они стали цитироваться вполне уважаемыми СМИ* (Онлайн-конференция с интернет-пользователями, 29 марта 2019 г.). Представляется, что выбор англицизмов зависит и от целевой аудитории: все вышеперечисленные примеры были взяты из интервью с интернет-пользователями.

Зафиксирована англоязычная лексика при обсуждении музыкальных предпочтений самого политика и его семьи, что закономерно, так как большая часть этой лексики — прецедентные имена («Deep Purple», «Linkin Park», «Muse», «Thirty Seconds to Mars») или современные музыкальные направления («рэп», «хип-хоп») (Онлайн конференция с интернет-пользователями, 29 марта 2019 г.). Вероятно, использование прецедентных имен в парольной функции позволяет получить симпатии среднего класса соответствующей возрастной категории и работает на создание определенного имиджа.

Отмечено употребление англоязычной лексики при обсуждении спорта и проблем, с

которыми в последние несколько лет становятся спортсмены из Российской Федерации. Можно предположить, что использование неадаптированных аббревиатур активизирует оппозицию «свои — чужие»: *...даже в рамках этих критериев, которые были выработаны WADA или какими-то экспертами при WADA, часть препаратов относится к допингу, а часть не относится* (Интервью пяти телеканалам, 15 декабря 2016 г.); *Кстати, такую позицию в какой-то период занял CAS, вы помните? С этим потом не согласились некоторые другие структуры, но CAS-то занял объективную позицию...* (Интервью российским телеканалам, 5 декабря 2019 г.).

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЦИЗМОВ

Исследование функций, которые выполняют в политическом дискурсе Д. А. Медведева слова английского языка и лексика, вошедшая в русский из английского языка, позволило сделать следующие выводы.

Политик использует англоязычные наименования для обозначения новых понятий, которые стали употребляться в глобальной экономической или политической коммуникации относительно недавно: *Давайте сейчас, допустим, в законе будем описывать, что такое пресловутый блокчейн. Это очень сложная тема* (Интервью телеканалу «Россия 24», 11 сентября 2019 г.). Д. А. Медведев также использует англицизмы с номинативной функцией для обозначения современных изобретений и технологий из сферы науки и техники, например, *WiFi* и т. д.

Помимо указанных функций, англицизмы помогают политику в языковой экономии, позволяя выразить мысль, используя меньшее количество слов или слова с меньшим количеством морфем или букв. Так, «программное обеспечение» политик заменяет на «инженерный софт», отдавая предпочтение фразе, включающей слова с меньшим числом букв. Использование лексемы «**нон-стоп**» вместо слова «безостановочно» или словосочетания «без перерывов» также способствует экономии языковых средств: *...без полноценной, достаточно длительной зарядки невозможно быть подготовленным к работе в режиме нон-стоп весь день* (Интервью российским телеканалам, 5 декабря 2019 г.).

Англоязычные экономические термины, используемые Д. А. Медведевым, способствуют языковой экономии, позволяя политику объяснять сложные экономические понятия меньшим количеством языковых средств.

Так, подчеркивая важность отечественной валюты, Д. А. Медведев говорит о «**дедолларизации**» вместо «процесса отказа от доллара США как основной валюты международных расчётов», что позволяет существенно экономить языковые средства. Подобная ситуация наблюдается с термином «**фрилансер**», заменяющим пространное пояснение о «внештатном работнике, работающем не по найму и, как правило, выполняющем работу по краткосрочным проектам». Можно предположить, что, кроме языковой экономии, использование англицизмов из области экономики и финансов позволяет сконструировать образ компетентного политика, разбирающегося в данной сфере и владеющего соответствующей терминологией. В то же время термины типа «дедолларизация» достаточно просты для понимания — широкая аудитория, далекая от экономики, в состоянии «дешифровать» этот термин, почувствовав себя «причастной тайн» науки о финансах. Поэтому вряд ли в данном случае можно говорить о парольной функции.

В целях языковой экономии политик часто прибегает к англоязычным сокращениям. Так, вместо длинной расшифровки он предпочитает употреблять сокращение «**АСЕМ**»: *Сначала несколько слов по саммиту АСЕМ. Я считаю, что это достаточно неплохая площадка для того, чтобы посмотреть наши перспективы...* (Интервью телеканалу «Евроныюз», 18 октября 2018 г.).

Как показал проведенный анализ, в целях языковой экономии политик использует сокращения на английском языке, которые еще не прошли фонетико-графическую адаптацию в русском языке, например, **IT, CIO, SMS, AI** и другие. При этом использование некоторых неадаптированных аббревиатур (**WADA, CAS**) в определенном контексте может способствовать активизации бинарной оппозиции «свои — чужие» и «включать» в сознании реципиента соответствующую картину мира — «мы против них», как, например, в приведенной выше цитате о предвзятом отношении международных спортивных организаций к российским спортсменам. Данную функцию можно назвать идеологической.

Было зафиксировано использование английского крылатого выражения «**never say never**» вместо его русского эквивалента «никогда не говори никогда». Можно предположить, что употребление чужеродной, но знакомой многим даже в ее иноязычном виде — по фильмам и глобальному интернет-пространству — идиомы играет на создание образа современного политика с широким кругозором. Одновременно закодированная

чужим языком и вместе с тем понятная широкой аудитории идиома призвана вызвать у адресата «радость узнавания», которая создает некое чувство единения с адресантом. В этом смысле использование неадаптированных англицизмов — в том числе и названий музыкальных групп, приведенных выше, — несет парольную функцию.

Как было установлено, использование англицизмов помогает в создании имиджа политика, который в курсе различных модных тенденций: *Знаете, я к рекомендациям, что нужно прочитать, что является тем, что иногда называют словечком must, отношусь с большим скепсисом. Почему мне кто-то рекомендует что-то читать? Я хочу читать то, что хочу* (Встреча со студентами Российского федерального университета, 14 февраля 2013 г.). Отметим, что этот англицизм снова несет в себе некоторую негативную коннотацию: политик отстаивает право человека самому определять свой круг интересов, не оглядываясь на модные тенденции и общественное мнение. Кроме того, использование подобной лексики в дискурсе политика позволяет ему продемонстрировать, что новейшие достижения в науке, технологиях, музыке и так далее ему знакомы и интересны — как и всем представителям прогрессивной части общества. Так, он рассуждает об удобстве электронных устройств, позволяющих читать книги и смотреть фильмы даже в пути: *...просто „кликнул“, что называется, в планшете, открыл и начал смотреть* (Интервью «Российской газете», 11 ноября 2015 г.).

Интересно, что не все случаи использования англицизмов из области экономики и финансов связаны с языковой экономией: было также отмечено употребление англицизмов для нейтрализации закрепившихся негативных коннотаций слов родного языка. Например, применение лексемы «**флуктуация**» вместо словосочетания «скачок цен» или «резкое увеличение инфляции» способствует эвфемизации всего высказывания. Действительно, русский вариант привлеч бы внимание адресата к факту роста инфляции или цен, в то время как иноязычный синоним «флуктуация» подразумевает, что повышение или скачок — явление временное, и вскоре ему на смену придет движение вниз.

КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ ПО СТЕПЕНИ АДАПТАЦИИ

Анализ англицизмов, употребляемых Д. А. Медведевым, показал, что, во-первых, в его профессиональном дискурсе доминируют англицизмы, прошедшие фонетико-графическую адаптацию: *хаб, эмтиро-*

ваться, кликнуть, волатильность, волатильный, ваучер, истеблишмент, драйв и другие.

Во-вторых, частотны частично лексикализованные термины, образованные от словосочетаний: *IT-компаниями, бизнес-интересы* и т. д. Отмечено и использование слов с полной лексикализацией исходного слова: например, «**тимбилдинг**».

В-третьих, были зафиксированы слова, используемые политиком как в латиничном, так и в кириллическом оформлении. Например, *ВАДА* и *WADA, fake news* и *фейку*.

Отмечено использование политиком в своем профессиональном дискурсе слов и выражений на английском языке: «**President of the United States of America**», «**Wall Street**», «**road map**», «**business-to-government**», «**free float**», «**act of Parliament**», «**act of God**», «**World Wide Web**», «**Doing Business**».

Отметим, что Д. А. Медведев часто использует некие «сигналы», предваряющие появление в его речи англицизма, например: «*пресловутый блокчейн*», «*словечко must*», «*кликнул, что называется*», «*люди, которых называют фрилансерами*» и т. д. Этим он не только демонстрирует свое отношение к самому явлению, стоящему за иноязычной лексикой, и к факту заимствования иноязычной лексики, но и свою позицию по отношению к стране-источнику.

ВЫВОДЫ

Как показал проведенный анализ, Д. А. Медведев нередко прибегает к англицизмам в своем профессиональном дискурсе. Как правило, политик использует англицизмы при обсуждении вопросов из сферы экономики, политики, спорта, музыки, при обсуждении современных компьютерных технологий и новейших изобретений науки и техники.

Функции англоязычной лексики в политическом дискурсе Д. А. Медведева сводятся к следующему перечню: номинация актуальных понятий глобальной экономической и политической коммуникации; языковая экономия; создание имиджа современного политика; нейтрализация (эвфемизация) закрепившихся негативных коннотаций слов родного языка, функция пароля и идеологическая.

С позиции адаптации англицизмов, в политическом дискурсе Д. А. Медведева доминируют те слова, которые завершили фонетико-графическую адаптацию в русском языке.

В дальнейшем представляется перспективным определить степень влияния антропоцентрических параметров на процесс англоизации, для чего целесообразным будет

провести сопоставительный анализ англоизации профессионального дискурса политиков в зависимости от возраста и пола.

ИСТОЧНИКИ

1. Сайт Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. — URL: <http://council.gov.ru>. — Текст : электронный.
2. Сайт Правительства Российской Федерации. — URL: <http://government.ru>. — Текст : электронный.
3. Сайт РИА «Новости». — URL: <https://ria.ru/20190927/1559204546.html>. — Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

4. Аристова, В. М. Англо-русские языковые контакты. Англизмы в русском языке / В. М. Аристова. — Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1978. — 152 с. — Текст : непосредственный.
5. Афанасьева, Е. В. Орфографическая адаптация согласных в англицизмах испанского языка / Е. В. Афанасьева. — Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. — 2017. — № 4-5 (118). — С. 14—16.
6. Басиева, Э. А. Причины заимствования иноязычной лексики на рубеже XX—XXI веков / Э. А. Басиева, Р. З. Комаева. — Текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. — 2015. — № 3-5. — С. 584—585.
7. Баско, Н. В. Иноязычное заимствование — одна из основных тенденций развития русского языка в эпоху глобализации / Н. В. Баско. — Текст : непосредственный // Русистика без границ. — 2017. — Т. 1. — № 2. — С. 15—21.
8. Беляева, С. А. Словообразовательная активность заимствованного слова / С. А. Беляева. — Текст : непосредственный // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку : ежег. межвуз. тематич. сб. — Владивосток, 1979. — Вып. 7. — С. 33—39.
9. Емельянова, Е. И. Лингвосociологический эксперимент использования иноязычных заимствований немецкого языка в аспекте словообразования / Е. И. Емельянова. — Текст : непосредственный // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. — 2017. — № 4 (60). — С. 34—37.
10. Жлуктенко, Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. — Киев : Вища школа, 1974. — 176 с. — Текст : непосредственный.
11. Заварзина, Г. А. Структурно-семантические особенности новых иноязычных заимствований и их производных в лексико-семантической подсистеме «Красота и здоровье» / Г. А. Заварзина, А. С. Смольянова. — Текст : непосредственный // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2019. — № 2 (283). — С. 224—227.

V. A. Kameneva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8146-9721

N. V. Rabkina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6623-6679

 E-mail: russia_science@mail.ru; nrabkina@mail.ru.

English Borrowings in Russian Political Discourse: A Linguistic Personology Approach

ABSTRACT. *The article presents the results of an analysis of the English-language vocabulary used by a Russian-speaking politician in professional discourse from the linguopersonological positions. Foreign language borrowing is interpreted as an element of a foreign language – word, morpheme or syntactic construction – which is borrowed from one language into another in the process of linguo-cultural contacts, as well as the process of this transition itself. The research material includes interviews and speeches of D. A. Medvedev, Prime Minister of the Russian Federation from 2013 to 2020. The urgency of the study of foreign language borrowings in the speech of top echelon politicians can be attributed to the fact that their speech is looked upon as a role-model both by other politicians and by rank-and-file citizens. The article enumerates the topics in discussion of which English borrowings are used: economic issues, new achievements of science*

12. Каменева, В. А. Английский язык в политическом дискурсе А. Меркель (лингвоперсонологический подход) / В. А. Каменева, Л. И. Федянина. — Текст : непосредственный // Язык как зеркало культуры : сборник научных статей / общ. ред. — М. В. Пименова. — Санкт-Петербург, 2019. — С. 249—256.

13. Крысин, Л. П. О причинах лексического заимствования / Л. П. Крысин. — Текст : непосредственный // Русский язык в школе. — 1965. — № 3. — С. 1—15.

14. Крысин, Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. — Москва : Знак, 2008. — 320 с. — Текст : непосредственный.

15. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. — 709 с. — Текст : непосредственный.

16. Минова, М. В. Морфологическая ассимиляция англицизмов в процессе их интеграции в современный французский язык / М. В. Минова. — Текст : непосредственный // Филология: научные исследования. — 2019. — № 1. — С. 129—143.

17. Мистюк, Т. Л. Проблема иноязычных заимствований в социолингвистическом аспекте / Т. Л. Мистюк. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 10 (28). — С. 121—124.

18. Можикова, А. Н. Современные аспекты исследования английской заимствованной лексики / А. Н. Можикова. — Текст : непосредственный // Научные горизонты. — 2019. — № 2 (18). — С. 80—86.

19. Муллагаянова, Г. С. Иноязычные заимствования в контексте экономики / Г. С. Муллагаянова, А. Е. Кривцова. — Текст : непосредственный // Санкт-Петербургский образовательный вестник. — 2017. — № 1 (5). — С. 46—49.

20. Павлова, Д. А. Англицизмы в русскоязычном политическом дискурсе (на материале электронных гипертекстов российских политических партий) / Д. А. Павлова, В. А. Каменева. — Текст : электронный // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых и литературоведческих курсов : сборник научных трудов / науч. ред. Л. А. Араева. — Кемерово, 2017. — С. 212—218.

21. Парфиненко, А. А. Заимствование иноязычных элементов как фактор развития языковой вариантности (на материале английского и французского языков) / А. А. Парфиненко. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 95—100.

22. Шарафутдинова, Н. С. Англоязычные заимствования в немецкой авиационной терминосистеме / Н. С. Шарафутдинова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 3-2 (57). — С. 179—182.

and technology, political events, internet communication and online dissemination of information, music and sport. The authors determine the functions of English borrowings: nomination of urgent notions of global economic and political communication; language economy; creation of a modern politician's image; neutralization (euphemization) of traditional negative connotations of native Russian words; the password function; and the ideological function. In the aspect of phonetic-graphical adaptation, there prevail in the professional discourse of a politician words which have undergone the phonetic-graphical adaptation in Russian. It seems desirable to determine the degree of influence of anthropocentric parameters upon the process of borrowing from English, to which end it would be reasonable to carry out a comparative analysis of the rate of English borrowings in the professional discourse of politicians with reference to age and gender.

KEYWORDS: English loanword; English language; English lexicology; linguopersonology; politicians; linguistic personality; political discourse; political rhetoric; political speeches; interviews; speech genres; speech.

AUTHOR'S INFORMATION: Kameneva Veronika Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Romance-Germanic Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Rabkina Nadezhda Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Kameneva, V. A. English Borrowings in Russian Political Discourse: A Linguistic Personology Approach / V. A. Kameneva, N. V. Rabkina // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 33-40. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_03.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project № 19-012-00522 “The Problem of Legitimation in Political Discourse: Linguopolitical Personology”.

MATERIALS

1. The Website of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. — URL: <http://council.gov.ru>. — Text : electronic. [Sayt Soveta Federatsii Federal'nogo sobraniya Rossiyskoy Federatsii]. — URL: <http://council.gov.ru>.

2. Website of the Government of the Russian Federation. — URL: <http://government.ru>. — Text : electronic. [Sayt Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii]. — URL: <http://government.ru>.

3. RIA Novosti Website. — URL: <https://ria.ru/20190927/1559204546.html>. — Text : electronic. [Sayt RIA «Novosti»]. — URL: <https://ria.ru/20190927/1559204546.html>.

REFERENCES

4. Aristova, V. M. Anglo-Russian language contacts. Anglisms in the Russian language / V. M. Aristova. — Leningrad : Publishing house of the Leningrad University, 1978. — 152 p. — Text : unmediated. [Anglo-russkie yazykovye kontakty. Anglizmy v russkom yazyke / V. M. Aristova. — Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1978. — 152 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Afanas'eva, E. V. Orthographic Adaptation of Consonants in the Anglicisms of the Spanish Language / E. V. Afanasyeva. — Text : unmediated // Almanac of modern science and education. — 2017. — No. 4-5 (118). — P. 14—16. [Orfograficheskaya adaptatsiya soglasnykh v anglizismakh ispanskogo yazyka / E. V. Afanas'eva. — Tekst : neposredstvennyy // Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. — 2017. — № 4-5 (118). — S. 14—16]. — (In Rus.)

6. Basieva, E. A. The reasons for borrowing foreign language vocabulary at the turn of the XX—XXI centuries / E. A. Basieva, R. Z. Komaeva. — Text : unmediated // International Journal of Experimental Education. — 2015. — No. 3-5. — P. 584—585. [Prichiny zaimstvovaniya inoyazychnoy leksiki na rubezhe XX—XXI vekov / E. A. Basieva, R. Z. Komaeva. — Tekst : neposredstvennyy // Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. — 2015. — № 3-5. — S. 584—585]. — (In Rus.)

7. Basko, N. V. Foreign language borrowing is one of the main trends in the development of the Russian language in the era of globalization / N. V. Basko. — Text : unmediated // Russistics without borders. — 2017. — Vol. 1. — No. 2. — P. 15—21. [Inoyazychnoe zaimstvovanie — odna iz osnovnykh tendentsiy razvitiya russkogo yazyka v epokhu globalizatsii / N. V. Basko. — Tekst : neposredstvennyy // Russistika bez granits. — 2017. — T. 1. — № 2. — S. 15—21]. — (In Rus.)

8. Belyaeva, S. A. Word-formation activity of the borrowed word / S. A. Belyaeva. — Text : unmediated // Word formation and its place in the course of teaching a foreign language : annual interuniversity thematic collection. — Vladivostok, 1979. — Iss. 7. — P. 33—39. [Slovoobrazovatel'naya aktivnost' zaimstvo-

vannogo slova / S. A. Belyaeva. — Tekst : neposredstvennyy // Slovoobrazovanie i ego mesto v kurse obucheniya inostrannomu yazyku : ezheg. mezhvuz. tematich. sb. — Vladivostok, 1979. — Vyp. 7. — S. 33—39]. — (In Rus.)

9. Emel'yanova, E. I. Linguo-sociological experiment of using foreign language borrowings of the German language in the aspect of word formation / E. I. Emel'yanova. — Text : unmediated // Scientific notes of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. — 2017. — No. 4 (60). — P. 34—37. [Lingvosotsiologicheskiiy eksperiment ispol'zovaniya inoyazychnykh zaimstvovaniy nemetskogo yazyka v aspekte slovoobrazovaniya / E. I. Emel'yanova. — Tekst : neposredstvennyy // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki. — 2017. — № 4 (60). — S. 34—37]. — (In Rus.)

10. Zhluktenko, Yu. A. Linguistic aspects of bilingualism / Y. A. Zhluktenko. — Kiev : High school, 1974. — 176 p. — Text : unmediated. [Lingvisticheskie aspekty dvuyazychiya / Yu. A. Zhluktenko. — Kiev : Vishcha shkola, 1974. — 176 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Zavarzina, G. A. Structural and semantic features of new foreign language borrowings and their derivatives in the lexical-semantic subsystem “Beauty and Health” / G. A. Zavarzina, A. S. Smol'yanova. — Text : unmediated // News of the Voronezh State Pedagogical University. — 2019. — No. 2 (283). — P. 224—227. [Strukturno-semanticheskie osobennosti novykh inoyazychnykh zaimstvovaniy i ikh proizvodnykh v leksiko-semanticheskoy pod-sisteme «Krasota i zdorov'e» / G. A. Zavarzina, A. S. Smol'yanova. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2019. — № 2 (283). — S. 224—227]. — (In Rus.)

12. Kameneva, V. A. English in political discourse A. Merkel (linguistic-personal approach) / V. A. Kameneva, L. I. Fedyanina. — Text : unmediated // Language as a mirror of culture: collection of scientific articles / total. editor M. V. Pimenova. — Saint Petersburg, 2019. — P. 249—256. [Angliyskiy yazyk v politicheskom diskurse A. Merkel' (lingvopersonologicheskiiy podkhod) / V. A. Kameneva, L. I. Fedyanina. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk kak zerkalo kul'tury : sbornik nauchnykh statey / obshch. red. — M. V. Pimenova. — Sankt-Peterburg, 2019. — S. 249—256]. — (In Rus.)

13. Krysin, L. P. On the reasons for lexical borrowing / L. P. Krysin. — Text : unmediated // Russian at school. — 1965. — No. 3. — P. 1—15. [O prichinakh leksicheskogo zaimstvovaniya / L. P. Krysin. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk v shkole. — 1965. — № 3. — S. 1—15]. — (In Rus.)

14. Krysin, L. P. Word in modern texts and dictionaries: essays on Russian vocabulary and lexicography / L. P. Krysin. —

Moscow : Sign, 2008. — 320 p. — Text : unmediated. [Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki o russkoy leksike i leksikografii / L. P. Krysin. — Moskva : Znak, 2008. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V. N. Yartseva. — 2nd ed., add. — Moscow : Great Russian Encyclopedia, 2002. — 709 p. — Text : unmediated. [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. — 2-e izd., dop. — Moskva : Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 2002. — 709 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Minova, M. V. Morphological assimilation of anglicisms in the process of their integration into modern French / M. V. Minova. — Text : unmediated // Philology: scientific research. — 2019. — No. 1. — P. 129—143. [Morfologicheskaya assilyatsiya anglitsizmov v protsesse ikh integratsii v sovremenny frantsuzskiy yazyk / M. V. Minova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologiya: nauchnye issledovaniya. — 2019. — № 1. — S. 129—143]. — (In Rus.)

17. Mistyuk, T. L. The problem of foreign language borrowings in the sociolinguistic aspect / T. L. Mistyuk. — Text : unmediated // Philological sciences. Questions of theory and practice. — 2013. — No. 10 (28). — P. 121—124. [Problema inoyazychnykh zaimstvovaniy v sotsiolingvisticheskom aspekte / T. L. Mistyuk. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2013. — № 10 (28). — S. 121—124]. — (In Rus.)

18. Mozhikova, A. N. Modern aspects of the study of English borrowed vocabulary / A. N. Mozhikova. — Text : unmediated // Scientific horizons. — 2019. — No. 2 (18). — P. 80—86. [Sovremennyye aspekty issledovaniya angliyskoy zaimstvovannoy leksiki / A. N. Mozhikova. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnye gorizonty. — 2019. — № 2 (18). — S. 80—86]. — (In Rus.)

19. Mullagayanova, G. S. Foreign language borrowing in the context of the economy / G. S. Mullagayanova, A. E. Krivtsova. — Text : unmediated // St. Petersburg educational bulletin. —

2017. — No. 1 (5). — P. 46—49. [Inoyazychnye zaimstvovaniya v kontekste ekonomiki / G. S. Mullagayanova, A. E. Krivtsova. — Tekst : neposredstvennyy // Sankt-Peterburgskiy obrazovatel'nyy vestnik. — 2017. — № 1 (5). — S. 46—49]. — (In Rus.)

20. Pavlova, D. A. Anglicisms in Russian-language political discourse (based on electronic hypertexts of Russian political parties) / D. A. Pavlova, V. A. Kamenev. — Text : electronic // Problems of modern linguistics and methods of teaching language and literary courses: collection of scientific works / scientific. ed. L. A. Araeva. — Kemerovo, 2017. — P. 212—218. [Anglitsizmy v russkoyazychnom politicheskom diskurse (na materiale elektronnykh gipertekstov rossiyskikh politicheskikh partiy) / D. A. Pavlova, V. A. Kameneva. — Tekst : elektronnyy // Problemy sovremennoy lingvistiki i metodiki prepodavaniya yazykovykh i literaturovedcheskikh kursov : sbornik nauchnykh trudov / nauch. red. L. A. Araeva. — Kemerovo, 2017. — S. 212—218]. — (In Rus.)

21. Parfinenko, A. A. Borrowing of foreign language elements as a factor in the development of linguistic variance (based on the material of English and French) / A. A. Parfinenko. — Text : unmediated // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. — 2016. — No. 6. — P. 95—100. [Zaimstvovanie inoyazychnykh elementov kak faktor razvitiya yazykovoy variantnosti (na materiale angliyskogo i frantsuzskogo yazykov) / A. A. Parfinenko. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. — 2016. — № 6. — S. 95—100]. — (In Rus.)

22. Sharafutdinova, N. S. English-language borrowings in the German aviation terminology / N. S. Sharafutdinova. — Text : unmediated // Philological sciences. Questions of theory and practice. — 2016. — No. 3-2 (57). — P. 179—182. [Angloyazychnye zaimstvovaniya v nemetskoy aviatsionnoy terminosisteme / N. S. Sharafutdinova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2016. — № 3-2 (57). — S. 179—182]. — (In Rus.)

А. В. КолмогороваСибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6425-2050 **Ю. А. Горностаева**Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6233-4995 **E-mail:** yulyatald@yandex.ru, nastiakol@mail.ru.**Всё ли могут короли? или Стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме изучения стратегий легитимации испанской монархии при короле Хуане Карлосе I и Филиппе VI в политическом дискурсе СМИ Испании. Цель исследования заключается в сравнительном анализе стратегий легитимации двух испанских монархов. С помощью анализа дискурсивных стратегий и субстратегий было выявлено, что легитимация испанских монархов реализуется посредством апелляции к авторитету эксперта, что на уровне организации дискурса проявляется в форме его прямого цитирования или косвенной речи. Подобные вкрапления речи Другого в политическом медиадискурсе предлагается рассматривать через призму концепции полифонии М. М. Бахтина. Предлагается типология «голосов», участвующих в создании такой политической полифонии. Делается вывод о том, что в целях легитимации фигуры короля Хуана Карлоса преимущественно используются «голоса» второго и третьего порядка — приводятся высказывания и мнения близких друзей короля и его ровесников, ветеранов политической элиты Испании. Все они в совокупности служат актуализации в сознании реципиента дискурса фреймов «дружба», «болезнь», «одиночество», «старость», создающих когнитивную основу для оправдания некорректного политического поведения монарха. Легитимация же власти действующего монарха Филиппа VI опирается на «голоса», принадлежащие членам его команды, коллегам, что служит актуализации фреймов «профессионализм», «команда», «конституционная монархия». Последние создают когнитивный базис для признания большинством членов сообщества его положительных личностных качеств и заслуг. Полученные результаты могут быть применены для дополнения существующих методик анализа политического массмедийного дискурса, а также для расширения методологического инструментария дискурса легитимации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; испанские СМИ; легитимация власти; стратегии легитимации; полифония; диалогизм; испанская монархия; испанские монархи; фреймы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет; 660042, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: nastiakol@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Горностаева Юлия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет; 660042, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: yulyatald@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Колмогорова, А. В. Всё ли могут короли? или Стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ / А. В. Колмогорова, Ю. А. Горностаева // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 41-49. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_04.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня цивилизация переживает серьезные изменения даже по сравнению с тем общественным укладом, который был свойственен мировому сообществу еще несколько лет назад. Меняются нормы, ценности, модельные личности и эталонные модели поведения. В таком контексте островком архетипичности, рудиментарности остается институт монархии в некоторых европейских странах. Однако этот консерватизм лишь поверхностный — монархия меняется. Для своего сохранения сегодня она должна ежедневно доказывать сообществу, почему она имеет право быть, зачем она нужна гражданам страны — этот социальный институт

нуждается в постоянном применении инструментов легитимации. Сферой, где такие инструменты действуют наилучшим образом, являются массмедиа.

Таким образом, цель статьи — выявить стратегии легитимации испанской монархии в политическом массмедийном дискурсе и определить тенденции данного процесса при репрезентации двух последних испанских монархов династии Бурбонов в СМИ.

Актуальность статьи обусловлена прежде всего растущим интересом к процессу легитимации в рамках дискурсивных исследований, а также остротой проблемы самодискредитации испанской монархии, которая получила широкое освещение в прессе. Мо-

нархия — это реликтовый объект, к которому применяются современные дискурсивные практики, «вызревшие» в рамках четвертого экономического уклада, экономики лайков.

Ведущим методом исследования является дискурсивный анализ политического медиадискурса с применением анализа стратегий и тактик легитимации.

Материалом исследования стали массмедийные политические тексты на испанском языке, в центре внимания которых находится институт монархии. Статьи на испанском языке отобраны методом целевой выборки из изданий *El País* и *El Mundo* общим объемом более 300 000 знаков. Критерием отбора служила тематика статей: анализировались тексты, освещающие проблемы монархии в Испании и содержащие упоминание королей Хуана Карлоса I и Филиппа VI.

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

В конце XX века феномен легитимации становится объектом лингвистических исследований, выполняемых в русле парадигмы критического дискурса-анализа [Колмогорова 2018], предшественники которого рассматривали легитимацию как дискурсивную стратегию конструирования чьей-либо легитимности [Fairclough 2003; Vaara, Tienari 2008], заключающуюся в формировании позитивного образа политической персоналии в дискурсивном пространстве [Screti 2013]. В рамках настоящего исследования мы придерживаемся данной трактовки ключевого теоретического понятия.

На сегодняшний момент легитимация как теоретический объект уже достаточно хорошо разработана: выделяются ее уровни (прагматический, моральный, когнитивный [Suchman 1995: 574—579, цит. по: Колмогорова 2018]); стадии (теоризации, продвижения нововведения, окончательного укоренения [Tolbert, Zucker 1996: 181]); сферы действия (педагогический дискурс [Leeuwen 2008; Козачина 2020]; экономический дискурс [Lepistö 2014]; политический дискурс [Reyes 2011; Rizwan 2019; Fairclough 2008; Abdi, Basarati 2018; Poblete 2011]).

Последняя сфера — политическая — традиционно остается самой яркой ареной развертывания легитимирующих практик: легитимация власти играет важнейшую роль для стабилизации политической жизни общества, установления законности и правопорядка, повышения уровня доверия к существующему положению дел. Легитимность власти позволяет сохранять стабильную внутриполитическую обстановку — ведь власть считается легитимной, когда она на-

ходится в соответствии с ценностными предпочтениями граждан [Вебер 1990].

Будучи развернут в пространстве массмедиа, легитимирующий инструментарий увеличивает свою эффективность, поскольку медиа способны интерпретировать образы социальной жизни, трактуя определенным способом реальность в контексте легитимации интересов поддерживаемой власти [Левшенко 2012].

Данный инструментарий не бессистемный — он представляет собой набор достаточно стабильных дискурсивных стратегий. Согласно Т. ван Левену, их 4, каждая включает несколько субстратегий [Leeuwen 1999; Leeuwen, Wodak 2008; Колмогорова 2018]. В нашем исследовании мы сфокусируемся на первой из них. Это стратегия апелляции к авторитету.

Стратегия апелляции к авторитету — привлечение социального ресурса, внешне по отношению к сфере, которой принадлежит объект легитимации. Она реализуется при помощи следующих субстратегий:

- а) субстратегия апелляции к личному авторитету человека, имеющего высокий социальный статус и особую, значимую роль в обществе;
- б) апелляция к авторитету эксперта, имеющего профессиональный опыт оценки феноменов и явлений из той же сферы, что и объект легитимации;
- в) апелляция к авторитету модели поведения некоторой «модной» личности, деятельность которой, как правило, широко освещается в массмедиа;
- г) апелляция к «безличному» авторитету некоторой структуры, общественного института, нормы;
- д) апелляция к авторитету традиции;
- е) апелляция к авторитету «большинства».

В дальнейшем анализе мы будем опираться на данную типологию субстратегий дискурсивной стратегии апелляции к авторитету.

Эпизодически к данной стратегии «подключаются» и другие: например, стратегия моральной оценки (оценочная субстратегия) или мифопоэтическая стратегия, актуализирующая рудименты мифопоэтического мышления.

ИСПАНСКАЯ МОНАРХИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛЕГИТИМАЦИИ

Проблема легитимации испанской монархии всегда стояла достаточно остро и в разные времена освещалась испанскими исследователями [Barrera 1994; Montero 2015; Zugasti 2005].

Испанская монархия является символом государства. Экс-король Испании Хуан Кар-

лос I стал ключевой фигурой после смерти диктатора Франсиско Франко, четко заявив о необходимости следовать демократическому курсу развития и сохранив шаткое равновесие внутри страны при попытке государственного переворота в 1981 г. — в период непростого перехода от диктатуры к демократическому обществу. Однако для легитимации его статуса даже в новой политической системе журналисты нередко использовали намеки на его связи с умершим диктатором, который якобы сам признал его в качестве законного правителя. Таким образом, даже в сложные для страны переходные времена через посредничество СМИ удалось легитимировать институт монархии, сама сущность которого противоречит демократическим ценностям и идеалам [Zugasti 2005].

Тогда непоколебимость Хуана Карлоса I сумела сплотить испанский народ и предотвратить новые кровопролития и очередную смену власти, приведя Испанию к демократии и вхождению в Европейский союз.

Многие годы институт монархии пользовался поддержкой и уважением испанского народа, а Хуана Карлоса I окрестили послом Испании на международной арене. Однако время шло и менялись ценности. Так, Хуан Карлос, занимавший должность почетного президента испанского отделения Фонда дикой природы, был замечен в Африке во время охоты на слонов, которая оплачивалась из средств государственного бюджета в самый разгар экономического кризиса. Он нередко мелькал в компании своей любовницы, при этом в официальных пресс-релизах подчеркивалось, что по состоянию здоровья немолодому монарху все труднее принимать участие в официальных мероприятиях. Затем зять короля попал под следствие и был осужден за многочисленные финансовые махинации и должностные преступления, а инфанта Кристина оказалась под подозрением в причастности к ним.

В 2014 г. единственным способом реабилитировать институт монархии в глазах испанского народа стало отречение Хуана Карлоса от престола и коронация принца Филиппа VI, который за несколько лет сумел поменять отношение граждан к королевской семье.

Проведенный нами анализ центральной испанской прессы в период с 2014 по 2020 г. показал, что ключевой стратегией легитимации королевской власти на этом этапе являлась стратегия апелляции к авторитету в такой ее форме, которую мы условно назвали «полифонией голосов».

Согласно концепции полифонизма М. М. Бахтина, следует говорить о множественности

голосов, точек зрения и версий реальности, ни одна из которых, включая авторскую, не является более истинной, чем другая [Бахтин 2000]. Полифонизм предполагает множественность сознаний, а значит — свободу и самостоятельность «голоса», его независимость от автора [Бахтин 2000: 237]. Применительно к художественному пространству романа М. М. Бахтин писал также о главных условиях полифонизма, среди которых выделял следующие: предельная объективность и полнота воссоздания точек зрения, многоголосие, отсутствие над ними преобладающей авторской позиции [Там же]. При этом действительность видится читателями исключительно через призму самого романа, а исторический контекст не оказывает значительного влияния на процесс формирования мнения у читателя.

Анализ материала показал, что данная концепция обладает эвристическим потенциалом и в рамках политического массмедийного дискурса, в котором легитимация нередко приобретает форму диалога «голосов», легко узнаваемых в сообществе или просто претендующих на какой-либо статус. Однако в контексте массмедиа такое многоголосие, в отличие от его первичной функции в концепции М. М. Бахтина, призвано создать лишь иллюзию объективности и полноты точек зрения на событие или персоналию — в политическом дискурсе полифония выступает как инструмент воздействия на массовое сознание.

«Голоса», звучащие со страниц газет, с экранов телевизоров, неоднородны. Условно их можно разделить на 3 группы: 1) голоса первого порядка (главные действующие лица, участники борьбы за власть — президенты, монархи и т. д.); 2) голоса второго порядка (ключевые политические персоналии, имеющие авторитет на политической арене, высказывающие свое экспертное мнение, но не претендующие на власть); 3) голоса третьего порядка (местные жители, представители людей «из народа») [Горностаева 2020]. Полифония «голосов», накладывающихся друг на друга и артикулирующих определенные политические идеи, рассчитана на формирование определенного образа реальности, государства или личности.

ПОЛИФОНΙΑ ГОЛОСОВ КАК СРЕДСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ ИСПАНСКОЙ МОНАРХИИ ПРИ КОРОЛЯХ ХУАНЕ КАРЛОСЕ I И ФИЛИППЕ VI В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ АПЕЛЛЯЦИИ К АВТОРИТЕТУ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В данной части статьи мы рассмотрим специфику использования стратегии апел-

ляции к авторитету применительно к двум монархам — Хуану Карлосу I и Филиппу VI.

Легитимация экс-короля Хуана Карлоса строится на провоцировании чувства жалости к престарелому монарху и оправдании его необдуманных поступков плохим самочувствием и одиночеством. Яркая субстратегия стратегии апелляции к авторитету, используемая для легитимации монархии в лице Хуана Карлоса, — субстратегия **апелляции к авторитету эксперта**. В качестве последнего выступают разнообразные политические персоналии, имена которых открыто не называются. Как отмечает А. П. Чудинов, автором политического текста является тот, кто берет на себя ответственность за него. Политические речи готовятся целой группой специалистов, но сам политический деятель считается автором, поскольку озвучивает текст, принимая ответственность за его содержание [Чудинов 2006]. В анализируемом нами случае цитируемые «голоса» стараются снять с себя всякую ответственность, поэтому их имена скрываются.

Экспертов, мнение которых используется для легитимации монарха, мы отнесем к категории «голосов» второго порядка. Она включает авторитетных политических деятелей, принимающих или принимавших ранее активное участие в политической жизни Испании. Благодаря своему статусу, указывающему на присутствие богатого опыта непосредственной включенности в политический процесс, они вызывают доверие у граждан, поэтому их экспертное мнение чаще всего используется журналистами для легитимации экс-короля.

Так, некий экс-министр акцентирует внимание на страданиях, которые выпали на долю юного Хуана Карлоса во времена правления Франко, и отмечает его «огромный и неоспоримый исторический вклад» (пример 1):

(1) *Un exministro que lo conoce bien divide su trayectoria en tres etapas: “La primera, la de sufrir y tragar, hasta que le nombraron Rey. La segunda, hasta el 23-F, la de su enorme contribución histórica, que nadie discute. La tercera, cuando cree que nadie le va a pedir cuentas nunca”* (Juan Carlos I: la vida de un rey en tres actos / El País. 02.06.2019). — *Один бывший министр, который хорошо его знает, разделяет карьеру короля на три этапа: «Первый — этап страданий и „сглатываний“ обид — до того, как он стал королем. Второй — этап его огромного исторического вклада, который никто не оспаривает — до попытки государственного переворота 23 февраля. Третий — этап, на котором он думал, что*

никто и никогда не будет сводить с ним счеты».

Тот же «голос» второго порядка оправдывает и нежелание Хуана Карлоса покинуть трон, вопреки своему обещанию отречься от престола в 70 лет, говоря о том, насколько сложно (не только для короля, но и для любого человека) решиться уйти. В данном контексте «подключается» и **стратегия моральной оценки** в виде **субстратегии оценки** — подчеркивается, что в данной ситуации всем было бы сложно, поэтому абсолютно нормально, с точки зрения цитируемого «голоса», вести себя как Хуан Карлос:

(2) *Un veterano ministro que compartió muchas horas con el Rey lo disculpa: Es que lo difícil no es llegar, ni mantenerse. Créame: lo difícil es saber irse, descubrir que ha llegado la hora y hacerle frente. Es difícil para los músicos, para los futbolistas, para los actores y para los políticos. Y es difícil también para los reyes* (Juan Carlos I: la vida de un rey en tres actos / El País. 02.06.2019). — *Один из уважаемых министров, который провел с королем бок о бок много часов, оправдывает его: «Дело в том, что самое трудное — это не сесть на трон или продержаться на нем. Поверьте мне, самое сложное — это суметь уйти, понять, что время пришло, и посмотреть правде в глаза. Это тяжело для музыкантов, футболистов, актеров и политиков. Королям тоже тяжело».*

Пример 3 также представляет собой реализацию легитимации через субстратегию апелляции к авторитету эксперта посредством другого голоса второго порядка — экс-министра социалиста Альфредо Переса Рубалькабы. Это один из редких случаев, когда имя цитируемого политика называется. Возможно, это обусловлено тем, что он недавно скончался, поэтому сказанное им уже никак не сможет дискредитировать его самого в условиях весьма динамичной политической системы Испании с постоянно меняющимися политическими тенденциями:

(3) *Primero, es un tipo cercano, que te hace sentir bien. <...> Segundo, es un tipo listo. Un superviviente, y se nota. Es alguien que lo ha pasado muy mal. <...> Y tercero, es valiente <...>* (Juan Carlos I: la vida de un rey en tres actos / El País. 9.09.2019). — *Во-первых, он такой «свой парень», рядом с которым тебе хорошо. <...> Во-вторых, он умный парень. Сумевший выжить, и это видно. Тот, кому когда-то пришлось очень туго. <...> И в-третьих, он храбрый <...>.*

Испанские массмедиа задействуют «голоса» третьего порядка для легитимации Хуана Карлоса в рамках субстратегии апелляции к

авторитету эксперта, приводя мнения друзей, людей из близкого окружения экс-короля.

Так, журналисты национальной газеты «Эль паис» приводят слова некоего старинного друга Хуана Карлоса, подчеркивающие физическую немощность и одиночество экс-короля:

(4) *Un viejo amigo de Juan Carlos I acudió a verle al palacio de la Zarzuela, después de que el Rey le llamara por teléfono. Lo encontró solo, en una habitación interior muy pequeña, tumbado boca arriba en una **camilla, dolorido de la cadera, con el mando a distancia de la televisión en la mano, cambiando de canal. Sin mucho más que hacer. Sin nadie al lado** (Juan Carlos I: la vida de un rey en tres actos / El País. 02.06.2019). — Один старинный друг Хуана Карлоса I приехал навестить его во дворце Сарсуэла после того, как тот позвонил ему. Он застал его лежащим на **каталке в одиночестве** в маленькой комнатке, **страдающим от боли в бедре**, с пультом от телевизора в руке и переключаящим каналы. Он ничем больше не занимался. **Рядом не было никого.***

При этом «немощность» Хуана Карлоса, артикулируемая устами «давнего друга», может гипостазироваться и переноситься на все состояние испанской монархии, в котором она пребывала до его отречения от престола (пример 5):

(5) *Recuerda la pena que sintió al ver al en otro tiempo popular e indiscutido Juan Carlos I, así, **perdido** en su propio palacio, **zapeando**, atendiendo las **escasas** llamadas de teléfono que recibía. El Rey tenía ese día 74 años. Y **no estaba bien**. Ni él ni la institución que encarnaba. La Monarquía atravesaba uno de sus **peores momentos** (Juan Carlos I: la vida de un rey en tres actos / El País. 02.06.2019). — Он (друг) вспоминает боль, которую испытал, увидев, как некогда популярный и всеми признанный Хуан Карлос I сидит **потерянный** в собственном дворце, **переключая каналы** и отвечая на **редкие** телефонные звонки, которые ему поступают. Королю было 74 года. **Дела обстояли так себе**. Как у него самого, так и у института монархии, который он воплощал собой. Монархия переживала один из **худших моментов** в своей истории.*

Легитимация действующего короля Испании — Филиппа VI также реализуется голосами его ближайшего окружения и испанской политической элиты (субстратегия апелляции к авторитету эксперта без указания имени цитируемого): *un exresponsable de la Casa* (бывшее ответственное лицо королевского дворца), *uno de sus colaboradores* (один из его помощников), *una persona de su*

entorno inmediato (человек из его ближайшего окружения), *una fuente de su círculo íntimo* (источник из его ближайшего окружения) и т. п. Они являются «голосами» второго порядка и представлены авторитетными политическими деятелями Испании или членами команды действующего короля. Филипп предстает как монарх, умеющий слушать и слышать, готовый к диалогу и рефлексии (пример 6).

(6) *«No os inventamos nada», explica un miembro de ese equipo. «Ha habido **mucho diálogo**. Don Felipe es un señor que **está dispuesto a escuchar**. Que **pondera, valora, debate, reflexiona y decide**» (Monarquía 2.0 / El País. 28.06.2015). — «Мы ничего не придумываем, — поясняет один из членов его команды. — Мы много **дискутировали**. Дон Филипп — человек, который **готов слушать**. Кто **взвешивает, оценивает, обсуждает, размышляет и принимает решение**».*

О короле как о модераторе говорит один из помощников Филиппа (пример 7):

(7) *“Que tiene muy claro cuál es su papel: qué puede y qué no puede hacer. Y si no lo sabe, pregunta. Don Felipe no da saltos al vacío. Entiende **su papel moderador** no como una interferencia en el juego político, sino como la capacidad de poner aceite en los engranajes del Estado”, explica uno de sus colaboradores (Monarquía 2.0 / El País. 28.06.2015). — «Он очень четко понимает свою роль: что он может делать, а что нет. А если не знает, спрашивает. Дон Филипп не прыгает в пустоту. Он воспринимает свою **роль модератора** не как вмешательство в политическую игру, а как возможность смазать маслом шестеренки государства», — объясняет один из его помощников.*

Легитимация Филиппа VI также осуществляется через цитирование голосов третьего порядка — простых очевидцев происходящего, обслуживающего персонала дворца Сарсуэла, работников среднего звена (примеры 8—11).

(8) *Habían sido 17 días de “**mucha concentración, mucha dedicación, mucha responsabilidad y mucho insomnio**”, según describe un testigo (Monarquía 2.0 / El País. 28.06.2015). — Это были 17 дней «**огромной концентрации, огромной самоотдачи, огромной ответственности и бессонницы**», — отмечает один из очевидцев.*

Филипп VI легитимируется через противопоставление отцу и его стилю правления. Так, некие служащие королевского дворца Сарсуэла сравнивают:

(9) *Esta Casa, durante muchos años, se dirigió como **un cuartel y después como una***

embajada. Todo ha estado muy jerarquizado, muy compartimentado. Con un número uno omnipotente, ya fuera un general o un embajador. Con poco diálogo. Y menos aún con el rey Juan Carlos. El estilo de gestión del tándem don Felipe-Alfonsín tiene más que ver con una organización moderna (Monarquía 2.0 / El País. 28.06.2015). — *Этот дворец долгие годы был сначала казармой* (прим.: при Франсиско Франко), *а затем Посольством. Во всем была строгая иерархия и разделение. С всемогущим номер один, будь то генерал или посол. Было мало диалога. При Хуане Карлосе и того меньше. Стиль правления тандема дон Филипп — Альфонсин имеет гораздо больше общего с современной организацией* (т. е. с демократическим стилем правления, опирающимся на привлечение команды к принятию решений. — А. К., Ю. Г.).

Стиль правления Филиппа VI, в сравнении с политическим укладом при его отце, гораздо более сдержанный, обдуманный, что подтверждает «один из служащих королевского двора среднего звена» (*un miembro de la Casa del Rey de nivel medio*), чей голос третьего порядка звучит в тексте одной из статей при реализации субстратегии апелляции к авторитету эксперта:

(10) *Cuando vamos en caravana todos los coches de La Zarzuela, con el Rey al frente, nos paramos en los semáforos. Antes nos los saltábamos con la sirena a todo meter* (Monarquía 2.0 / El País. 28.06.2015). — *Когда мы едем в караване автомобилей Сарсуэлы с королем во главе, мы останавливаемся на всех светофорах. Раньше мы их лихо проскакивали под гул сирены.*

Многие люди из ближайшего окружения действующего монарха подчеркивают его положительные личностные качества, помогающие ему в работе:

(11) *Una persona de su entorno inmediato describe <...>: Y cómo él, de forma exquisita, determinante unas veces, eficaz siempre, ha conseguido encauzar una situación, o tranquilizar, o disuadir, o sugerir* (Monarquía 2.0 / El País. 28.06.2015). — *Один человек из его ближайшего окружения описывает, как он изящно, иногда решительно, но всегда эффективно умудряется направить ситуацию в нужное русло, успокоить, отговорить или предложить.*

Проанализировав стратегии легитимации испанской монархии, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, в контексте исследуемой проблематики ключевая субстратегия, используемая испанскими СМИ для легитимации монархии, — субстратегия апелляции к

авторитету эксперта. В подавляющем большинстве случаев журналисты задействуют «голоса» второго и третьего порядка — неких бывших министров, людей из ближайшего окружения королей, бывших или действующих политиков, обслуживающего персонала. Примечательно, что практически всегда журналисты отказываются упоминать имя цитируемого, ограничиваясь абстрактными формулировками «один министр», «один старинный друг», «один человек из ближайшего окружения» и т. п. Делается это, на наш взгляд, для того, чтобы в условиях нестабильной политической обстановки в Испании снять груз ответственности с цитируемого «голоса».

Во-вторых, при легитимации Хуана Карлоса акцент делается на его прошлых достижениях — личном историческом вкладе в эпоху перехода от диктатуры к демократии, проявленной стойкости при попытке государственного переворота, а также роли посла Испании на международной арене. Скандальные события заката его правления нередко списываются на проблемы со здоровьем и почтенный возраст монарха, а в центре внимания оказываются приятные и восторженные воспоминания «голосов» о начале карьеры бывшего короля Испании. При легитимации экс-монарха СМИ задействуют «голоса» близких людей, друзей и ровесников Хуана Карлоса, благодаря чему в сознании адресата актуализируются фреймы «дружба», «старость/болезнь», «одиночество». Вербализованы данные фреймы в текстах статей при помощи соответствующих лексических единиц. Так, фрейм «дружба» находит свое языковое отражение, в частности, в следующих лексемах: *un tipo cercano, un viejo amigo, círculo íntimo, entorno inmediato*. Фрейм «старость/болезнь», в свою очередь, вербализован за счет лексем *sufrir, veterano, camilla, dolorido, peores momentos, viejo, operación*. «Одиночество» репрезентировано посредством таких лексических единиц, как *sin nadie al lado, solo, perdido, escasas llamadas*.

Филипп VI легитимируется через его заслуги в настоящем: его самоотдачу, эмпатию, профессионализм, взвешенные решения, рационализм, правильное конституционное восприятие монархии. Зачастую легитимация выстраивается на противопоставлении стилю правления его отца. Средства массовой информации цитируют «голоса» людей, которые работают в команде с действующим монархом или обслуживают королевскую семью, ведь Филипп, с точки зрения испанской прессы, является достойным монархом, настоящим профессионалом своего

дела. Таким образом, успешно актуализируются фреймы «профессионализм», «команда», «конституционная монархия». Фрейм «профессионализм» вербализован за счет лексем, описывающих положительные профессиональные качества монарха: *dispuesto a escuchar, valora, debate, reflexiona, pondera, mucha concentración, mucha dedicación, mucha responsabilidad, eficaz siempre, determinante*. Лексемы *equipo, colaborador, tándem don Felipe-Alfonsín* являются лексическими репрезентантами фрейма «команда», а фрейм «конституционная монархия» находит свое отражение в таких лексических единицах, как *mucho diálogo, papel moderador, poner aceite en los engranajes del Estado, organización moderna*.

Третий вывод опирается на предложенную нами классификацию голосов: голоса первого (ключевые фигуры — президенты, главы правительств и т. п.), второго (политические деятели, эксперты, известные личности) и третьего порядка (очевидцы происходящего, приближенные, обычные граждане). Анализ текстового материала показал, что легитимация двух последних Бурбонов осуществляется с использованием «голосов» второго и третьего порядка. Сами монархи являются «голосами» первого порядка, однако, как правило, они не участвуют в легитимации друг друга.

Полученные результаты мы представили в виде схемы (см. рис. 1).

Рис. 1. Процесс легитимации испанской монархии в СМИ при Хуане Карлосе I и Филиппе VI

Таким образом, для легитимации испанских монархов средства массовой информации Испании прибегают к использованию стратегии апелляции к авторитету экспертов, в качестве которых выступают голоса второго и третьего порядка (блоки II и III на схеме с рис. 1). Голосами первого порядка являются сами монархи. При помощи определенных лексических единиц, вложенных в уста цитируемых экспертов, актуализируются «удобные» фреймы (овальные элементы на рис. 1), которые помогают легитимировать испанскую монархию в медиапространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Л. Толстом. Записки курса лекций по истории русской литературы / М. М. Бахтин. — Москва : Рус. словари, 2000. — 798 с. — Текст : непосредственный.
2. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер. — Москва : Прогресс, 1990. — 808 с. — Текст : непосредственный.
3. Горностаева, Ю. А. Полифония «голосов» как средство реализации манипуляции в поляризованном политическом дискурсе / Ю. А. Горностаева. — Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — Архангельск, 2020. — № 2. — С. 26—33.
4. Козачина, А. В. Реализация мифопоэтической стратегии легитимации институционализированных ценностей в японском педагогическом дискурсе / А. В. Козачина. — Текст :

непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2020. — № 6. — С. 20—26.

5. Колмогорова, А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа / А. В. Колмогорова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1. — С. 33—40.

6. Левшенко, Ю. И. Политический дискурс в СМИ и легитимация власти в контексте социально-политических изменений / Ю. И. Левшенко. — Текст : непосредственный // Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 3 (17). — Ч 1. С. 111—115.

7. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.

8. Abdi, R. Legitimation in Discourse and Communication Revisited: A Critical View towards Legitimizing Identities in Communication / R. Abdi, A. Basarati. — Text : unmediated // International Journal of Society, Culture and Language. — 2018. — Vol. 6. — Iss. 1. — P. 86—100.

9. Barrera, C. La prensa española ante la designación de Don Juan Carlos como sucesor de Franco a título de rey / C. Barrera. — Text : unmediated // Communication & Society. — 1994. — Vol. 7. — № 1. — P. 93—109.

10. Clemen, G. The concept of hedging: Origins, approaches and definitions / G. Clemen. — Text : unmediated // Hedging and Discourse / Hartmut Schroeder, Raija Markkanen (eds.). — [S. l.], 1997. — P. 80—97.

11. Fraser, B. Forthcoming. A brief history of hedging / B. Fraser. — Text : unmediated // Vagueness in Language / Stefan Schneider (ed.). — Bingley : Emerald Publishing.

12. Fairclough, N. Analysing discourse textual analysis for social research / N. Fairclough. — London : Routledge, 2003. — 270 p. — Text : unmediated.

13. Fairclough, I. Legitimation and Strategic Maneuvering in the Political Field / I. Fairclough. — Text : unmediated // Argumentation. — 2008. — № 22 (3). — P. 399—417.

14. Leeuwen, T. Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis / T. Leeuwen. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — 184 p. — Text : unmediated.

15. Leeuwen, T. Legitimizing immigration control: A discourse-historical analysis / T. Leeuwen, R. Wodak. — Text : unmediated // Discourse Studies. — 1999. — Vol. 1. — P. 83—118.

16. Lepistö, L. Taking information technology seriously: on the legitimating discourses of enterprise resource planning system adoption / L. Lepistö. — Text : unmediated // Journal of Management Control. — 2014. — Vol. 25. — P. 193—219.

17. Montero, L. El día más difícil del rey. Discursos de legitimación monárquica desde la ficción televisiva / L. Montero. — Text : unmediated // Revista de Historia Actual. — 2015. — № 12. — P. 43—50.

18. Poblete, C. Estrategias de legitimación del discurso de los diputados en la Acusación Constitucional en contra de la Ministra de Educación de Chile / C. Poblete. — Text : unmediated // Revista Signos. — 2011. — No 44 (76). — P. 168—182.

19. Reyes, A. Strategies of legitimization in political discourse: From words to Actions / A. Reyes. — Text : unmediated // Discourse & Society. — 2011. — Vol. 22. — Iss. 6. — P. 781—807.

20. Rizwan, S. Legitimation strategies and theistic worldview in socio-political discourse: A systematic functional critical discourse analysis of Pakistani social media discussions / S. Rizwan. — Text : unmediated // Text & Talk. — 2019. — Vol. 39. — Iss. 2. — P. 235—260.

21. Screti, F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs / F. Screti. — Text : unmediated // Critical Discourse Studies. — 2013. — Vol. 10 (2). — P. 205—222.

22. Suchman, M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches / M. C. Suchman. — Text : unmediated // Academy of Management Review. — 1995. — Vol. 20. — № 3. — P. 571—610.

23. Tolbert, P. S. The institutionalization of institutional theory / P. S. Tolbert, L. G. Zucker. — Text : unmediated // Handbook of Organization Studies. — London : SAGE, 1996. — P. 175—90.

24. Vaara, E. A discursive perspective on legitimization strategies in multinational corporations / E. Vaara, J. Tienari. — Text : unmediated // Academy of Management Review. — 2008. — Vol. 33. — P. 985—993.

25. Zugasti, R. La prensa de la transición como cómplice de Juan Carlos I: el ejemplo de la legitimidad franquista de la Monarquía / R. Zugasti. — Text : unmediated // Espacio, Tiempo y Forma. Serie V, Historia Contemporánea. — 2006. — № 18. — P. 299—319.

A. V. Kolmogorova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6425-2050

Yu. A. Gornostaeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6233-4995

E-mail: yulyatald@yandex.ru, nastiakol@mail.ru.

Legitimation of the Spanish Monarchy in the Political Media Discourse: The Strategy of Appeal to Authority and Polyphony of Voices

ABSTRACT. *The article seeks to address the problem of the strategies of legitimation of the Spanish monarchy during the reign of two Kings — Juan Carlos I and Philip VI in the Spanish political media discourse. The aim of the study is to carry out a comparative analysis of the legitimation strategies of the two Spanish monarchs. The analysis of discourse strategies and substrategies has revealed that the legitimation of the Spanish monarchs is effected through appeal to expert's authority, which at the level of discourse organization manifests itself in the form of direct quotation or reported speech. It is suggested to consider such inclusions of the Other's speech in political media discourse via the concept of M. Bakhtin's polyphony of voices. The authors work out and present a typology of "voices" involved in the creation of such a political polyphony. It is concluded that in order to legitimate the figure of King Juan Carlos, "voices" of the second and third order are mainly used through the judgments and opinions of the king's close friends and contemporaries and veterans of the Spanish political elite. All of them serve to actualize in the mind of the discourse recipient the frames of "friendship", "illness", "loneliness", and "old age", which create a cognitive basis for justifying the monarch's incorrect political behavior. The legitimation of the power of the incumbent monarch Philip VI is based on the "voices" belonging to the members of his team and colleagues, which serves to actualize the frames of "professionalism", "team", and "constitutional monarchy". These frames create the cognitive basis for the recognition by the majority of the community members of his positive personal traits and merits. The results obtained can be used to supplement the existing methods of analyzing political mass media discourse, as well as to expand the set of methodological tools of legitimation discourse.*

KEYWORDS: *political discourse; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; mass media language; linguistic means; Spanish mass media; legitimation of power; polyphony; dialogic nature; Spanish monarchy; Spanish monarchs; frames.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kolmogorova Anastasiya Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gornostaeva Yuliya Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

FOR CITATION: *Kolmogorova, A. V. Legitimation of the Spanish Monarchy in the Political Media Discourse: The Strategy of Appeal to Authority and Polyphony of Voices / A. V. Kolmogorova, Yu. A. Gornostaeva // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 41-49. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_04.*

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. Collected works: in 7 volumes. Vol. 2. Problems of Dostoevsky's works. Articles about L. Tolstoy. Notes of the course on the history of Russian literature. — Moscow : Russian dictionaries, 2000. 798 p. [Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 2. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Stat'i o L. Tolstom. Zapiski kursa po istorii russkoy literatury. M.: Rus. Slovari, 2000. 798 s.]. — (In Rus.).
- Weber, M. Selected works. Translation from German. — Moscow : Progress, 1990. 808 p. [Izbrannye proizvedeniya. Per. s nem. M.: Progress, 1990. 808 s.]. — (In Rus.).
- Gornostaeva, Yu. A. The polyphony of voices as a means of manipulation in a polarized political discourse // Bulletin of NARFU. Series «Humanities and Social Sciences». Arkhangel'sk. 2020. № 2. P. 26—33 [Polifoniya «golosov» kak sredstvo realizatsii manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom disurse // Vestnik SAFU. Seriya «Gumanitarnye i sotsialnye nauki». Arkhangel'sk. 2020. № 2. S. 26—33]. — (In Rus.).
- Kozachina, A. V. Implementation of the mythopoetic strategy of legitimizing institutionalized values in Japanese pedagogical discourse // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2020. № 6. P. 20—26 [Realizatsiya mifopoeticheskoy strategii legitimatsii institutsionalizirovannykh tsehnostey v yaponskom pedagogicheskom diskurse // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 6. S. 20—26]. — (In Rus.).
- Kolmogorova, A. V. Legitimation as a sociopolitical phenomenon and an object of discourse analysis // Political linguistics. 2018. № 1. P. 33—40 [Legitimatsiya kak sotsiopoliticheskiy fenomen i ob'ekt diskurs-analiza // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 1. S. 33—40]. — (In Rus.).
- Levshenko, Yu. I. Political discourse in the media and the legitimation of power in the context of socio-political changes // Gramota. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of Theory and practice. — 2012. — № 3 (17). — P. 1. P. 111—115 [Politicheskii diskurs v SMI i legitimatsiya vlasti v kontekste sotsialno-politicheskikh izmeneniy // Gramota. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 3 (17). Ch. 1. S. 111—115]. — (In Rus.).
- Chudinov, A. P. Political Linguistics. — Moscow : Flinta : Nauka, 2006. 254 p. [Politicheskaya lingvistika. Moskva: Flinta, Nauka, 2006. 254 s.]. — (In Rus.).
- Abdi, R. Legitimation in Discourse and Communication Revisited: A Critical View towards Legitimizing Identities in Communication / R. Abdi, A. Basarati. — Text : unmediated // International Journal of Society, Culture and Language. — 2018. — Vol. 6. — Iss. 1. — P. 86—100.
- Barrera, C. La prensa española ante la designación de Don Juan Carlos como sucesor de Franco a título de rey / C. Barrera. — Text : unmediated // Communication & Society. — 1994. — Vol. 7. — № 1. — P. 93—109.
- Clemen, G. The concept of hedging: Origins, approaches and definitions / G. Clemen. — Text : unmediated // Hedging and Discourse / Hartmut Schroeder, Raija Markkanen (eds.). — [S. l.], 1997. — P. 80—97.
- Fraser, B. Forthcoming. A brief history of hedging / B. Fraser. — Text : unmediated // Vagueness in Language / Stefan Schneider (ed.). — Bingley : Emerald Publishing.
- Fairclough, N. Analysing discourse textual analysis for social research / N. Fairclough. — London : Routledge, 2003. — 270 p. — Text : unmediated.
- Fairclough, I. Legitimation and Strategic Maneuvering in the Political Field / I. Fairclough. — Text : unmediated // Argumentation. — 2008. — № 22 (3). — P. 399—417.
- Leeuwen, T. Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis / T. Leeuwen. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — 184 p. — Text : unmediated.
- Leeuwen, T. Legitimizing immigration control: A discourse-historical analysis / T. Leeuwen, R. Wodak. — Text : unmediated // Discourse Studies. — 1999. — Vol. 1. — P. 83—118.
- Lepistö, L. Taking information technology seriously: on the legitimating discourses of enterprise resource planning system adoption / L. Lepistö. — Text : unmediated // Journal of Management Control. — 2014. — Vol. 25. — P. 193—219.
- Montero, L. El día más difícil del rey. Discursos de legitimación monárquica desde la ficción televisiva / L. Montero. — Text : unmediated // Revista de Historia Actual. — 2015. — № 12. — P. 43—50.
- Poblete, C. Estrategias de legitimación del discurso de los diputados en la Acusación Constitucional en contra de la Ministra de Educación de Chile / C. Poblete. — Text : unmediated // Revista Signos. — 2011. — No 44 (76). — P. 168—182.
- Reyes, A. Strategies of legitimization in political discourse: From words to Actions / A. Reyes. — Text : unmediated // Discourse & Society. — 2011. — Vol. 22. — Iss. 6. — P. 781—807.
- Rizwan, S. Legitimation strategies and theistic worldview in socio-political discourse: A systematic functional critical discourse analysis of Pakistani social media discussions / S. Rizwan. — Text : unmediated // Text & Talk. — 2019. — Vol. 39. — Iss. 2. — P. 235—260.
- Screti, F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs / F. Screti. — Text : unmediated // Critical Discourse Studies. — 2013. — Vol. 10 (2). — P. 205—222.
- Suchman, M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches / M. C. Suchman. — Text : unmediated // Academy of Management Review. — 1995. — Vol. 20. — № 3. — P. 571—610.
- Tolbert, P. S. The institutionalization of institutional theory / P. S. Tolbert, L. G. Zucker. — Text : unmediated // Handbook of Organization Studies. — London : SAGE, 1996. — P. 175—90.
- Vaara, E. A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations / E. Vaara, J. Tienari. — Text : unmediated // Academy of Management Review. — 2008. — Vol. 33. — P. 985—993.
- Zugasti, R. La prensa de la transición como cómplice de Juan Carlos I: el ejemplo de la legitimidad franquista de la Monarquía / R. Zugasti. — Text : unmediated // Espacio, Tiempo y Forma, Serie V, Historia Contemporánea. — 2006. — № 18. — P. 299—319.

М. Н. Лату

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

ORCID ID: —

Ю. Р. Тагильцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: —

E-mail: laatu@ya.ru; jennifer1979@yandex.ru.

Коммуникативные стратегии и тактики в статических поликодовых текстах, посвященных массовой самоизоляции

АННОТАЦИЯ. В статье представлено исследование специфики статических поликодовых текстов — мемов и демотиваторов, посвященных самоизоляции, с целью выявления и описания коммуникативных стратегий и тактик. Как показывает анализ, в рассматриваемых статических поликодовых текстах реализуется набор определенных коммуникативных стратегий и тактик: стратегия создания психологического напряжения (тактики: создания «тяжелого» будущего; иллюстрации; «Негативный собственный опыт»), стратегия юмора (тактики: «Самоизоляция — это...»; «До и во время / после самоизоляции»; черного юмора), стратегия нейтрализации шокового состояния (тактики: «Положительный собственный опыт»; «Советы и рекомендации в условиях самоизоляции»; «Лучше, чем у других»; «Самоизоляция по-...ски в разных странах»), стратегия диффамации (тактики: формирования негативного характеризующего подтекста; «оглуления», примитивизации объекта), стратегия косвенного негативного оценивания объекта (тактики: выстраивания компрометирующих ассоциаций; выскливания и сложения мелких негативных деталей, направленных на дискредитацию объекта), стратегия возбуждения сочувствия к «жертвам самоизоляции» (тактики: изображения трудностей постоянного нахождения дома; «Новая реальность — новые правила/императивы»), стратегия стимулирования рассуждения (тактики: диалога с читателем; «Использование известного образа»), стратегия манипулирования (тактики: пропаганды; призыва), стратегия формирования положительного настроения (тактика «Проявление заботы»). Данные коммуникативные стратегии и тактики используются для информационно-психологического воздействия на адресата и формирования в его сознании определенных установок в отношении массовой самоизоляции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поликодовые тексты; мемы; демотиваторы; массовая самоизоляция; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; пандемия; коронавирус; манипулятивное воздействие; манипуляция сознанием; прагматическая цель.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лату Максим Николаевич, кандидат филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, директор научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», Пятигорский государственный университет; 357500, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9, к. 604; e-mail: laatu@ya.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра педагогики и педагогической компаративистики Института общественных наук, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 414; e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лату, М. Н. Коммуникативные стратегии и тактики в статических поликодовых текстах, посвященных массовой самоизоляции / М. Н. Лату, Ю. Р. Тагильцева // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 50-71. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_05.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31693.

Известно, что поликодовые тексты в силу своей специфики являются не только способом выражения особенностей восприятия определенного факта представителями общества, но также инструментом формирования общественного мнения. Особый интерес в связи с этим представляют статические поликодовые тексты (мемы и демотиваторы), посвященные феномену массовой самоизоляции. Целью данного исследования является выделение и описание коммуникативных стратегий и тактик, реализуемых в

статических поликодовых текстах, посвященных самоизоляции. Объем проанализированного материала составил более 1200 мемов и демотиваторов, опубликованных на страницах социальных сетей и развлекательных интернет-ресурсов. Как показывает анализ, в рассматриваемых статических поликодовых текстах (мемах и демотиваторах), посвященных самоизоляции, реализуется набор определенных коммуникативных стратегий и тактик, используемых для воздействия на коллективного адресата сообщения и

формирования общественного мнения в отношении самоизоляции. При этом стратегия — это «общий мыслительный план, или общая психологическая линия речевого поведения, определяемая интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации», а тактика — «это речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [Лингвистика ИПВ 2017: 54]; они способны спровоцировать эмоции и надежно закрепиться в подсознании, минуя цензуру психики человека. Рассмотрим их более подробно.

I. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Цель — создать атмосферу напряжения, страха, напугать. Как отмечает Ю. А. Антонова, данная стратегия относится к группе прагматических, свойственна статическим поликодовым текстам разных тематик и отвечает «за формирование эмоционального настроения посредством ряда вербальных и вербально-визуальных приемов и тактических средств» [Антонова 2007: 76].

1. Тактика создания «тяжелого» будущего. Некоторым поликодовым текстам можно дать условное заглавие «Что будет после отмены самоизоляции», поскольку их содержание раскрывает субъективные представления о прогнозируемом будущем. Специфика реализации данной тактики в самоизоляционном дискурсе заключается в том, что (в отличие от экстремистского, где страх вызывают напоминания о трагических событиях из прошлого, те состояния и эмоции, которые были пережиты людьми и остались в их социальной памяти) ужас (опасения) порождается именно неведомым, тем, что вызовет или принесет новые, доселе не пережитые на собственном опыте эмоции, состояния, а раз они неопределенны, значит, и представления о них будут надуманны, овеяны трагизмом, мотивами антиутопических произведений. При этом в рассматриваемых текстах для формирования образа будущего в сознании реципиента используются следующие приемы.

Прием трансфера, представляющий собой выстраивание ассоциативных рядов с кем-то или кем-то. Так, в некоторых поликодовых текстах содержится отсылка к образам мира художественной антиутопии, как

правило, картина реальности после ядерной катастрофы, или так называемой «сталкерской Зоны» (рис. 1), где человек находится не только на грани смерти, поскольку вынужден выискивать различные способы выживания (на что указывают изображения костюмов химзащиты, противогазов) в измененном мире, но и преодолевать на своем пути различные препятствия (дойти до аптеки или магазина и не заразиться или не быть пойманным полицией как нарушитель). Таким образом, в текстах имплицитно представлена аналогия с главной темой **неклассической антиутопии** — возможной гибелью значительной части человечества вследствие применения биологического/химического оружия, возникновения биоугроз (в данном случае таковой выступает заболевание COVID-19).

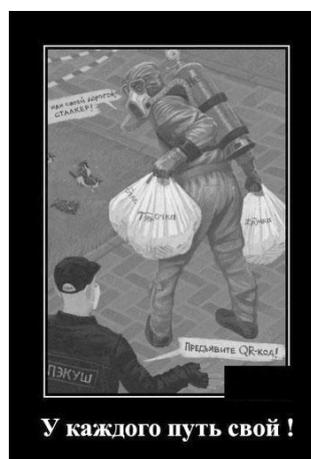

Рис. 1

Кроме того, в поликодовых текстах самоизоляционного дискурса встречаются и **отголоски постнеклассических антиутопий, прежде всего биопанка**, в которых выражается мысль, что биотехнологии способствуют созданию новых проблем и делают мир опасным для человека, из-за чего происходит деградация человечества и появление новой, нечеловеческой расы (бесполой, безликой, в которой особи отдаленно напоминают инопланетных мутантов) в ответ на изменившиеся условия нового мира (рис. 2).

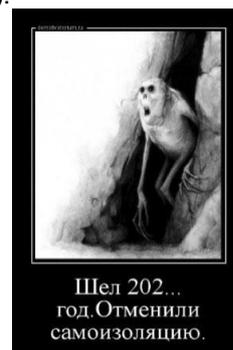

Рис. 2

Стоит отметить, что нередко в содержании анализируемых поликодовых текстов прослеживается и аналогия с «расщеплением» человеческого общества, отсутствием единства, что соответствует общей идее и условиям массовой самоизоляции. Поэтому главные герои преодолевают все трудности данного режима в одиночестве (один идет за покупками в магазин или аптеку, один пробирается в салон, один сидит дома и т. д.), изображенные персонажи остаются одни со своей философией, жизненным циклом, ресурсной базой и т. д. (рис. 3).

Рис. 3

При этом для весьма значительного количества текстов, посвященных самоизоляции, характерен *прием гиперболизации*. Так, например, в рамках рассматриваемой стратегии и тактики нередко транслируются мнения о сроке самоизоляции, и его намеренное преувеличение вводит изображенного героя в состояние шока (рис. 4).

Рис. 5

Рис. 6

- Привет, я прибыл из будущего.
Какой сейчас год?
- 2020-й
- То есть, десятилетний карантин только начался?

Рис. 4

В результате можно говорить, что данные приемы подчеркивают прежде всего негативные аспекты будущего, ввергая индивида в состояние неуверенности, растерянности и тем самым создавая картину безысходности, длительных трудных условий существования, неотвратимости ужасных масштабных изменений реальности.

2. Тактика иллюстрации. Посредством составляющих иконического компонента создается эффект объективного восприятия события, факта, не несущего чью-либо установку, что и вызывает у реципиента доверие [Антонова 2007: 84]. Чаще всего поликодовые тексты, в которых реализуется данная тактика, основываются на «иллюстрировании» известных устойчивых выражений (например, «мышь в холодильнике повесилась» — рис. 5), объявлениях на дверях магазинов, салонов, подъездов и т. д. (рис. 6) или представляют собой картинку-загадку (рис. 7).

ЗАДАЧА ДЛЯ ДЕТЕКТИВОВ:
ЭТО УБИЙСТВО ИЛИ СУИЦИД?

● Это самоизоляция

Рис. 7

3. Тактика «Негативный собственный опыт» используется для акцентирования внимания на трудностях самоизоляции, исходя из собственного опыта, ощущений или переживаний (рис. 8).

Рис. 8

II. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ЮМОРА

Данная стратегия является одной из наиболее часто реализуемых в рассматриваемых мемах и демотиваторах. Появление текстов, содержащих элементы «юмора, иронии, а порой и сарказма <...> свидетельствует о значительных трансформационных изменениях, происходящих в прагматическом пространстве <...> масс-медиа» [Храмченко 2017: 70].

Сущность комического, исходя из анализа теорий смеха, определяется его основополагающими мотивами: **мотив противоречия** (контраста, нелепости, безрассудства, бессмыслицы, перехода в противоположность и т. д.), часто сопутствующий ему **мотив игры** и **мотив видимости** (мнимости, кажимости, лжи, обмана, самообмана, иллюзии, виртуальности, претензии, «тени», «сна наяву», «грёзы», виртуальности, выдумки, фантазии, работы или игры воображения и др.) [Рюмина 2006: 74]. Стоит здесь уточнить некоторые моменты. Так, противоречие в комическом реализуется через соотнесенность безобразного, нелепого, ничтожного и др. с их позитивной противоположностью — осмысленным, соответствующим здравому смыслу, нормам, именно тогда оно обретает смысл [Там же: 75]. Что же касается видимости, то она представляет собой внешнюю, поверхностную сторону вещи или процесса, то, что приводит к искажению сущности. Поэтому можно говорить, что видимость является превратным выражением действительности, построенной на объективности [Там же: 76—77]. Видимость вещи или процесса свидетельствует о его ложности, ничтожности и пустоте содержания, а это ведет к самоуничтожению, само-

разрушению. В этом и заключается суть комического, ибо смех является средством развенчания чего-либо [Там же: 79]. Отдельного внимания заслуживает мотив игры. Неоднократно исследователями отмечалось, что игра представляет собой действие или занятие, связанное с воссозданием видимости, некоей мнимой реальности, условной ситуации, которая протекает в соответствии с присущими ей правилами, внутренним порядком и обособляется определенным игровым пространством и временем. То есть здесь можно говорить о «временных мирах внутри обычного, созданных для выполнения замкнутого в себе действия». Именно это качество игры и дает возможность комическую ситуацию рассматривать как некоторое состояние, когда субъект комического становится сторонним зрителем, выпадая из реальности, и получает удовольствие от понимания происходящего, чувство самоудовлетворения и самоутверждения и, конечно же, удовольствие от игры. Стоит здесь отметить и тот факт, что для любой игры характерна повторяемость структурных компонентов — движения «туда и обратно», что сопоставимо с колебаниями в юморе между противоположностями — «безобразным» и «образным», «нелепым» и «лепым». Все это приводит лишь к одному — к снижению позитивного, к его развенчанию. Именно этот познавательный процесс, инициируемый в сознании наблюдателя комической ситуации, и порождает сам смех [Там же: 102—103].

Если говорить о юморе в самоизоляции-онном дискурсе, то он содержит в себе все перечисленные мотивы, проявляемые в той или иной мере. Так, **мотив противоречия** связан со стремлением автора показать контрастность и нелепость происходящих изменений в жизни и сознании, противоречащих здравому смыслу; **мотив игры** виден в акцентировании внимания на часто происходящих типичных ситуациях в период самоизоляции; **мотив видимости** проявляется в создании псевдореальности за счет преувеличения и доведения ситуаций и их последствий до абсурда. Именно это и создает комическое в описании ситуации самоизоляции.

В результате **цель** коммуникативной стратегии юмора в данном дискурсе — с одной стороны, поднять настроение за счет легкого высмеивания частных сторон явления или злобного осмеяния и обличения его значимых порочных черт, передать оценочную информацию об изменениях в обществе, выказать сочувствие к себе и тем, кто оказался в нелепой для всех ситуации самоизоляции, подвергнуть критике неразумные действия

правительства, а с другой — в ряде случаев снять психологическое напряжение, ставшее результатом воздействия внешних факторов — эпидемии, введенных ограничивающих условий для передвижения человека, правительственных санкций по отношению к гражданам, нарушающим режим самоизоляции, экономического неблагополучия и др.

1. Тактика «Самоизоляция — это...».

Данная тактика дает возможность автору поликодового текста посредством юмора показать «внешне смешную трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным» [Храмченко 2017: 71] — восприятие временного отрезка, проведенного

на самоизоляции, и внутреннего ощущения его через атрибуты материального мира, знакомого и понятного всем. Поэтому, как видно на примере ряда текстов, дни, недели, месяцы самоизоляции исчисляются: развитием навыков ведения сельского хозяйства (рис. 9), творческих способностей (рис. 10) и мелкой моторики от скуки (рис. 11), изменениями внешнего облика (рис. 12), оставшимся количеством денег (рис. 13), а также бутылками с алкоголем (рис. 14). При этом также весьма частотной является реализация конкретных моделей, типичных для мемов и демотиваторов в целом, таких как «ожидание — реальность» и др.

ШЕЛ 7 ДЕНЬ КАРАНТИНА

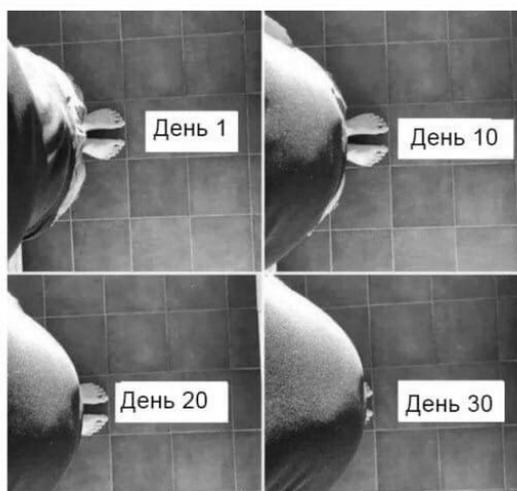
Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

● Ну вот и делаем вывод о том, что карантин делает наши ноги все меньше...!

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

2. Тактика «До и во время / после самоизоляции». Большинство поликодовых текстов, связанных с описанием внешнего со-

стояния индивида, оказавшегося на самоизоляции, строятся на мотиве противоречия — контраста, показывающего, как человек вы-

глядел «до» самоизоляции (стильный, деловой, модный, сдержанный/спокойный, уверенный и т. д.) и «во время или после» (домашний, набравший вес, обрюзгший, обросший, дикий и т. д.). Поэтому они, с одной стороны,

Рис. 15

3. Тактика черного юмора в самоизоляционном дискурсе выступает как особый тип комического, пронизанный пессимистическим восприятием окружающей действительности как мира абсурда. Это прежде всего касается ситуации ограничения пере-

Рис. 17

Стоит особо отметить, что неотъемлемой составляющей всех тактик коммуникативной стратегии юмора становится **прием гиперболизации**, создающий утрированный образ сложившейся ситуации и ее влияния на тех, кто оказался в нее втянут, с целью вызвать сочувствие, показать изменчивость сознания и восприятия действительности реципиентов, находящихся на самоизоляции.

В результате юмор одновременно может сочетать в себе насмешку и сочувствие, смешную трактовку и выражение внутренней причастности к тому, что представляется смешным. Все это приводит к тому, что цель шутки будет заключаться прежде всего в скрытом призыве к осмыслению того явления, которое подлежит осмеянию, его со-

формируют сочувствие ко всем, кто оказался «заключенным» дома из-за пандемии; с другой — это «смех сквозь слезы», заставляющий не только улыбнуться, но и задуматься над серьезностью ситуации (рис. 15 и 16).

Рис. 16

движения граждан в пределах города, страны и по всему миру в связи с введением превентивных мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции (рис. 17 и 18).

Рис. 18

вершенствованию, а не в злой критике [Храмченко 2017: 71].

III. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ШОКОВОГО СОСТОЯНИЯ

Цель — успокоить, убедить в том, что все находится под контролем. В рамках анализируемого материала — показать, что не все так плохо, что у самоизоляции есть и положительные стороны, продемонстрировать, что можно сделать для нивелирования трудностей и создания более комфортных условий в сложившейся ситуации, в том числе иллюстрируя, как проходит или может проходить самоизоляция в разных местах. **Мотив** — вывести из депрессивного состояния, предотвратить волнения

в обществе в связи с возможным выражением недовольства из-за затянувшихся «нерабочих недель» в период самоизоляции. Согласно О. С. Иссерс, данная стратегия отвечает за формирование эмоционального настроения. В связи с этим формирование положительного настроения во многом основывается на наличии комической составляющей, что позволяет взглянуть на трудности с юмором. При этом все же в ря-

де случаев речь может идти о псевдонейтрализации шокового состояния, когда в тексте содержится ирония.

1. Тактика «Положительный собственный опыт» используется для акцентирования внимания на положительных, по мнению автора, сторонах сложившейся ситуации, их иллюстрации, как бы исходя из собственного опыта, для чего также используется тактика иллюстрации (рис. 19, 20, 21).

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

2. Тактика «Советы и рекомендации в условиях самоизоляции», как правило, носит либо «успокоительный» характер, направленный на подавление панического настроения (рис. 22) или депрессивного состояния (рис. 23), либо рекомендательный, где предложенные варианты решения помогут реципиенту либо найти выход из ситуации — поддержать профессиональные качества (рис. 24), разнообразить досуг в

пределах квартиры (рис. 25 и 26), создать благоприятный психологический климат в обществе (рис. 27 и 28), либо сохранить собственное спокойствие или справиться с проблемой (рис. 29). При этом, как уже отмечалось, такие тексты могут иметь ироничное содержание и позволяют с юмором посмотреть на некоторые трудности самоизоляции.

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 26

Рис. 28

3. Тактика «Лучше, чем у других» строится на демонстрации определенных (улучшенных) условий в период самоизоляции по сравнению с другими людьми (соседями по дому, по населенному пункту и т. д.). Поэтому образы, представленные в поликодовом тексте, порой могут строиться на прямом (рис. 30) либо косвенном сравнении (рис. 31 и 32) по разным параметрам (например, возможность выходить из дома и совершать прогулки на свежем воздухе или находиться в определенном месте).

Рис. 25

Рис. 27

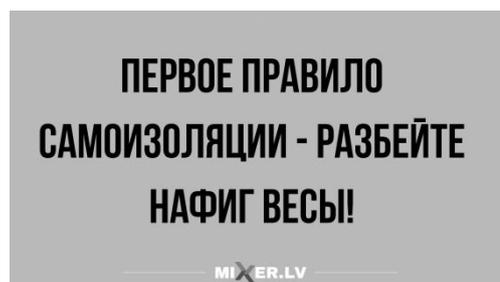

Рис. 29

Рис. 30

Живут же люди...

Рис. 31

4. Тактика «Самоизоляция по-...ски в разных странах» репрезентирует национальные особенности самоизоляции в пери-

Чтоб я так самоизолировался

Рис. 32

од предотвращения распространения коронавирусной инфекции с элементами юмора (рис. 33 и 35) или иронии (рис. 34).

Рис. 33

И здесь снова можно заметить, что юмор используется в представленных поликодовых текстах, с одной стороны, для выражения сочувствия к тем, кто оказался в условиях самоизоляции в замкнутом пространстве, с другой — чтобы показать смешную трактовку той или иной комичной ситуации и внутреннюю причастность к ней.

#СИДИМ ДОМА. ИНДИЯ

Рис. 34

Самоизоляция от Коронавируса по Русски

Рис. 35

IV. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДИФФАМИИ (ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ И/ЛИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ, ХАРАКТЕРИСТИК ОБЪЕКТА)

Цель — создать негативное оценочное мнение об определенном объекте. В анализируемых текстах таким нередко выступают органы власти и вводимые правительством меры по предотвращению распространения эпидемии на территории различных регионов государства.

1. Тактика формирования негативно характеризующего подтекста реализу-

ется за счет организации высказывания через отсылки к другому, известному, содержащему в себе негативный контекст. Так, в некоторых поликодовых текстах мишенью становится правительство с его жесткими мерами по предотвращению распространения эпидемии, в связи с чем некоторые авторы в выражаемых субъективных пред-

ставлениях о самоизоляции посредством гиперболы выстраивают аналогии с образом тоталитарного государства, опирающегося на полицейский сыск, поиск и отстрел нарушителей (рис. 36), слежку за гражданами (рис. 37), доносительство под предлогом заботы о здоровье граждан и нераспространения коронавирусной инфекции (рис. 38).

Не стреляй, он вроде за хлебом

Рис. 36

Рис. 37

Рис. 38

2. Тактика «оглупления», примитивизации объекта создается за счет доведения ситуации поимки сотрудниками правоохранительных сил нарушителя режима изоляции до абсурда (рис. 39). При этом может приводиться детализация отрицательной характеристики объекта речи в широком смысле (ситуации, события, чих-либо действий и т. д.), за счет которой создается иллюзия

компетентности автора поликодового текста, а тональность осуждения и отрицания самой ситуации, созданной объектом, лишь усиливает этот эффект. Так, абсурдность трактовки «падения человека из окна» как попытки нарушения режима изоляции, повлекшей за собой санкции — штраф, лишь вызывает неприятие ситуации и ее осуждение (рис. 40).

Рис. 39

V. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КОСВЕННОГО НЕГАТИВНОГО ОЦЕНИВАНИЯ ОБЪЕКТА

Специфика данной тактики заключается в том, что диффамация происходит за счет выискивания негативных деталей, неоднозначных связей с какими-либо порочащими явлениями, способствующими выстраиванию отрицательного образа объекта. Поэтому ее **цель** — дискредитировать объект посредством сложения негативных деталей, выстраивания компрометирующих ассоциаций и т. д.

Рис. 41

2. Тактика выискивания и сложения мелких негативных деталей, направленных на дискредитацию объекта. Очень часто при формировании определенного мнения об объекте играют значительную роль крошечные детали, уточняющие или поясняющие его психологию поведения или характер, которые в конечном счете закрепляют или развенчивают ранее сложившийся образ. Так, в исследуемом тексте

В Москве составили протокол о нарушении самоизоляции на мужчину, который выпал из окна

Рис. 40

1. Тактика выстраивания компрометирующих ассоциаций, создающих и поддерживающих представления о продажности структур, призванных следить за порядком в период самоизоляции и распространения коронавирусной инфекции, и, как следствие, усиливающих сложившийся общественный стереотип о них (рис. 41), или «тоталитарности режима» существующего правительства — доносительство (построен на эксплуатации общеизвестного образа добровольца из советских агитационных плакатов (рис. 42)).

Рис. 42

(рис. 43) деталь, связанная с задержанием Ф. Конюхова в море за нарушение условий самоизоляции, способствует, с одной стороны, поддержанию и так сложившегося в общественном сознании негативного образа представителей правопорядка, а с другой — созданию образа абсурдности введенных правил самоизоляции, что и создает сниженную тональность всего текста.

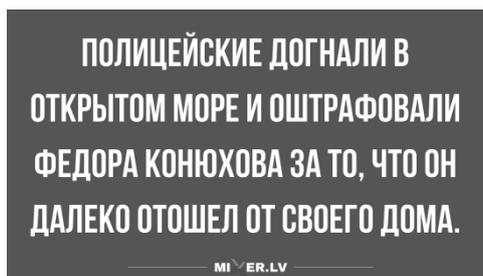

Рис. 43

Исходя из представленного анализа, стратегии диффамации и косвенного негативного оценивания объекта направлены на создание подрыва доверия к власти и формирование сомнения в правильности ее действий в стремлении охранить порядок в период самоизоляции граждан, но самое примечательное здесь заключается в том, что эти стратегии способствуют выстраиванию дихотомии «СВОЙ» (граждане, находящиеся на самоизоляции) и «ЧУЖОЙ» (правительство, представители правопорядка), наделяя последнего негативными качествами, способными вызвать неприятие, отторжение у «СВОИХ». Для этого идет в ход коммуникативный ход «Он похож на N», целью которого является создание необходимых говорящему сравнений, ассоциаций, способствующих переносу негативных оценок с одной когнитивной области на другую [Иссерс 2008: 169]. Так, очень часто современный режим сравнивают с тоталитарным, опирающимся на сыскной полицейский режим со всеми его последствиями.

VI. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОБУЖДЕНИЯ СОЧУВСТВИЯ К «ЖЕРТВАМ САМОИЗОЛЯЦИИ»

Цель — вызвать или усилить у адресата сочувствие, чувство жалости, сострадания к людям, оказавшимся в непростой ситуации самоизоляции (также к себе самому), и в результате сформировать в его сознании образ несчастных заложников обстоятельств, вынужденных самостоятельно справляться с трудностями, с которыми ранее им не приходилось сталкиваться. Примечателен и тот факт, что именно стратегия пробуждения сочувствия, по мнению Л. Лаукса, содержит в себе интенцию «нуждающийся в помощи», а значит и в сочувствии [Laux 1996: 46].

1. Тактика изображения трудностей постоянного нахождения дома. Практи-

чески все поликодовые тексты самоизоляционного дискурса, в которых реализуется данная тактика, направлены, с одной стороны, на иллюстрацию проблем самоизоляции, с которыми сталкиваются индивиды, оказавшись замкнутыми в ограниченном пространстве, а с другой — на трансляцию отношения самого автора к данной ситуации. Поэтому нередко для усиления эмоционального воздействия на реципиента, как и в случае с тактикой трансляции негативного собственного опыта, избирается особая форма повествования — от имени «жертвы самоизоляции», чтобы сообщение казалось более убедительным, достоверным и не вызвало сомнения, что предполагает использование приема «маски»: говорящий берет на себя роль жертвы самоизоляции, повествующей о своих трудностях, советчика, собеседника и др. Большинство поликодовых текстов самоизоляционного дискурса, транслирующих трудности повседневной жизни людей на самоизоляции в условиях угрозы распространения коронавирусной инфекции, подается как переживание автора, который занимает определенную позицию — неприятия, непонимания ситуации с вынужденной самоизоляцией и ее последствий. И именно «позиция в данном случае равнозначна „маске“, которую надевает на себя адресант, желая скрыть свои истинные намерения и добиться своей цели» [Антонова 2007: 82].

Так, например, к упоминаемым трудностям постоянного нахождения дома относятся:

1) трудности удаленной работы и дистанционного образования:

– взаимодействие родителей и детей, усталость от постоянного нахождения вместе, когда, в частности, дети отвлекают взрослых во время удаленной работы из дома (рис. 44 и 45);

Подскажите пожалуйста
подпольный садик или
школу. Я больше так не могу

Рис. 44

– усталость родителей от дистанционного обучения, поскольку им приходится принимать в нем непосредственное участие, самим объяснять материал, помогать с домашним заданием и т. д. (например, родители изображаются в виде зомби (рис. 46));

Рис. 46

– технические трудности проведения онлайн-занятий и хитрости обучающихся; так, например, сочувствие вызывает преподаватель, который вынужден выполнять функции сотрудника технической службы и самостоятельно разбираться в тонкостях настройки аппаратного и программного обеспечения, а также стараться поддерживать дисциплину обучающихся, рабочую атмосферу урока, посещаемость в новых условиях (рис. 47);

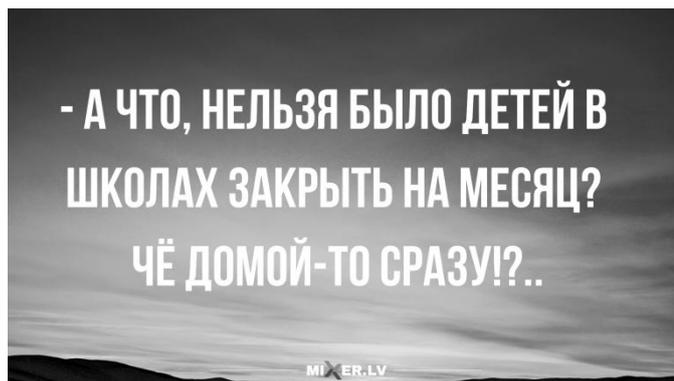

Рис. 45

ВИДЕОКОНФА С ГРУППОЙ

ПРЕПОД, КОТОРЫЙ ПЫТАЕТСЯ
НАСТРОИТЬ КАМЕРУ

Рис. 47

2) усталость домашних питомцев от своих хозяев. В комической форме от лица питомца высказывается его нежелание весь день находиться на прогулке (рис. 48), непонимание им ситуации, когда хозяева постоянно находятся дома, что вызывает чувство страха (рис. 49), невозможность питомца выносить хозяев дома — взрослых, детей (рис. 50) и его желание выпроводить их на работу, принятие на себя новых обязанностей по отношению к хозяевам — выгуливать, снабжать продуктами питания (рис. 51);

Рис. 48

Рис. 49

Рис. 50

Рис. 51

3) трудности взаимодействия супругов, базирующиеся:

– на эгоцентричности супругов (рис. 53), нежелании или неумении сосуществовать в едином пространстве (рис. 52);

Рис. 52

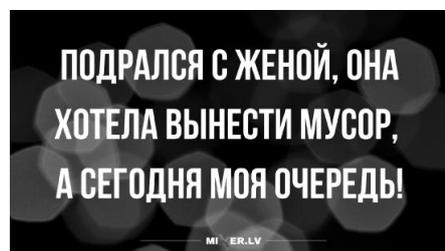

Рис. 53

– ссорах и непонимании между супругами в период самоизоляции (рис. 54);

Рис. 54

– переосмыслении сущности взаимоотношений супругов в контексте условий са-

моизоляции посредством фразы «Любовь — это...» (рис. 55 и 56);

Рис. 55

Рис. 56

4) личные проблемы, связанные:

– с отсутствием желания питаться запасенными продуктами питания (рис. 57), совершать определенные действия в соответствии с правилами передвижения в период существования ограничительных мер по предотвращению распространения заболевания или с невозможностью

что-либо сделать — следить за здоровьем, работать в нормальных условиях (рис. 58), содержать и кормить детей, оплачивать съемную квартиру (рис. 59), купить или сменить одежду, совершать привычные публичные действия с целью поддержания своего статуса, имиджа (рис. 60);

Рис. 57

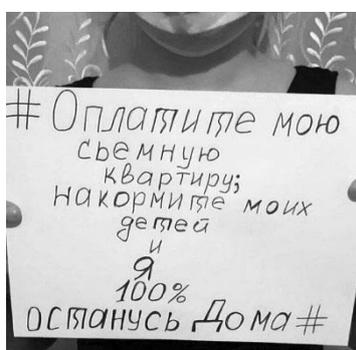

Рис. 59

– скукой (рис. 61, рис. 62);

Рис. 61

– страхами и опасениями по поводу возможного изменения внешнего облика, например, кожи рук из-за частого мытья (рис. 63), вследствие набора лишних килограммов в период самоизоляции (рис. 64).

Люблю эти собрания по видеосвязи на работе:
 — у кого-то на заднем плане орёт жена
 — коллеге ребенок в глаз зарядил карандашом
 — кто-то пытается нагнуть камеру так, чтобы не было видно бутылок на заднем плане
 — у кого-то блюёт кот под протяжное: "Кекс, не сюда!"

Рис. 58

Трудности самоизоляции

А ведь есть люди которым на самоизоляции реально тяжело. Один мой знакомый уже 2 недели не сообщал случайным незнакомым людям, что он веган.

Зожникам очень тяжело делать демонстрационные пробежки и постить их в инстаграм.

А каково обладателям айфонов? Все фитнес залы, клубы и рестораны закрыты, не пофоткаться в зеркале.

Рис. 60

КОГДА УЖЕ НЕДЕЛЮ СИДИТЕ С СЕМЬЁЙ НА КАРАНТИНЕ И УЖЕ НЕ ЗНАЕТЕ ЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ

Рис. 62

Я, после мытья рук в течение 20 секунд 57 раз за день

Рис. 63

Если честно, я не знаю что сейчас страшнее, померить температуру или взвеситься.

Рис. 64

Перечислим отличительные особенности представленных выше поликодовых текстов.

Во-первых, использование личного местоимения первого лица единственного числа «я», его падежных форм, а также притяжательного местоимения «мои», определительного местоимения «сам», которые свидетельствуют прежде всего о самопрезентации автора, согласии с выражаемым мнением, отождествлении с изображаемым субъектом. Для этой же цели используются и глаголы первого лица единственного числа, указывающие, что автор заявляет о себе как о субъекте данных действий.

Во-вторых, в ряде текстов встречается модальный глагол «мочь» в изъявительном наклонении и предикат «нельзя», являющиеся маркерами субъективной модальности эпистемической возможности, выражающей порой неполноту знаний говорящего о чем-либо. Обычно данная категория используется тогда, когда «рассматриваются разные возможности мира и говорящему неизвестно, какая из возможностей имеет место» [Русская корпусная грамматика]. Поэтому в представленных примерах глагол «мочь» с отрицанием (частица «не») прежде всего указывает на контекст, где возможность с точки зрения говорящего единственная: «Я так больше не могу» (говорящий акцентирует внимание на том, что в таких условиях ему трудно дальше существовать). Стоит также отметить, что эпистемическая возможность указывает и на неконтролируемость ситуаций говорящим: родитель не может контролировать поведение детей, в связи с чем испытывает негативные эмоции, раздражение; домашний питомец (собака) не может контролировать желание своих хозяев часто выходить с ней на прогулку (в последнем случае имеет место проекция, когда автор судит по себе, выражая мнение, что, как и он, собака наверняка бы устала так много выходить гулять, что в действительности вовсе не отражает желание самой собаки). Предикатив же «нельзя» лишь усиливает эту единственную возможность.

В-третьих, в некоторых поликодовых текстах встречается введение модальных слов, например, со значением уверенности («конечно»), неуверенности — сомнения («на всякий пожарный») — рис. 65; заострения внимания на деталях (например, на раздражителях кошачьей спокойной жизни в период самоизоляции человека дома: «пузо чешут чаще», «не дают воровать пельмени», «человеческий бубнеж», «злая рука») — рис. 66.

Рис. 65

Рис. 66

Как видим, прием «маски» — это некий способ диалога с реципиентом/адресатом/читателем, с одной стороны, позволяющий эмоционально описать картину происходящего и дать оценку с позиции домашних животных, измученных родителей и других с целью высказать критику, выразить оценку, подвергнуть аналитике и т. д.; с другой — устраняющий дистанцию между автором и читателем, делающий общение более доверительным. И в то же время именно этот прием способствует описанию/созданию гротескно изменяющейся картины мира, в котором оказались и сам автор, и читатель.

2. Тактика «Новая реальность — новые правила/императивы» заключается в акцентировании внимания на вынужденном характере соблюдения новых поведенческих императивов в обществе: необходимость регулирования количества приемов пищи при постоянном нахождении дома и сниженной активности (рис. 67), выход на улицу только по уважительной причине, одной из которых является выгул домашних животных (рис. 68), соблюдение новых условий трудовых отношений (рис. 69), новых этикетных формул поведения (рис. 70) и т. д.

Рис. 67

Рис. 69

VII. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАССУЖДЕНИЯ

Цель — побудить адресата к мыслительной деятельности, заставить осознать происходящее в контексте времени, самому ответить на вопрос, принять решение или сделать вывод.

1. Тактика диалога с читателем. Данная тактика используется автором для создания эффекта «диалога» с читателем/реципиентом, где адресат как бы выступает его непосредственным участником. Таким образом, один из коммуникантов транслирует уточненные знания, новые обстоятельства, события, заставляя тем самым адресата осоз-

Рис. 68

Рис. 70

навать, принимать или отторгать их (рис. 71 и 72). Для создания эффекта совместного рассуждения используются следующие приемы:

– ориентации на диалог через личное местоимение 1-го лица множественного числа («мы»), что способствует включению реципиента/читателя в диалог;

– обращения, представленного в форме глагола повелительного наклонения («помнишь», «сядь», «надо обсудить»), личного местоимения 2-го лица единственного числа («ты») или собственного имени второго лица;

– дубитации («Помнишь, как печенегов победили? И половцев?»).

Рис. 71

Рис. 72

2. Тактика использования известного образа. Данная тактика является характерной для мемов и демотиваторов вообще. В качестве узнаваемого образа могут выступать известные личности (например, политические деятели), киногерои, персонажи мультфильмов и т. д., транслирующие какую-либо идею. Так, например, в рассматриваемых текстах репрезентация образов известных киногероев прослеживается как на иконическом уровне (дается визуальный образ киногероя, например, Данилы Багрова из х/ф «Брат» (рис. 74), дяди Нины — Джабраила — из х/ф «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (рис. 73)), так и на лексическом уровне: использование слов и фраз, характерных для этого героя (например, Джабраил произносит фразу, которую он использовал при обращении к Шурику: «Самое главное, Нина просила...», а для Данилы Багрова — «Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда — тот и сильней. Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И чего, ты сильнее стал? Нет, не стал. Потому что

правды за тобой нет»), и, конечно, на синтаксическом (использование тех же синтаксических конструкций, которые встречаются в речи героя). При этом известное высказывание героя в таком поликодовом тексте может быть изменено, приводиться не полностью или дополнено автором. Таким образом, одна часть высказывания в составе вербального компонента может соответствовать реплике из киноленты, а другая представлять собой слова автора текста, что нередко используется для создания комического эффекта в рамках реализации стратегии юмора и иронии. За счет такого эффекта — использования знакомого образа и знакомого начала фразы — происходит трансформация героя в некоего «лидера мнений», транслирующего определенную идею и заставляющего задуматься (о своей безопасности в период распространения коронавирусной инфекции) или стимулирующего эмоции (смех как результат мотива игры — наложение известной цитаты на реалии жизни в условиях самоизоляции (всеобщей скупки гречневой крупы)).

Рис. 73

Рис. 74

VIII. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Как отмечает О. Н. Быкова, «языковое манипулирование — вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Быкова 1999: 99]. Следовательно, **цель** коммуникативной

Кто-то: погнали на шашлыки?

Я:

Рис. 75

Рис. 76

Рис. 77

2. Тактика призыва — это прежде всего обращение к реципиенту («соседи», «ребята» и др.) с предложением или просьбой о каком-либо действии (нахождении дома, со-

блюдение карантина и др.), например, оставаться дома (рис. 77 и 79), спасти человечество лежа дома на диване (рис. 78).

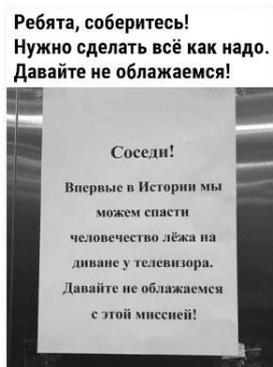

Рис. 78

Рис. 79

IX. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО НАСТРОЯ

Цель — приободрить адресата, сформировать у реципиента позитивное отношение к непростой ситуации, связанной с введением ограничений в период самоизоляции, и создать некую базу положительных эмоций, направленных на устранение не-

гативных чувств апатии, сомнения, одиночества.

1. Тактика «Проявление заботы» представляет собой демонстрацию одного из способа заботы о досуге «самоизолировавшихся» со стороны правительства, а включенные элементы юмора способствуют созданию положительных эмоций (рис. 80 и 81).

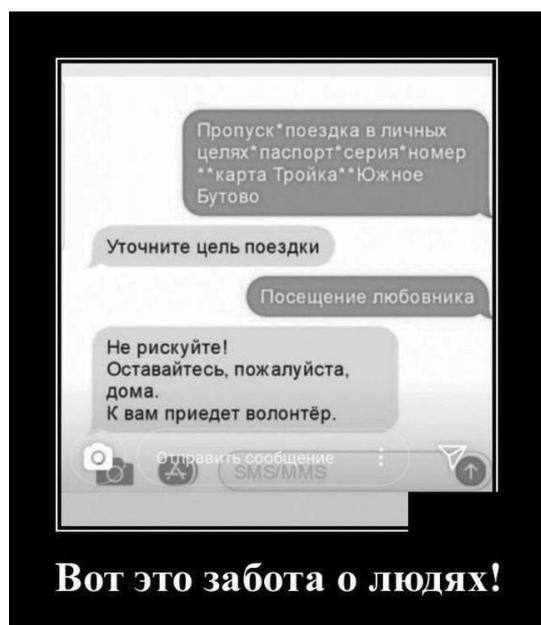

Рис. 80

Таким образом, как показывает анализ, в рассматриваемых поликодовых текстах, посвященных самоизоляции, реализуется набор коммуникативных стратегий, используемых для воздействия на коллективного адресата сообщения и формирования общественного мнения в отношении самоизоляции, среди которых стратегия юмора, стратегия создания психологического напряжения, стратегия нейтрализации шокового состояния, стратегия диффамации, стратегия косвенного негативного оценивания объекта, стратегия пробуждения сочувствия к «жертвам самоизоляции», стратегия стимулирования рассуждения, стратегия манипулирования, стратегия формирования положительного настроения. В связи с этим данные тексты создавались в соответствии со следующими прагматическими целями сообщений и транслируемых установок: рассмешить, высмеять, напугать или поделиться собственными страхами, успокоить, вызвать сочувствие, научить/информировать, сформировать негативное мнение об объекте, дискредитировать объект, заставить задуматься, убедить или переубедить, приободить, — отражающими также и систему отношений и намерений участников коммуникации. Стоит отметить и тот факт, что в ходе исследования поликодовых текстов самоизоляционного дискурса, исходя из поставленных целей, избирались лишь те стратегии и тактики, которые лучше всего могли раскрыть повседневные трудности, с которыми столкнулись те, кто вынужден был находиться в самоизоляции, работать в усло-

Рис. 81

виях удаленки, дистанционно учиться, показать изменения душевного состояния, мировосприятия и миропонимания «самоизолировавшихся».

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт) : 10.02.01 — Русский язык : дис. ... канд. филол. наук / Антонова Юлия Анатольевна. — Екатеринбург, 2007. — 184 с. — Текст : непосредственный.
2. Быкова, О. Н. Языковое манипулирование / О. Н. Быкова. — Текст : непосредственный // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. — Красноярск, 1999. — Вып. 1. — С. 99—103.
3. Язык информационно-психологической войны: стратегии, тактики и приемы // Лингвистика информационно-психологической войны : коллективная монография. Книга 1 / под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. — Глава 3. — 280 с.
4. Денисов, С. Ф. Художественные антиутопии: типология и философско-антропологические смыслы / С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 7 (403). — С. 19—26. — (Философские науки ; вып. 45).
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 5-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — Текст : непосредственный.
6. Падучева, Е. В. Модальность / Е. В. Падучева. — Текст : электронный // Русская корпусная грамматика. — 2016. — URL: <http://rusgram.ru>.
7. Рюмина, М. Т. Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. — Москва : КомКнига, 2006. — 320 с. — Текст : непосредственный.
8. Храмченко, Д. С. Ирония и юмор (на дискурсивные механизмы прагматического воздействия (на материале англоязычных деловых публикаций СМИ) / Д. С. Храмченко. — Текст : непосредственный // Филологические науки МГИМО. — 2017. — № 12 (4). — С. 70—75.
9. Laux, Lothar. "Wir, die wir gut sind". Die Selbstdarstellung von Politikern zwischen Glorifizierung und Glaubwürdigkeit / Lothar Laux, Astrid Schütz. — München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1996. — 223 S. — Text : unmediated.

M. N. Latu

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

ORCID ID: —

Yu. R. Tagil'tseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

E-mail: laatu@ya.ru; jennifer1979@yandex.ru.

Communicative Strategies and Tactics in Static Polycode Texts Devoted to Mass Lockdown

ABSTRACT. *The article investigates specific features of static polycode texts (Internet memes and demotivators), devoted to lockdown, in order to reveal and describe communicative strategies and tactics. The authors' analysis shows that a set of certain communicative strategies and tactics is realized in static polycode texts: the strategy of creation of psychological tension (the tactics include picturing a "hard" future; illustrations; "Own negative experience"), the strategy of humor (the tactics: "Lockdown is ..."; "Before, during and after the lockdown", black humor), the strategy of shock neutralization (the tactics: "Own positive experience", "Advice and recommendations under the conditions of Lockdown", "Better than with other people", "National specificity of lockdown in different countries"), the strategy of defamation (the tactics: formation of negative characterizing implication; "stupidifying" or primitivization of the object), the strategy of indirect negative object evaluation (the tactics: arranging compromising associations; looking for and assembling small negative details aimed to discredit the object), the strategy of provoking sympathy to the "victims of lockdown" (the tactics: describing the difficulties of continuous stay at home; "New reality – new rules/imperatives"), the strategy of stimulating reasoning (the tactics: dialogue with the reader; "Use of a well-known image"), the strategy of manipulation (the tactics: propaganda; calls), the strategy of formation of positive attitude (the tactic: "Showing care"). These communicative strategies and tactics are used to exercise information and psychological impact upon the recipient and to form certain motives in their mind with reference to mass lockdown.*

KEYWORDS: *polycode texts; memes; demotivators; mass lockdown; communicative strategies; communicative tactics; pandemic; coronavirus; manipulative influence; conscience manipulation; pragmatic aim.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Latu Maksim Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Western European Languages and Cultures, Director of Scientific-Educational Center "Applied Linguistics, Terminological Studies and Linguo-Cognitive Technologies", Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Tagil'tseva Yuliya Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Studies, Institute of Social Sciences, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Latu, M. N. Communicative Strategies and Tactics in Static Polycode Texts Devoted to Mass Lockdown / M. N. Latu, Yu. R. Tagil'tseva // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 50-71. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_05.*

ACKNOWLEDGMENTS. *The study is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Social Research Expert Institute (EISI), Project № 20-011-31693.*

REFERENCES

1. Antonova, Yu. A. Communication Strategies and Tactics in Modern Newspaper Discourse (Responses to a Terrorist Act) : 10.02.01 — Russian language : thesis ... of Cand. philol. Sciences / Antonova Julia Anatolyevna. — Ekaterinburg, 2007. — 184 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki v sovremennom gazetnom diskurse (otkliki na terroristicheskiy akt) : 10.02.01 — Russkiy yazyk : dis. ... kand. filol. nauk / Antonova Yuliya Anatol'evna. — Ekaterinburg, 2007. — 184 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Bykova, O. N. Language Manipulation / O. N. Bykova. — Text : unmediated // Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication. — Krasnoyarsk, 1999. — Issue 1. — P. 99—103. [Yazykovo manipulirovanie / O. N. Bykova. — Tekst : neposredstvennyy // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya. — Krasnoyarsk, 1999. — Vyp. 1. — S. 99—103]. — (In Rus.)
3. The Language of Information-psychological War: Strategies, Tactics and Techniques // Linguistics of Information-psychological War: a Collective Monograph. Book I / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. un-t, 2016. — Chapter 3. — 280 p. [Yazyk informatsionno-psikhologicheskoy voyny: strategii, taktiki i priemy // Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny :

kollektivnaya monografiya. Kniga I / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. — Glava 3. — 280 s]. — (In Rus.)

4. Denisov, S. F. Artistic Anti-utopias: Typology and Philosophical and Anthropological Meanings / S. F. Denisov, L. V. Denisova. — Text : unmediated // Bulletin of the Chelyabinsk State University. — 2017. — No. 7 (403). — P. 19—26. — (Philosophical Sciences ; issue 45). [Khudozhestvennye antiutopii: tipologiya i filosofsko-antropologicheskie smysly / S. F. Denisov, L. V. Denisova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2017. — № 7 (403). — S. 19—26. — (Filosofskie nauki ; vyp. 45)]. — (In Rus.)

5. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech / O. S. Issers. — Ed. 5th. — Moscow : LKI Publishing House, 2008. — 288 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi / O. S. Issers. — Izd. 5-e. — Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2008. — 288 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Paducheva, E. V. Modality / E. V. Paducheva. — Text : electronic // Russian Corpus Grammar. — 2016. [Modal'nost' / E. V. Paducheva. — Tekst : elektronnyy // Russkaya korpusnaya grammatika. — 2016]. — URL: <http://rusgram.ru>.

7. Ryumina, M. T. Aesthetics of Laughter: Laughter as Virtual Reality / M. T. Ryumina. — Moscow : KomKniga,

2006. — 320 p. — Text : unmediated. [Estetika smekha: smekh kak virtual'naya real'nost' / M. T. Ryumina. — Moskva : KomKniga, 2006. — 320 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Khranchenko, D. S. Irony and Humor as Discursive Mechanisms of Pragmatic Influence (based on the material of English-language business publications of the media) / D. S. Khranchenko. — Text : unmediated // Philological Sciences of MGIMO. — 2017. — No. 12 (4). — P. 70—75. [Ironiya i yumor kak diskursivnye mekhanizmy pragmaticheskogo

vozdeystviya (na materiale angloyazychnykh delovykh publikatsiy SMI) / D. S. Khranchenko. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki MGIMO. — 2017. — № 12 (4). — S. 70—75]. — (In Rus.)

9. Laux, Lothar. “Wir, die wir gut sind”. Die Selbstdarstellung von Politikern zwischen Glorifizierung und Glaubwürdigkeit / Lothar Laux, Astrid Schütz. — München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1996. — 223 S. — Text : unmediated.

Л. М. Мухарямова

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5016-6928

А. Р. Заляев

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0595-6517

Е. Ю. Шаммазова

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5057-151X

✉ *E-mail*: edu-prorector@kazangmu.ru; arthyran@mail.ru; shammazova.ekate@mail.ru.

Пандемия COVID-19 в российских массмедиа: политический контекст

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается медиapolитика российских СМИ в контексте пандемии COVID-19. Целью исследования стало выявление того, как различные властные группы в условиях глобальной угрозы при помощи языка конструируют представления о правильности/неправильности, эффективности/неэффективности национальной политики в сфере здравоохранения, программируют готовность читателей изменить свое поведение для обеспечения коллективной безопасности; насколько социальные и политические акторы готовы к сотрудничеству и единству в условиях рисков для безопасности страны. Анализ выполнен на основе изучения материалов, опубликованных в официальном органе Правительства Российской Федерации — в газете «Российская газета» — и в независимом СМИ — «Новая газета» — в период с марта по октябрь 2020 г. Исследование выполнено с использованием метода фрейм-анализа, приемов контекстуального и ситуативного анализа. Показано, как влиятельные СМИ при помощи фреймов структурируют и упорядочивают социальную реальность во время эпидемии, какими смыслами и оценками наделяют действия различных субъектов. Проведенный анализ позволяет констатировать высокий уровень политизации кризиса COVID-19. Политики являются наиболее частыми действующими лицами, как в информационных, так и в аналитических материалах. Анализ двух федеральных газет различной идеологической направленности позволяет утверждать, что в обеих преобладали материалы, содержащие данные статистики, короткие новости, без контекстной информации и без моделей структурирования ситуации. Официальная «РГ» проводит сдержанную медийную политику, направленную на пропаганду активных и всеобъемлющих действий лидеров страны, практически не замечая наличия разных оценок и точек зрения на ситуацию, в том числе по оценке действий государственных институтов в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Оппозиционная «НГ» употребляет эмоциональные, экспрессивные заголовки, фреймы противопоставления государственных институтов и народа, способствующие конфликтному восприятию ситуации, повышению тревожности в силу усиления недоверия к властям, поляризации общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства; российские СМИ; инфодемия; фреймы; социальная политика; здоровье населения; пандемия; коронавирус; ограничительные меры; борьба с эпидемией; вирусы; поляризация общества.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мухарямова Лайсан Музиповна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, философии, социологии, Казанский государственный медицинский университет Минздрава России; 420036, Россия, Казань, ул. Бутлерова, д. 49; e-mail: edu-prorector@kazangmu.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Заляев Артур Рустэмович, кандидат социологических наук, ассистент кафедры истории, философии, социологии, Казанский государственный медицинский университет Минздрава России; 420036, Россия, Казань, ул. Бутлерова, д. 49; e-mail: arthyran@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шаммазова Екатерина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, социологии, Казанский государственный медицинский университет Минздрава России; 420036, Россия, Казань, ул. Бутлерова, д. 49; e-mail: shammazova.ekate@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мухарямова, Л. М. Пандемия COVID-19 в российских массмедиа: политический контекст / Л. М. Мухарямова, А. Р. Заляев, Е. Ю. Шаммазова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 72-80. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_06.

БЛАГОДАРНОСТИ. Авторы выражают благодарность РФФИ и ЭИСИ, при финансовой поддержке которых в рамках научного проекта № 20-011-31521 выполнено исследование.

Пандемия коронавирусного заболевания — 2019 (COVID-19) распространилась по всему миру с беспрецедентными последствиями для здоровья миллионов людей. Ко-

ронавирус вызвал панику среди гражданского населения и обнажил отсутствие безопасности в социально-политической, экономической, информационно-коммуникативной сфе-

рах, резко нарушив повседневную жизнь, глобальную экономику, международные поездки и торговлю. Всемирная организация здравоохранения объявила об «инфодемии» как переизбытке онлайн и офлайн информации, включающей в себя намеренные попытки распространения ложных сведений в целях срыва действенных мер охраны общественного здоровья и продвижения альтернативных групповых или индивидуальных целей [ВОЗ 2020]. В этих условиях устойчивость мирового сообщества постоянно ставится под сомнение, будущее кажется неопределенным [Horton 2020]. Исследователи отмечают обострение проблемы социальной справедливости, которая проявилась, например, в непропорционально высокой смертности от новой инфекции не только пожилых людей, но и людей, относящихся к другим уязвимым группам — расовых и этнических меньшинств, людей с низким уровнем дохода и образования, клиентов домов престарелых и других подобных учреждений [Ahmed et al. 2020; Bowleg 2020; Gu et al. 2020; Hatf et al 2020]. Отмечено влияние глобального неравенства на смертность: в обществах с сильнее проявляющимися формами неравенства и отсутствием доверия к институтам власти смертность оказалась выше [Elgar 2020]. Заболевание также вызвало депрессию у многих людей из-за крайних ограничительных мер, которые были приняты для предотвращения быстрого распространения вируса [Zoumpoulis et al. 2020]. Ситуация, которая сложилась в социальных системах в эпоху пандемии, начала описываться словами «катастрофа», «глобальный кризис». Заметим, что использование этих метафор характерно не только для публицистов: катастрофой пандемию назвал в книге «Катастрофа COVID-19: что пошло не так и как не дать этому случиться снова» Р. Хортон — главный редактор одного из самых известных медицинских журналов, «The Lancet» [Horton 2020]. В этих условиях действия государств во время пандемии были объявлены своеобразным тестом на устойчивость и авторитет как институтов в целом, так и политических лидеров [Sarano 2020; Poole 2020]. Политические лидеры не сразу оценили серьезность ситуации и, например, как президент Д. Трамп, объявили коронавирус «новой мистификацией», заявив, что «демократы политизируют коронавирус...». По мнению исследователей, такое снижение опасности языковыми средствами предопределило неудачи США в борьбе с пандемией [Gollust et al. 2020].

Повышение ожиданий населения и ответственности институтов в чрезвычайных

обстоятельствах привело к тому, что государства, используя самые разные телекоммуникационные технологии, усилили контроль за гражданами. Исследования, проведенные с применением инструментов геолокации, например, в Италии и США, показали, что социальное поведение людей, готовность к ограничению мобильности коррелируют с политическими предпочтениями людей, с тем, из каких источников и какую информацию люди получают [Paolini 2020; Hart 2020]. Это стало еще одним подтверждением того, что политическая поляризация является важным культурным барьером для согласованных действий [Barrios 2020].

Поляризация может быть мировоззренческой, когда группы занимают рационально обоснованные крайне противоположные позиции, может быть аффективной, означающей, что приверженцы одной точки зрения принципиально не доверяют сторонникам противоположной стороны. Именно аффективная поляризация имеет политические последствия, такие как снижение доверия, предпочтение голословных обвинений и ярлыков. Одна из проблем, связанных с поляризацией во время пандемии, отмеченная Ж. М. Барриос и Й. Хочберг, заключается в том, что вследствие этого явления разные слои населения, пользующиеся разными источниками информации, могут прийти к разным выводам об угрозе и соответствующих действиях [Barrios 2020]. Бедствия в современную эпоху глобализации и высокой мобильности становятся важнейшей темой обсуждений на повседневном и публичном уровнях, политически значимой темой [Чудинов 2012].

Существующее положение дел с эпидемией, согласно официальным источникам информации, объясняет и оправдывает действия властей, а в оппозиционных СМИ, и особенно в киберпространстве (социальных сетях), интеллектуалы и активисты социальных движений все громче заявляют, что этот кризис должен привести к изменению экономической парадигмы и политических режимов [Лео 2020]. Как справедливо отметил Н. Карасик, освещение этой эпидемии в средствах массовой информации позволяет, с одной стороны, выявить ценности, определяющие картину мира наших современников, с другой — показывает столкновения разных точек зрения [Карасик 2020].

Анализ того, какие смыслы продуцируют СМИ, особенно важен в связи с тем, что, по оценкам специалистов, из-за ограничений мобильности и социального дистанцирования, введения ограничительных мер значительно возросла активность в потреблении

информации. В частности, пик медиапотребления совпал с первыми мерами социального дистанцирования и увеличивался в соответствии с правительственными сообщениями [Tejedor S. et al 2020].

Ключевой вопрос, на который предлагает решение эта статья, следующий: как различные властные группы в условиях глобальной угрозы при помощи языка и медиаполитики заставляют людей принять существующую национальную политику в сфере здравоохранения, изменить свое поведение для обеспечения безопасности в условиях рисков, возникших в связи с COVID-19? Насколько социальные и политические акторы готовы к сотрудничеству и «водному перемирию»? Мы рассматриваем эту проблему на примере анализа деятельности СМИ. Как пандемия COVID-19 репрезентируется в российских СМИ, какие смыслы доводятся до читателя, установлено ли в публичной сфере согласие, можно ли говорить об эффекте «сплочения вокруг флага», какие меры политики здравоохранения предлагаются государственным институтам и общественности? Дискурсивное пространство политики здравоохранения в эпоху пандемии стало объектом анализа в этой статье.

Эмпирическим объектом выступили материалы, опубликованные в газетах «Российская газета» и «Новая газета». Выбор данных медиа обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, «Российская газета» (РГ) является официальным органом правительства Российской Федерации, безусловно, придерживается позиций, вырабатываемых в государственных органах, участвует в создании прогосударственного дискурса, и в этом качестве является уважаемым изданием со значительной читательской аудиторией. «Новая газета» (НГ) имеет имидж одного из самых оппозиционных к действующей власти СМИ, сотрудничающего со многими известными критически настроенными журналистами, активного творца критического дискурса, экспрессивно формулирующего свою миссию: «писать о том, о чем другие боятся и подумать». Во-вторых, на наш взгляд, эти издания обладают достаточным ресурсным потенциалом для качественного выполнения информационной и коммуникативно-когнитивной функций и обеспечения высокого уровня профессионального журналистского и экспертного анализа.

Исследование выполнено с использованием метода фрейм-анализа [Entman 2004; Кастельс 2017]. Мы стремились выделить то, как влиятельные СМИ при помощи фреймов структурируют и упорядочивают социальную реальность во время эпидемии,

какими смыслами и оценками наделяют действия различных субъектов. При анализе текстов выявлялись референциальные стратегии, направленные на именование социальных акторов, и предикационные стратегии, реализуемые через приписывание акторам определенных действий и качеств. Анализ проводился по электронным версиям газет, размещенным на официальных сайтах («Российская газета»: rg.ru; «Новая газета»: <https://novayagazeta.ru/>), с использованием системы поиска и рубрикатора за период март — октябрь 2020 г.

Результаты исследования. В «РГ» запрос «все о пандемии коронавируса» дает ссылку на 5964 материала (по состоянию на 5 ноября 2020 г.). Наиболее многочисленными являются сообщения о статистике заражений в мире и в России, о мерах, которые принимаются различными странами или регионами по ограничениям, мнения специалистов относительно путей передачи вируса и методах профилактики или лечения и т. д. Газета подробно освещает деятельность государственных органов не только федерального, но и регионального уровня, публикуя полнотекстовые нормативные документы и репортажи с мест. Особое внимание уделяется мерам поддержки системы здравоохранения, предприятий и бизнесов, регионов, испытывающих наибольшие проблемы, отдельных групп населения. Анализ новостных лент газеты позволяет констатировать, что способы репрезентации, используемые фреймы имеют смысловые рамки, направленные на формирование доверия к власти, уверенности, что лидеры и государственные органы обладают полным контролем над ситуацией, знают о потребностях и ожиданиях различных групп. Особенно ярко такая стратегия фреймирования проявилась на ранней стадии эпидемии, когда правительством действительно был принят внушительный ряд мер для поддержки семей с детьми, малого и среднего бизнеса (Пакет помощи. Приняты новые законы по поддержке граждан и бизнеса // РГ. 19.04.2020¹; Президент объявил о новых мерах поддержки семей с детьми, самозанятых и бизнеса // РГ. 11.05.2020; Малоимущие семьи с детьми получают более 136 млрд рублей // РГ. 13.05.2020; Пособия по уходу за детьми увеличены вдвое // РГ. 22.05.2020; Поддержку населения в условиях коронавируса оценили в 300 млрд рублей // РГ. 13.05.2020).

¹ Здесь и далее названия публикаций даются без указания авторов, поскольку используемые фреймы имеют конвенциональную для данного конкретного СМИ природу в соответствии с позицией медиа.

Обращает на себя внимание, что репортажи из других стран либо нейтральны, либо освещают проблемы и дефициты здравоохранения (В Нью-Йорке развернули морги в трейлерах // РГ. 28.03.2020), ожидаемые потери экономики (Возможны осложнения: Прага и Париж: какие потери несет Европа из-за глобального кризиса // РГ. 25.06.2020). Нам не удалось найти в «РГ» ни одного материала, описывающего принятые в развитых странах меры социальной поддержки населения. При этом газета достаточно полно и весной, и осенью рассказывает о мерах ограничения свободы передвижения, работы предприятий, самоизоляции людей в других странах, используя языковые единицы, обладающие выраженной пессимистической, тревожной коннотацией (Публика сдает билеты. Как коронавирусный вопрос испортил парижан // РГ. 10. 03.2020; Европа оказалась бессильна перед второй волной пандемии // РГ. 10.10.2020; Барам приказано уснуть. В Европе ужесточают антикоронавирусные ограничения // РГ. 20.10.2020; Страны Европы снова возвращаются к локдаунам из-за ситуации с COVID-19 // РГ. 03.11.2020).

Материалы по России внушают читателям идею о том, что Россия лучше других стран способна отвечать на серьезные вызовы, она способна концентрироваться, объединиться и действовать для решения проблем. Такие послы звучат в первую очередь в материалах, подготовленных напрямую по выступлениям лидеров. Например, «наша система [здравоохранения. — Л. М., А. З., Е. Ш.] может гораздо лучше мобилизоваться для решения общенациональных задач, — подчеркнул президент В. В. Путин, — это касается и лекарственных препаратов, и техники» (Путин сравнил эффективность российской системы здравоохранения с иностранными // РГ. 02.11.2020). Премьер-министр М. В. Мишустин, напоминая о принятых решениях по поддержке граждан и экономики во время пандемии коронавируса весной, отметил, что «в результате мы прошли этот сложный период, во всяком случае, его первую фазу, лучше, чем целый ряд стран» (М. Мишустин: «Экономика РФ прошла первую фазу пандемии лучше многих стран» // РГ. 19.10.2020). На наш взгляд, чрезвычайно важным является то, что пандемия дала основания для открытого провозглашения эффективности сложившегося в России режима власти. Президент В. В. Путин, характеризуя ценности и действия государства, подчеркивает: «Никогда и никто не будет оставлен в беде. Вся Россия обязательно придет на помощь. Если потребуется, всё соберем в кулак: ре-

сурсы наших ведущих медицинских центров, Вооруженных сил, МЧС, волонтеров» (Главное — это сберечь людей. Владимир Путин 23 июня обратился к гражданам России // РГ. 24.06.2020).

Осенью федеральные власти не стали вводить строгие ограничения, право принятия решения было отдано регионам. Федеральные же власти оставили за собой право контролировать и оценивать работу региональных органов и объявлять, что обострение ситуации в каких-то субъектах Федерации является результатом ошибок или недоработок региональных властей (Где ты, плато? Улучшения ждут через 2 недели // РГ. 20.10.2020).

Изучение изменений репрезентации пандемии COVID-19 в «РГ» в контексте темпоральной хронологии показывает, что, несмотря на серьезность эпидемической ситуации осенью 2020 г., активность «РГ» по освещению проблем снижается. Газета сохраняет на 1 странице специальную рубрику «Коронавирус COVID-19», однако количество материалов по сравнению с весной заметно меньше. Если по состоянию на 1 апреля из 77 публикаций газеты 29 были посвящены ситуации с COVID-19 (29 %) в самых разных контекстах, начиная от обсуждения мер государственной поддержки и заканчивая инициативами отдельных граждан по помощи нуждающимся, то 15 октября, например, из 69 публикаций только 8 освещают проблемы COVID-19 (11 %). За 11 ноября 2020 г. из 56 материалов (без учета опубликованных официальных документов) 6 содержат сюжеты, связанные с COVID-19 (10,7 %). Заметно меняется характер публикаций: меньше информации о мерах государственной поддержки, строительстве новых объектов здравоохранения и больше о ситуации в других странах или безусловных достижениях России в борьбе с пандемией, включая научные успехи (Российская наука способна ответить на любой вызов опасных инфекций // РГ. 20.10.2020), разработку и регистрацию российских вакцин (Вакцина от коронавируса — проверка на инновации // РГ. 30.11. 2020; В Подмосковье готовы к работе 18 пунктов вакцинации от коронавируса // РГ. 25.11.2020).

Политика «Новой газеты» («НГ») по освещению пандемии отличается коренным образом. Эта газета активно ведет новостную ленту по ситуации с COVID-19 с изложением официальных данных, здесь тоже главными акторами действий в условиях эпидемии являются государственные органы и чиновники различного уровня. Но оценки деятельности совершенно другие. «НГ»

фреймирует ситуацию, делая не очень заметными и важными те действия Российского государства, которые были направлены на поддержку семей, бизнесов, отдельных городов и даже субъектов Федерации, и направляя внимание читателей на предполагаемые нарушения, намеренное искажение властями данных о действительности, включение в поле зрения положения эксклюзивных или депривированных групп в условиях пандемии. Модели интерпретации, предлагаемые «НГ», находятся в рамках «естественности», «соответствия постоянным практикам» сокрытия властями объективной информации, формируют отношение недоверия к статистике, к методам диагностики, лечения (Заразные фейки и где они обитают. Откуда берутся слухи о тысячах заболевших коронавирусом в России // НГ. 11.03.2020; Кто скрывает правду о коронавирусе? // НГ. 18.03.2020; Дипломатический просчет. После скандала со статистикой в Москве изменился учет смертности от COVID-19 // НГ. 03.06.2020; Воскрешенные Росстатом. Число смертей от коронавируса в регионах занижено в 2—20 раз: исследование «Новой» // НГ. 19.07.2020).

«НГ» фокусирует внимание на «странных» закупках, формируя представление, что в условиях чрезвычайности, когда государственные контракты можно заключать без конкурса, у чиновников появляется еще больше возможностей для нарушений. Выгодные контракты получают близкие к федеральным, региональным или муниципальным властям компании, несмотря на то, что не все в их деятельности прозрачно или безупречно (Москва закупит тесты на коронавирус за 192 млн рублей. Разработчик — фирма из Казани без сайта и телефона // НГ. 18.03.2020); «Открытые медиа»: компания Пригожина без конкурса заключила контракты на поставку еды для больных коронавирусом // НГ. 18.03.2020; Закупательная способность. На что тратят деньги российские госучреждения и госкомпании в связи с распространением коронавируса // НГ. 24.04.2020).

Медийная кампания «НГ» направлена на фреймирующее противопоставление государства и народа. Строительство новых инфекционных госпиталей газета освещает с позиции угрозы для населения, живущего на близкой к строительству территории («Ветер подует — и все на меня»). Как живет московская деревня, где экстренно начали строить больницу для зараженных COVID-19 // НГ. 16.03.2020). Проблематизируя деятельность власти, «НГ» формирует мнение, что российские власти не очень-то и хотят сдерживать эпидемию коронавируса, создают ситуацию, чтобы

погибли старые и больные, а в стране быстро сформировалась иммунная прослойка с минимальными для экономики потерями (Человек человеку вирус. Почему карантин не может сдержать пандемию, а российские власти — не очень-то и хотят // НГ. 25.03.2020).

Газета еще до принятия пакета государственных мер поддержки начала утверждать, что социальная система в России стагнирует и поэтому правильных решений по поддержке населения быть не может. Россия, считает «НГ», по сравнению со странами Европейского союза, однозначно меньше поддерживает и людей, и реальный сектор экономики («Раздавать деньги людям — не в наших традициях»). Почему российское правительство не торопится помогать населению по примеру других стран: эксперты // НГ. 23.03.2020; Помощь не по адресу. Почему в России раздача денег населению не поможет победить кризис // 24.03.2020). «НГ» констатирует, что официальная позиция, которую выражают лидеры страны, прежняя: в России никаких бед быть не может (Режим «русского чуда» включен. Выступление Путина о коронавирусе глазами политтехнолога // НГ. 27.03.2020).

Газета уделяет значительное внимание состоянию в условиях эпидемии пенитенциарной системы. Заключенные на фоне эпидемии коронавируса оказались самой незащищенной категорией граждан, не имеющей возможности приобрести антисептики и лекарства, маски и дезинфицирующие средства. «НГ» обращает внимание, что об этой категории граждан просто забыли («Задержания и аресты — это не то, от чего государство готово отказаться». Заключенных лишили свиданий со всеми, кроме коронавируса // 18.03.2020; Высшая мера заражения. Если вирус доберется до российских СИЗО и колоний, большинство жертв будет не спасти // НГ. 20.03.2020). Обращает внимание то, что используемые языковые средства описывают с принижением любые меры, которые принимаются: плохо и введение карантинных мер, но и возможная вспышка эпидемии в пенитенциарной системе тоже на ответственности руководителей.

Отдельная и важная тема для «НГ» — это тема российской вакцины. Газета, с одной стороны, размещает информацию, предоставленную разработчиками или госорганами (РФПИ: эффективность российской вакцины от COVID-19 «Спутник V» составила 95 % на 42-й день после введения первой дозы. 24.11.2020; В Венгрию доставили для исследований образцы российской вакцины от COVID-19 // НГ. 19.11.2020; РФПИ договорился с Южной Кореей о производстве 150 млн доз

«Спутник V» // НГ. 13. 11. 2020), а с другой — печатает фреймирующие материалы о том, что российская статистика по ковиду не имела ничего общего с реальностью и зависела от приказаний начальства. Какой шанс, что статистика по вакцине «Спутник» будет иметь отношение к реальности? (Комета Гамалеи. Стремительная регистрация вакцины от коронавируса в России: за и против // НГ. 24.08.2020). В сочетании с исследованиями по эффективности препаратов, рекомендованных Минздравом России для лечения коронавирусной инфекции, этот дискурс создает атмосферу недоверия к деятельности медицинских организаций.

По существу, фреймы, используемые «НГ», резонансные слова и образы, связывающие сообщения о действиях в эпоху COVID-19 с уже существующими фреймами «антинародности» российской власти, могут стать активаторами действий [Entman 2004].

Активность «НГ» в освещении COVID-19 снижается к осени. Если в номере газеты за 1 апреля из 21 публикации 16 (59 %) было так или иначе посвящено проблемам, связанным с эпидемией, то в номере за 16 октября из 18 материалов только 1 (5 %) посвящен этой теме.

Проведенное исследование является одной из первых российских работ, в которой изучается политизация и поляризация в российских медиа, освещающих COVID-19. Для новой общественной проблемы, такой как новая пандемия, СМИ обычно являются основным источником информации для населения [Druckman 2020]. Это определяет интерес исследователей к анализу медиа с позиций конструирования ими тех или иных моделей социальной реальности, оформления смыслов и моделей поведения. Такие работы проведены уже в целом ряде стран [Brennen et al. 2020; Tejedor et al. 2020; Rahayahay et al. 2020; Tsai et al. 2020], в том числе в России [Карасик 2020]. Проведенный анализ позволяет констатировать, что кризис COVID-19 стал шокирующей реальностью. Об этом свидетельствует в том числе то внимание, которое СМИ уделяли и уделяют пандемии, разнообразие тем и сюжетов. Сложность ситуации, видимо, определило то, что кризис COVID-19 освещался в основном информативно: анализ двух федеральных газет различной идеологической направленности позволяет утверждать, что в обеих преобладали материалы, содержащие данные статистики, короткие новости, без контекстной информации и без моделей структурирования ситуации.

Фрейм-анализ как метод исходит из того, что каждое СМИ имеет свой укорененный

способ описания социальной реальности, ожидаемый, понятный, принятый в определенных социальных группах [Кастельс 2017]. Поэтому, приступая к исследованию, мы не предполагали, что обе газеты будут пользоваться одинаковыми языковыми средствами для описания процессов, связанных с новой инфекцией. Для нас было важно выяснить, насколько позиции СМИ в условиях кризиса сблизятся в целях сплочения народа в условиях угрозы эпидемии. Однако близость позиций обнаруживается только в беспристрастной публикации официальной информации. Аналитические материалы, объемные репортажи и расследования написаны с применением технологий фреймирования, практически не содержат реакций или аргументов в поддержку или опровержения утверждений другой стороны и, на наш взгляд, не способствуют сплочению народа, если не идеологически, то в приверженности желательному поведению в целях общей безопасности.

Исследование показало высокий уровень политизации кризиса COVID-19: политики были наиболее частыми действующими лицами, как в информационных, так и в аналитических материалах. Официальная «РГ» проводит сдержанную медийную политику, направленную на пропаганду активных и всеобъемлющих действий лидеров страны, практически не замечая наличия разных оценок и точек зрения на ситуацию, в том числе по оценке действий государственных институтов в условиях коронавирусной инфекции. Оппозиционная «НГ» употребляет откровенно эмоциональные, экспрессивные заголовки, способствующие конфликтному восприятию ситуации, повышению тревожности в силу усиления недоверия к властям. А доверие к социальным и политическим субъектам в условиях неопределенности и угрозы, обращают внимание Д. Паолини и соавторы, таких как пандемия, сосредоточение внимания на более широкой и всеобъемлющей групповой идентификации может сыграть стратегическую роль в укреплении индивидуального благополучия [Paolini et al. 2020].

Анализ репрезентации проблем, связанных с новой коронавирусной инфекцией, в федеральных СМИ не является достаточным. Безусловно, федеральные медиа определяют основные репертуары для региональных СМИ, однако местный контекст, объемы вспышки на конкретных территориях могут менять медийную политику. На такой факт указывают Дракман и соавторы, подчеркивая, что реальные условия влияют на интенсивность партийных противоречий и на позицию граждан, устанавливают потенциальный предел аргументов противопостав-

ления [Druckman 2020]. Другим важным направлением исследований может стать изучение социальных медиа, которые являются важным и референтным источником информации для многих, и особенно для молодых людей. Дальнейшие исследования, на наш взгляд, необходимо сосредоточить именно в этих направлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 25—34. — DOI 10.26170/pl20-02-02.
2. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — Текст : непосредственный.
3. Лео, Г. Социальные и политические последствия пандемии и концептуализация экономик Запада / Г. Лео. — Текст : непосредственный // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2020. — Т. 223. — № 3.
4. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 53—59. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 13.12.2020).
5. Ahmed, F. Why inequality could spread COVID-19 / F. Ahmed [et al.]. — Text : electronic // The Lancet Public Health. — 2020. — Vol. 5. — Iss. 5. — P. e240. — URL: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30085-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30085-2).
6. Barrios, J. M. Risk perception through the lens of politics in the time of the covid-19 pandemic / J. M. Barrios, Y. Hochberg. — Text : unmediated // National Bureau of Economic Research. — 2020. — №. w27008.
7. Bowleg, L. We're Not All in This Together: On COVID-19, Intersectionality, and Structural Inequality / L. Bowleg. — Text : unmediated // Am. J. Public Health. — 2020. — Vol 110. — Iss. 7. — P. 917. — DOI 10.2105/AJPH.2020.305766.
8. Brennen, J. Beyond (Mis) Representation: Visuals in COVID-19 Misinformation / J. Brennen, Felix Simon, Rasmus Nielsen. — Text : electronic // The International Journal of Press/Politics. — 2020. — DOI 10.1177/1940161220964780.
9. Capano, G. Mobilizing policy (in) capacity to fight COVID-19: Understanding variations in state responses / G. Capano [et al.]. — Text : unmediated // Policy and Society. — 2020. — Vol. 39. — Iss. 3. — P. 285—308.
10. Druckman, J. N. Affective polarization, local contexts and public opinion in America / J. N. Druckman [et al.] // Nature Human Behaviour. — 2020. — P. 1—11.
11. Elgar, F. J. The trouble with trust: Time-series analysis of social capital, income inequality, and COVID-19 deaths in 84 countries / F. J. Elgar, A. Stefaniak, M. J. Wohl. — Text : electronic // Social Science & Medicine. — 2020. — Vol. 263. — P. 113365. —

URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113365> (date of access: 08.11.2020)

12. Entman, R. M. Projections of power: Framing news, public opinion, and US foreign policy / R. M. Entman [et al.]. — University of Chicago Press, 2004. — Text : unmediated.
13. Gollust, S. E. The Emergence of COVID-19 in the US: A Public Health and Political Communication Crisis / S. E. Gollust, R. H. Nagler, E. F. Fowler. — Text : unmediated // Journal of Health Politics, Policy and Law. — 2020.
14. Gu, T. Characteristics Associated With Racial/Ethnic Disparities in COVID-19 Outcomes in an Academic Health Care System / T. Gu, J. A. Mack, M. Salvatore [et al.]. — Text : electronic // JAMA Netw Open. — 2020. — Vol. 3. — Iss. 10. — P. e2025197. — DOI 10.1001/jamanetworkopen.2020.25197.
15. Hart, P. S. Politicization and Polarization in COVID-19 News Coverage / P. S. Hart, S. Chinn, S. Soroka. — Text : unmediated // Science Communication. — 2020. — Vol. 42. — Iss. 5. — P. 679—697.
16. Hatef, E. Assessing the Impact of Neighborhood Socioeconomic Characteristics on COVID-19 Prevalence Across Seven States in the United States / E. Hatef, H. Y. Chang, C. Kitchen, J. P. Weiner, H. Kharrazi. — Text : electronic // Front Public Health. — 2020. — Vol. 8. — 571808. — DOI 10.3389/fpubh.2020.571808.
17. Horton, R. The COVID-19 Catastrophe: What's Gone Wrong and How to Stop It Happening Again / R. Horton. — John Wiley & Sons, 2020. — Text : unmediated.
18. Pahayahay, A. What Media Helps, What Media Hurts: A Mixed Methods Survey Study of Coping with COVID-19 Using the Media Repertoire Framework and the Appraisal Theory of Stress / A. Pahayahay, N. Khalili-Mahani. — Text : unmediated // Journal of medical Internet research. — 2020. — Vol. 22. — Iss. 8. — P. e20186.
19. Paolini, D. COVID-19 lockdown in Italy: the role of social identification and social and political trust on well-being and distress / D. Paolini, F. Maricchiolo, M. Pacilli, S. Pagliaro. — Text : electronic // Current Psychology. — 2020. — No 26. — Oct: 1—8. — DOI 10.1007/s12144-020-01141-0.
20. Poole, D. N. Responding to the COVID-19 pandemic in complex humanitarian crises / D. N. Poole [et al.]. — Text : unmediated // International Journal for Equity in Health. — 2020. — Vol. 19. — Iss. 1. — P. 1—2.
21. Tejedor, S. Information on the COVID-19 Pandemic in Daily Newspapers' Front Pages: Case Study of Spain and Italy / S. Tejedor [et al.]. — Text : unmediated // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2020. — Vol. 17. — Iss 17. — P. 6330.
22. Tsai, J. Y. Intergroup Contact, COVID-19 News Consumption, and the Moderating Role of Digital Media Trust on Prejudice Toward Asians in the United States: Cross-Sectional Study / J. Y. Tsai [et al.]. — Text : unmediated // Journal of medical Internet research. — 2020. — Vol. 22. — No 9. — P. e22767.
23. Zoumpourlis, V. [Comment] The COVID 19 pandemic as a scientific and social challenge in the 21st century / V. Zoumpourlis [et al.]. — Text : unmediated // Molecular medicine reports. — 2020. — Vol. 22. — Iss. 4. — P. 3035—3048.

L. M. Mukharyamova

Kazan State Medical University, Kazan, Russia
ORCID ID: —

A. R. Zalyaev

Kazan State Medical University, Kazan, Russia
ORCID ID: —

E. Yu. Shammazova

Kazan State Medical University, Kazan, Russia
ORCID ID: —

E-mail: edu-prorector@kazangmu.ru; arthyran@mail.ru; shammazova.ekate@mail.ru.

COVID-19 Pandemic in the Russian Mass Media: A Political Context

ABSTRACT. *The article examines the media policy of the Russian newspapers in the context of the COVID-19 pandemic. The aim of the study is to find out how various political power groups in the context of the global threat use language to construct ideas about the correctness/incorrectness, effectiveness/ineffectiveness of the national health policy, and pro-*

gram the readers' readiness to change their behavior to ensure collective health security; how social and political actors are ready to cooperate and unite in the face of risks. The analysis is based on the study of messages published in the official press organ of the Government of the Russian Federation – in the newspaper “Rossiyskaya Gazeta” and in the independent publication – “Novaya Gazeta” – in the period from March to October 2020. The study was performed using the method of frame analysis and the contextual and situational analysis techniques. It is shown how influential media use certain frames to structure and organize social reality during the epidemic, and what interpretations and assessments are given to the actions of various parties. The analysis allows the authors to identify a high level of politicization of the COVID-19 crisis. Politicians are the most frequent actors both in informative and analytical reports. The analysis of two federal newspapers with different ideological orientations suggests that both are dominated by publications containing statistical data and short news, without contextual information or situation structuring models. The official “Rossiyskaya Gazeta” conducts a restrained media policy aimed to promote active and comprehensive actions of the country's leaders, practically with no reference to the presence of different assessments and points of view on the situation, including the assessment of the actions of state institutions in the context of the spread of the new coronavirus infection. The oppositional “Novaya Gazeta” uses emotional, expressive headlines and the frames of opposition between state institutions and the people, which contribute to conflict-ridden perception of the situation, increase anxiety due to the increased distrust of the authorities and the polarization of society.

KEYWORDS: political discourse; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; mass media language; linguistic means; Russian mass media; infodemic; frames; social policy; health of the population; pandemic; coronavirus; restrictive measures; fight against the epidemic; viruses; polarization of society.

AUTHOR'S INFORMATION: Mukharyamova Laysan Muzipovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, Ministry of Health of Russia, Kazan, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Zalyaev Artur Rustemovich, Candidate of Sociological Sciences, Assistant Lecturer of Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, Ministry of Health of Russia, Kazan, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Shammazova Ekaterina Yur'evna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, Ministry of Health of Russia, Kazan, Russia.

FOR CITATION: Mukharyamova, L. M. COVID-19 Pandemic in the Russian Mass Media: A Political Context / L. M. Mukharyamova, A. R. Zalyaev, E. Yu. Shammazova // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 72-80. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_06.

ACKNOWLEDGMENTS. The study is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Social Research Expert Institute (EISI), Project № 20-011-31521.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions / V. I. Karasik. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 25—34. [Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii / V. I. Karasik. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2020. — № 2 (80). — S. 25—34]. — DOI 10.26170/pl20-02-02. — (In Rus.)
2. Castells, M. The Power of Communication / M. Castells; per. from English by N. M. Tylevich. — Moscow : Publishing house of House of the Higher School of Economics, 2017. — Text : unmediated. [Vlast' kommunikatsii / M. Kastel's ; per. s angl. N. M. Tylevich. — Moskva : Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Leo, G. Social and political consequences of the pandemic and conceptualization of Western economies / G. Leo. — Text : unmediated // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. — 2020. — Vol. 223. — Iss. 3. [Sotsial'nye i politicheskie posledstviya pandemii i kontseptualizatsiya ekonomik Zapada / G. Leo. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. — 2020. — T. 223. — № 3]. — (In Rus.)
4. Chudinov, A. P. Discursive characteristics of political communication / A. P. Chudinov. — Text : electronic // Political Linguistics. — 2012. — No 2. — P. 53—59. [Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii / A. P. Chudinov. — Tekst : elektronnyy // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — № 2. — S. 53—59]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (date of access: 13.12.2020)
5. Ahmed, F. Why inequality could spread COVID-19 / F. Ahmed [et al.]. — Text : electronic // The Lancet Public Health. — 2020. — Vol. 5. — Iss. 5. — P. e240. — URL: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30085-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30085-2).
6. Barrios, J. M. Risk perception through the lens of politics in the time of the covid-19 pandemic / J. M. Barrios, Y. Hochberg. — Text : unmediated // National Bureau of Economic Research. — 2020. — №. w27008.
7. Bowleg, L. We're Not All in This Together: On COVID-19, Intersectionality, and Structural Inequality / L. Bowleg. — Text : unmediated // Am. J. Public Health. — 2020. — Vol. 110. — Iss. 7. — P. 917. — DOI 10.2105/AJPH.2020.305766.
8. Brennen, J. Beyond (Mis) Representation: Visuals in COVID-19 Misinformation / J. Brennen, Felix Simon, Rasmus Nielsen. — Text : electronic // The International Journal of Press/Politics. — 2020. — DOI 10.1177/1940161220964780.
9. Capano, G. Mobilizing policy (in) capacity to fight COVID-19: Understanding variations in state responses / G. Capano [et al.]. — Text : unmediated // Policy and Society. — 2020. — Vol. 39. — Iss. 3. — P. 285—308.
10. Druckman, J. N. Affective polarization, local contexts and public opinion in America / J. N. Druckman [et al.] // Nature Human Behaviour. — 2020. — P. 1—11.
11. Elgar, F. J. The trouble with trust: Time-series analysis of social capital, income inequality, and COVID-19 deaths in 84 countries / F. J. Elgar, A. Stefaniak, M. J. Wohl. — Text : electronic // Social Science & Medicine. — 2020. — Vol. 263. — P. 113365. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113365> (date of access: 08.11.2020)
12. Entman, R. M. Projections of power: Framing news, public opinion, and US foreign policy / R. M. Entman [et al.]. — University of Chicago Press, 2004. — Text : unmediated.
13. Gollust, S. E. The Emergence of COVID-19 in the US: A Public Health and Political Communication Crisis / S. E. Gollust, R. H. Nagler, E. F. Fowler. — Text : unmediated // Journal of Health Politics, Policy and Law. — 2020.
14. Gu, T. Characteristics Associated With Racial/Ethnic Disparities in COVID-19 Outcomes in an Academic Health Care

System / T. Gu, J. A. Mack, M. Salvatore [et al.]. — Text : electronic // *JAMA Netw Open*. — 2020. — Vol. 3. — Iss. 10. — P. e2025197. — DOI 10.1001/jamanetworkopen.2020.25197.

15. Hart, P. S. Politicization and Polarization in COVID-19 News Coverage / P. S. Hart, S. Chinn, S. Soroka. — Text : unmediated // *Science Communication*. — 2020. — Vol. 42. — Iss. 5. — P. 679—697.

16. Hatef, E. Assessing the Impact of Neighborhood Socioeconomic Characteristics on COVID-19 Prevalence Across Seven States in the United States / E. Hatef, H. Y. Chang, C. Kitchen, J. P. Weiner, H. Kharrazi. — Text : electronic // *Front Public Health*. — 2020. — Vol. 8. — 571808. — DOI 10.3389/fpubh.2020.571808.

17. Horton, R. The COVID-19 Catastrophe: What's Gone Wrong and How to Stop It Happening Again / R. Horton. — John Wiley & Sons, 2020. — Text : unmediated.

18. Pahayahay, A. What Media Helps, What Media Hurts: A Mixed Methods Survey Study of Coping with COVID-19 Using the Media Repertoire Framework and the Appraisal Theory of Stress / A. Pahayahay, N. Khalili-Mahani. — Text : unmediated // *Journal of medical Internet research*. — 2020. — Vol. 22. — Iss. 8. — P. e20186.

19. Paolini, D. COVID-19 lockdown in Italy: the role of social identification and social and political trust on well-being and distress / D. Paolini, F. Maricchiolo, M. Pacilli, S. Pagliaro. — Text : electronic // *Current Psychology*. — 2020. — No 26. — Oct: 1—8. — DOI 10.1007/s12144-020-01141-0.

20. Poole, D. N. Responding to the COVID-19 pandemic in complex humanitarian crises / D. N. Poole [et al.]. — Text : unmediated // *International Journal for Equity in Health*. — 2020. — Vol. 19. — Iss. 1. — P. 1—2.

21. Tejedor, S. Information on the COVID-19 Pandemic in Daily Newspapers' Front Pages: Case Study of Spain and Italy / S. Tejedor [et al.]. — Text : unmediated // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. — 2020. — Vol. 17. — Iss 17. — P. 6330.

22. Tsai, J. Y. Intergroup Contact, COVID-19 News Consumption, and the Moderating Role of Digital Media Trust on Prejudice Toward Asians in the United States: Cross-Sectional Study / J. Y. Tsai [et al.]. — Text : unmediated // *Journal of medical Internet research*. — 2020. — Vol. 22. — No 9. — P. e22767.

23. Zoumpourlis, V. [Comment] The COVID 19 pandemic as a scientific and social challenge in the 21st century / V. Zoumpourlis [et al.]. — Text : unmediated // *Molecular medicine reports*. — 2020. — Vol. 22. — Iss. 4. — P. 3035—3048.

Н. А. Рябченко

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6980-2894

О. П. Малышева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8285-0508

В. В. Катермина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9141-9867

А. А. Гнедаш

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3516-107X

 E-mail: rrrnatali@mail.ru; malisheva_83@mail.ru; katermina_v@mail.ru; anna_gnedash@inbox.ru.

Модель коммуникации «Говорящий — Слушающий» в условиях цифровизации лингвистического поворота: опыт сетевого и лингводискурсивного анализа контента видеохостинга «YouTube»

АННОТАЦИЯ. В данной статье сквозь призму научной парадигмы «лингвистического поворота» описывается 5 этапов трансформации модели «Говорящий — Слушающий» с точки зрения способов генерирования, передачи, распространения контента, охвата аудитории, а также с точки зрения оценки результата и реакции пользователей/читателей, заключающейся в обратной связи и ответном действии (онлайн / офлайн). Основное внимание авторов сосредотачивается на 5 этапе — «Цифровой коммуникации»; особую роль на данном этапе играют процессы производства, потребления и воспроизводства политического контента в социальных медиа (в статье предлагается кейс-стади видеохостинга «YouTube»). Исследование посвящено разработке алгоритма анализа модели «Говорящий — Слушающий» и апробации аналитической методики изучения крупнейшей социально-политической экосистемы, сформированной внутри / на платформе российского сегмента видеохостинга «YouTube» в 2019—2020 гг. Эмпирической базой исследования стали корпусы текстов пользователей (ветки комментариев, содержащие более 121 тысячи сообщений) как реакция на просмотр/потребление видеоконтента — д/ф «Беслан. Помни». Этот документальный фильм создан Юрием Дудем, одним из самых популярных современных российских журналистов РФ; размещен в канале «вДудь» на видеохостинге «YouTube» в сентябре 2019 г. Период сплошной выборки контента и корпуса текстов составил сентябрь 2019 — октябрь 2020 г. В ходе проведенного сетевого анализа и лингводискурсивного анализа модели коммуникации «Говорящий — Слушающий» на примере кейса экосистемы «вДудь — Беслан» авторы исследования выявили определяющую роль экосистем в формировании метакомьюнити в онлайн-пространстве; описали характер и принципы формирования экосистем в онлайн-пространстве; охарактеризовали процессы коммуникации и ролевые позиции в модели «Говорящий — Слушающий»; выделили и описали роль и значение главного лидера мнения и других инфлюенсеров в процессе коммуникации в модели «Говорящий — Слушающий»; определили стратегии и технологии влияния латентных лидеров мнения на формирование заданной реакции на исследуемый креолизованный контент.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет; интернет-пространство; интернет-коммуникация; интернет-дискурс; интернет-тексты; социальные сети; политический дискурс; политическая коммуникация; политический контент; лингвистический поворот; управление политическим контентом; интернет-сообщество; реляционная социология; сетевой анализ; теория графов; дискурс-анализ; инфлюенсеры; экосистема «вДудь — Беслан».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябченко Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: rrrnatali@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Малышева Ольга Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: malisheva_83@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: katermina_v@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гнедаш Анна Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: anna_gnedash@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рябченко, Н. А. Модель коммуникации «Говорящий — Слушающий» в условиях цифровизации лингвистического поворота: опыт сетевого и лингводискурсивного анализа контента видеохостинга «YouTube» / Н. А. Рябченко, О. П. Малышева, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 81-94. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_07.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды» (2018—2020 гг., рук. Н. А. Рябченко).

ВВЕДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОПРОСЫ

Глобальная цифровизация современного общества представляет на данный момент явление, определение которого выходит за рамки технической оснащенности или обеспечения технологиями, и включает изменения в менталитете современного человека, что выражается в новых социально-когнитивных моделях поведения, в том числе коммуникативного. В процессе развития цивилизации модели, равно как функции и цели коммуникации, претерпевали значительные трансформации. Суть коммуникации как процесса взаимодействия с целью обмена информацией между субъектами — «говорящим» (коммуникатором) и «слушающим» (реципиентом) не потеряла актуальности, так как в модели коммуникации данные субъекты являются «жесткими десигнаторами» [Кірк 1980; Крипке 1982: 340—376] — объектами, сохраняющими свои функции во всех возможных «мирах»/системах: «...чтобы дверь двигалась, петли должны оставаться неподвижными» [Витгенштейн 2005: 33; Wittgenstein 1980]. Наличие этих двух субъектов делает возможным, логичным и обоснованным акт коммуникации. Сохраняется и основная функция коммуникативного акта — управленческая, которая заключается в побуждении реципиента к определенному «мотивированному поведению» [Мещеряков 2004], осознанному или неосознанному действию.

От масштаба распространения импульса «побуждения» в условиях сетевого общества зависит репутация, авторитетность, значимость коммуниканта — создателя контента, что влечет за собой получение определенной выгоды. Высказанная мысль или произошедшее событие лишь тогда имеют значение, когда о них сообщено по крайней мере еще одному участнику. От степени разветвленности социальной сети, интенций говорящего или слушающего в плане распространения данной информации зависит степень влияния контента на социально-политические процессы в обществе. Помещение определенного контента в коммуникационную систему, таким образом, делает возможным наполнение любого события важностью и значимостью.

Коммуникационные возможности онлайн-пространства позволяют совокупности технологических средств действовать как единая коммуникативная система, похожая на язык в плане нелинейности ответной ре-

акции на импульс со стороны коммуниканта [Kluckhohn 1961: 895—910]. Онлайн-пространство как таковое является сложной (относительно данных) нелинейной коммуникативной системой, в которой акторы общаются посредством совокупности невербальных и вербальных средств, прагматический потенциал которых усилен эксплицитной интертекстуальностью, включающей фолксономию.

Основные исследовательские вопросы, возникающие при рассмотрении процессов формирования политического контента в социальных медиа и процессов социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве, связаны с особенностями создания, потребления и воспроизводства контента пользователями интернет-пространства: как интерпретировать трансформацию коммуникативной модели «Говорящий — Слушающий» в XXI в. с точки зрения способов генерирования, передачи, распространения онлайн-контента, охвата интернет-аудитории, а также с точки зрения оценки результата/последствий для коммуниканта и реципиента, заключающихся в обратной связи, ответном действии, а также в социально-политическом кармане «онлайн — офлайн — онлайн»? Как в экосистемах в онлайн-пространстве (например, экосистема «YouTube», которая включает разные каналы, разные аудитории, разных инфлюенсеров/лидеров мнений, в том числе латентных), образующих метасообщества, происходит обсуждение политического контента (события, новости, повестка дня, конструктивные и деструктивные кейсы, корпус текстов, фильмы и т. д.) и как формируется ответная реакция всех пользователей, усиливается ли (в положительную, нейтральную или отрицательную сторону) она создателем контента и другими инфлюенсерами?

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛИ «ГОВОРЯЩИЙ — СЛУШАЮЩИЙ»: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭТАПЫ

Экстраполируя идею Л. Витгенштейна [Витгенштейн 1994: 1—74] о значимости языка как средства развития и усложнения общества и способа отражения и концептуализации реальности, а также о том, что модель коммуникации представляет собой вариации базовой модели «Говорящий — Слушающий», мы можем сделать вывод о том, что данная модель неоднократно претерпевала трансформации в процессе эволюции общества и усложнения взаимодей-

ствий как между членами определенного сообщества, так и кросс-культурно.

Точкой бифуркации в ситуации трансформации модели коммуникации является этап изменений в социально-культурном развитии общества, вызванных рядом причин — начиная с антропологических трансформаций (под воздействием внешних обстоятельств, количества и особенностей участников взаимодействия, а также характера и сложности решаемых задач) и на более высоком уровне — изменениями в философской мысли, служащими толчком в изменении вектора развития науки в целом, и возникновением лингвистического поворота в мировой науке в XX в.

Лингвистический поворот в социальных науках и философии начинается с признания того, что представление и организация социального мира осуществляются в первую очередь посредством языка [Habermas 2001; Rorty 1992; Said 1978]. Поскольку язык сам по себе является социальной конструкцией [Williams 1977], а любое использование языка — наложением и производством социального мира, то можно говорить о том, что язык используется для структурирования социальных отношений и социальных институтов, построения эпистемологии и онтологии; язык определяет рациональность, мораль и справедливость, формируя социальную ткань и значимость жизни людей.

Что важно для теоретико-методологической оптики нашего исследования: лингвистический поворот открывает путь для деконструкции и реконструкции междисциплинарных массивов знаний [Bazerman 1992: 61—68; Becher 1987: 261—274; Clifford 1986; Kelly 1999: 883—815; Lea 2008: 634—645; Lea 2006: 368—377]. В целом возникновение в XX в. исторического поворота, культурологического поворота, лингвистического поворота, сетевого поворота и т. д. обязано усиливающейся интеграции различных наук, проникновению знаний из смежных наук в науки «разнополярные». Фактически, интенсивное приращение знаний и возникновение научных открытий происходило и происходит (в настоящее время) за счет гибридизации наук и синергетического результата междисциплинарных исследований. Н. Н. Равочкин особо отмечает, что «социально-философский потенциал лингвистического поворота заключен в том числе и в обращении к реальной практике жизнедеятельности и взаимодействию между множеством субъектов» [Равочкин 2018: 70—74]. Н. В. Романовский, определяя значение лингвистического поворота для развития социологической науки, акцентирует его как «изучение способов об-

щения, поведения, коммуникации — вербальной и невербальной», что «углубляет понимание сознательного и бессознательного, дает выход на новый уровень анализа поведения, на людей всех культур и цивилизаций», именно «через отражение специфики языка и понимания того, как люди наделяют смыслами свои речь и действия, добыты подвижки в исследованиях сознания и поведения» [Романовский www].

Понятие «лингвистический поворот», как мы считаем, нужно рассматривать в теоретическом и практическом аспектах. В философском понимании «лингвистический поворот» — этап в развитии научной мысли, обусловленный появлением новых теорий о сущности, функциях и структурно-семиотических характеристиках языка. В практико-прикладном социально-культурном, социально-политическом, антропологическом аспекте «социально-лингвистический поворот» может трактоваться как этап в развитии языка, характеризующийся изменениями в социально-политическом и социально-культурном устройстве общества, вызванный трансформацией формата и способов коммуникации внутри определенной социально-культурной группы или кросс-культурно. Обратим внимание на то, что текущий лингвистический поворот связан с развитием социальных медиа, сетевизацией общества, цифровизацией коммуникации, культуры, структур и институтов, повседневности людей, а также активным включением математических методов исследования и сетевой парадигмы в социальные исследования и сетевую лингвистику (подробнее ниже, 5 этап трансформации модели «Говорящий — Слушающий»).

Язык обладает универсальной способностью подстраиваться, адаптироваться и в то же время накладывает свои ограничения на «Говорящего»: грамматические структуры; правила формального вывода; обобщенные представления; понятия; символы; невербальные структуры; экстралингвистические особенности и т. д. Воздействие языка, который, согласно Л. П. Киященко, требует своего исполнения и приложения, получает отклик со стороны человека, воплощающего в слове свои идеи не только для себя, но и для того, чтобы передать всем остальным «смысл своего уникального и неповторимого существования» [Киященко 2000].

Учитывая теоретико-методологическую призму концепта «лингвистический поворот», выделим этапы трансформации коммуникативной модели «Говорящий — Слушающий» с точки зрения способов генерирования, передачи, распространения кон-

тента, охвата аудитории, а также с точки зрения оценки результата/последствий для коммуниканта и реципиента, а именно обратной связи, ответного действия.

1. Этап трансформации «Примитивное общение». Первичной моделью коммуникации «Говорящий — Слушающий» нам представляется ситуация сообщения в рамках общения посредством языка тела, жестов, с которого, как полагают антропологи, началось примитивное общение человека. Многозначность системы используемых невербальных знаков частично компенсируется или устраняется контекстом ситуации общения, а также наличием объектов-референтов. Контент, претерпевая искажения в сознании реципиента, фиксируется лишь участниками коммуникации, количество которых ограничено ввиду особенностей личной коммуникации.

2. Этап трансформации «Вербальность». Появление вербального компонента в коммуникативной модели расширило охват аудитории, упростило передачу контента, как получение обратной связи, так и саму модель коммуникации, увеличив степень абстрактности, но не сняло многозначность ввиду того, что пропала необходимость демонстрировать объект-референт при наличии вербального сигнификата. Увеличение степени абстрактности при передаче информации за счет вербализации образов дало возможность «Говорящему»/коммуниканту применять прием метафоризации реальности для закрепления образов в сознании адресата и создания триггеров, детерминирующих поведение «Слушающего»/реципиента.

3. Этап трансформации «Диахроничность». Появление письменности и, намного позже, изобретение книгопечатания не сделали генерирование и распространение информации, на тот момент ставшей «контентом», абсолютно массовым, но позволили фиксировать и распространять контент «асинхронно», т. е. внести в модель «Говорящий — Слушающий» компонент диахроничности. Контент приобрел качество асинхронности, абстрактности, визуальности; имплицитной интертекстуальности за счет аллюзий и цитирования.

4. Этап трансформации «Креолизованность». С изобретением радио и популяризацией телевидения контент приобретает свойство креолизованности — аудиальность и визуальность, комбинируясь с вербальным и невербальным/жестовым компонентом, дают возможность «Говорящему» усиливать создаваемые образы за счет модально-эмоционального компонента просодических

средств, эффективно фиксируя триггеры в сознании «Слушающего».

5. Этап трансформации «Цифровая коммуникация». Регламентированность и привилегированность права создания и массового распространения контента — характерная особенность перечисленных этапов — потеряли актуальность с появлением Интернета и популяризацией социальных медиа. Цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека привела к формированию альтернативного пространства социального взаимодействия — онлайн-пространства. Модель коммуникации «Говорящий — Слушающий» не потеряла актуальности, однако приобрела новые черты. Так, интернет-платформы, мессенджеры, социальные сети и видеохостинги стали средством масштабирования охвата аудитории «Слушающих» при увеличении степени персонализированности коммуникации. Кажущаяся анонимность коммуникации в online-пространстве привела к размыванию социальных границ и смешению стилей. Аудиовизуальный компонент дополнился графическими формами выражения просодики (тире — паузация, восклицательный знак — восклицание) и модально-эмоционального компонента высказывания (эмоджи, GIF, мемы, в том числе сленговые междометия — LOL, OMG и т. д.). Все это привело к тому, что возросло значение и роль контента, генерируемого «Говорящими» и потребляемого и воспроизводимого «Слушателями». Характерные особенности контента с точки зрения коммуникативной модели «Говорящий — Слушающий» в условиях сетевизации общества и цифровизации социально-политических процессов:

- креолизованность (вербальный, аудиовизуальный компоненты);
- асинхронность/диахроничность;
- эксплицитная интертекстуальность, цитирование и аллюзии (за счет использования хештегов и @-цитирования);
- распространение происходит преимущественно в горизонтальных системах;
- нерегламентированность в выборе темы (при опосредованности «контекста» за счет эффекта «filter-bubble»);
- возможность получения/предоставления непосредственной обратной связи (комментарии, лайки); непривилегированность, открытость и массовость в возможности предоставлять и получать обратную связь;
- относительная регламентированность (модерация сайтов, сообществ в социальных сетях);
- поликанальность, виральность, массовость в распространении/получении за счет

существования информационно-коммуникационных экосистем;

– более эффективное воздействие на сознание за счет постоянного комплексного воздействия на совокупность каналов восприятия «слушающего».

Одна из важнейших особенностей современной модели коммуникации «Говорящий — Слушающий» — это смена ролей в процессе самой коммуникации. Так происходит из-за того, что контент, генерируемый «Говорящими», потребляющийся и воспроизводящийся «Слушателями», функционирует в преимущественно горизонтальной системе — онлайн-пространстве. То есть в любой момент субъект «Слушающий» может трансформироваться в субъект «Говорящий», примером чего служит появление инфлюенсеров в различных социальных медиа. При этом в некоторых из них этот процесс перехода происходит без конвертации социального капитала из офлайн-пространства в онлайн-пространство (примером могут служить инфлюенсеры социальной сети «TikTok» и видеохостинга «YouTube»). В первую очередь это касается степени оценки пользователями потенциала влияния институтов политической системы и деятельности акторов публичной политики на развитие социально-политических процессов.

Реализация модели коммуникации «Говорящий — Слушающий» в онлайн-пространстве происходит в несколько этапов. На первом этапе «Говорящий» создает и размещает контент в online-пространстве, как правило, выбирая для этого публичные площадки с большим количеством пользователей — социальные сети. На втором этапе происходит процесс потребления этого контента «Слушателями», который постепенно переходит в воспроизводство контента путем оставления комментариев и формирования ветки комментариев. Контент, размещенный «Говорящим», в совокупности с веткой комментариев образует экосистему внутри комьюнити социальной сети, привлекающая все больше и больше новых «Слушателей». Подобные экосистемы обладают потенциалом формирования социального действия в онлайн- и офлайн-пространствах как конструктивного, так и деструктивного типа, в зависимости от процессов, протекающих в экосистеме, и от пользователей, являющихся хабами в ней. Для исследования данных экосистем необходимо применять комплексный метод анализа данных, включающий сетевой анализ и лингводискурсивный анализ открытых сетевых данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ «ГОВОРЯЩИЙ — СЛУШАЮЩИЙ» ВНУТРИ МЕТАКОМЬЮНИТИ ВИДЕОХОСТИНГА «YOUTUBE» НА ПРИМЕРЕ КЕЙСА ЭКОСИСТЕМЫ «ВДУДЬ — БЕСЛАН»

Согласно аналитическим данным компании «Mediascope» за июль 2020 г., самыми популярными социальными сетями и сетевыми ресурсами в онлайн-пространстве России являются поисковые системы «Яндекс» (47,6 млн пользователей в месяц) и «Google» (46,7 млн пользователей в месяц), за ними на третьем месте идет видеохостинг «YouTube» (44,6 млн пользователей в месяц), включающий в себя полный функционал социальной сети [ТОП-10 Ресурсов www]. При этом среднее количество времени, которое пользователи проводят в поисковых системах («Яндекс» — 18 минут в день, «Google» — 4 минуты в день), существенно меньше, чем у «YouTube» (48 минут в день). «YouTube» вместе с социальными сетями «TikTok» и «Instagram» является площадкой в онлайн-пространстве, генерирующей креолизованный контент, в котором доля медиаконтента превосходит долю текстового (в первую очередь это происходит из-за того, что эти социальные сети организованы по принципу первоочередности медиаконтента). Это усложняет процесс анализа процессов, протекающих в подобных социальных сетях, и требует использования комплексных аналитических методик анализа генерируемого ими контента.

Для разработки алгоритма анализа экосистем, возникающих в социальных сетях с преимущественно медийным контентом, и методик анализа таких экосистем мы выбрали «вДудь» — канал Юрия Дудя, одного из самых влиятельных журналистов в России [«вДудь»]. Этот канал был выбран для проведения эмпирического исследования по критерию количества просмотров и комментариев: по итогам 2019 г., опубликованное в этом канале видео «Беслан. Помни / Beslan. Remember» (дополненное субтитрами на английском и испанском языках) [Беслан www] стало самым просматриваемым видео в России. В официальном отчете «YouTube Rewind 2019: лайки, челленджи и Билли Айлиш» компании «Google» за 2019 г. говорится о том, что в российском сегменте «YouTube» сформировалась особая ниша — документальные фильмы [YouTube Rewind 2019 www]. Многомиллионные просмотры и многотысячные ветки комментариев показывают готовность комьюнити «YouTube» обсуждать не только развлекательный, но и сложный и противоречивый социально-политический контент.

Сам канал «вДудь», имеющий 8,12 млн подписчиков, позиционирует себя как место, в котором задают вопросы. С момента основания канала в 2014 г. его содержимое посмотрели более одного миллиарда раз. Можно уверенно говорить о сформированной экосистеме на базе канала «вДудь». Проанализируем эту экосистему и опишем особенности модели коммуникации «Говорящий — Слушающий» на примере анализа контента «Беслан. Помни / Beslan. Remember».

Документальный фильм (видео) «Беслан. Помни / Beslan. Remember» был размещен в канале «вДудь» 2 сентября 2019 года. Это видео посмотрели более 21 млн раз (на октябрь 2020 года), 1,1 млн пользователей поставили отметку «Нравится» и 31 тысяча — отметку «Не нравится». Как мы видим, видео получило значительный отклик от комьюнити видеохостинга «YouTube» и онлайн-пользователей. Помимо этого, видео спровоцировало широкую дискуссию в виде ветки комментариев, содержащей более 121 тысячи сообщений.

При помощи инструмента извлечения данных «YouTube Data Tools» [Riederer 2015] мы сформировали dataset эмпирических данных, содержащий: основную информацию и статистику об анализируемом видео; как комментарии верхнего уровня, так и ответы к ним; список авторов комментариев и количество комментариев, которое они оставили; сетевые данные (в формате «gdf»), отображающие взаимодействие между пользователями в разделе «комментарии». Сетевой анализ и лингводискурсивный анализ эмпирических данных позволил нам описать экосистему «вДудь — Беслан» и проанализировать протекающие в ней процессы (подробно отдельные этапы методики описаны в работах: [Катермина 2020: 87—107; Рябченко 2019: 92—106; Катермина 2019: 305—322; Рябченко 2018: 139—162]).

При помощи программы «Gephi» мы визуализировали сетевые данные как социальный граф (рисунок 1).

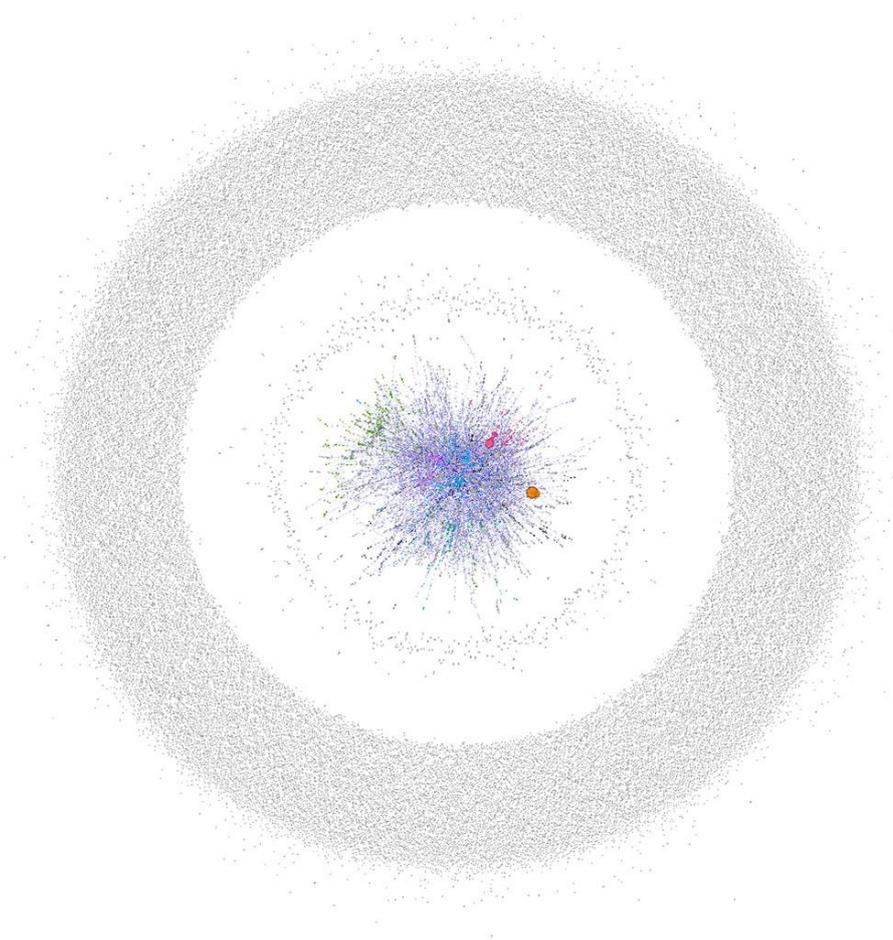

Рис. 1. Экосистема «вДудь — Беслан»

Полученный социальный граф состоит из 68 497 узлов, представляющих пользователей, оставивших комментарии под анализируемым видео и включенных в экосистему канала «вДудь», и 13 531 ребра, которые отражают взаимодействия пользователей экосистемы, выражающиеся в виде связи «комментарий на комментарий». Анализ взаимодействий «комментарий на комментарий» в полученном социальном графе позволяет нам классифицировать участников экосистемы канала «вДудь». Мы можем выделить основного лидера мнений — «Говорящего», которым в данном случае является Юрий Дудь, автор канала «вДудь»; латентных лидеров мнений, влияющих на то, как будет восприниматься и воспроизводиться контент, размещаемый основным лидером мнений. Латентные лидеры мнений, размещающая в экосистеме комментарии, а также «комментарии на комментарии», создают дискурсивное поле и определяют векторы трансформации доминирующего мнения в экосистеме о размещенном в ней контенте. Анализируя социальный граф, представленный на рисунке 1, мы выделили и классифицировали латентных лидеров мнений по следующим критериям:

– по общему числу комментариев (в том числе «комментарий на комментарий») — «Degree-инфлюенсер»;

– по числу реакций (ответных комментариев), данных на комментарий, размещенный латентным лидером мнения — «In-Degree-инфлюенсер»;

– по числу полученных реакций на комментарий, размещенный латентным лидером мнений (комментариев на комментарий) — «Out-Degree-инфлюенсерами».

На рисунке 2 мы видим визуализацию ядра экосистемы «вДудь — Беслан», на которой в части А визуализировано ядро экосистемы с выделенными «Degree-инфлюенсерами», в части В — «In-degree-инфлюенсерами», а части С — «Out-degree-инфлюенсерами» (латентные лидеры мнения на рисунке 2 в каждой его части имеют больший диаметр, чем другие узлы/вершины социального графа).

Как видно из рисунка 2, латентные лидеры мнения в каждом случае — это разные пользователи, все они в совокупности определяют дискурсивное поле вокруг контента, размещенного основным лидером мнения — Ю. Дудем. Именно в этом дискурсивном поле и формируется мнение о контенте, которое в последующем транслируется в онлайн-пространство. Помимо этого, дискурсивное поле способно накапливать потенциал социального действия, в том числе с эффектом отложенного действия.

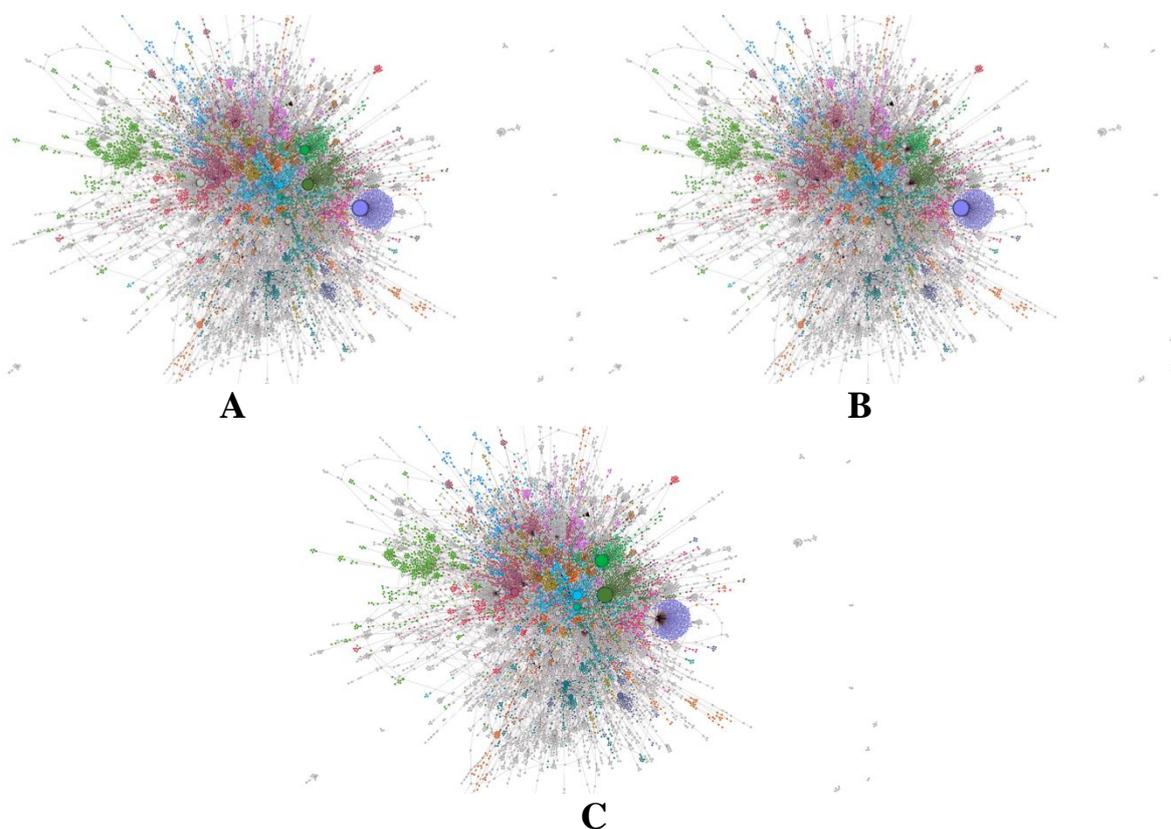

Рис. 2. Визуализация ядра экосистемы «вДудь — Беслан»

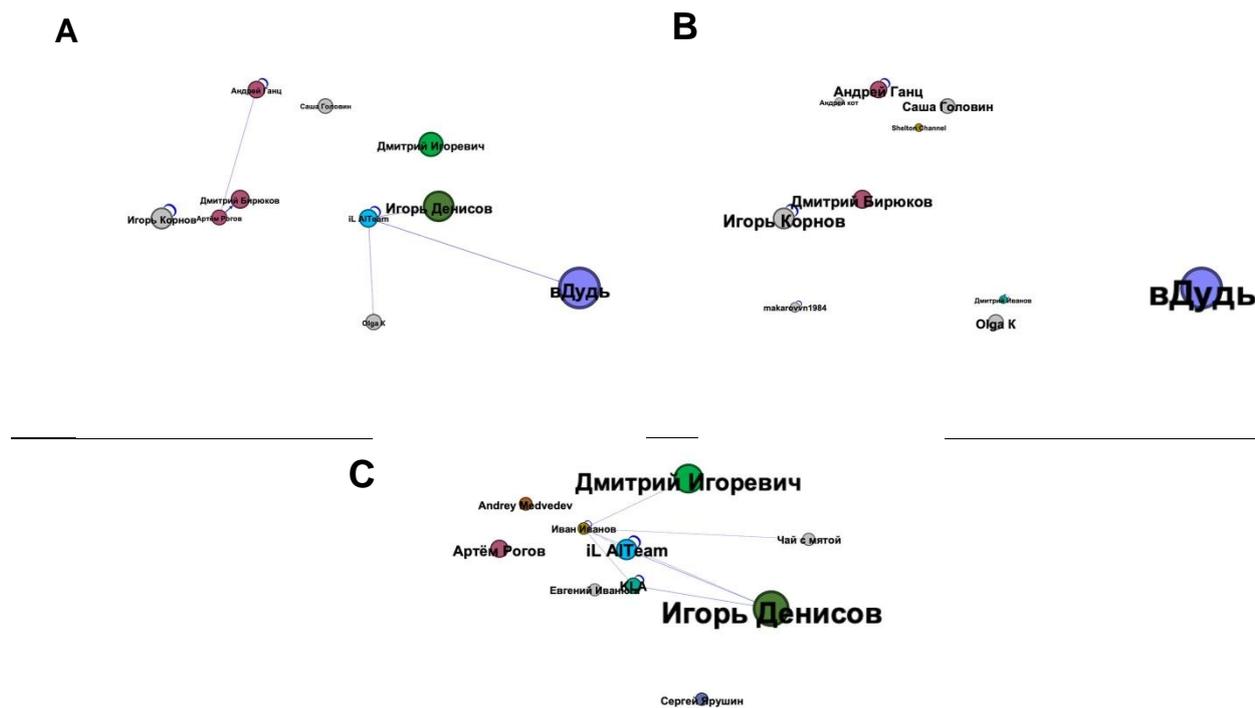

Рис. 3. Латентные лидеры мнения экосистемы «вДудь — Беслан»

Определим топ-10 латентных лидеров каждого типа. Для этого подвергнем социальный граф ядра экосистемы «вДудь — Беслан» фильтрации по топологии, применяя поочередно условия фильтрации «Диапазон мощности» (для получения Degree-инфлюенсеров — рисунок 3, часть А), «Диапазон входящей мощности» (для получения In-degree-инфлюенсеров — рисунок 3, часть В), «Диапазон исходящей мощности» (для получения Out-degree-инфлюенсеров — рисунок 3, часть С).

Рассмотрим лидеров мнения из категории «Out-degree-инфлюенсеры». Из анализа визуализации, представленной на рис. 3, мы сделали вывод, что таких латентных лидеров мнения — 2 пользователя: «Игорь Денисов» и «Дмитрий Игоревич».

Пользователь под ником «Игорь Денисов» является основным инфлюенсером данной категории, так как диаметр узла «Игорь Денисов» является наиболее крупным. Пользователь, имя которого предполагает одного из «своих» ввиду незначительности имени (не вызывает вопросов и/или отторжения), был активен с 7 по 15 сентября 2019 г. и за неделю разместил 258 комментариев, что в среднем составляет 39 комментариев в день. 39,9 % всех его коммен-

тариев составляют рекуррентные сообщения и сообщения, в которых текст видеоизменен при сохранении тематики и действующего агента в предложении. Рекуррентные сообщения — это идентичные повторяющиеся сообщения, размещаемые от имени одного или разных пользователей в социальных сетях в виде комментариев к определенному посту. Цель размещения подобных сообщений — создание или трансформация имеющихся когнитивных установок и формирование новых паттернов социального действия пользователей, что достигается посредством устойчивого повторяющегося воздействия.

Повторяемость является залогом успешного целенаправленного внедрения определенных идей в сознание пользователей данного дискурсивного поля. Таким образом, мы делаем вывод о том, что темы, представленные блоком рекуррентных сообщений, являются приоритетным направлением для «Игоря Денисова». Тематика блока рекуррентных сообщений представлена следующими:

*6 — В 100 метрах от школы отдел ФСБ и отдел МВД, в 150 метрах пожарка, за 3 часа до захвата школы была получена информация о предстоящем захвате Ни предотвратить, ни грамотно освободить,

ни вовремя потушить — ничего. А так то да государство тут совсем ни причём, спасайтесь сами кто может.

*7 — 28 мая 2019 в Москву вновь приехали талибы, они встретились с Лавровым состоялся очередной раунд переговоров с "Талибан", признанного в России террористической организацией и запрещённого.

*13 — осуждение российской власти, действий военных при захвате школы в Беслане: в том то и дело то что надо было просто ответственно и хорошо сделать свою работу — за 3 часа до захвата школы была получена информация о предстоящем захвате — никто и не почесался, нужны были постоянные переговоры и выводить детей выводить — Аушев вывел 26 живых душ, штаб не вывел ни одного ребёнка. Если уж ты генерал то и организуй всё грамотно и умеи отвечать за все свои решения — иначе ты просто мудака с натянутыми на задницу генеральскими лампасами.

**23 Цитирование доклада Савельева, опровергающего версию правительства о причинах взрыва в Беслане: Доклад Савельева
Объем доклада около 700 страниц, включая около 300 фотографий...*

*42 — нецензурные комментарии в адрес Соловьёва и его сторонников.

Примечательно, что 62,7 % комментариев не получили ни одного лайка, однако вызвали реакцию со стороны других участников экосистемы «вДудь-Беслан» и заставляли пользователей вступать в дискуссию с пользователем «Игорь Денисов», который отвечал снисходительно и призывал проявить сообразительность и осознать правду. Итогом активной «публикационной» деятельности «Игоря Денисова» стало одобрение его комментариев, содержащих критику государства:

– горькое признание плачевного положения вещей (349 лайков) — *Наша страна не для жизни простых людей, в нашей стране живёт государство...*;

– апелляцию к чувствам (98 лайков) — *Слышали хруст на последних минутах фильма у памятника с именами жертв — так хрустят и наши души под армейскими ботинками государства российского...*;

– указание на вину властей в произошедшей трагедии, саркастическое замечание (56 лайков) — *В 100 метрах от школы отдел ФСБ и отдел МВД, в 150 метрах пожарка, за 3 часа до захвата школы была получена информация о предстоящем захвате Ни предотвратить, ни грамотно освободить, ни вовремя потушить — ничего. А так то да государство тут совсем ни причём, спасайтесь сами кто может.*

Стратегия создания контента, использующая «Игорем Денисовым» — это троллинг, откровенное издевательство над «слушающим», с целью вывести на разговор и найти большую тему, которая бы тронула пользователей, собрать лайки. При этом нет конструктивного диалога с несогласными, как и аргументированного ответа на их комментарии. Несогласных пользователей «Игорь Денисов» называет «ботами», «шавками», «швалью», «ноунеймами» и массивно использует нецензурную лексику, снисходительно разговаривает («николашка», «геша», «андрюша»), унижает и откровенно издевается («кирилл отличный план, диллера не подскажите», «егорка, нюхни нашатыря»). «Игорь Денисов» отвечает всем пользователям, участникам экосистемы «вДудь-Беслан», однако называет имя пользователя (при этом пишет имя с маленькой буквы), на чей комментарий он отвечает. В целом пользователь небрежен в плане пунктуации и орфографии.

На визуализации, представленной на рис. 3, вторым по величине хабом является **пользователь под ником «Дмитрий Игоревич»**. Имя пользователя (имя и отчество) создает образ зрелого, опытного или статусного человека, к мнению которого следует прислушиваться. Данный пользователь был активен с 9 сентября по 6 ноября 2019 г. и за это время разместил 263 комментария, что в среднем составляет 4 комментария в день. 16 % комментариев составляют рекуррентные сообщения.

Данный пользователь выступает за разоблачение фейков, распространяемых некоторыми СМИ и каналом «вДудь»:

Дудь выступил как ПРОВОКАТОР.

В доказательство этого он приводит ссылки на публикации газет и новостных агентств:

*24 «Не дайте себя надудь!! Разбор вранья Новой Газеты 1) Разбор вранья Новой Газеты — <https://leon-spb67.livejournal.com/1162041.html> 2) Анализ фильма Дудя — <https://youtu.be/Un4MsifuOxs> 3) Разбор старых мифов о Беслане — <http://www.reyndar.org/beslan/forum/index.php/topic,706.0.html> 4) бывшая заложница отвечает Дудю — <https://youtu.be/pCTfr4UnxKM>.

При этом «Дмитрий Игоревич» резко высказывается о тех, кто верит в ложь и не хочет критически мыслить. Он считает, что они «хомячки, разогреты провокаторами», и противопоставляет их «разумным людям, умеющим анализировать»:

«Стыдно, что столько "хомячков", которые не способны думать самостоятельно и отличать ложь от правды»; «На-

деюсь, что большинство из них — умные, порядочные люди, которые не в восторге от лживого фильма Дудя, основанного на версии Басаева (=Милашиной)».

Примечательно, что 20,5 % сообщений представляют собой «личный ответ на комментарий», что делает коммуникацию персонализированной и дает возможность показать, что автор комментариев является реальным человеком, а не ботом, и таким образом привлекать на свою сторону «критически мыслящих» пользователей.

Пользователь вежлив с другими пользователями, которым он отвечает («*Вы полагаете, что Вам (из Украины) виднее*»; «*А у Вас есть доказательства*»), отмечается небольшое количество нецензурной лексики, но в основном в адрес тех, кто, по мнению комментатора, распространяет ложную информацию о Беслане. Пользователь пишет грамотно и аккуратен в плане пунктуации. Примечательно использование заглавного шрифта для выделения основных мыслей («*У НОРМАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ*»; «*НОВЫЙ ТЕРАКТ !!!*»; «*РАДИ ХАЙПА*»; «*ПРОВОКАЦИЯ*»; «*ХАЙП НА КРОВИ, а ещё ПАКОСТЬ*»), а также нумерации для систематизированного представления аргументов и доказательств собственной правоты (*Россия добилась: 1) мира на Кавказе 2) снижения (на порядок!!) террористической деятельности за последние 10-15 лет 3) относительной стабильности в стране, возможности залечить раны 90-х, отстроить заново города и дать шанс на нормальную жизнь (в т.ч. в Чечне)*).

Сравнивая стратегии представленных латентных лидеров мнения, мы можем сделать вывод о том, что их стратегии в модели «Говорящий — Слушающий» отличаются по следующим показателям:

– отношение к слушающему (уважение/неуважение — аккуратная/небрежная пунктуация и орфография; использование сниженной лексики, написание имени с маленькой буквы / обращение на «Вы»);

– цель («Дмитрий Игоревич» призывает задуматься и критически мыслить, отстаивает позицию государства; «Игорь Денисов» провоцирует агрессию пользователей и обличает государственную власть);

– технологические особенности (личное обращение посредством @-цитирования; использование гиперссылок для аргументации).

Латентные лидеры мнения усиливают размещенный основным лидером мнения контент (поддерживая обсуждение), расширяют его и уводят в сторону (обогащая дополнительной информацией за счет гиперссылок и высказанного собственного мнения).

Под воздействием латентных лидеров мнения большая часть пользователей, включенных в экосистему, начинает отождествлять мнение, высказанное основным лидером мнения, с мнением латентных лидеров мнения. Данное мнение пользователи впоследствии начинают транслировать на весь Интернет.

ВЫВОДЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Учитывая теоретико-методологическую призму концепта «лингвистический поворот», мы выделили этапы трансформации коммуникативной модели «Говорящий — Слушающий» с точки зрения способов генерирования, передачи, распространения контента, охвата аудитории, а также с точки зрения оценки результата/последствий для коммуниканта и реципиента, а именно обратной связи, ответного действия. В результате получилось 5 этапов: «Примитивное общение»; «Вербальность»; «Диахроничность»; «Креолизованность»; «Цифровая коммуникация».

Технологические и коммуникационные возможности онлайн-пространства трансформировали модель «Говорящий — Слушающий» на пятом этапе лингвистического поворота в первой четверти XXI в. Текущий и наблюдаемый нами лингвистический поворот связан с развитием социальных медиа, сетевизацией общества, цифровизацией коммуникации, культуры, структур и институтов, повседневности людей, детерминирован и активирован включением математических методов исследования и сетевой парадигмы в социальные исследования и сетевую лингвистику.

Интернет-платформы, мессенджеры, социальные сети и видеохостинги стали средством масштабирования охвата аудитории «Слушающих» при увеличении степени персонализированности коммуникации. Аудиовизуальный компонент дополнился графическими формами выражения просодики и модально-эмоционального компонента высказывания. Все это привело к тому, что возросло значение и роль контента, генерируемого «Говорящими» и потребляющегося и воспроизводящегося «Слушателями».

В процессе коммуникации в онлайн-пространстве стала возможной и определяющей характер коммуникации смена ролей «Говорящий — Слушающий» в процессе самой коммуникации: в любой момент субъект «Слушающий» может трансформироваться в субъект «Говорящий», примером этого служит появление инфлюенсеров в различных социальных медиа.

Современные метасообщества в онлайн-пространстве представляют собой совокуп-

ность экосистем, каждая из которых включает разные каналы, разные аудитории, разных инфлюенсеров / лидеров мнений, в том числе латентных. Внутри экосистемы происходит (в отличие от онлайн- и офлайн-сообществ, создающихся по принципу соответствия одному или нескольким параметрам, например, онлайн-сообщество автолюбителей, офлайн-общество слинг-мам) объединение по принципу потребления и воспроизводства контента (новость / событие / фильм / закон / повестка дня / конструктивные и деструктивные акции / корпус текстов и т. д.). Именно потребление и воспроизводство этого контента формируется как ответная реакция всех пользователей, усиленная (в положительную, нейтральную или отрицательную сторону) как создателем контента, так и другими инфлюенсерами (в том числе и латентными). Подобные экосистемы обладают потенциалом формирования социального действия в онлайн- и офлайн-пространствах как конструктивного, так и деструктивного типа, в зависимости от процессов, протекающих в экосистеме, и от пользователей, являющихся хабами в ней.

Особенностью русскоязычного сегмента онлайн-пространства стало потребление и воспроизводство (тиражирование мнения, интереса и точки зрения) пользователями видеоконтента, представленного документальными фильмами. Роль именно видеохостинга «YouTube» (по сравнению, например, с «Instagram») в процессах производства, тиражирования, воспроизводства и потребления политического видеоконтента трудно переоценить.

Канал «ВДудь» был выбран нами для проведения эмпирического исследования по критерию количества просмотров и комментариев. Документальный фильм «Беслан. Помни / Beslan. Remember» (представленный в канале) стал самым просматриваемым и обсуждаемым видео в России, что свидетельствует о готовности метасообщества «YouTube» обсуждать не только развлекательный, но и сложный и противоречивый социально-политический контент.

Сетевой и лингводискурсивный анализ экосистемы «ВДУДЬ — БЕСЛАН» позволил нам, помимо основного лидера мнений Юрия Дудя, найти, выделить и описать роль и значение других инфлюенсеров (латентных лидеров мнений), влияющих на процессы потребления, тиражирования и воспроизводства данного политического контента и определяющих данные процессы, а главное — охарактеризовать заданную латентными лидерами мнения реакцию на данный видеоконтент — документальный фильм.

Стратегии и приемы, используемые латентными лидерами мнения для создания определенных паттернов поведения у пользователей в отношении восприятия и реакции на контент (д/ф и его обсуждение), подробно описаны нами выше. Еще раз обратим внимание, что под воздействием латентных лидеров мнения большая часть пользователей, включенных в экосистему, начинает отождествлять мнение, высказанное основным лидером мнения, с мнением латентных лидеров мнения. Данное мнение пользователи впоследствии начинают транслировать на весь Интернет как свою реакцию и свое восприятие данного видеоконтента.

ЛИТЕРАТУРА

1. «ВДудь»: официальный канал Юрия Дудя. — URL: <https://www.youtube.com/c/vdud/about> (дата обращения: 13.11.2020). — Видео + Текст: электронный.
2. «YouTube Rewind 2019: лайки, челленджи и Билли Айлиш». Отчет компании «Google». — URL: <http://www.advertology.ru/article148162.htm> (дата обращения: 13.11.2020). — Текст: электронный
3. Беслан. Помни / Beslan. Remember (english & español subs). — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vF1UGmi5m8s> (дата обращения: 13.11.2020). — Видео: электронное.
4. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. и англ. В. Руднева. — Москва: Территория будущего, 2005. — Текст: непосредственный.
5. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. — Текст: непосредственный // Философские исследования. Ч. 1 / Л. Витгенштейн. — Москва: Гнозис, 1994. — С. 1—74.
6. Катермина, В. В. Лингвистическая модель коммуникации президента США Д. Трампа в социальной сети Twitter в марте — июне 2020 г. / В. В. Катермина, Н. А. Рябченко, С. Х. Липириди, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева. — Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — Вып. 5 (83). — С. 87—107. — DOI 10.26170/pl20-05-09.
7. Киященко, Л. П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка) / Л. П. Киященко. — Москва: ИФРАН, 2000. — 199 с. — Текст: непосредственный.
8. Крипке, С. Тожество и необходимость / С. Крипке. — Текст: непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). — Москва: Радуга, 1982. — С. 340—376.
9. Мещеряков, Б. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред.: Б. Мещеряков, В. Зинченко. — Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. — 672 с. — Текст: непосредственный.
10. Равочкин, Н. Н. Лингвистический поворот: социально-философский потенциал / Н. Н. Равочкин. — Текст: непосредственный // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2018. — № 8. — С. 70—74.
11. Романовский, Н. В. О современном этапе развития социологии. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/142/878/1219/005_Romanovskij_22-31.pdf (дата обращения: 13.11.2020). — Текст: электронный.
12. Рябченко, Н. А. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика / Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева. — Текст: непосредственный // Южно-российский журнал социальных наук. — 2018. — № 3. — С. 139—162.
13. Рябченко, Н. А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды / Н. А. Рябченко, О. П. Малышева, А. А. Гнедаш. — Текст: непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 2. — С. 92—106. — DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>.

14. ТОП-10 Ресурсов по данным компании «Mediascope». — URL: <https://webindex.mediascope.net/top-resources> (дата обращения: 13.11.2020). — Текст : электронный.
15. Bazerman, C. From cultural criticism to disciplinary participation: Living with powerful words / C. Bazerman. — Text : unmediated // Writing, Teaching, and Learning in the Disciplines / Herrington A. and C. Moran (eds.). — New York : Modern Language Association of America, 1992. — P. 61—68.
16. Becher, T. Disciplinary discourse / T. Becher. — Text : unmediated // Studies in Higher Education. — 1987. — № 12 (3). — P. 261—274.
17. Clifford, J. Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography / J. Clifford, G. Marcus. — Berkeley : University of California Press, 1986. — Text : unmediated.
18. Habermas, J. On the Pragmatics of Social Interaction: Preliminary Studies in the Theory of Communicative Action / J. Habermas. — Cambridge : MIT Press, 2001.
19. Katermina, V.V. Political content management: new linguistic units and social practices / V. V. Katermina, N. A. Ryabchenko, O. P. Malysheva. — Text : unmediated // Church, Communication and Culture. — 2019. — Vol. 4, Iss. 3. — P. 305—322. — DOI: 10.1080/23753234.2019.1664916.
20. Kelly, G. J. The sound of music: constructing science as sociocultural practices through oral and written discourse / G. J. Kelly, C. Chen. — Text : unmediated // Journal of Research in Science Teaching. — 1999. — № 36 (8). — P. 883—815.
21. Kluckhohn, C. Notes on some anthropological aspects of communication / C. Kluckhohn. — Text : unmediated // American Anthropologist. New Series. — 1961. — Vol. 63. № 5. — P. 895—910. — DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.1961.63.5.02a00010>.
22. Kripke, S. A. Naming and Necessity / S. A. Kripke. — Cambridge : Harvard University Press, 1980. — 172 p. — Text : unmediated.
23. Lea, M. R. Academic literacies in theory and practice / M. R. Lea. — Text : unmediated // Encyclopedia of Language and Education // N. Hornberger, B. Street (eds.). — New York : Springer, 2008. — P. 634—645.
24. Lea, M. R. The academic literacies model: Theory and applications / M. R. Lea, B. V. Street. — Text : unmediated // Theory into Practice. — 2006. — № 45 (4). — P. 368—377.
25. Rieder, B. YouTube Data Tools (Version 1.11) [Software] / B. Rieder. — URL: <https://tools.digitalmethods.net/netvizz/youtube/> (date of access: 13.11.2020). — Software : electronic.
26. Rorty, R. M. (ed.) The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / R. M. Rorty (ed.). — Chicago : University of Chicago Press, 1992. — Text : unmediated.
27. Said, E. Orientalism / E. Said. — New York : Pantheon, 1978. — Text : unmediated.
28. Williams, R. Marxism and Literature / R. Williams. — Oxford : Oxford University Press, 1977. — Text : unmediated.
29. Wittgenstein, L. Culture and Value / L. Wittgenstein ; G. H. von Wright (ed.), P. Winch (trans.). — Oxford : Blackwell, 1980. — 195 p. — Text : unmediated.

N. A. Ryabchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6980-2894

O. P. Malysheva

Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8285-0508

V. V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9141-9867

A. A. Gnedash

Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3516-107X

 E-mail: rrrnatali@mail.ru; malisheva_83@mail.ru; katermina_v@mail.ru; anna_gnedash@inbox.ru.

Communication Model “Speaker — Listener” in the Context of Digitalization of the Linguistic Turn: Experience of Network and Linguodiscursive Analysis of YouTube Content

ABSTRACT. *Through the prism of the scientific paradigm of “linguistic turn”, the article describes 5 stages of transformation of the model “Speaker – Listener” from the point of view of the methods of generation, transmission, and dissemination of content, audience attraction, as well as in terms of assessment of the result and the reaction of users / readers, consisting in the feedback and actional response (online / offline). The authors mainly focus on the 5th stage – “Digital Communication”; a special role at this stage is played by the processes of production, consumption and reproduction of political content in social media (the article offers a case study of YouTube video hosting platform). The study is devoted to the development of an analysis algorithm for the model “Speaker – Listener” and the approbation of an analytical methodology for studying the largest socio-political ecosystem formed within / on the platform of the Russian segment of YouTube video hosting service in 2019-2020. The empirical base of the study comprises the corpora of users’ texts (comment threads containing more than 121 thousand messages) as response to viewing / consuming certain video content – the documentary film “Beslan. Remember.” This documentary was created by Yuriy Dud’, one of the most popular contemporary Russian journalists, and posted on the vDud’ channel on YouTube video hosting platform in September 2019. The period of continuous sampling of the content and text corpus lasted from September 2019 to October 2020. In the course of the network and linguodiscursive analysis of the “Speaker – Listener” communication model by the example of the “vDud’ – Beslan” ecosystem case, the authors of the study identified the decisive role of ecosystems in the formation of a meta-community in the online space; described the nature and principles of formation of ecosystems in the online space; characterized the communication processes and role positions in the “Speaker – Listener” model; singled out and described the role and importance of the main opinion leader and other influencers in the process of communication in the “Speaker – Listener” model; and identified the strategies and technologies of influence of latent opinion leaders on the formation of the given reaction to the creolized content under study.*

KEYWORDS: *Internet; Internet space; Internet communication; Internet discourse; Internet texts; social networking sites; political discourse; political communication; political content; linguistic turn; political content management; Internet community; relational sociology; network analysis; graph theory; discourse analysis; influencers; ecosystem “vDud’ – Beslan”.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ryabchenko Natalia Anatolievna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Social Work, Psychology and Pedagogy of Higher Education, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Malysheva Olga Petrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Katermina Veronika Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gnedash Anna Aleksandrovna, Candidate of Political Science, Associate Professor of Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

FOR CITATION: *Ryabchenko, N. A. Communication Model “Speaker — Listener” in the Context of Digitalization of the Linguistic Turn: Experience of Network and Linguodiscursive Analysis of YouTube Content / N. A. Ryabchenko, O. P. Malysheva, V. V. Katermina, A. A. Gnedash // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 81-94. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_07.*

ACKNOWLEDGMENTS. The Study has been accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Department of Humanitarian and Social Science, Project № 18-011-00910 “Models and Practices of Political Content Management in the Online Space of Modern States in the Post-Truth Era” (2018-2020).

REFERENCES

1. “vDud” is the official channel of Yuri Dud [«vDud» — official'nyj kanal Jurija Dudja]. — URL: <https://www.youtube.com/c/vdud/about> (date of access: 13.11.2020). — (In Rus.)
2. “YouTube Rewind 2019: Likes, Challenges and Billie Eilish.” Google report [«YouTube Rewind 2019: lajki, chellendzhi i Billi Ajlish». Otchet kompanii «Google»]. — URL: <http://www.advertology.ru/article148162.htm> (date of access: 13.11.2020). — (In Rus.)
3. Beslan. Remember / Beslan. Remember (english & español subs) [Beslan. Pomni / Beslan. Remember (english & español subs)]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vFIUGmi5m8s> (date of access: 13.11.2020). — (In Rus.)
4. Wittgenstein L. Selected works / Transl. from Germ. and English. V. Rudnev. — M.: Publishing house Territory of the future, 2005. — P. 33. [Vitgenshtejn L. Izbrannye raboty / Per. s nem. I angl. V. Rudneva. — M.: Izdatel'skij dom Territorija budushhego, 2005. — S. 33.]. — (In Rus.)
5. Wittgenstein L. Logical-philosophical treatise // Wittgenstein L. Philosophical studies. Part 1. — M.: Gnosis, 1994. — P. 1—74. [Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat // Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovanija. Ch. 1; per. s nem. — M.: Gnozis, 1994. — S. 1—74.]. — (In Rus.)
6. Katermina, V. V. The Study of Linguistic Model of Political Communications on Twitter about US President D. Trump in March-June 2020 / V. V. Katermina, N. A. Ryabchenko, S. Ch. Lipiridi, A. A. Gnedash, O. P. Malysheva // Political Linguistics. — 2020. — № 5 (83). — P. 87-107. — DOI 10.26170/pl20-05-09. [Katermina V.V., Ryabchenko N.A., Lipiridi S.H., Gnedash A.A., Malysheva O.P. Lingvisticheskaja model' kommunikacii prezidenta SShA D. Trampa v social'noj seti Twitter v marte-ijune 2020 g. // Politicheskaja lingvistika. — 2020. — Vyp. 5 (83). — S.87-107.]. — (In Rus.)
7. Kiyashchenko L. P. In Search of Vanishing Objectivity (Essays on the Synergetics of Language). — Moscow: IFRAN, 2000. — 199 p. [Kijashhenko L.P. V poiskah ischezajushhej predmetnosti (očerki o sinergetike jazyka). M.: IFRAN, 2000.199 s.]. — (In Rus.)
8. Kripke S. Identity and necessity // New in foreign linguistics. Issue XIII. Logic and Linguistics (Problems of Reference). — M.: Raduga, 1982. — P. 340—376. [Kripke S. Tozhdestvo i neobhodimost' // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika (Problemy referencii). — M.: Raduga, 1982. — S. 340—376.]. — (In Rus.)
9. Meshcheryakov B., Zinchenko V. Big psychological dictionary / Ed. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko. — SPb.: Prime-EVROZNAK, 2004. — 672 p. [Meshherjakov B., Zinchenko V. Bol'shoj psihologicheskij slovar' / Sost. I obshh. Red. B. Meshherjakov, V. Zinchenko. SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2004. 672 s.]. — (In Rus.)
10. Ravochkin N.N. Linguistic turn: socio-philosophical potential // Intellect. Innovation. Investments. — 2018. — № 8. — P. 70-74. [Ravochkin N.N. Lingvisticheskij povорот: social'no-filosofskij potencial // Intellect. Innovacii. Investicii. — 2018. — № 8. — S. 70-74.]. — (In Rus.)
11. Romanovsky N.V. On the current stage of development of sociology [Romanovskij N.V. O sovremennom jetape razvitiya sociologii.]. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/142/878/1219/005_Romanovskij_22-31.pdf (date of access: 13.11.2020). — (In Rus.)
12. Ryabchenko, N. A. Political Content of Social Movements in the Online Space of Modern States: Analysis Methodology and Research Practice / N. A. Ryabchenko, V. V. Katermina, A. A. Gnedash, O. P. Malysheva. — Text: unmediated // South Russian Journ. of Social Sciences. Krasnodar, 2018. — № 3. — P. 139-162. [Politicheskij kontent sotsial'nykh dvizhenij v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv: metodologiya analiza i issledovatel'skaya praktika // Yuzhno-rossijskij zhurnal sotsial'nykh nauk. Krasnodar, 2018. — № 3. — S. 139-162.]. — (In Rus.)
13. Ryabchenko, N. A. Presidential Campaign in Post-truth Era: Innovative Digital Technologies of Political Content Management in Social Networks Politics / N. A. Ryabchenko, O. P. Malysheva, A. A. Gnedash. — Text: unmediated // Polis. Political Research. — 2019. — № 2. — P. 92—106. — DOI 10.17976/jpps/2019.02.07 [Upravlenie politicheskim kontentom v sotsial'nykh setyakh v period predvybornoy kampanii v epokhu postpravdy // Polis. Politicheskie issledovanija. — 2019. — № 2. -S. 92-106.]. — (In Rus.)
14. TOP-10 Resources according to the company “Mediascope” [TOP-10 Resursov po dannym kompanii «Mediascope»]. — URL: <https://webindex.mediascope.net/top-resources> (date of access: 13.11.2020). — (In Rus.)
15. Bazerman, C. From cultural criticism to disciplinary participation: Living with powerful words / C. Bazerman. — Text : unmediated // Writing, Teaching, and Learning in the Disciplines / Herrington A. and C. Moran (eds.). — New York : Modern Language Association of America, 1992. — P. 61—68.
16. Becher, T. Disciplinary discourse / T. Becher. — Text : unmediated // Studies in Higher Education. — 1987. — № 12 (3). — P. 261—274.
17. Clifford, J. Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography / J. Clifford, G. Marcus. — Berkeley : University of California Press, 1986. — Text : unmediated.
18. Habermas, J. On the Pragmatics of Social Interaction: Preliminary Studies in the Theory of Communicative Action / J. Habermas. — Cambridge : MIT Press, 2001.
19. Katermina, V.V. Political content management: new linguistic units and social practices / V. V. Katermina, N. A. Ryabchenko, O. P. Malysheva. — Text : unmediated // Church, Communication and Culture. — 2019. — Vol. 4, Iss. 3. — P. 305—322. — DOI: 10.1080/23753234.2019.1664916.
20. Kelly, G. J. The sound of music: constructing science as sociocultural practices through oral and written discourse / G. J. Kelly, C. Chen. — Text : unmediated // Journal of Research in Science Teaching. — 1999. — № 36 (8). — P. 883—815.
21. Kluckhohn, C. Notes on some anthropological aspects of communication / C. Kluckhohn. — Text : unmediated // Ameri-

can Anthropologist. New Series. — 1961. — Vol. 63. № 5. — P. 895—910. — DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.1961.63.5.02a00010>.

22. Kripke, S. A. Naming and Necessity / S. A. Kripke. — Cambridge : Harvard University Press, 1980. — 172 p. — Text : unmediated.

23. Lea, M. R. Academic literacies in theory and practice / M. R. Lea. — Text : unmediated / Encyclopedia of Language and Education // N. Hornberger, B. Street (eds.). — New York : Springer, 2008. — P. 634—645.

24. Lea, M. R. The academic literacies model: Theory and applications / M. R. Lea, B. V. Street. — Text : unmediated // Theory into Practice. — 2006. — № 45 (4). — P. 368—377.

25. Rieder, B. YouTube Data Tools (Version 1.11) [Software] / B. Rieder. — URL: <https://tools.digitalmethods.net/netvizz/youtube/> (date of access: 13.11.2020). — Software : electronic.

26. Rorty, R. M. (ed.) The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / R. M. Rorty (ed.). — Chicago : University of Chicago Press, 1992. — Text : unmediated.

27. Said, E. Orientalism / E. Said. — New York : Pantheon, 1978. — Text : unmediated.

28. Williams, R. Marxism and Literature / R. Williams. — Oxford : Oxford University Press, 1977. — Text : unmediated.

29. Wittgenstein, L. Culture and Value / L. Wittgenstein ; G. H. von Wright (ed.), P. Winch (trans.). — Oxford : Blackwell, 1980. — 195 p. — Text : unmediated.

М. Г. ЧепорухинаТюменский государственный университет, Тюмень, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1711-0786 **E-mail:** m.g.cheporukhina@utmn.ru.

Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней

АННОТАЦИЯ. Целью статьи является исследование особенностей функционирования эвфемизмов и дисфемизмов в текстах самых комментируемых интернет-новостей за 2017—2019 гг. о внутренней политике Франции («Le Figaro», «Le Monde») и России (РИА «Новости», «Lenta.ru») и в комментариях читателей к этим новостным статьям.

Эвфемизм и дисфемизм рассматриваются как единицы языка, а не речи, употребляемые как реакция на что-либо негативное в ситуации общения. Эвфемизм имеет целью скрыть негативное, а дисфемизм, напротив, подчеркнуть. Вследствие того, что понятие «негативное» имеет достаточно субъективный характер и реакция на запрет негатива также субъективна, возникает проблема разграничения эвфемизмов и дисфемизмов. Обращение к понятиям «смысл» и «значение» позволяет выделить дополнительные разряды лексем и снять эту проблему: выделяются «чистые эвфемизмы и дисфемизмы» и «скрытые эвфемизмы и дисфемизмы» (разработана наглядная схема, иллюстрирующая их соотношение). Рассмотрены также функции эвфемизации и дисфемизации и некоторые языковые средства их выражения.

Установлено, что решающую роль для разграничения эвфемизмов и дисфемизмов играет широкий контекст высказывания, куда относятся экстралингвистическая ситуация (кем, по какой причине, когда было написано или произнесено то или иное высказывание; каковы отношения между коммуникантами и т. д.), а также непосредственное языковое окружение интересующей нас лексемы (соседние лексемы, синтаксис).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет; интернет-пространство; интернет-коммуникация; интернет-дискурс; интернет-тексты; социальные сети; политический дискурс; политическая коммуникация; интернет-новости; новостные статьи; эвфемизмы; дисфемизмы; лексемы; языковые средства; русский язык; французский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чепорухина Мария Георгиевна, аспирант 3 года, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет; 625003, г. Тюмень ул. Володарского, 6; e-mail: m.g.cheporukhina@utmn.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чепорухина, М. Г. Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней / М. Г. Чепорухина // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 95-102. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_08.

В современном мире, «пронизанном» сетями Интернета, нет ни одной сферы, которая бы избежала влияния Всемирной паутины. Вследствие цифровизации средств массовой информации и перехода многих газет на интернет-формат мы получили возможность не только иметь быстрый и легкий доступ к информации, но и высказать свое мнение в форме интернет-комментария.

Поскольку политика является одной из самых волнующих общество тем, новостные статьи именно на политическую тему привлекают множество комментаторов, которые зачастую не ограничивают себя в высказывании мнения и в проявлении эмоций. Таким образом, по комментариям можно судить об общественных настроениях и выявлять наиболее чувствительные моменты политической жизни общества.

Наша работа посвящена изучению особенностей эвфемизмов и дисфемизмов в текстах новостных интернет-статей о внутренней политике России и Франции (были изучены

самые комментируемые статьи за период с 2017 по 2019 г. включительно в газетах «Le Figaro», «Le Monde», на сайтах РИА «Новости», «Lenta.ru»), а также комментариев пользователей к ним. Отметим, что комментарии к статьям были взяты с официальных страниц изданий в социальных сетях «Instagram» и «ВКонтакте» по причине того, что с сайтов комментарии читателей удаляются через сутки после публикации новости.

Следует отметить, что на платформах типа «Instagram» нет строгих требований цензуры и действительно работающих ограничений на использование обцененной лексики, применяемых на официальных сайтах газет. Приведем выдержки из «Условий использования Instagram»: «Мы стремимся сформировать разнообразное сообщество, участники которого доброжелательны друг к другу. <...> Как правило, мы разрешаем критическое обсуждение людей, которые упоминаются в новостях или знакомы широкой аудитории в силу своей профессии или деятельности» [Условия

использования Instagram www]. Однако, руководствуясь этическими соображениями, мы исключили нецензурную лексику из материалов исследования.

В своей работе мы придерживаемся мнения, что эвфемизм и дисфемизм — это единицы речи, а не языка, соответственно, любая языковая единица в той или иной ситуации общения может выступать в роли эвфемизма или дисфемизма.

Эвфемизм — это лексическая единица, употребляемая для позитивизации или нейтрализации обозначения референта (воспринимаемого в данной речевой ситуации как негативный), чье прямое наименование в данной ситуации расценивается либо как грубое, оскорбительное (К. Allan & K. Burrige, M. Casas Gómez, A. Horak), либо нежелательное по каким-либо экстралингвистическим причинам (Е. И. Шейгал, К. В. Якушкина, К. Allan & K. Burrige, A. Horak).

Одной из причин использования эвфемизмов является необходимость завуалировать или приукрасить действительность. Функция маскировки действительности выделяется многими лингвистами, например, Ю. С. Басковой, И. Р. Гальпериним, А. М. Кацевым, Л. П. Крысиным, В. П. Москвиным, Е. И. Шейгал, К. В. Якушкиной, Р. Берчфилдом (R. Burchfield).

Из функции маскировки вытекает связанный с ней мотив манипулирования аудиторией, которое становится возможным благодаря разному объему и качеству знаний у адресанта (знает всё как есть) и адресата (знает не всё). Манипулятивность в первую очередь свойственна эвфемизмам в политическом и юридическом дискурсах [Horak 2017], а также в текстах средств массовой информации [Мухамедьянова 2005: 49]. Логично, что в материалах нашего исследования большее число эвфемизмов отобрано из текстов новостных статей, а не из комментариев к ним.

Как отмечает К. В. Якушкина, нарушение постулата манеры, а также постулата качества («старайся говорить правду» [Грайс 1985: 221]) особенно характерно для эвфемизмов в политическом дискурсе, где эвфемизация выступает как «стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации, которая позволяет приглушить <...> неприятные факты посредством неоднозначности и неопределенности высказывания» [Якушкина 2009: 22—23].

Что касается дисфемизма — это лексическая единица, употребляемая с целью выражения негативного и уничижительного отношения к коммуникативной ситуации в целом или к ее участникам (Т. В. Бойко, К. Allan & K. Burrige).

А. Н. Резанова называет дисфемизм «выразителем общественного мнения» [Резанова 2008: 103] — в этом заключается его социологический аспект. Также дисфемия служит для проявления отрицательных чувств коммуникантов, причем эти чувства часто выступают как недифференцированные и могут быть ответом на фрустрацию или какой-либо раздражающий объект. Выражая такие эмоции с помощью дисфемизмов, человек осуществляет идентификацию самого себя внутри общества путем противопоставления себя другим и заявления о своем превосходстве над другими [Резанова 2008: 103—110].

В ряде работ исследуется игровая функция дисфемизмов, которая раскрывается при сопоставлении дисфемии (в том числе ее реализации через инвективы и ругательства) с карнавализацией (М. М. Бахтин, А. Н. Резанова). Как пишет М. М. Бахтин, в Средневековье карнавал означал переключение с официального, высокого, духовного на низкий уровень, приобщение к «профанному, земному началу» [Бахтин 1990: 13]. Дисфемизм в функции языковой игры не является оскорблением, а позволяет человеку освободиться от оков морали, является средством установления и поддержания контакта между коммуникантами. Принимая во внимание специфику материалов нашего исследования, мы считаем, что в комментариях данная функция может реализовываться как вторичная по отношению к функции негативной оценки, когда, например, несколько пользователей вступают в диалог или полилог и поддерживают точку зрения друг друга, используя дисфемизмы. Что касается дисфемизмов в текстах самих новостей, политики также иногда прибегают к ним, чтобы показать свою близость к народу, обозначить, например, что они «на одной волне» с потенциальными избирателями.

Из функции языковой игры вытекает «картагическая» функция, как ее называет В. И. Жельвис, присущая инвективной лексике [Жельвис 2001: 35]. Она заключается в особой эмоциональной разрядке, облегчении, которое испытывает говорящий, употребляя инвективы.

Сложность в отнесении к эвфемизмам или дисфемизмам тех или иных лексических единиц обуславливается тем, что содержание понятий «негативное» и «нежелательное» в неофициальном общении (в нашем исследовании оно представлено комментариями пользователей к статьям) зависит от личностных характеристик коммуникантов, имеет субъективный характер и обусловлено опытом каждого индивида. В официальной коммуникации (тексты новостных статей)

«нежелательное» определяется политической идеологией и/или требованиями цензуры и редакции как на уровне отдельно взятого интернет-портала, так и всего государства. А в неофициальном общении каждый индивид сам определяет, какие референты попадают в список «табуированных» и не могут быть названы своим прямым наименованием. В официальном общении роль цензора выполняет государство или сложившиеся в обществе представления о допустимом и недопустимом.

Также важную роль играет отношение комментаторов статей к этим ограничениям, их желание или нежелание соблюдать их. Поэтому столь же субъективный характер носит выбор ими лексических единиц, регулируемый самоцензурой и личными представлениями о том, что такое «хорошо» и «плохо»: для одного человека назвать политика «дураком» будет детским «обзывательством», поскольку, по его мнению, политик заслуживает более грубых и резких наименований (соответственно, «дурак» для такого человека эвфемизм, ведь он сам использовал бы табуированное слово, которое, по его мнению, неуместно в рассматриваемой ситуации), а для другого «дурак» — самое настоящее оскорбление, употребление которого недопустимо в адрес официальных лиц (значит, для него «дурак» — это дисфемизм).

Если мы будем исследовать значение слова «дурак» изолированно от контекста, используя словарные дефиниции, то наличие в нем негативных сем («глупый человек» [Дурак // Большой толковый словарь www]) будет свидетельствовать о том, что слово может выражать негативное отношение. Однако,

как показывают наши рассуждения выше, негативные семы могут нейтрализоваться в определенных экстралингвистических условиях, и на первый план выйдет не словарное значение слова, а его смысл, который реализуется в ситуации и зависит от намерения говорящего. Поэтому для нашего исследования мы считаем важным разграничение понятий «значение» и «смысл» лексической единицы.

Вслед за К. А. Долининым мы понимаем под значением «содержание, которое непосредственно выражено совокупностью языковых знаков, из которых это высказывание составлено... то, что сказано „открытым текстом“» [Долинин 1985 www]. А смысл «непосредственно зависит и от экстралингвистической ситуации, ...и от интересов субъекта — участника общения... <им> может быть, теоретически рассуждая, любой компонент содержания, как эксплицитного, так и имплицитного. Из этого следует, что вне ситуации и вне субъекта актуальный смысл просто не существует — он целиком ситуативен и субъективен» [Там же].

Значение слова проверяется по словарю, а его смысл выводится из контекста и анализа экстралингвистических факторов речевой ситуации (намерения говорящего, наличие или отсутствие цензуры).

Нами была разработана схема, наглядно иллюстрирующая различие понятий «эвфемизм» и «дисфемизм» в соотношении с понятиями «значение» и «смысл» (см. рис. 1). Смысл накладывается на значение, не всегда совпадая с ним. Зеленым цветом обозначены положительные значение и смысл, а красным, соответственно, отрицательные (цветная схема доступна в электронной версии журнала).

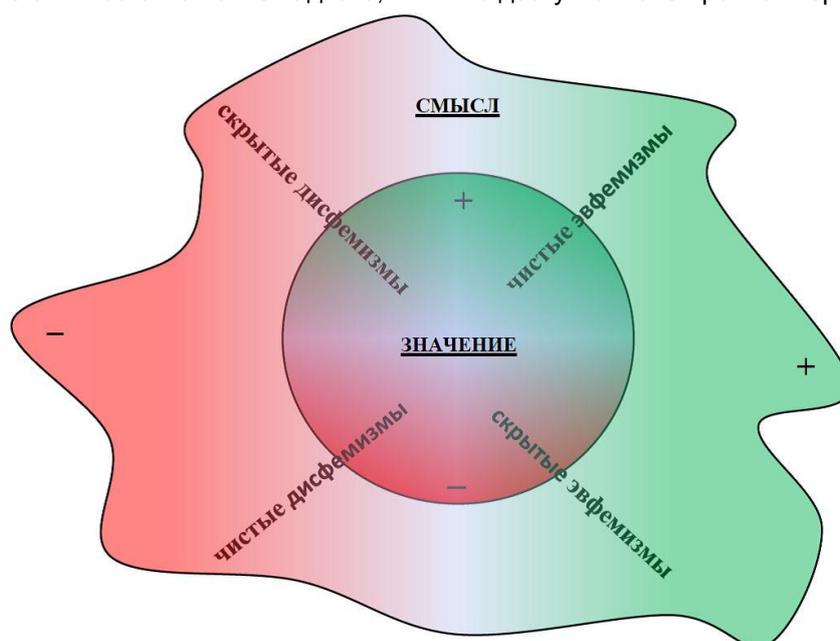

Рис. 1. Значение и смысл в соотношении с понятиями «эвфемизм» и «дисфемизм»

Наш материал показывает, что эвфемизмы и дисфемизмы можно разделить на чистые и скрытые. Наложение положительного смысла на положительное значение характерно для чистых эвфемизмов, а отрицательного смысла на отрицательное значение — для чистых дисфемизмов; наложение положительного смысла на отрицательное значение свойственно скрытым эвфемизмам, а отрицательного смысла на положительное значение — скрытым дисфемизмам. Далее мы рассмотрим подробнее эти разряды и приведем примеры.

ЧИСТЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ

К чистым эвфемизмам мы относим лексические единицы с нейтральными или мелиоративными семантиками в структуре значения, которые реализуются в рассматриваемом контексте. Чистые эвфемизмы чаще встречались нам в текстах статей, а не в комментариях, что обусловлено стремлением СМИ смягчить, а порой и завуалировать реальность. Рассмотрим примеры (здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация, но изменен формат: жирным шрифтом и курсивом выделены рассматриваемые в примере лексемы, курсивом — «вспомогательные» лексемы, которые важны для понимания смысла примера):

- В статье о макроэкономической ситуации в России после введения санкций зарубежными странами употреблен эвфемизм *эффекты* (лексема имеет нейтральное значение), скрывающий под собой неблагоприятные последствия для экономики страны: «Есть общая *неблагоприятная* обстановка в мировой экономике. Это не только *санкции*, безусловно, есть *эффекты* от *санкций*, но это и торговые *войны*, и *турбулентность* мировой экономики...» [В Кремле оценили макроэкономическую ситуацию в России [www](#)]. Понять смысл эвфемизма помогает не только знание экстралингвистической ситуации (после применения санкций произошло падение стоимости рубля; рост цен на товары предприятий, использующих иностранный капитал, и т. д.), но и микроконтекст: непосредственная близость слов с негативными семантиками (*неблагоприятная, санкции, турбулентность, войны*).

- В статье о подготовке стражей порядка к поддержанию мирного характера манифестации во время «Праздника для Макрона» 5 мая 2018 г., подготовленного оппозиционерами с целью выражения недовольства политикой президента, употреблен эвфемизм *individu* для обозначения манифестантов, скрывающих свои лица и устраивающих беспорядки: «Il y a tout lieu de penser que des

individus tenteront de nouveau de s'intégrer dans les manifestations afin de constituer un *black bloc*» [Cornevin 2018 [www](#)] («Есть все основания полагать, что *некоторые личности* попытаются снова присоединиться к манифестации и применить тактику *черного блока*»). Смысл эвфемизма становится прозрачным при анализе микроконтекста: лексема с негативными семантиками *black bloc* как раз является прямым наименованием агрессивных манифестантов, поведение которых известно тем, кто в курсе экстралингвистической ситуации.

ЧИСТЫЕ ДИСФЕМИЗМЫ

К чистым дисфемизмам мы относим лексические единицы, в структуре значения которых есть негативные семантики, которые, соответственно, эксплицитно реализуются в рассматриваемой ситуации общения.

Большинство дисфемизмов было отобрано именно из комментариев, а не из текстов новостей.

- В комментариях к новостной статье о повышении с 1 января 2017 г. пенсионного возраста для чиновников употреблены дисфемизмы для наименования оппозиционно настроенных граждан: «Так это же хорошо, что чиновники будут подольше Россиюшку разворовывать! А кто думает иначе, тот *хахол, либераст*, представитель *5 Коломны* и агент госдепа!» [<https://vk.com/wall-15755094?day=01012017&z...>]. Лексемы *5 Коломна, хахол* — примеры искажения графической оболочки лексем *Пятая колонна* и *хохол* (в ряде словарей эта лексема также имеет пометку «бранное» [«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [www](#)], «первоначально уничижительное» [Хохол // Большой толковый словарь [www](#)]). Лексема *либераст* образовалась путем телескопии — слияния слов *либерал* и *педераст*.

- В комментарии к статье о необходимости найти замену ушедшему в отставку министру Ж. Коломбу и о переживаниях Э. Макрона по этому поводу мы встретили фразеологизм, выражающий ироничное отношение комментатора к ситуации, которую он считает не стоящей внимания и оценивает негативно: «*Une grosse tempête dans un verre d'eau* de la taille de l'hexagone» [Le Scan Politique 2018 [www](#)] («Огромная *буря в стакане воды* размером с Францию»). Для усиления иронии употреблено прилагательное *grosse*.

СКРЫТЫЕ ДИСФЕМИЗМЫ

К скрытым дисфемизмам мы относим лексические единицы, имеющие нейтральное или положительное значение в языке,

иными словами, не имеющие негативных сем в структуре значения, но приобретающие субъективные негативные коннотации в ситуации общения и выражающие негативное или уничижительное отношение говорящего к предмету или участникам коммуникации. В эту группу также входят единицы, образованные путем маскировки формы табуированного или вульгарного слова. Форма слова, таким образом, становится псевдо-нейтральной, но отсылка к референту и коммуникативное намерение выразить негативное отношение остаются прозрачными.

Употребляя лексемы с нейтральным или мелиоративным значением в речевом акте, направленном на выражение негативного отношения, говорящий передает свое ироническое или даже саркастическое отношение к предмету или участникам общения.

Употребление же лексических единиц с искаженной формой вызвано стремлением говорящего избежать удаления комментария модераторами сайта или его самоцензуры, не позволяющей использовать в речи табуированную лексику.

В терминологии К. Аллана и К. Берридж рассматриваемые единицы следует называть эвфемистическими дисфемизмами [Allan, Burrige 1991], а в терминологии И. Г. Катеневой — контекстуальными дисфемизмами [Катенева 2013]. Мы же предлагаем использовать термин «скрытые дисфемизмы» для наименования такого рода лексических единиц, так как этот термин прямо указывает на то, что либо искаженная форма, либо словарное значение лексемы (нейтральное или мелиоративное) препятствует мгновенному установлению ее истинного смысла в данной коммуникативной ситуации, скрывает его. Рассмотрим примеры:

- Комментарий к статье об отмене в России уголовного наказания за побои в семье: «женщины *прямо золото* же в наше время. Сначала покажи пример нормальных женщин, а я тебе 1 000 000 примеров приведу, что *не все так радужно* с этими-то женщинами „*достойными*“» [<https://vk.com/wall-15755094?day=31012017&z>]. Смысл скрытых дисфемизмов *золото* и «*достойные*» становится понятен в контексте: частица *прямо* в этом и многих других примерах указывает на переносный смысл высказывания, равно как кавычки.

- Комментарий к статье о протестах и беспорядках (поджоги, блокировка дорог и железнодорожных путей), устроенных организаторами традиционной ярмарки в Ле-Мане после того, как власти города запретили им проводить ярмарку: «Donc en fait en France dès qu'on dit "non" c'est *la guerre* ?? <...> on

est *cool* ici quand même, y en a pas beaucoup des pays où vous pouvez tout *defoncer* comme ça 😊» [Le Mans, France // Le Monde. Instagram www] («Действительно, во Франции, как только сказали „нет“, сразу начинается *война*?? Однако *хорошо* у нас, не так много есть стран, где можно так просто всё *рушить*»). За словом *хорошо*, имеющим положительные коннотации в структуре значения, скрываются на самом деле беспорядки, названные комментатором *войной* (*la guerre*) и *разрушениями* (глагол *defoncer*). Понять смысл комментария помогает также рассерженный эмодзи.

СКРЫТЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ

К скрытым эвфемизмам мы относим лексические единицы, в структуре значения которых есть негативные семы, которые, однако, нейтрализуются (уходят на второй план) в данной коммуникативной ситуации. Эти единицы служат для позитивизации или нейтрализации обозначения референта, который в данной ситуации оценивается коммуникантами как негативный. Также у некоторых скрытых эвфемизмов присутствует функция установления дружеского контакта.

Скрытые эвфемизмы представляются нам самыми сложными для распознавания, так как контекст не всегда позволяет оценить общий настрой аудитории по отношению к обсуждаемой реалии, лицу или событию. Еще сложнее вычленишь из потока комментариев те, которые стремятся противостоять негативному мнению большинства, тем более если их авторы не выражают прямо своего отношения.

В терминологии К. Аллана и К. Берридж рассматриваемые единицы следовало бы назвать дисфемистическими эвфемизмами [Allan, Burrige 1991], однако, по аналогии с термином «скрытые дисфемизмы», мы предлагаем использовать выражение «скрытые эвфемизмы». Приведем примеры:

- В комментариях к статье об оценке В. Путиным акций протеста в Москве летом 2019 г. разгорелось обсуждение на тему реализации государственного бюджета: «*Да, согласен, на постройке этих площадок и тротуаров они бабки отмывают. А вам не по фиг? Мы бы все равно этих денег не увидели. Так не плевать вам? Пусть отмывают и давят этими деньгами и дальше. Нам важнее, что бы тротуары и детские площадки были у нас во дворах. А не торговые центры. Ведь это мы их побуждаем строить магазины и вонючие бары. Ведь это мы- не общество созидания, а общество потребления. Нам бы заработать, при этом особо не напрягаясь, и в ближайшие выход-*

ные *спустить* заработанные деньги на бухло и жратву...» [Путин ответил на вопрос про беспорядки в Москве [www](http://www.ria.ru)]. С одной стороны, комментатор осуждает правительство за незаконные махинации с денежными средствами (на это указывают негативные лексемы *бабки, отмывают, давятся*), он также негативно оценивает нацеленность современного общества на материальные блага (через лексемы *вонючие, бухло, жратву, спустить; общество потребления* — эта лексическая единица, противопоставленная лексической единице *общество созидания*, становится в приведенном контексте скрытым дисфемизмом). С другой стороны, комментатор стремится установить дружеские отношения с другими комментаторами, погасить их негативные эмоции, найти единомышленников, употребляя негативные лексемы *по фиг* и *наплевать* для нейтрализации негативного настроения аудитории по отношению к правительству. Стремление к солидарности выражается также через *Да, согласен* и местоимение *мы* и его формы, с помощью которых комментатор объединяет себя с другими пользователями.

• Комментарий к статье об отставке А. Жюппе с поста мэра г. Бордо: «Je n'ai jamais été pro-Juppé, mais je le comprend parfaitement. <...> Au moins, au conseil, personne ne viendra lui **casser les bonbons**...» [Galiero 2019 [www](http://www.ria.ru)] («Я никогда не был сторонником Жюппе, но я его полностью понимаю. <...> По крайней мере, в Совете никто ему не **осточертеет** (дословно «не разобьет леденцы»)») — просторечное, грубое выражение употреблено в качестве эвфемизма для существующего еще более грубого выражения *casser les couilles*, т. е. сделана попытка смягчить смысл негативного высказывания с помощью скрытого эвфемизма. Из полного текста комментария видно, что комментатор, несмотря на неприятие политики А. Жюппе, поддерживает его решение покинуть пост мэра города и перейти в Совет Конституции (на это прямо указывает *je le comprends parfaitement*).

Приведенные нами примеры показывают, что именно широкий контекст высказывания играет решающую роль в разграничении эвфемизмов и дисфемизмов, меняет коннотацию единицы с «плюса» на «минус» и наоборот, что особенно важно для интерпретации скрытых дисфемизмов и эвфемизмов.

ИСТОЧНИКИ

1. В Кремле оценили макроэкономическую ситуацию в России // РИА «Новости». — 2019. — 30 мая. — URL: <https://ria.ru/20190530/1555100544.html> (дата обращения: 30.05.2019). — Текст : электронный.
2. Дурак // Большой толковый словарь. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&tro=x&zar=x&ag=x&ab=x&si=n=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%B4%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%BA>. — Текст : электронный.

3. Путин ответил на вопрос про беспорядки в Москве // РИА «Новости». Instagram. — 2019. — 19 авг. — URL: https://www.instagram.com/p/B1Ww_luFOZH/ (дата обращения: 11.11.2019). — Текст. Изображения : электронные.

4. РИА «Новости» // ВКонтакте. — 2017. — URL: https://vk.com/wall-15755094?day=01012017&z=photo-15755094_456322170%2Falbum-15755094_00%2Frev (дата обращения: 01.07.2020). — Текст. Изображение : электронные.

5. РИА «Новости» // ВКонтакте. — 2017. — URL: https://vk.com/wall-15755094?day=31012017&z=photo-15755094_456360592%2Falbum-15755094_00%2Frev (дата обращения: 05.01.2018). — Текст. Изображение : электронные.

6. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940) // Карта слов : сайт. — URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/хохол> (дата обращения: 01.07.2020). — Текст : электронный.

7. Условия использования Instagram // Instagram. — URL: <https://help.instagram.com/581066165581870> (дата обращения: 25.09.2020). — Текст : электронный.

8. Хохол // Большой толковый словарь. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=хохол&all=x&bts=x> (дата обращения: 01.07.2020). — Текст : электронный.

9. Orévein, C. «Fête à Macron»: 2000 policiers et gendarmes pour verrouiller le cortège / Christophe Cornevin. — Text : electronic // Le Figaro. — 04.05.2018. — URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/2018/05/04/01002-20180504ARTFIG00314-pas-moins-de-2000-policiers-et-gendarmes-pour-verrouiller-le-cortège.php> (date of access: 04.05.2018).

10. Galiero, E. Ému aux larmes, Alain Juppé fait ses adieux à Bordeaux / Emmanuel Galiero. — Text : electronic // Le Figaro. — 14.02.2019. — URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2019/02/14/25001-20190214ARTFIG00096-ému-aux-larmes-alain-juppé-fait-ses-adioux-a-bordeaux.php#fig-comments> (date of access: 11.03.2019).

11. Le Mans, France // Le Monde. Instagram. — 2019. — 26 March. — URL: <https://www.instagram.com/p/BvcrkLLBodX/> (date of access: 10.10.2019). — Text. Image : electronic.

12. Le Scan Politique. Macron attend les propositions de Philippe pour remplacer Collomb // Le Figaro. — 02.10.2018. — URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2018/10/02/25002-20181002ARTFIG00218-philippe-sur-collomb-je-vaais-proposer-au-president-les-decisions-qui-s-imposent.php> (date of access: 12.03.2019). — Text : electronic.

ЛИТЕРАТУРА

13. Баскова, Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук / Баскова Ю. С. — Краснодар, 2006. — 162 с. — Текст : непосредственный.

14. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — 2-е изд. — Москва : Худож. лит., 1990. — 543 с. — Текст : непосредственный.

15. Бойко, Т. В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Бойко. — Санкт-Петербург, 2005. — 206 с. — Текст : непосредственный.

16. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. — 462 с. — Текст : непосредственный.

17. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1985. — Вып. 16. — С. 217—237.

18. Долинин, К. А. Интерпретация текста / К. А. Долинин. — Москва : Просвещение, 1985. — URL: <http://philologos.narod.ru/dolinin/hermen.htm> (дата обращения: 17.09.2018). — Текст : электронный.

19. Жельвис, В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. — Москва : Ладомир, 2001. — 349 с. — Текст : непосредственный.

20. Катенева, И. Г. Намеренная дисфемизация текстов как характеристика коммуникативной политики современной оппозиционной прессы / И. Г. Катенева. — Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 21 (312). — URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/amerennaya-disfemizatsiya-tekstov-kak-harakteristika-kommunikativnoy-politiki-sovremennoy-oppozitsionnoy-pressy (дата обращения: 04.05.2019).

21. Кацев, А. М. Эвфемизмы в современном английском языке (опыт социолингвистического описания) : дис. ... канд. филол. наук / Кацев А. М. — Ленинград : Ленинградский государственный педагогический институт имени Герцена, 1977. — 190 с. — Текст : непосредственный.

22. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm> (дата обращения: 20.11.2018). — Текст : электронный.

23. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58—70.

24. Мухамедьянова, Г. Н. Эвфемия в общественно-политической лексике: на материале современного немецкого, русского и башкирского языков : дис. ... канд. филол. наук / Мухамедьянова Г. Н. — Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2005. — 194 с. — Текст : непосредственный.

25. Резанова, А. Н. Дисфемия в английском языке: семантические механизмы и прагматические функции : дис. ... канд.

филол. наук / Резанова А. Н. — Санкт-Петербург, 2008. — 179 с. — Текст : непосредственный.

26. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 431 с. — Текст : непосредственный.

27. Якушкина, К. В. Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании : дис. ... канд. филол. наук / Якушкина К. В. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2009. — 206 с. — Текст : непосредственный.

28. Allan, K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burridge. — New York, Oxford : Oxford University Press, 1991. — 263 p. — Text : unmediated.

29. Burchfield, R. An Outline History of Euphemisms in English / R. Burchfield. — Text : unmediated // Fair of Speech: the Uses of Euphemism. — Oxford : Oxford University Press, 1985.

30. Casas, G. M. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism / M. Casas Gómez. — Text : unmediated // Language Sciences. — 2009. — № 31.

31. Horak, A. Le Langage fleuri: histoire et analyse linguistique de l'euphémisme / A. Horak. — Frankfurt a.M : Peter Lang, 2017. — 255 p. — Text : unmediated.

M. G. Cheporukhina

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1711-0786

 E-mail: m.g.cheporukhina@utmn.ru.

Euphemisms and Dysphemisms in Online Political News Articles and in Their Readers' Comments

ABSTRACT. *The article aims to reveal the specificity of functioning of euphemisms and dysphemisms in the most widely commented Internet news of 2017-2019 about the domestic politics of France (Le Figaro, Le Monde) and Russia (RIA Novosti, Lenta.ru) and in the readers' comments to these news articles.*

Euphemism and dysphemism are viewed upon as units of language, not speech. They are used as response utterances to something considered negative in a communicative situation. Euphemism aims to hide this negativity, while dysphemism, on the contrary, emphasizes it. Since the concept of "negative" is rather subjective and the reaction to the prohibition of the negative is also subjective, there arises the problem of differentiation between euphemisms and dysphemisms. Referring to the concepts of "meaning" and "sense" allows the researcher to single out additional groups of lexemes and solves the problem: the author distinguishes "pure euphemisms and dysphemisms" and "hidden euphemisms and dysphemisms" (a schema illustrating their correlation is presented). The functions of euphemization and dysphemization and some linguistic means of their expression are also considered.

Strong evidence was found that the differentiation between euphemisms and dysphemisms depends on the context of the utterance: the extralinguistic situation (by whom, for what reason, when a certain utterance was made; what are the relations between the communicants, etc.), as well as the linguistic environment of the lexeme in question (other lexemes and syntax).

KEYWORDS: *Internet; Internet space; Internet communication; Internet discourse; Internet texts; social networking sites; political discourse; political communication; online news; news articles; euphemisms; dysphemisms; lexemes; linguistic means; Russian language; French language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Cheporukhina Mariya Georgievna, Post-Graduate Student, Institute of Social Studies and Humanities, Tyumen State University, Tyumen, Russia.*

FOR CITATION: *Cheporukhina, M. G. Euphemisms and Dysphemisms in Online Political News Articles and in Their Readers' Comments / M. G. Cheporukhina // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 95-102. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_08.*

MATERIALS

1. The Kremlin Assessed the Macroeconomic Situation in Russia // RIA "News". — 2019. — May 30. [V Kremle otsenili makroekonomicheskuyu situatsiyu v Rossii // RIA «Novosti». — 2019. — 30 maya]. — URL: <https://ria.ru/20190530/1555100544.html> (date of access: 30.05.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)

2. Fool // Big Explanatory Dictionary. [Durak // Bol'shoy tolkovyy slovar']. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&cro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%B4%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%BA>. — Text : electronic. — (In Rus.)

3. Putin Answered a Question about the Riots in Moscow // RIA "News". Instagram. — 2019. — Aug 19. [Putin otvetil na vopros pro besporyadki v Moskve // RIA «Novosti». Instagram. — 2019. — 19 avg.]. — URL: https://www.instagram.com/p/B1Ww_1uFOZH/ (date of access: 11.11.2019). — Text. Image : electronic. — (In Rus.)

4. RIA «Novosti» // VKontakte. — 2017. — URL: https://vk.com/wall-15755094?day=01012017&z=photo-15755094_456322170%2Falbum-15755094_00%2Frev (date of access: 01.07.2020). — Text. Image : electronic. — (In Rus.)

5. RIA «Novosti» // VKontakte. — 2017. — URL: https://vk.com/wall-15755094?day=31012017&z=photo-15755094_456360592%2Falbum-15755094_00%2Frev (date of access: 05.01.2018). — Text. Image : electronic. — (In Rus.)

6. "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D. N. Ushakov (1935—1940) // Map of words : site. [«Tolkovyy slovar' russkogo yazyka» pod redaktsiyey D. N. Ushakova (1935—1940) // Karta slov : sayt]. — URL: <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/khokhol> (date of access: 01.07.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

7. Terms of Use. Instagram [Usloviya ispol'zovaniya Instagram // Instagram]. — URL: <https://help.instagram.com/581066165581870> (date of access: 25.09.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

8. Khokhol // Big Explanatory Dictionary [Khokhol // Bol'shoy tolkovyy slovar']. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=khokhol&all=x&bts=x> (date of access: 01.07.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

9. Corvein, C. «Fête à Macron»: 2000 policiers et gendarmes pour verrouiller le cortège / Christophe Corvein. — Text : electronic // *Le Figaro*. — 04.05.2018. — URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/2018/05/04/01002-20180504ARTFIG00314-pa-s-moins-de-2000-policiers-et-gendarmes-pour-verrouiller-le-corteg-e.php> (date of access: 04.05.2018).

10. Galiero, E. Ému aux larmes, Alain Juppé fait ses adieux à Bordeaux / Emmanuel Galiero. — Text : electronic // *Le Figaro*. — 14.02.2019. — URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2019/02/14/25001-20190214ARTFIG00096-emu-aux-larmes-alain-juppe-fait-ses-adioux-a-bordeaux.php#fig-comments> (date of access: 11.03.2019).

11. Le Mans, France // *Le Monde*. Instagram. — 2019. — 26 March. — URL: <https://www.instagram.com/p/BvcrktLBodX/> (date of access: 10.10.2019). — Text. Image : electronic.

12. Le Scan Politique. Macron attend les propositions de Philippe pour remplacer Collomb // *Le Figaro*. — 02.10.2018. — URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2018/10/02/25002-20181002ARTFIG00218-philippe-sur-collomb-je-vais-proposer-au-president-les-decisions-qui-s-imposent.php> (date of access: 12.03.2019). — Text : electronic.

REFERENCES

13. Baskova, Yu. S. Euphemisms as a Means of Manipulation in the Language of the Media: on the Material of Russian and English Languages : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Baskova Yu. S. — Krasnodar, 2006. — 162 p. — Text : unmediated. [Evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniya v yazyke SMI: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov : dis. ... kand. filol. nauk / Baskova Yu. S. — Krasnodar, 2006. — 162 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Bakhtin, M. M. Works of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance / M. M. Bakhtin. — 2nd ed. — Moscow : Art. lit., 1990. — 543 p. — Text : unmediated. [Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa / M. M. Bakhtin. — 2-e izd. — Moskva : Khudozh. lit., 1990. — 543 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Boyko, T. V. Euphemia and Dysfemia in Newspaper Text : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / T. V. Boyko. — St. Petersburg, 2005. — 206 p. — Text : unmediated. [Evfemiya i disfemiya v gazetnom tekste : dis. ... kand. filol. nauk / T. V. Boyko. — Sankt-Peterburg, 2005. — 206 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Gal'perin, I. R. Essays on the Stylistics of the English Language / I. R. Gal'perin. — Moscow : Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1958. — 462 p. — Text : unmediated. [Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka / I. R. Gal'perin. — Moskva : Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958. — 462 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Grice, G. P. Logic and Speech Communication / G. P. Grice. — Text : unmediated // *New in Foreign Linguistics*. — Moscow, 1985. — Iss. 16. — P. 217—237. [Logika i rechevoe obshchenie / G. P. Grays. — Tekst : neposredstvennyy // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. — Moskva, 1985. — Vyp. 16. — S. 217—237]. — (In Rus.)

18. Dolinin, K. A. Text Interpretation / K.A. Dolinin. — Moscow : Education, 1985. [Interpretatsiya teksta / K. A. Dolinin. — Moskva : Prosveshchenie, 1985]. — URL: <http://philologos.narod.ru/dolinin/hermen.htm> (date of access: 17.09.2018). — Text : electronic. — (In Rus.)

19. Zhel'vis, V. I. Field of Battle: Foul Language as a Social Problem in the Languages and Cultures of the World / V. I. Zhel'vis. — Moscow : Ladomir, 2001. — 349 p. — Text : unmediated. [Pole brani: skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira / V. I. Zhel'vis. — Moskva : Ladomir, 2001. —

349 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Kateneva, I. G. Intentional Dysfemization of Texts as a Characteristic of the Communicative Policy of the Modern Oppositional Press / I. G. Kateneva. — Text : electronic // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. — 2013. — No. 21 (312). [Namerennaya disfemizatsiya tekstov kak kharakteristika kommunikativnoy politiki sovremennoy oppozitsionnoy pressy / I. G. Kateneva. — Tekst : elektronnyy // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2013. — № 21 (312)]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/namerennaya-disfemizatsiya-tekstov-kak-harakteristika-kommunikativnoy-politiki-sovremennoy-oppozitsionnoy-pressy> (date of access: 04.05.2019).

21. Katsev, A. M. Euphemisms in Modern English (Experience of Sociolinguistic Description) : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Katsev A. M. — Leningrad : Leningrad State Pedagogical Institute named after Herzen, 1977. — 190 p. — Text : unmediated. [Evfemizmy v sovremennom angliyskom yazyke (opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniya) : dis. ... kand. filol. nauk / Katsev A. M. — Leningrad : Leningradskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut imeni Gertsena, 1977. — 190 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. Krysin, L. P. Euphemisms in Modern Russian Speech / L. P. Krysin. — Text : electronic. [Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi / L. P. Krysin]. — URL: <http://www.philology.ru/linguistic/s2/krysin-94.htm> (date of access: 20.11.2018). — Text : electronic. — (In Rus.)

23. Moskvina, V. P. Euphemisms: System Connections, Functions and Methods of Education / V. P. Moskvina. — Text : unmediated // *Questions of Linguistics*. — 2001. — No. 3. — P. 58—70. [Evfemizmy: sistemnye svyazi, funktsii i sposoby obrazovaniya / V. P. Moskvina. — Tekst : neposredstvennyy // *Voprosy yazykoznaniiya*. — 2001. — № 3. — S. 58—70]. — (In Rus.)

24. Mukhamed'yanova, G. N. Euphemia in Social and Political Vocabulary: on the Material of Modern German, Russian and Bashkir Languages : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Mukhamedyanova G. N. — Ufa : Bashkir State Univ., 2005. — 194 p. — Text : unmediated. [Evfemiya v obshchestvenno-politicheskoy leksike: na materiale sovremenno nemetskogo, russkogo i bashkirskogo yazykov : dis. ... kand. filol. nauk / Mukhamed'yanova G. N. — Ufa : Bashkirskiy gos. un-t, 2005. — 194 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Rezanova, A. N. Dysphemias in English: Semantic Mechanisms and Pragmatic Functions : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Rezanova A. N. — St. Petersburg, 2008. — 179 p. — Text : unmediated. [Disfemiya v angliyskom yazyke: semanticheskie mekhanizmy i pragmaticheskie funktsii : dis. ... kand. filol. nauk / Rezanova A. N. — Sankt-Peterburg, 2008. — 179 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse : Doctoral thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Sheygal E. I. — Volgograd, 2000. — 431 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk / Sheygal E. I. — Volgograd, 2000. — 431 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

27. Yakushkina, K. V. Lexical and Grammatical Means of Euphemia in the Language of Spanish Newspapers : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Yakushkina K. V. — St. Petersburg : SPbGU, 2009. — 206 p. — Text : unmediated. [Leksikogrammaticheskie sredstva evfemii v yazyke gazet Ispanii : dis. ... kand. filol. nauk / Yakushkina K. V. — Sankt-Peterburg : SPbGU, 2009. — 206 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

28. Allan, K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burridge. — New York, Oxford : Oxford University Press, 1991. — 263 p. — Text : unmediated.

29. Burchfield, R. An Outline History of Euphemisms in English / R. Burchfield. — Text : unmediated // *Fair of Speech: the Uses of Euphemism*. — Oxford : Oxford University Press, 1985.

30. Casas, G. M. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism / M. Casas Gómez. — Text : unmediated // *Language Sciences*. — 2009. — № 31.

31. Horak, A. Le Langage fleuri: histoire et analyse linguistique de l'euphémisme / A. Horak. — Frankfurt a.M. : Peter Lang, 2017. — 255 p. — Text : unmediated.

О. Л. ЮдинаУральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1706-6877 **E-mail:** okyudina@yandex.ru.

Особенности метафорической модели «Управленческая деятельность — это мир растений» в англо-американском и российском управленческом дискурсе

АННОТАЦИЯ. *Основная цель* — выявить особенности одной из главных метафорических моделей управленческого дискурса «Управленческая деятельность — это мир растений» на основе сопоставления англо-американского и российского материала.

Методы. В процессе представленного когнитивно-дискурсивного исследования использовались методы современной антропоцентрической лингвистики: когнитивное моделирование, сопоставительный анализ, учитывающий национальные особенности английского языка и англоязычных культур, дискурсивный анализ. Метафоры отбирались с помощью метода сплошной выборки.

Результаты и практическая значимость. В ходе исследования автором были выявлены интересные факты, свидетельствующие о национальном и культурном своеобразии российской и англо-американской метафорической управленческой картины мира, а также общие направления в развитии межгосударственного управленческого дискурса. Результаты и выводы нашего исследования могут быть использованы в преподавании английского языка студентам, обучающимся на факультетах экономики, юриспруденции, экономической безопасности, межкультурной коммуникации и управления.

Научная новизна. В процессе работы автором был проведен сопоставительный анализ и выявлены особенности метафорической модели «Управленческая деятельность — это мир растений», которая нашла свое отражение в российских и англо-американских управленческих текстах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; политические метафоры; когнитивная лингвистика; концептуальные метафоры; дискурс-анализ; фреймы; слоты; управленческий дискурс; политический дискурс; когнитивно-дискурсивные исследования; сопоставительный анализ; управленческая деятельность; английский язык; русский язык; сопоставительное языкознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юдина Оксана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский институт управления — филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ; 620190, Россия, г. Екатеринбург, 8 Марта, 66, каб. 28; e-mail: okyudina@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юдина, О. Л. Особенности метафорической модели «Управленческая деятельность — это мир растений» в англо-американском и российском управленческом дискурсе / О. Л. Юдина // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 103-115. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_09.

В XXI в. как в России, так и в англоязычных странах на фоне череды различных кризисов учеными предпринимаются активные попытки осмысления всего нового, что появляется в научном менеджменте, соответственно новые языковые явления требуют нового обозначения. Этим продиктован интерес к управленческому дискурсу. Теория дискурса вообще является сегодня одной из наиболее активно развивающихся исследовательских научных сфер [Русакова 2006]. Наблюдается увеличение количества научных работ, симпозиумов и конференций, абсолютно новых специальностей и курсов в вузах, а также диссертационных исследований по вопросам применения дискурсивных теорий и дискурсивно-сопоставительного анализа в различных сферах науки и практики (Э. В. Будаев, М. В. Гаврилова, В. З. Демьянков, М. Р. Желтухина, Э. Р. Лассан, О. Г. Ревзина, Ф. Феррари, Е. И. Шейгал;

D. Campus, P. Dahlgren, T. A. van Dijk, D. Graber, G. E. Lauerbach, M. Meyer, R. Wodak [Будаев 2010; Гаврилова 2008; Демьянков 2002; Желтухина 2008; Лассан 2010; Ревзина 2005; Феррари 2010; Шейгал 2000; Campus 2010; Dahlgren 2009; van Dijk 2009; Graber 2011; Lauerbach 2007; Meyer, Wodak 2009] и др.).

Управленческий дискурс — это творческое следование норме, которая может быть познана с помощью «профессиональной» картины мира, реализующейся, в свою очередь, через главные концепты управленческой культуры, профессионально ориентированные идеи и мысли, модели межличностного и институционального поведения, корпоративное общение, посредством создания определенных схем и фреймов обычных ситуаций, а также специализированный вокабуляр (А. Вежбицкая, С. Г. Воркачëв, З. М. Дударева, С. В. Иванова, Т. Ю. Ка-

пишева, В. И. Карасик, Н. И. Курганова, О. И. Лыткина, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Т. В. Цивьян; K. Ahrens, V. Tzuyin Lai, O. Esenova, V. Evans, T. Green, Z. Radman, T. Stordalen [Вежбицкая 2001; Воркачëв 2003; Дударева 2005; Иванова 2008; Капишева 2009; Карасик 2004; Курганова 2010; Лыткина 2009; Маслова 2004; Попова, Стернин 2004; Цивьян 2006; Ahrens, Tzuyin Lai 2000; Esenova 2008; Evans, Green 2006; Radman 1997; Stordalen 2000] и др.).

Все эти аспекты присутствуют в профессионально ориентированных управленческих текстах и доступны анализу на уровне когнитивной лингвистики [Ширяева 2006].

В основу нашего исследования положена теория метафорического моделирования, вызывающая большой интерес как у российских, так и зарубежных ученых, а также теория концептуальной метафоры, учитывающая инновации российской и зарубежной лингвистики и культурологии, а также дискурсивного анализа (А. Н. Баранов, Е. Г. Беляевская, Л. Брандт, В. З. Демьянков, И. М. Кобозева, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Т. Ю. Сазонова, И. С. Бороздина, А. П. Чудинов; L. Arcimavičienė, P. Drulák, V. Evans, M. Green, M. Fabiano, D. Geeraerts, B. Nerlich, Z. Kövecses, M. Johnson, G. Lakoff, J. Picalo, E. Ringmar, S. G. Schneider, J. Walter, J. Helmig [Баранов 2007; Беляевская 2008; Брандт 2010; Демьянков 2002; Кобозева 2001; Красных 2003; Кубрякова 2008; Лакофф, Джонсон 2004; Сазонова, Бороздина 2010; Чудинов 2001, 2003; Arcimavičienė 2008; Drulák 2008; Evans, Green 2006; Fabiano 2005; Geeraerts 2006; Nerlich 2010; Kövecses 2006; Lakoff, Johnson 1980; Picalo 2008; Ringmar 2008; Schneider 2008; Walter, Helmig 2008] и др.).

Данная теория базируется на положении о том, что метафора — это не феномен языка, а обыденная концептуальная реальность, когда мы предпринимаем попытку выразить смысл одного явления, используя термины другого [Лакофф, Джонсон 2004].

Дж. Лакофф и М. Джонсон пришли к выводу о том, что метафора объединяет наше воображение и разум. Мы мыслим специальными категориями, выводим следствия и делаем умозаключения. В своем воображении для того, чтобы понять сущность одного вида, мы используем термины сущности другого вида, что и является нашим метафорическим мышлением. Иными словами, метафора и есть та самая воображаемая действительность [Лакофф, Джонсон 2004].

По мнению А. П. Чудинова, метафоры могут восприниматься как мелкие детали, «маленькие стеклышки в огромной мозаичной картине, но эти образы будут являться реали-

зацией моделей, которые реально существуют в нашем сознании... Метафорическое зеркало может отражать не только реально существующую ситуацию, а также ее восприятие в национальном сознании» [Чудинов 2003].

В жизни метафоры существуют в качестве когнитивных процессов, позволяющих людям расширить восприятие окружающего мира и представить собственные гипотезы. Посредством метафор можно изменить обыденный язык, а также способы и методы понимания и восприятия мира. Не меньшую роль метафоры играют и в культурном развитии [Lakoff 1991].

Данное исследование основано на наших собственных подсчетах и наблюдениях. В. Г. Гак утверждал, что точность может определяться не только количеством цифр, которые указаны в процентах после запятой. Существует возможность использовать так называемую «симптоматическую» статистику В. Г. Адмони, которая использует такие понятия, как «чаще», «реже» или «больше», «меньше» [Гак 1989].

Выявленные нами в управленческом дискурсе признаки метафорической модели определяют ее структуру как единое целое, которое, в свою очередь, состоит из фреймов и слотов. Под *фреймом* мы понимаем структурированные с целью выявления стереотипной ситуации данные, особенно когда представляются значительные объемы данных [Кубрякова 2008], а *слот* представлен нами как более мелкий элемент ситуации, который является некой частью фрейма, аспектом его конкретизации [Чудинов 2001].

В данной работе мы исследовали метафорическую модель, основанную на образах растительного мира. В последнее время наблюдается активизация исследуемой нами модели как в российском, так и в англоязычном управленческом дискурсе. Данной метафоре уже были посвящены работы таких известных российских ученых, как А. П. Чудинов, С. Е. Никитина, Ю. Б. Феденева, Ю. Д. Апресян, М. С. Абуева, Н. А. Бородина и др.

Основой как российской, так и англоязычной управленческой метафоры данного вида являются наши так называемые «наивные» представления об организации и ее сотрудниках как о растениях: их органах, плодах, различных с ними манипуляциях, среде произрастания и др. Используя на практике данную метафорическую модель, мы как бы присваиваем субъектам управленческой деятельности и управлению в целом наиболее близкие и понятные нам свойства [Юдина 2012].

Исследование отобранного нами материала еще раз подтвердило наше предпо-

ложение, что метафорическая модель «Управленческая деятельность — это мир растений» может быть применена как к отраслям менеджмента, различным компаниям, так и к руководителям низшего и высшего ранга.

Присутствие в управленческом дискурсе метафор растительного происхождения лишь продолжает языковые традиции. В ходе анализа данной метафорической модели нами было проведено распределение по группам, которые относятся к практике растениеводства, а не соответствуют строгой естественно-научной классификации.

В ходе нашего исследования нами было выяснено, что метафорическая модель «Управление — это мир растений» является одной из доминантных в управленческом дискурсе. В процессе исследования нами было проанализировано 225 МЕ (111 МЕ / 49,3 % — российских и 114 МЕ / 50,7 % — англо-американских). Материал для анализа был взят из российских и англо-американских электронных источников, связанных со сферой управления, таких как <https://www.dailymail.co.uk/news/article>, <https://zen.yandex.ru/media/hi-news.ru>, <https://innovationmanagement.se> и др. В составе указанной модели нами были выделены два обширных фрейма: «Органы растений», включающий в себя слоты «Корни растений», «Ветви растений», «Почки растений», «Листья растений», «Плоды растений», а также фрейм «Жизнь растений», который может быть разбит на слоты «Жизненный цикл растений», «Действия с растениями» и «Условия произрастания растений».

1. Фрейм «Органы растений»

Данный фрейм является более распространенным в исследуемой модели — 127 МЕ (57 МЕ / 44,9 % — в российском и 70 МЕ / 55,1 % — в англо-американском управленческом дискурсе). В его составе нами были выделены следующие слоты: «Корни растений», «Ветви растений», «Почки растений», «Листья растений», «Плоды растений».

Слот 1.1. «Корни растений»

Корень традиционно является воплощением силы и могущества растения. С помощью корня развивается его верхушка и ветви. Данная управленческая метафора использует этот образ для отражения причинно-следственных связей и демонстрации верности своей стране.

...В 1995 году Сергей Белоусов зарегистрировал в России бренд *Rolsen*. Торговая марка официально заявляет о **корейских корнях**. Производственные мощности расположены во Фрязино. Продукцию собира-

ют из деталей, которые поставляют из Юго-Восточной Азии... [Российские бренды, которые легко принять за иностранные www].

...Родинами самых крупных компаний в мире являются США и Китай — так уж получилось в ходе истории. Но знаете ли вы, что некоторые из таких крупных компаний, хоть и издавна считаются американскими или китайскими, имеют **русские корни**?.. [Какие американские компании имеют русские корни? www].

В англо-американском дискурсе также встречаются аналогичные метафоры и практически в том же объеме.

...Although the company proudly has **German roots** dating back to 1937, it has long been a multinational business. The business is seeking to rebuild its reputation after a scandal when it was found to have cheated on European Union emissions tests... [Burton 2016 www].

...It's complex and difficult, but I believe the only long-term insurance policy is to maximize **the company's roots** — the potential of the people in an organization — by providing the leadership, the skills and an environment that supports innovation... [Franczek 2008 www].

Слот 1.2. «Ветви растений»

Также в процессе исследования нами было обнаружено образно-метафорическое употребление в управленческом дискурсе названия такой части растения, как его *ветви*. *Ветви* растения могут означать расширение компании, ее рост, развитие, благополучие. Появление дочерних компаний, филиалов (*ветвей*) свидетельствует о надежности такой организации и усилении доверия к ней со стороны партнеров.

...Миссия и Видение организации — это корни нашего дерева, которые питают ствол, ветви и листья. В дереве организации цели, отходящие **от одной ветви**, не должны зависеть от целей, отходящих **от другой ветви**... [Дерево целей компании: методика для развития 2020 www]

...The Banker magazine found Sberbank to be the number one bank in Central and Eastern Europe, where it has **277 branches** and a workforce of 306,123. Sberbank's president and CEO German Gref previously served as Russia's Minister of Economic Development and Trade. In May 2014 he joined the board of directors of Yandex, the biggest internet company in Russia... [The 50 Most Powerful Corporations in the World www]

Слот 1.3. «Почки растений»

Почка растения — это зачаточный побег. Из почки развивается не одинокий листик, а целая веточка, цветок или даже соцветие.

Так и в управлении в виде «почек» зарождаются новые подразделения компании, впоследствии они могут превращаться в отдельную «ветвь», способную давать собственные плоды. Данный слот оказался активным только в российском управленческом дискурсе.

...«Отпочковавшиеся» подразделения могут продаваться по отдельности либо объединяться в новую самостоятельную единую компанию... [Создание новых самостоятельных компаний через «отпочкование» от материнских компаний www].

1.4. Слот «Листья растений»

Данный слот оказался наименее частотным как в англо-американском, так и в российском менеджменте. Практически единственное в своем роде метафорическое использование «листьев» было нами обнаружено при описании так называемого «Дерева решений» (“Decision tree”), которое используется для визуального представления процесса эффективного принятия решений.

...Собственно, само дерево решений — это метод представления решающих правил в иерархической структуре, состоящей из элементов двух типов — узлов и листьев [Шахиди 2019 www].

...A decision tree is drawn upside down with its root at the top... The end of the branch that doesn't split anymore is the decision/leaf... [Gupta 2017 www].

1.5. Слот «Плоды растений»

Целью деятельности любой организации в любой стране, равно как и руководителя той или иной компании, является результат. И, конечно же, положительный результат, т. е. получение прибыли или удовлетворения от проделанной работы, говоря иначе, приносимых ими плодов.

...Мы стремимся не только оправдать ожидания самых требовательных клиентов, но и превзойти их — это приносит свои плоды. Среди наших клиентов такие крупнейшие предприятия, как Газпром, Транснефть, Сургутнефтегаз, УГМК, Полиметалл... [ООО Комек Машинери www].

...Alpen Pharma is an international company with its representative offices all over the world. Due to our flexible structure, we are always open to partners. This creates conditions for long-term and fruitful cooperation... [Partners // Alpen Pharma Group www].

2. Фрейм «Жизнь растений»

Фрейм представлен 98 МЕ (44 МЕ / 44,9 % — в российском и 54 МЕ / 55,1 % — в англо-американском управленческом дискурсе). В данном фрейме мы сочли возмож-

ным выделить следующие слоты: «Жизненный цикл растений», «Действия с растениями» и «Условия произрастания растений».

Слот 2.1. «Жизненный цикл растений»

Рост растения, т. е. его жизненный цикл, является указателем процесса развития от нуля в сторону увеличения. Метафорически под этим понимается некая динамика развития любого субъекта управленческой деятельности, который способен, как и любое растение, к *росту, созреванию, отпочкованию, созреванию, способно давать высокий урожай* и т. д. Контекст играет основную роль в его эмотивной оценочности. Процесс может иметь как положительную, так и подчеркнута отрицательную оценку, что впоследствии скажется на ситуации в целом.

...На стадии роста компания начинает увеличивать ассортимент своих продуктов, начиная выходить из ниши и захватывать новые сегменты и рынки. Наблюдается **рост продаж** [Современные модели управления жизненным циклом компании].

...China's export and import growth slowed in April raising fears about a sharp slowdown in its economy and triggering calls for monetary policy easing... [China's exports and imports see slower growth 2012 www].

Ситуации, в которых могут оказаться субъекты управленческой деятельности, а также правильность принятых ими решений могут быть представлены с помощью таких метафор, как *созревание* и *зрелость*.

...Рынок созрел для трансформации. 2019-й станет годом начала реализации новых приоритетов агросектора... [Рынок созрел для трансформации... www].

...You can't disrupt a market just because you want to: **the market has to be ripe** for disruption—ready, in other words, for replacement with a new product/service platform... [Ulwick 2012 www].

В англо-американском, как и в российском управленческом дискурсе жизненный цикл растения может заканчиваться *плохим (хорошим) урожаем*, также может произойти *загнивание растения*, что метафорически доказывает неэффективность деятельности тех или иных субъектов управления.

...Most **businesses are either green and growing or ripe and rotting**. Where is your business at?.. [Is Your Business Green & Growing Or Ripe And Rotting? www].

...То есть бизнесмены, которые работают честно, двигают общество и экономику вперед. А вот любая монополия, как писал Владимир Ильич Ленин, ведет к **загниванию**... [Программы помощи малому бизнесу приведут к росту монополий и обнищанию остальных 2020 www].

...Стратегия «сбора урожая» предполагает отказ от долгосрочного взгляда на бизнес в пользу максимального получения доходов в краткосрочной перспективе. Эта стратегия применяется по отношению к бесперспективному бизнесу, который не может быть прибыльно продан, но может принести доходы во время «сбора урожая»... [Применение эталонных стратегий в бизнесе 2016 www].

...Many CEO's are now focusing on innovation to insure **continuous harvests**. Innovation becomes one of the critical factors for ongoing growth... [Franczek 2008 www].

Метафоры, связанные с цветением, дают нам возможность представить описываемые явления в качестве показателя достижения высочайшей степени развития компании, распространения ее сферы влияния, тогда как образное восприятие увядания, наоборот, может указывать на тщетность вышеназванных действий.

...Зарубежные предприниматели обратили внимание, что большие деньги может принести потребность в безопасности у людей обеспеченных. Например, в США в период коронавируса процветает бизнес на производстве бункеров... [Идеи бизнеса в кризис 2020... www].

...I see several direct correlations between mastering marketing's many facets and springtime planting. Encouraged from the season, here are some springtime best marketing tips which will assist your **business blossom**... [Red Herring 2018 www].

...The key step is **to make the business bloom**. For me, to make it bloom means creating excitement, joy and fun. Here is what I recommend... [Bartolome 2016 www].

...Однако цветочный бизнес, не выдержав натиска Covid-19, увядает на глазах. Всемирно известный парк Кёкенхоф закрыт. ...Страдают и цветочники — продажи упали практически до нуля... [Полубояринова 2020 www].

...Fading relates to a gradual decline in consumers' willingness to continue a relationship with a company. Therefore, it may help to elucidate 'unexplained' relationship dissolution and customer defection... [Pokorska, Farrell, Evanschitzky, Pillai www].

Представленный слот является очень продуктивным в современном управленческом дискурсе. Он представляется нам общим для всех метафорических моделей, имеющих единую сходную биологическую сферу. Подчас становится затруднительным его отнесение к той или иной модели. В таких случаях, если в контексте нет указания на фитоморфную модель, концепт роста

может включаться в модель «живого организма». Мы полагаем, что такая высокая продуктивность слота может быть обусловлена стертостью метафоры роста.

Слот 2.2. «Действия с растениями»

Данный слот представляется нам наиболее систематизированным. В его составе могут присутствовать такие, например, лексемы, как рубить, сажать, сеять, так как заложенный в них прагматический смысл может определять начало или окончание данного процесса. Появление чего-либо нового обычно привлекает внимание, и это дает повод надеяться на изменения к лучшему.

Мы знаем, что существуют растения, не требующие тщательного ухода, но также всем известно, что культурные растения требуют полива, подкормки удобрениями и т. п. Всевозможные манипуляции по выращиванию, селекции и скрещиванию растений становятся базисом для метафор данного слота, с их помощью могут быть описаны и объяснены различные административные процессы.

...Несмотря на то, что «попали все», пирамида Кучеренко посеяла зерно недоверия между «мультиками» и украинским бизнесом... [Ткаченко 2019 www].

...At this Chicago company, employees must limit extra bathroom times to six minutes a day or face disciplinary warnings... Those seeds of distrust grow distrust weeds that morph into culture vines where monitoring the time someone spends in the bathroom is viewed as more important, than creating a culture where shared accountability is the norm... [Russell 2014 www].

...сегодня я расскажу пошаговый алгоритм, построенный на нашем собственном опыте — как вырастить внутри компании сотрудников суперзвезд и получить от этого существенные бонусы для компании... [Danylenko 2019 www].

...To grow a business without external funding, you have to swim, or you'll sink fast. You have to be creative and strategic, but that can also make you a better entrepreneur. Here are three more advantages of taking the self-funded route... [Tank 2020 www].

...Единственным преимуществом подхода является снижение времени обучения. Главным недостатком является то, что ранняя остановка всегда делается в ущерб точности дерева, поэтому многие авторы рекомендуют отдавать предпочтение отсечению ветвей... [Шахиди 2019 www].

...The branches being cut include its outpost in the City of London, where footfall has plummeted due to finance workers continuing to work from home. However the decision to close

the branch was based on footfall in 2019, the bank said... [Smith 2020 www].

В англо-американском и российском дискурсе встречаются метафоры, связанные с различными манипуляциями с растениями. Результатом таких специальных действий, например, по скрещиванию растений, может считаться получение *гибрида*. Гибрид в управлении — это также результат одновременного применения различных методов менеджмента. *Гибридизация* может оказаться удачной или привести к отрицательным результатам. Также периодически необходимо пропалывать сорняки (нерадивых сотрудников) и окучивать посаженные растения (имеющихся выгодных клиентов), чтобы в очередной раз добиться блестящих результатов своей деятельности.

...Феномен **гибридных методологий** проектного управления — следствие конкуренции между гибкими и классическими методами. «Гибрид» включает в себя все принципы и гибких, и традиционных методов... [Павлов www].

...**Hybrid model of human capital management lacks staff members with specialized experiences or unique skills and knowledge...** [Hybrid Model of Human Capital Management www].

...**Don't let bad employees drive out the good! Weed out negative employees sooner and everyone will be happier for it...** [Glickman www].

...А если вы устраиваетесь новичком, например, в отдел рекламы, то, как правило, старожилы уже давно «окучили» самых вкусных рекламодателей, вам же остается **пропалывать плантации** мелких и средних потенциальных клиентов в надежде на везение... [Зарплатный эксперимент: сколько в Татарстане... 2019 www].

Слот 2.3. «Условия произрастания растений»

В современном управленческом дискурсе достаточно часто используются образы, представляющие условия для произрастания растений. Для этого нужна не только плодородная почва и все необходимые питательные элементы, вносимые в почву человеком, но также огромную роль играют и климатические и погодные условия, которые требуется правильно предсказывать. Все вышеназванное также является чрезвычайно важным при осуществлении эффективного руководства.

...Как **подготовить почву** для внедрения инноваций, **замотивировать** сотрудников и **какую стратегию выбрать** для изменения корпоративной культуры... [Клейменова www].

...**The ground has to be “prepared for them”** by removing any secondary issues,

submitting the crucial points to them and proposing solutions from which they can choose... [Negotiation www].

...**Во-первых, наличие хорошего организационного климата** создает положительный цикл для компании и ее сотрудников, поскольку они производят больше и с более высоким качеством. Главным образом потому, что они более мотивированы, преданы и заняты... [Бруно 2020 www].

...**Interestingly, this crisis also shows that low-cost innovation can be more effective than expensive high-tech solutions. Countries with only limited resources can teach us a lot as they generally provide more fertile ground for out-of-the-box solutions...** [COVID-19's impact on global health and development www].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав все вышеприведенные примеры, мы пришли к выводу, что фитоморфная метафора активно проявляет себя как в российском, так и англо-американском управленческом дискурсе. Руководителю любого ранга присуще желание получить и оценить плоды своей деятельности. Мы полагаем, что использование фитоморфной метафоры в современном управленческом дискурсе можно связать с желанием руководителей организаций отождествлять свою деятельность с ростом/процессом выращивания растений — от их посева в землю до созревания плодов. Также является очевидным тот факт, что немаловажную роль здесь играет и цикличность природных явлений, и это еще раз подчеркивает непрерывность данного процесса, в отличие от других метафорических моделей, где управленческая деятельность и предполагаемые результаты сами по себе статичны и носят лишь констатирующий характер.

Процентный состав составляющих данную модель фреймов оказался практически одинаковым как в российском, так и в англо-американском управленческом дискурсе. Количество метафор фрейма «Жизнь растений» в англо-американском дискурсе несколько выше, чем в российском. Данный факт мы объясняем исторически сложившейся любовью и привязанностью англичан к растениям, их страстью к озеленению своего жилья как снаружи, так и внутри. По нашим наблюдениям, американцев также отличает особая привязанность к садоводству и ландшафтному дизайну, так как большинство из них живет в собственных аккуратных домиках с зелеными лужайками и бесподобными цветущими кустарниками. Хотелось бы отметить и тот факт, что интерес к растениям, к их селекции, садовому дизайну всегда

присутствовал и в русской культуре и был не менее значимым для русского народа, чем сельское хозяйство. С давних времен садоводство считалось надежным средством от скуки русской провинциальной жизни, но оно остается таковым и сейчас, когда многим жителям крупных городов хочется убежать от шумной городской суеты и почувствовать единство с природой. В этом проявляется сходство России с Англией, ее традициями взаимосвязи занятий сельским хозяйством и садовым дизайном.

Подводя итог, мы можем сказать, что сопоставление в аспекте метафорического моделирования управленческого дискурса имеет практическую ценность, так как, используя его результаты, которые выявляют сходное и различное при употреблении языковых средств в разных языках, мы пытаемся преодолеть языковую интерференцию. Полученные результаты имеют огромное значение как для научного развития российского менеджмента, установления узкопрофильных связей руководителей различных уровней, переводческой практики, так и совершенствования преподавания и изучения английского языка как иностранного.

ИСТОЧНИКИ

1. Бруно, Э. Знайте преимущества хорошего организационного климата в компании / Э. Бруно. — Текст : электронный // Luz. — 2020. — 9 янв. — URL: <https://blog.luz.vc/ru/тенденции/Знайте-преимущества-хорошего-организационного-климата-в-компании/>.
2. Дерево целей компании: методика для развития // WorkTek. — 2020. — 7 июня. — URL: <https://worktek.ru/blog/30403-Derevo-celey-kompanii-metodika-dlya-razvitiya>. — Текст : электронный.
3. Зарплатный эксперимент: сколько в Татарстане готовы платить экономистам и водителям? // БизнесOnline : веб-сайт. — 2019. — 29 апр. — URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/422697>.
4. Идеи бизнеса в кризис 2020. 14 способов заработать в условиях карантина // Openbusiness.ru // Yandex.Zen. — 2020. — 22 июня. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/openbusiness/idei-biznesa-v-krizis-2020-14-sposobov-zarabotat-v-usloviyah-karantina-5ef077f1b1f82762d5237991>. — Текст : электронный.
5. Какие американские компании имеют русские корни? // Hi-News.ru // Yandex.Zen. — 2020. — 11 сент. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/hi-news/rakie-amerikanskie-kompanii-imeyut-russkie-korni-5f5b412056f2d820a9544d71>. — Текст : электронный.
6. Клейменова, Л. Как внедрять инновации в компанию: главные принципы, советы и ошибки / Л. Клейменова. — Текст : электронный // РБК. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5e7a15709a79475d7333d4ac>.
7. ООО Комак Машинери // НН Помощь. — URL: <https://ekaterinburg.hh.ru/employer/42504>. — Текст : электронный.
8. Павлов, А. Энциклопедия гибридных методов управления проектами / А. Павлов. — Текст : электронный // PROКачество. — URL: <https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/proektnoe-upravlenie/entsiklopediya-gibridnykh-metodov-upravleniya/>.
9. Полубояринова, И. В Нидерландах цветочный бизнес из-за коронавируса уязвим в глазах / Ирина Полубояринова. — Текст : электронный // ОTR. — 2020. — 27 марта. — URL: <https://otr-online.ru/news/v-niderlandah-cvetochnyy-biznes-iz-za-koronavirusa-uvyadaet-na-glazah-150551.html>.
10. Применение эталонных стратегий в бизнесе // Клерк : веб-сайт. — 2016. — 29 дек. — URL: <https://www.klerk.ru/boss/articles/455763/>. — Текст : электронный.
11. Программы помощи малому бизнесу приведут к росту монополий и обнищанию остальных // 19rus.info. — 2020. — 17 апр. — URL: <https://19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/125201-programmy-pomoshchi-malomu-biznesu-privedit-k-rostu-monopolij-i-obnishchaniyu-ostalnykh>. — Текст : электронный.
12. Российские бренды, которые легко принять за иностранные // Bigpicture.ru : веб-сайт. — URL: <https://bigpicture.ru.turbopages.org/s/bigpicture.ru/?pcgi=p%3D1149066>. — Текст : электронный.
13. Рынок созрел для трансформации. 2019-й станет годом начала реализации новых приоритетов агросектора // Агроинвестор. — 2019. — 10 янв. — URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/31001-rynok-sozrel-dlya-transformatsii/>. — Текст : электронный.
14. Современные модели управления жизненным циклом компании // Powerbranding. — URL: <http://powerbranding.ru/biznes-analiz/olc-models/>. — Текст : электронный.
15. Создание новых самостоятельных компаний через «отпочкование» от материнских компаний // Economy-Ru. — URL: <https://economy-ru.com/antikrizisnoe-upravlenie-besplatno/sozдание-novyih-samostoyatelnyih-kompaniy-44845.html>. — Текст : электронный.
16. Ткаченко, К. «Попали все»: как изменились правила игры на агрорынке после Агроинвестгруп / К. Ткаченко. — Текст : электронный // Latifundist.com. — 2019. — 23 апр. — URL: <https://latifundist.com/spetsproekt/464-popali-vse-kak-izmenilis-pravila-igry-na-agrorynke-posle-agroinvestgrupp>.
17. Шахиди, А. Деревья решений: общие принципы / А. Шахиди. — Текст : электронный // Loginom : веб-сайт. — 2019. — 4 дек. — URL: <https://loginom.ru/blog/decision-tree-p1>.
18. Bartolome, A. O. 8 Tips To Make Your Business Bloom / Armando O. Bartolome. — Text : electronic // Good news. — 2016. — 21 July. — URL: <https://www.goodnewspilipinas.com/8-tips-to-make-your-business-bloom/>.
19. Burton, J. German? Nein! Volkswagen bosses are told to speak English after company switches its official language to make itself more welcoming / J. Burton. — Text : electronic // MailOnline. — 2016. — 15 Dec. — URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-4034978/German-Nein-Volkswagen-bosses-told-speak-English-company-switches-official-language-make-welcoming.html>.
20. China's exports and imports see slower growth // BBC News. — 2012. — 10 May. — URL: <https://www.bbc.com/news/business-18015458>. — Text : electronic.
21. COVID-19's impact on global health and development // Enable : site. — URL: <https://www.enable.be/content/title-23>. — Text : electronic.
22. Danylenko, I. Не нанимайте сотрудников суперзвезд — выращивайте их / I. Danylenko. — Текст : электронный // Vc.ru. — 2019. — 21 окт. — URL: <https://vc.ru/hr/89041-nenanimayte-sotrudnikov-superzvezd-vyrashchivayte-ih>.
23. Franczek, C. Innovation check-up: Is your company dying from root rot? / Carol Franczek. — Text : electronic // Innovation Management. — 2008. — 19 Sept. — URL: <https://innovationmanagement.se/2008/09/19/innovation-check-up-is-your-company-dying-from-root-rot/>.
24. Glickman, D. Don't Let Bad Employees Drive Out the Good / D. Glickman. — Text : electronic // Inc : site. — URL: <https://www.inc.com/david-glickman/dont-let-bad-employees-drive-out-the-good.html>.
25. Gupta, P. Decision Trees in Machine Learning / Prashant Gupta. — Text : electronic // Towards data science. — 2017. — 17 May. — URL: <https://towardsdatascience.com/decision-trees-in-machine-learning-641b9c4e8052>.
26. Hybrid Model of Human Capital Management // MSG. — URL: <https://www.managementstudyguide.com/hybrid-model-of-human-capital-management.htm>. — Text : electronic.
27. Is Your Business Green & Growing Or Ripe And Rotting? // Sheridans. — URL: <https://www.sheridans.net.au/blog/is-your-business-green-and-growing-or-ripe-and-rotting/>. — Text : electronic.
28. Negotiation // France Diplomacy. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/the-ministry-and-its-network/missions-and-structure/what-diplomats-do/external-activities/article/negotiation>.

29. Partners // Alpen Pharma Group. — URL: <https://alpenpharma.ua/en/we-are-open-partnership>. — Text : electronic.
30. Pokorska, J. Relationship fading in business-to-consumer context / J. Pokorska, A. Farrell, H. Evanschitzky, K. Pillai. — Text : electronic // Aston University : site. — URL: http://publications.aston.ac.uk/id/eprint/21342/1/Relationship_fading_in_business_to_consumer_context.pdf. — Text : electronic.
31. Red Herring. Healthy Springtime Marketing Tips to Blossom Your Brand by the Marketing Company Melbourne // Red Herring. — 2018. — 21 Sept. — URL: <https://medium.com/@redherring.net.au/healthy-springtime-marketing-tips-to-blossom-your-brand-by-the-marketing-company-melbourne-ed394c205896>. — Text : electronic.
32. Russell, N. S. What Are You Growing: Trust or Distrust? / N. S. Russell. — Text : electronic // Psychology Today : site. — 2014. — 24 July. — URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/trust-the-new-workplace-currency/201407/what-are-you-growing-trust-or-distrust>.
33. Smith, S. UK job losses: all the companies axing staff amid coronavirus / S. Smith, J. Wilson, J. Curtis. — Text : electronic // The Telegraph. — 2020. — 7 Dec. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/business/0/job-losses-uk-coronavirus-covid/>.
34. Tank, A. How to Start a Business with No Money / A. Tank. — 2020. — 5 Feb. — URL: <https://www.jotform.com/bootstrapping/>.
35. The 50 Most Powerful Corporations in the World // MBA Central. — URL: <https://www.mbacentral.org/50-powerful-corporations-world/>. — Text : electronic.
36. Ulwick, T. When Is A Market Ripe For Disruption? / Tony Ulwick. — Text : electronic // Strategyn. — 2012. — 27 Feb. — URL: <https://strategyn.com/2012/02/27/when-is-a-market-ripe-for-disruption/>.

ЛИТЕРАТУРА

37. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — 3-е изд. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — 360 с. — Текст : непосредственный.
38. Беляевская, Е. Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях (традиционный подход vs когнитивный подход) / Е. Г. Беляевская. — Текст : непосредственный // Принципы и методы когнитивных исследований языка. — Москва, 2008. — С. 78—86.
39. Брандт, Л. Как понять метафору / Л. Брандт, П. А. Брандт. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 4. — С. 5—19.
40. Будаев, Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2010. — Вып. 1 (31). — С. 9—23.
41. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая ; пер. с англ. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 272 с. — Текст : непосредственный.
42. Воркачѳ, С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) : моногр. / С. Г. Воркачѳ. — Волгоград : Перемена, 2003. — 164 с. — Текст : непосредственный.
43. Гаврилова, М. В. Политическая коммуникация XX века / М. В. Гаврилова. — Санкт-Петербург : Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008. — 94 с. — Текст : непосредственный.
44. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — 1989. — Вып. XXV : Контрастивная лингвистика. — С. 5—17.
45. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — 2002. — № 3. — С. 32—43.
46. Дударева, З. М. Контрастивное исследование концептуальной сферы «Время» в русской и башкирской языковых картинах мира : 10.02.20 : дис. ... д-ра филол. наук / З. М. Дударева. — Стерлитамак, 2005. — 365 с. — Текст : непосредственный.
47. Желтухина, М. Р. Масс-медиаальный дискурс и массовая культура / М. Р. Желтухина. — Текст : непосредственный // Наукові записки Луганського національного університету. Сер.: Філологічні науки. — 2008. — Вып. 7. — Т. 1. — С. 145—156.
48. Иванова, С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — Вып. 1 (24). — С. 29—33.
49. Капишева, Т. Ю. Сопоставительный словарь фразеологических картин мира (на материале русских, немецких и латинских фитонимов) / Т. Ю. Капишева. — Уфа : Вагант, 2009. — 180 с. — Текст : непосредственный.
50. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 390 с. — Текст : непосредственный.
51. Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политических метафор / И. М. Кобозева. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9: Филология. — 2001. — № 6. — С. 132—149.
52. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с. — Текст : непосредственный.
53. Кубрякова, Е. С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. — Москва : Академический проект : Альма Матер, 2008. — С. 183—209.
54. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений / Е. С. Кубрякова. — Изд. 2-е, доп. — Москва : URSS, 2008. — 198 с. — Текст : непосредственный.
55. Курганова, Н. И. Проблема исследования коллективного знания в когнитивной лингвистике / Н. И. Курганова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 2. — С. 18—26.
56. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.
57. Лассан, Э. Р. О формах существования концептуальных метафор как индикаторах силы и бессилия общества / Э. Р. Лассан. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — С. 24—33.
58. Лыткина, О. И. Проблемы изучения концепта в современной лингвистике / О. И. Лыткина. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. — 2009. — № 4. — С. 67—80.
59. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. вузов / В. А. Маслова. — 2-е изд., стер. — Москва : Academia, 2004. — 202 с. — Текст : непосредственный.
60. Попова, З. Д. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Текст : непосредственный // Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово : Графика, 2004. — С. 52—58.
61. Ревзина, О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О. Г. Ревзина. — Текст : непосредственный // Критика и семиотика. — 2005. — Вып. 8. — С. 66—78.
62. Русакова, О. Ф. Дискурс как властный ресурс / О. Ф. Русакова. — Текст : непосредственный // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. — Екатеринбург, 2006. — С. 187—196.
63. Сазонова, Т. Ю. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания / Т. Ю. Сазонова, И. С. Бороздина. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 2. — С. 27—33.
64. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика / И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2004. — 190 с.
65. Феррари, Ф. Гендер и отождествление в политическом дискурсе: американская женщина как категория анализа / Ф. Феррари. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — С. 39—54.
66. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. — Москва : КомКнига, 2006. — 280 с. — Текст : непосредственный.
67. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с.
68. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с.

69. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Е. И. Шейгал. — Волгоград : Перемена, 2000. — 367 с.
70. Ширяева, Т. А. Когнитивная модель делового дискурса : моногр. / Т. А. Ширяева. — Пятигорск : ПГЛУ, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
71. Юдина, О. Л. Метафоры и метафорические модели в российском и англо-американском управленческом дискурсе: параллели и взаимодействие : дис. ... канд. филол. наук / Юдина О. Л. — Екатеринбург, 2012. — 240 с. — Текст : непосредственный.
72. Ahrens, K. Mappings from the Source Domain of Plant in Mandarin Chinese / K. Ahrens, V. Tzuyin Lai. — 2000. — URL: <https://www.aclweb.org/anthology/Y01-1019.pdf>. — Text : electronic.
73. Arcimavičienė, L. Morality Trough Metaphor : A Cross-Linguistic Analysis of Political Discourse / L. Arcimavičienė. — Text : unmediated // Kalbotyra. — 2008. — № 59 (3). — P. 11—19.
74. Campus, D. Antipolitics in power: populist language as a tool for government / D. Campus. — Cresskill, N.J. : Hampton Press, 2010. — 186 p. — Text : unmediated.
75. Dahlgren, P. Media and political engagement: citizens, communication, and democracy / P. Dahlgren. — Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Pr., 2009. — 232 p. — Text : unmediated.
76. Dijk, T. A. van. Critical Discourse Studies : A Sociocognitive Approach / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // Methods of Critical Discourse Analysis. — London : Sage, 2009. — P. 62—87.
77. Drulák, P. Identifying and Assessing Metaphors : Discourse on EU Reform / P. Drulák. — Text : unmediated // Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World. — New York : Routledge, 2008. — P. 105—118.
78. Esenova, O. Plant metaphors for the expression of emotions in the English language / O. Esenova. — Text : unmediated // Beyond Philology : an International Journal of Linguistics, Literary Studies and English Language Teaching. — Gdańsk, 2008. — No 5. — P. 7—21.
79. Evans, V. Cognitive Linguistics: an introduction / V. Evans, M. Green. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2006. — 851 p. — Text : unmediated.
80. Fabiano, M. Terrorism and Its Metaphors / M. Fabiano. — 2005. — URL: <http://forum.llc.ed.ac.uk/issue2/fabiano.html>. — Text : electronic.
81. Geeraerts, D. Methodology in Cognitive Linguistics / D. Geeraerts. — Text : unmediated // Cognitive Linguistics : Current applications and Future Perspectives / ed. G. Kristiansen [et. al.]. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. — P. 21—51.
82. Graber, D. Media power in politics / D. Graber. — Washington, D.C. : CQ Press, 2011. — 466 p. — Text : unmediated.
83. Kövecses, Z. Language, Mind, and Culture : A Practical Introduction / Z. Kövecses. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 397 p. — Text : unmediated.
84. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago ; London : The University of Chicago Pr., 1980. — 242 p. — Text : unmediated.
85. Lakoff, G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf / G. Lakoff. — Text : unmediated // Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf / D. Yallet (ed.). — Honolulu, 1991.
86. Lauerbach, G. E. (ed.). Political Discourse in the Media / ed. G. E. Lauerbach, A. Fetzer. — Amsterdam : John Benjamins B.V., 2007. — 385 p. — Text : unmediated.
87. Meyer, M. Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. — 208 p. — Text : unmediated.
88. Nerlich, B. Breakthroughs and Disasters : The Politics and Ethics of Metaphor Use in the Media / B. Nerlich. — Text : unmediated // Cognitive Foundations of Linguistic Usage Patterns. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter GmbH & Co, 2010. — P. 63—88.
89. Picalo, J. Mechanical Metaphors in Politics / J. Picalo. — Text : unmediated // Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World. — New York : Routledge, 2008. — P. 41—55.
90. Radman, Z. Metaphors : Figures of the Mind / Z. Radman. — Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1997. — 191 p. — Text : unmediated.
91. Ringmar, E. Metaphors of Social Order / E. Ringmar. — Text : unmediated // Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World. — New York : Routledge, 2008. — P. 57—69.
92. Schneider, S. G. Exploring the Metaphorical (de-)construction of Legitimacy: a Comparison of Legitimation Discourses in American and British Newspapers / S. G. Schneider. — Text : unmediated // Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World. — New York : Routledge, 2008. — P. 83—102.
93. Stordalen, T. Echoes of Eden. Genesis 2-3 and Symbolism of the Eden Garden in Biblical Hebrew Literature / T. Stordalen. — Leuven : Peeters, 2000. — 582 p. — Text : unmediated.
94. Walter, J. Discursive Metaphor Analysis: (de)construction(s) of Europe / J. Walter, J. Helmig. — Text : unmediated // Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World. — New York : Routledge, 2008. — P. 119—131.

O. L. Yudina

The Ural Institute of Management – branch of RANEPa, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1706-6877

 E-mail: okyudina@yandex.ru.

Specific Features of the Metaphorical Model “MANAGEMENT ACTIVITY IS THE WORLD OF PLANTS” in Anglo-American and Russian Management Discourse

ABSTRACT. *The main aim of the paper is to identify the specific features of one of the leading metaphorical models “MANAGEMENT ACTIVITY IS THE WORLD OF PLANTS” through the comparison of Anglo-American and Russian management discourse.*

Methods. *The cognitive-discursive study described in the paper uses the methods of modern anthropocentric linguistics: cognitive modeling, comparative analysis, taking into account the national peculiarities of the English language and the English-language cultures, and discourse analysis. The metaphors under study were selected using the method of continuous sampling.*

Results and practical significance. *As a part of the study, the author has revealed interesting facts that indicate the national and cultural identity of the Russian and Anglo-American metaphorical management worldview, as well as general trends in the development of interstate management discourse. The results and conclusions of this research can be used in teaching EFL to students studying at the faculties of economics, law, economic security, intercultural communication and management.*

Scientific novelty. *In the course of the work, the author has conducted a comparative analysis and identified special aspects of the metaphorical model “MANAGEMENT ACTIVITY IS THE WORLD OF PLANTS”, which is reflected in Russian and Anglo-American management texts.*

KEYWORDS: *political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; political metaphors; cognitive linguistics; conceptual metaphors; discourse analysis; frames; slots; management discourse; political discourse; cognitive-discursive studies; comparative analysis; management; English language; Russian language; comparative linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yudina Oksana Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, the Ural Institute of Management – branch of RANEP, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Yudina, O. L. Specific Features of the Metaphorical Model “MANAGEMENT ACTIVITY IS THE WORLD OF PLANTS” in Anglo-American and Russian Management Discourse / O. L. Yudina // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 103-115. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_09.*

MATERIALS

1. Bruno, E. Know the Benefits of a Good Organizational Climate in the Company / E. Bruno. — Text : electronic // Luz. — 2020. — 9 Jan. [Znayte preimushchestva khoroshego organizatsionnogo klimata v kompanii / E. Bruno. — Tekst : elektronnyy // Luz. — 2020. — 9 yanv.]. — URL: <https://blog.luz.vc/ru/tendenstsi/Znat'-preimushchestva-khoroshego-organizatsionnogo-klimata-v-kompanii/>. — (In Rus.)

2. Company Goals Tree: Methodology for Development // WorkTek. — 2020. — June 7. [Derevo tseyey kompanii: metodika dlya razvitiya // WorkTek. — 2020. — 7 iyunya]. — URL: <https://worktek.ru/blog/30403-Derevo-tseyey-kompanii-metodika-dlya-razvitiya>. — Text : electronic. — (In Rus.)

3. Salary Experiment: How Much is Tatarstan Willing to pay Economists and Drivers? // BusinessOnline : website. — 2019. — Apr 29. [Zarplatnyy eksperiment: skol'ko v Tatarstane gotovy platit' ekonomistam i voditel'yam? // BiznesOnline : veb-sayt. — 2019. — 29 apr.]. — URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/422697>. — Text : electronic. — (In Rus.)

4. Business Ideas in the Crisis of 2020. 14 Ways to Make Money in Quarantine / Openbusiness.ru // Yandex.Zen. — 2020. — June 22. [Idei biznesa v krizis 2020. 14 sposobov zarabotat' v usloviyakh karantina / Openbusiness.ru // Yandex.Zen. — 2020. — 22 iyunya]. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/openbusiness/idei-biznesa-v-krizis-2020-14-sposobov-zarabotat-v-usloviyah-karantina-5ef0771bf82762d5237991>. — Text : electronic. — (In Rus.)

5. Which American Companies Have Russian Roots? / Hi-News.ru // Yandex.Zen. — 2020. — 11 Sept. [Kakie amerikanskie kompanii imeyut russkie korni? / Hi-News.ru // Yandex.Zen. — 2020. — 11 sent.]. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/hi-news.ru/kakie-amerikanskie-kompanii-imeyut-russkie-korni-5f5b412056f2d820a9544d71>. — Text : electronic. — (In Rus.)

6. Kleymenova, L. How to Introduce Innovations into the Company: Main Principles, Tips and Mistakes / L. Kleymenova. — Text : electronic // RBK. [Kak vnedryat' innovatsii v kompaniyu: glavnye printsipy, soveti i oshibki / L. Kleymenova. — Tekst : elektronnyy // RBK]. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5e7a15709a79475d7333d4ac>. — (In Rus.)

7. Comek Machinery LLC // HH Help. [OOO Komek Mashineri // HH Pomoshch']. — URL: <https://ekaterinburg.hh.ru/employer/42504>. — Text : electronic. — (In Rus.)

8. Pavlov, A. Encyclopedia of Hybrid Project Management Methods / A. Pavlov. — Text : electronic // PROQuality. [Entsiklopediya gibridnykh metodov upravleniya proektami / A. Pavlov. — Tekst : elektronnyy // PROKachestvo]. — URL: <https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/proektnoe-upravlenie/entsiklopediya-gibridnykh-metodov-upravleniya/>. — (In Rus.)

9. Poluboyarinova, I. V In the Netherlands, the Flower Business is Fading before our Eyes Due to the Coronavirus / Irina Poluboyarinova. — Text : electronic // OTR. — 2020. — March 27. [Niderlandakh tsvetochnyy biznes iz-za koronavirusa uvyadaet na glazakh / Irina Poluboyarinova. — Tekst : elektronnyy // OTR. — 2020. — 27 marta]. — URL: <https://otr-online.ru/news/v-niderlandah-cvetochnyy-biznes-iz-za-koronavirusa-uvyadaet-na-glazah-150551.html>. — (In Rus.)

10. Application of Reference Strategies in Business // Clerk : website. — 2016. — Dec 29. [Primeneniye etalonnykh strategiy v biznese // Klerk : veb-sayt. — 2016. — 29 dek.]. — URL: <https://www.klerk.ru/boss/articles/455763/>. — Text : electronic. — (In Rus.)

11. Small Business Assistance Programs Will Lead to the Growth of Monopolies and the Impoverishment of the Rest // 19rus.info. — 2020. — Apr 17. [Programmy pomoshchi malomu

biznesu privedut k rostu monopolii i obnischaniyu ostal'nykh // 19rus.info. — 2020. — 17 apr.]. — URL: <https://19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/125201-programmy-pomoshchi-malomu-biznesu-privedut-k-rostu-monopolij-i-obnischaniyu-ostal'nykh>. — Text : electronic. — (In Rus.)

12. Russian Brands that Can Easily be Mistaken for Foreign Ones // Bigpicture.ru: website. [Rossiyskie brendy, kotorye legko prinyat' za inostrannye // Bigpicture.ru : veb-sayt]. — URL: <https://bigpicture.ru.turbopages.org/s/bigpicture.ru/?pcgi=p%3D1149066>. — Text : electronic. — (In Rus.)

13. The Market is Ripe for Transformation. 2019 Will be the Year of the Beginning of the Implementation of New Priorities in the Agricultural Sector // Agroinvestor. — 2019. — 10 Jan. [Rynok sozrel dlya transformatsii. 2019-y stanet godom nachala realizatsii novykh prioritetov agrosektora // Agroinvestor. — 2019. — 10 yanv.]. — URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/31001-rynok-sozrel-dlya-transformatsii/>. — Text : electronic. — (In Rus.)

14. Modern Models of Company Lifecycle Management // Powerbranding. [Sovremennyye modeli upravleniya zhiznennym tsiklom kompanii // Powerbranding]. — URL: <http://powerbranding.ru/biznes-analiz/olc-models/>. — Text : electronic. — (In Rus.)

15. Creation of New Independent Companies through “Spinning off” from Parent Companies // Economy-Ru. [Sozdanie novykh samostoyatel'nykh kompaniy cherez «otpochkovanie» ot materinskikh kompaniy // Economy-Ru]. — URL: <https://economy.ru.com/antikrizisnoe-upravlenie-besplatno/sozdanie-novyih-samostoyatel'nykh-kompaniy-44845.html>. — Text : electronic. — (In Rus.)

16. Tkachenko, K. “Everybody Got it”: How the Rules of the Game in the Agricultural Market Changed after Agroinvestgroup / K. Tkachenko. — Text : electronic // Latifundist.com. — 2019. — Apr 23. [«Popali vse»: kak izmenilis' pravila igry na agrorinke posle Agroinvestgrupp / K. Tkachenko. — Tekst : elektronnyy // Latifundist.com. — 2019. — 23 apr.]. — URL: <https://latifundist.com/spetsproekt/464-popali-vse-kak-izmenilis-pravila-igry-na-agrorinke-posle-agroinvestgrupp>. — (In Rus.)

17. Shakhidi, A. Decision Trees: General Principles / Akobir Shahidi. — Text : electronic // Loginom : website. — 2019. — Dec 4. [Derev'ya resheniy: obshchie printsipy / Akobir Shakhidi. — Tekst : elektronnyy // Loginom : veb-sayt. — 2019. — 4 dek.]. — URL: <https://loginom.ru/blog/decision-tree-p1>. — (In Rus.)

18. Bartolome, A. O. 8 Tips To Make Your Business Bloom / Armando O. Bartolome. — Text : electronic // Good news. — 2016. — 21 July. — URL: <https://www.goodnewspilipinas.com/8-tips-to-make-your-business-bloom/>.

19. Burton, J. German? Nein! Volkswagen bosses are told to speak English after company switches its official language to make itself more welcoming / J. Burton. — Text : electronic // MailOnline. — 2016. — 15 Dec. — URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-4034978/German-Nein-Volkswagen-bosses-told-speak-English-company-switches-official-language-make-welcoming.html>.

20. China's exports and imports see slower growth // BBC News. — 2012. — 10 May. — URL: <https://www.bbc.com/news/business-18015458>. — Text : electronic.

21. COVID-19's impact on global health and development // Enable : site. — URL: <https://www.enable.be/content/title-23>. — Text : electronic.

22. Danylenko, I. Do not Hire Superstar Employees — Grow Them / I. Danylenko. — Text : electronic // Vc.ru. — 2019. — Oct 21. [Ne nanimayte sotrudnikov superzvezd — vyrashchivayte

ikh / I. Danylenko. — Tekst : elektronnyy // Vc.ru. — 2019. — 21 okt.]. — URL: <https://vc.ru/hr/89041-ne-nanimayte-sotrudnikov-superzvezd-vyrashchivayete-ih>. — (In Rus.)

23. Franczek, C. Innovation check-up: Is your company dying from root rot? / Carol Franczek. — Text : electronic // Innovation Management. — 2008. — 19 Sept. — URL: <https://innovationmanagement.se/2008/09/19/innovation-check-up-is-your-company-dying-from-root-rot/>.

24. Glickman, D. Don't Let Bad Employees Drive Out the Good / D. Glickman. — Text : electronic // Inc : site. — URL: <https://www.inc.com/david-glickman/dont-let-bad-employees-drive-out-the-good.html>.

25. Gupta, P. Decision Trees in Machine Learning / Prashant Gupta. — Text : electronic // Towards data science. — 2017. — 17 May. — URL: <https://towardsdatascience.com/decision-trees-in-machine-learning-641b9c4e8052>.

26. Hybrid Model of Human Capital Management // MSG. — URL: <https://www.managementstudyguide.com/hybrid-model-of-human-capital-management.htm>. — Text : electronic.

27. Is Your Business Green & Growing Or Ripe And Rotting? // Sheridans. — URL: <https://www.sheridans.net.au/blog/is-your-business-green-and-growing-or-ripe-and-rotting/>. — Text : electronic.

28. Negotiation // France Diplomacy. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/the-ministry-and-its-network/missions-and-structure/what-diplomats-do/external-activities/article/negotiation>.

29. Partners // Alpen Pharma Group. — URL: <https://alpenpharma.ua/en/we-are-open-partnership>. — Text : electronic.

30. Pokorska, J. Relationship fading in business-to-consumer context / J. Pokorska, A. Farrell, H. Evanschitzky, K. Pillai. — Text : electronic // Aston University : site. — URL: http://publications.aston.ac.uk/id/eprint/21342/1/Relationship_fading_in_business_to_consumer_context.pdf. — Text : electronic.

31. Red Herring. Healthy Springtime Marketing Tips to Blossom Your Brand by the Marketing Company Melbourne // Red Herring. — 2018. — 21 Sept. — URL: <https://medium.com/@redherring.net.au/healthy-springtime-marketing-tips-to-blossom-your-brand-by-the-marketing-company-melbourne-ed394c205896>. — Text : electronic.

32. Russell, N. S. What Are You Growing: Trust or Distrust? / N. S. Russell. — Text : electronic // Psychology Today : site. — 2014. — 24 July. — URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/trust-the-new-workplace-currency/201407/what-are-you-growing-trust-or-distrust>.

33. Smith, S. UK job losses: all the companies axing staff amid coronavirus / S. Smith, J. Wilson, J. Curtis. — Text : electronic // The Telegraph. — 2020. — 7 Dec. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/business/0/job-losses-uk-coronavirus-covid/>.

34. Tank, A. How to Start a Business with No Money / A. Tank. — 2020. — 5 Feb. — URL: <https://www.jotform.com/bootstrapping/>.

35. The 50 Most Powerful Corporations in the World // MBA Central. — URL: <https://www.mbacentral.org/50-powerful-corporations-world/>. — Text : electronic.

36. Ulwick, T. When Is A Market Ripe For Disruption? / Tony Ulwick. — Text : electronic // Strategyn. — 2012. — 27 Feb. — URL: <https://strategyn.com/2012/02/27/when-is-a-market-ripe-for-disruption/>.

REFERENCES

37. Baranov, A. N. Introduction to Applied Linguistics / A. N. Baranov. — 3rd ed. — Moscow : LKI Publishing House, 2007. — 360 p. — Text : unmediated. [Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku / A. N. Baranov. — 3-e izd. — Moskva : Izd-vo LKI, 2007. — 360 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

38. Belyaevskaya, E. G. Model and Modeling in Linguistic Research (traditional approach vs cognitive approach) / E. G. Belyaevskaya. — Text : unmediated // Principles and Methods of Cognitive Research of Language. — Moscow, 2008. — P. 78—86. [Model' i modelirovanie v lingvisticheskikh issledovaniyakh (tradiitsionnyy podkhod vs kognitivnyy podkhod) / E. G. Belyaevskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka. — Moskva, 2008. — S. 78—86]. — (In Rus.)

39. Brandt, L. How to Understand a Metaphor / L. Brandt, P. A. Brandt. — Text : unmediated // Issues of Cognitive Linguistics. — 2010. — No. 4. — P. 5—19. [Kak ponyat' metaforu / L. Brandt, P. A. Brandt. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy

kognitivnoy lingvistiki. — 2010. — № 4. — S. 5—19]. — (In Rus.)

40. Budaev, E. V. Political Metaphorology: Perspectives of Comparative Analysis / E. V. Budaev. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2010. — Iss. 1 (31). — P. 9—23. [Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza / E. V. Budaev. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2010. — Vyp. 1 (31). — S. 9—23]. — (In Rus.)

41. Vezhbitskaya, A. Comparison of Cultures through Vocabulary and Pragmatics / A. Vezhbitskaya ; transl. from English. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2001. — 272 p. — Text : unmediated. [Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki / A. Vezhbitskaya ; per. s angl. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. — 272 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

42. Vorkachev, S. G. Comparative Ethnosemantics of Teleonomical Concepts “Love” and “Happiness” (Russian-English parallels) : monograph / S. G. Vorkachev. — Volgograd : Change, 2003. — 164 p. — Text : unmediated. [Sopostavitel'naya etnosemantika teleonomnykh konseptov «lyubov'» i «schat'e» (russko-angliyskie paralleli) : monogr. / S. G. Vorkachev. — Volgograd : Peremena, 2003. — 164 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

43. Gavrilova, M. V. Political Communication of the XX Century / M. V. Gavrilova. — St. Petersburg : Publishing House of the Nevsky Institute of Language and Culture, 2008. — 94 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya kommunikatsiya XX veka / M. V. Gavrilova. — Sankt-Peterburg : Izd-vo Nevskogo in-ta yazyka i kul'tury, 2008. — 94 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

44. Gak, V. G. On Contrastive Linguistics / V. G. Gak. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — 1989. — Iss. XXV : Contrastive Linguistics. — P. 5—17. [O kontrastivnoy lingvistike / V. G. Gak. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — 1989. — Vyp. XXV : Kontrastivnaya lingvistika. — S. 5—17]. — (In Rus.)

45. Dem'yankov, V. Z. Political Discourse as a Subject of Political Science Philology / V. Z. Demyankov. — Text : unmediated // Political Science. Political Discourse: History and Modern Research. — 2002. — No. 3. — P. 32—43. [Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii / V. Z. Dem'yankov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya. — 2002. — № 3. — S. 32—43]. — (In Rus.)

46. Dudareva, Z. M. Contrastive Study of the Conceptual Sphere “Time” in the Russian and Bashkir Language Pictures of the World : 10.02.20 : doctoral thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Z. M. Dudareva. — Sterlitamak, 2005. — 365 p. — Text : unmediated. [Kontrastivnoe issledovanie kontseptual'noy sfery «Vremya» v russkoy i bashkirskoy yazykovykh kartinakh mira : 10.02.20 : dis. ... d-ra filol. nauk / Z. M. Dudareva. — Sterlitamak, 2005. — 365 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

47. Zheltukhina, M. R. Mass-medial Discourse and Mass Culture / M. R. Zheltukhina. — Text : unmediated // Scientific Notes of the Lugansk National University. Ser.: Philological Sciences. — 2008. — Iss. 7. — Vol. 1. — P. 145—156. [Mass-medial'nyy diskurs i massovaya kul'tura / M. R. Zheltukhina. — Tekst : neposredstvennyy // Naukovyi zapiski Lugan'skogo natsional'nogo universitetu. Ser.: Filologichni nauki. — 2008. — Vyp. 7. — T. 1. — S. 145—156]. — (In Rus.)

48. Ivanova, S. V. Political Media Discourse in the Focus of Cultural Linguistics / S. V. Ivanova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2008. — Iss. 1 (24). — P. 29—33. [Politicheskii mediadiskurs v fokuse lingvokul'turologii / S. V. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2008. — Vyp. 1 (24). — S. 29—33]. — (In Rus.)

49. Kapisheva, T. Yu. Comparative Dictionary of Phraseological Pictures of the World (on the Material of Russian, German and Latin Phytonyms) / T. Yu. Kapisheva. — Ufa : Vagant, 2009. — 180 p. — Text : unmediated. [Sopostavitel'nyy slovar' frazeologicheskikh kartin mira (na materiale russkikh, nemetskikh i latinskikh fitonimov) / T. Yu. Kapisheva. — Ufa : Vagant, 2009. — 180 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

50. Karasik, V. I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse / V. I. Karasik. — Moscow : Gnosis, 2004. — 390 p. —

Text : unmediated. [Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. — Moskva : Gnozis, 2004. — 390 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

51. Kobozeva, I. M. Semantic Problems of Analysis of Political Metaphors / I. M. Kobozeva. — Text : unmediated // Bulletin of Moscow State University. Ser. 9: Philology. — 2001. — No. 6. — P. 132—149. [Semanticheskie problemy analiza politicheskikh metafor / I. M. Kobozeva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9: Filologiya. — 2001. — № 6. — S. 132—149]. — (In Rus.)

52. Krasnykh, V. V. "Own" among "Strangers": Myth or Reality? / V. V. Krasnykh. — Moscow : Gnosis, 2003. — 375 p. — Text : unmediated. [«Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? / V. V. Krasnykh. — Moskva : Gnozis, 2003. — 375 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

53. Kubryakova, E. S. Verbal Activity of the Media as a Special Type of Discursive Activity / E. S. Kubryakova. — Text : unmediated // Language of the Media : textbook for universities / ed. M. N. Volodina. — Moscow : Academic project : Alma Mater, 2008. — P. 183—209. [Verbal'naya deyatelnost' SMI kak osobyiy vid diskursivnoy deyatelnosti / E. S. Kubryakova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk sredstv massovoy informatsii : ucheb. posobie dlya vuzov / pod red. M. N. Volodinoy. — Moskva : Akademicheskii proekt : Alma Mater, 2008. — S. 183—209]. — (In Rus.)

54. Kubryakova, E. S. Types of Linguistic Meanings / E. S. Kubryakova. — Ed. 2nd, add. — Moscow : URSS, 2008. — 198 p. — Text : unmediated. [Tipy yazykovykh znacheniy / E. S. Kubryakova. — Izd. 2-e, dop. — Moskva : URSS, 2008. — 198 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

55. Kurganova, N. I. The Problem of Researching Collective Knowledge in Cognitive Linguistics / N. I. Kurganova. — Text : unmediated // Questions of Cognitive Linguistics. — 2010. — No. 2. — P. 18—26. [Problema issledovaniya kolektivnogo znaniya v kognitivnoy lingvistike / N. I. Kurganova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2010. — № 2. — S. 18—26]. — (In Rus.)

56. Lakoff, J. Metaphors We Live By / J. Lakoff, M. Johnson. — Moscow : Editorial URSS, 2004. — 256 p. — Text : unmediated. [Metafor, kotorymi my zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. — Moskva : Editorial URSS, 2004. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

57. Lassan, E. R. On the Forms of Existence of Conceptual Metaphors as Indicators of the Power and Impotence of Society / E. R. Lassan. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2010. — No. 1 (31). — P. 24—33. [O formakh sushchestvovaniya kontseptual'nykh metafor kak indikatorakh sily i bessiliya obshchestva / E. R. Lassan. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2010. — № 1 (31). — S. 24—33]. — (In Rus.)

58. Lytkina, O. I. Problems of Concept Study in Modern Linguistics / O. I. Lytkina. — Text : unmediated // Bulletin of the Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Ser.: Philological Sciences. — 2009. — No. 4. — P. 67—80. [Problemy izucheniya kontsepta v sovremennoy lingvistike / O. I. Lytkina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M. A. Sholokhova. Ser.: Filologicheskie nauki. — 2009. — № 4. — S. 67—80]. — (In Rus.)

59. Maslova, V. A. Linguoculturology : teaching aid for students of universities / V. A. Maslova. — 2nd ed., ster. — Moscow : Academia, 2004. — 202 p. — Text : unmediated. [Lingvokulturologiya : ucheb. posobie dlya stud. vuzov / V. A. Maslova. — 2-e izd., ster. — Moskva : Academia, 2004. — 202 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

60. Popova, Z. D. To the Problem of Unification of Linguocognitive Terminology / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Text : unmediated // Introduction to Cognitive Linguistics : teaching aid / resp. ed. M. V. Pimenova. — Kemerovo : Graphics, 2004. — P. 52—58. [K probleme unifikatsii lingvokognitivnoy terminologii / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Tekst : neposredstvennyy // Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku : ucheb. posobie / otv. red. M. V. Pimenova. — Kemerovo : Grafika, 2004. — S. 52—58]. — (In Rus.)

61. Revzina, O. G. Discourse and Discursive Formations / O. G. Revzina. — Text : unmediated // Criticism and Semiotics. — 2005. —

Iss. 8. — P. 66—78. [Diskurs i diskursivnye formatsii / O. G. Revzina. — Tekst : neposredstvennyy // Kritika i semiotika. — 2005. — Vyp. 8. — S. 66—78]. — (In Rus.)

62. Rusakova, O. F. Discourse as a Power Resource / O. F. Rusakova. — Text : unmediated // Modern Theories of Discourse: Multidisciplinary Analysis. — Ekaterinburg, 2006. — P. 187—196. [Diskurs kak vlastnyy resurs / O. F. Rusakova. — Tekst : neposredstvennyy // Sovremennye teorii diskursa: mul'tidistsiplinarnyy analiz. — Ekaterinburg, 2006. — S. 187—196]. — (In Rus.)

63. Sazonova, T. Yu. The Content of Spatial Concepts as a Reflection of Cultural Knowledge / T. Yu. Sazonova, I. S. Borozdina. — Text : unmediated // Issues of Cognitive Linguistics. — 2010. — No. 2. — P. 27—33. [Soderzhanie prostranstvennykh kontseptov kak otrazhenie kul'turnogo znaniya / T. Yu. Sazonova, I. S. Borozdina. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2010. — № 2. — S. 27—33]. — (In Rus.)

64. Sternin, I. A. Kontrastivnaya Linguistics / I. A. Sternin. — Voronezh : Istoki, 2004. — 190 p. [Kontrastivnaya lingvistika / I. A. Sternin. — Voronezh : Istoki, 2004. — 190 s.]. — (In Rus.)

65. Ferrari, F. Gender and Identification in Political Discourse: American Woman as a Category of Analysis / F. Ferrari. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2010. — No. 1 (31). — P. 39—54. [Gender i otozhdestvenie v politicheskom diskurse: amerikanskaya zhenshchina kak kategoriya analiza / F. Ferrari. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2010. — № 1 (31). — S. 39—54]. — (In Rus.)

66. Tsiv'yan, T. V. Model of the World and Its Linguistic Foundations / T. V. Tsiv'yan. — Moscow : KomKniga, 2006. — 280 p. — Text : unmediated. [Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy / T. V. Tsiv'yan. — Moskva : KomKniga, 2006. — 280 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

67. Chudinov, A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000) : monograph / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2001. — 238 p. [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafor (1991—2000) : monogr. / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2001. — 238 s.]. — (In Rus.)

68. Chudinov, A. P. Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication : monograph / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2003. — 248 p. [Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2003. — 248 s.]. — (In Rus.)

69. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse : monograph / E. I. Sheygal. — Volgograd : Change, 2000. — 367 p. [Semiotika politicheskogo diskursa : monogr. / E. I. Sheygal. — Volgograd : Peremena, 2000. — 367 s.]. — (In Rus.)

70. Shiryayeva, T. A. Cognitive Model of Business Discourse : monograph / T. A. Shiryayeva. — Pyatigorsk : PSLU, 2006. — 256 p. — Text : unmediated. [Kognitivnaya model' delovogo diskursa : monogr. / T. A. Shiryayeva. — Pyatigorsk : PGLU, 2006. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

71. Yudina, O. L. Metaphors and Metaphorical Models in Russian and Anglo-American Managerial Discourse: Parallels and Interaction : thesis. ... of Cand. of Philol. Sciences / Yudina O. L. — Ekaterinburg, 2012. — 240 p. — Text : unmediated. [Metafora i metaforicheskie modeli v rossiyskom i anglo-amerikanskom upravlencheskom diskurse: paralleli i vzaimodeystvie : dis. ... kand. filol. nauk / Yudina O. L. — Ekaterinburg, 2012. — 240 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

72. Ahrens, K. Mappings from the Source Domain of Plant in Mandarin Chinese / K. Ahrens, V. Tzuyin Lai. — 2000. — URL: <https://www.aclweb.org/anthology/Y01-1019.pdf>. — Text : electronic.

73. Arcimavičienė, L. Morality Trough Metaphor : A Cross-Linguistic Analysis of Political Discourse / L. Arcimavičienė. — Text : unmediated // Kalbotyra. — 2008. — № 59 (3). — P. 11—19.

74. Campus, D. Antipolitics in power: populist language as a tool for government / D. Campus. — Cresskill, N.J. : Hampton Press, 2010. — 186 p. — Text : unmediated.

75. Dahlgren, P. Media and political engagement: citizens, communication, and democracy / P. Dahlgren. — Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Pr., 2009. — 232 p. — Text : unmediated.

76. Dijk, T. A. van. *Critical Discourse Studies : A Sociocognitive Approach* / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // *Methods of Critical Discourse Analysis*. — London : Sage, 2009. — P. 62—87.
77. Drulák, P. *Identifying and Assessing Metaphors : Discourse on EU Reform* / P. Drulák. — Text : unmediated // *Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World*. — New York : Routledge, 2008. — P. 105—118.
78. Esenova, O. *Plant metaphors for the expression of emotions in the English language* / O. Esenova. — Text : unmediated // *Beyond Philology : an International Journal of Linguistics, Literary Studies and English Language Teaching*. — Gdańsk, 2008. — No 5. — P. 7—21.
79. Evans, V. *Cognitive Linguistics: an introduction* / V. Evans, M. Green. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2006. — 851 p. — Text : unmediated.
80. Fabiano, M. *Terrorism and Its Metaphors* / M. Fabiano. — 2005. — URL: <http://forum.llc.ed.ac.uk/issue2/fabiano.html>. — Text : electronic.
81. Geeraerts, D. *Methodology in Cognitive Linguistics* / D. Geeraerts. — Text : unmediated // *Cognitive Linguistics : Current applications and Future Perspectives* / ed. G. Kristiansen [et. al.]. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. — P. 21—51.
82. Graber, D. *Media power in politics* / D. Graber. — Washington, D.C. : CQ Press, 2011. — 466 p. — Text : unmediated.
83. Kövecses, Z. *Language, Mind, and Culture : A Practical Introduction* / Z. Kövecses. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 397 p. — Text : unmediated.
84. Lakoff, G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago ; London : The University of Chicago Pr., 1980. — 242 p. — Text : unmediated.
85. Lakoff, G. *Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Galf* / G. Lakoff. — Text : unmediated // *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf* / D. Yallet (ed.). — Honolulu, 1991.
86. Lauerbach, G. E. (ed.). *Political Discourse in the Media* / ed. G. E. Lauerbach, A. Fetzer. — Amsterdam : John Benjamins B.V., 2007. — 385 p. — Text : unmediated.
87. Meyer, M. *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. — 208 p. — Text : unmediated.
88. Nerlich, B. *Breakthroughs and Disasters : The Politics and Ethics of Metaphor Use in the Media* / B. Nerlich. — Text : unmediated // *Cognitive Foundations of Linguistic Usage Patterns*. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter GmbH & Co, 2010. — P. 63—88.
89. Picalo, J. *Mechanical Metaphors in Politics* / J. Picalo. — Text : unmediated // *Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World*. — New York : Routledge, 2008. — P. 41—55.
90. Radman, Z. *Metaphors : Figures of the Mind* / Z. Radman. — Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1997. — 191 p. — Text : unmediated.
91. Ringmar, E. *Metaphors of Social Order* / E. Ringmar. — Text : unmediated // *Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World*. — New York : Routledge, 2008. — P. 57—69.
92. Schneider, S. G. *Exploring the Metaphorical (de-)construction of Legitimacy: a Comparison of Legitimation Discourses in American and British Newspapers* / S. G. Schneider. — Text : unmediated // *Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World*. — New York : Routledge, 2008. — P. 83—102.
93. Stordalen, T. *Echoes of Eden. Genesis 2-3 and Symbolism of the Eden Garden in Biblical Hebrew Literature* / T. Stordalen. — Leuven : Peeters, 2000. — 582 p. — Text : unmediated.
94. Walter, J. *Discursive Metaphor Analysis: (de)construction(s) of Europe* / J. Walter, J. Helmig. — Text : unmediated // *Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World*. — New York : Routledge, 2008. — P. 119—131.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'42
ББК Ш105.51
DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_10

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

М. Н. Лату

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6313-5637

 E-mail: laatuu@ya.ru.

Категоризация ключевых смысловых компонентов, актуализируемых в статических поликодовых текстах, посвященных самоизоляции

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются частотно актуализируемые смысловые компоненты содержания статических поликодовых текстов (интернет-мемов и демотиваторов), посвященных феномену массовой самоизоляции. Перечень данных ключевых понятий был выделен в ходе анализа более 1200 статических поликодовых текстов на основе частотности слов, словосочетаний и элементов изображения, представленных в составе их вербального и невербального компонентов. Установлено, что репрезентируемые вербальные и невербальные средства относятся к восьми тематическим полям, которые соответствуют основным тематикам рассматриваемых текстов: «Здоровьесбережение во время самоизоляции», «Продолжительность самоизоляции», «Пребывание дома», «Нахождение вне дома», «Соблюдение режима самоизоляции», «Обеспеченность необходимым», «Финансовое благополучие», «Психологическое состояние». В ходе анализа использовался перечень базовых категорий понятий, к которым относятся «Естественный объект», «Процесс», «Характеристика», «Деятель», «Локус», «Искусственный локус/Конструкция», «Искусственный объект/Инструмент», «Вещество», «Материал», «Механизм», «Ситуация», «Идеальный феномен». Как показал анализ, наиболее репрезентативной категорией по числу соотносимых с ней ключевых понятий является «Процесс». В вербальной части текстов также весьма часто упоминаются различные временные отрезки, представлены понятия о нематериальных сущностях высокой степени абстракции из области медицины, образования и ряда других тематик, относящихся к категории «Идеальный феномен». Также достаточно репрезентативной является категория «Инструмент/искусственный объект», включающая понятия о предметах, с которыми, согласно представлениям авторов, человек часто взаимодействует или которые использует в период самоизоляции. Несколько меньшим количеством репрезентантов представлены категории «Характеристика», «Ситуация», «Искусственный локус/конструкция». К нерепрезентативным категориям относятся «Механизм», «Вещество», «Материал», «Локус», «Естественный объект/организм», которые представлены незначительным количеством актуализируемых смысловых компонентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет; интернет-пространство; интернет-коммуникация; интернет-дискурс; интернет-тексты; социальные сети; политический дискурс; политическая коммуникация; поликодовые тексты; вербальная часть; иконическая часть; интернет-мемы; демотиваторы; массовая самоизоляция; здоровье населения; пандемия; коронавирус.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лату Максим Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, Пятигорский государственный университет; 357500, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9, к. 604; e-mail: laatuu@ya.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лату, М. Н. Категоризация ключевых смысловых компонентов, актуализируемых в статических поликодовых текстах, посвященных самоизоляции / М. Н. Лату // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 116-123. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_10.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31693.

Познавательная деятельность неразрывно связана с процессом категоризации [Болдырев 2010; Сумина, Коурова 2006], который позволяет обобщить полученный опыт, знания об окружающей действительности [Жеребило 2010; Дронова 2015]. Представления об особенностях режима массовой самоизоляции нашли отражение в содержании многочисленных статических поликодовых текстов. Смысловые компоненты, представляющие собой понятия, часто репрезентируемые в данных текстах, раскрывают различные стороны восприятия

данного феномена. При этом они характеризуются разной категориальной принадлежностью, поскольку представляют собой элементы знания разного формата о референтах различной природы, например, о действиях, свойствах, локациях, времени, объектах естественного или искусственного происхождения, ситуациях и т. д. Очевидно, что в зависимости от анализируемой области знания данные категории могут характеризоваться разной степенью репрезентативности в соответствии с количеством соотносимых с ними понятий [Левит 2017]. При этом

© Лату М. Н., 2021

необходимо отметить, что в содержании поликодовых текстов последние могут выражаться как вербально, так и невербально, поскольку «визуальный элемент креолизованного текста интегрирован в вербальное сообщение в содержательно-композиционном и содержательно-языковом аспектах» [Сорокин, Тарасов 1990: 180], находится с ним в тесной корреляции [Тагильцева, Бабинова 2018].

В связи с этим целью настоящей работы является установление категориальной принадлежности частотно актуализируемых понятий, раскрывающих различные стороны самоизоляции в составе вербального и невербального компонентов статических поликодовых текстов, посвященных данному феномену, и анализ степени их репрезентативности. Перечень данных ключевых понятий был выделен в ходе анализа более 1200 статических поликодовых текстов на основе частотности слов, словосочетаний и элементов изображения, представленных в составе их вербального и невербального компонентов. Результаты исследования также позволили установить, что репрезентируемые вербальные и невербальные средства относятся к восьми тематическим полям, которые соответствуют основным тематикам рассматриваемых текстов: «Здоровьесбережение во время самоизоляции», «Продолжительность самоизоляции», «Пребывание дома», «Нахождение вне дома», «Соблюдение режима самоизоляции», «Обеспеченность необходимым», «Финансовое благополучие», «Психологическое состояние». В ходе анализа использовался перечень базовых категорий понятий, к которым относятся «Естественный объект», «Процесс», «Характеристика», «Деятель», «Локус», «Искусственный локус / Конструкция», «Искусственный объект / Инструмент», «Вещество», «Материал», «Механизм», «Ситуация», «Идеальный феномен» [Лату 2015].

Как показывает анализ, наиболее репрезентативной по числу часто актуализируемых смысловых компонентов в рассматриваемых текстах является категория «**Процесс**» — 27,3 %. Данная категория в первую очередь представлена набором репрезентируемых действий, которые, согласно закрепившимся в коллективном сознании представлениям, выполняет субъект, находясь дома в период самоизоляции. При этом они отражают особенности как пассивного, так и активного времяпровождения в домашних условиях. В составе вербального компонента они выражаются посредством существительных, глаголов или словосочетаний, в составе иконического компонента часть из

них репрезентируется посредством изображения субъекта, выполняющего данные действия. К наиболее частотным смысловым компонентам относятся «работать» (как правило, удаленно), «лежать» (в бездействии, рис. 1), «сидеть» (в бездействии), «есть» (принимать пищу, как правило, в больших количествах), «дистанционное обучение», «спать», «выпивать» (употреблять алкоголь, как правило, в больших количествах). Несколько реже в анализируемых текстах актуализируются такие действия, как «смотреть в окно», «смотреть телевизор/сериалы», «читать», «играть», «заниматься любовью», «гуллить», «рисовать», «отдыхать», «заниматься спортом», «общаться удаленно», «делать ремонт», «самообучаться», «застреть в дверях» и др. Последнее в сатирической форме отражает представление о последствиях быстрого набора лишнего веса во время самоизоляции вследствие употребления большого количества пищи при одновременном снижении активности. На рисунке 2 данный смысловой компонент актуализируется в иконической части. Ряд действий и процессов связан со здоровьесбережением во время периода самоизоляции, к таковым относятся «носить маску», «надевать маску», «дистанцироваться», «трогать руками», «мыть руки», «измерять температуру», «изолироваться», «борьба с коронавирусом», «заразиться», «носить перчатки» и др. Отдельная группа смысловых компонентов отражает активность, связанную с условиями, ограничениями и нарушениями в период самоизоляции, среди которых «соблюдать ограничения», «отменять ограничения», «догонять» (нарушителей режима), «убегать» (от представителей закона), «задерживать», «выписывать штраф», «перемещаться по городу», «посещать», «рисковать», «открывать границы», «предупреждать» и др. Определенная группа понятий представляет собой набор, как правило, желаемых действий, связанных с нахождением вне дома, к которым относятся «гулять», «выгуливать» (домашних животных), «выходить» (рис. 2), «уходить», «встречаться» (с друзьями), «навещать» и др. Смысловые компоненты «выходить замуж», «разводиться» репрезентируют представления о желаемых или прогнозируемых действиях после окончания сроков самоизоляции. Ряд языковых средств выражает понятия, связанные с вопросами финансового благополучия в период самоизоляции, к таковым относятся «выживать», «зарабатывать», «умирать», «рост цен», «прожить», «поддержка бизнеса», «поддержка семей с детьми» и др. Такие смысловые компоненты со-

держания текстов, как «заканчиваться» (о сроках) (рис. 2), «продлевать срок», «длиться» и др., имеют непосредственное отношение к продолжительности самоизоляции и выражаются в их вербальной части. Определенный набор репрезентируемых действий отражает представления об особенностях психологического состояния в данный период, например, «сходить с ума», «радоваться», «скучать», «грустить», «чувствовать себя», «опасаться» и др. Наименьшее число понятий, относящихся к данной категории, имеет отношение к обеспечению продовольствием, к ним относятся «покупать» и «заказывать».

Следующей по количеству репрезентантов является категория «Идеальный феномен» (19,7 %), к которой относятся понятия высокой степени абстракции о нематериальных образах и сущностях, находящие выражение, как правило, только в вербальной части анализируемых текстов. Наибольшее их число связано с продолжительностью самоизоляции и представляет собой понятия о временных отрезках, например, «день», «неделя» «месяц», «март», «апрель», «май», «2020 год», «нерабочая неделя», «период нерабочих дней», а также более абстрактные смыслы, например «время» и т. д. При этом следует отметить, что в текстах нередко упоминаются весьма конкретные сроки в период самоизоляции, например, «1 день», «9 день», «вторая неделя», «третья неделя», «несколько недель», «первый день», «седьмой день», «второй месяц» и др. (рис. 1), для репрезентации представлений о том, что, по мнению автора, происходит или будет происходить в это

время на самоизоляции. Сами действия, состояния и ситуации при этом актуализируются в иконической части (рис. 3). Ряд смысловых компонентов содержания текстов имеет отношение к вопросам здоровьесбережения во время самоизоляции, среди которых «симптом», «число заболевших», «народные средства» и др. Такие понятия, как «онлайн-школа», «видеозвонок», «ожирение/лишний вес», «развлечение», «план» (на время самоизоляции), связаны с пребыванием дома, тогда как понятия «обсервация», «услуги» актуализируются в текстах, посвященных вопросам, связанным с нахождением за его пределами. Понятие «ритуал» (также репрезентируемое лексемой *обряд*) используется в текстах данных тематик, отражая представления о повторяющихся стереотипных действиях, к которым авторы относят ношение маски, соблюдение дистанции и других ограничений. Смысловые компоненты «условия самоизоляции», «ограничительные меры» (также *ограничения*), «новая реальность», «рекомендации» используются в сообщениях при описании специфики данного режима, в то время как понятия «разрешение», «нарушение», «запрет», «свобода», «опасность», «100 м. от дома» упоминаются для уточнения представлений о допустимых и недопустимых действиях во время самоизоляции. К данной категории также относятся такие смысловые компоненты, как «запас» и «дефицит» (продуктов), которые непосредственно связаны с вопросами обеспечения продовольствием, а также такие понятия, как «испуг», «растерянность», «неизвестность», «усталость», используемые при описании психологического состояния.

«9-й день карантина. Я и кровать стали одним целым».

Павел Сидоров
Часть команды, часть корабля

Рис. 1

- Выходи! Самоизоляция закончилась.
- Не могу...

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Категория «Искусственный объект / инструмент», репрезентативность которой составляет 13,6 %, также представлена понятиями, входящими в состав нескольких тематических полей. Так, к ней относятся рекомендуемые средства защиты здоровья и их составляющие: «медицинская маска», «перчатки», «сменный фильтр»; также в невербальной части текста для создания комического эффекта нередко представлены изображения противогаза, костюма химзащиты. При этом, как показывает анализ, данные смысловые компоненты репрезентируются только в иконической части рассматриваемых текстов (рис. 4). К данной категории также относятся понятия об объектах, которые находят выражение в текстах при обсуждении вопросов пребывания дома.

К ним относятся «диван», «кровать», «одеяло», «окно», «стена», «окно программы видеосвязи», «сообщение в мессенджере» и др. В вербальной части поликодового текста они репрезентируются посредством соответствующих лексем, а в иконической части зачастую являются одними из центральных элементов изображения. Также в рассматриваемых текстах репрезентируются понятия о референтах, представляющих собой документы, которые необходимо иметь при выходе из дома, среди которых «пропуск», «паспорт», «QR-код» и т. д. Отдельную тематическую группу образуют понятия, отражающие представления о продуктах питания и товарах, пользовавшихся высоким спросом в начале самоизоляции, среди которых «гречка», «туалетная бумага», «сахар», «мясо», «консервы»,

«масло», «хлеб», «колбаса», «сыр», «макаронны», «пельмени», «имбирь», «чеснок». В невербальной части также часто представлены изображения полок магазина (нередко пустых), упаковок или пачек данных продуктов или товаров (гречки и туалетной бумаги), продуктовых пакетов или тележек (часто наполненных продуктами и товарами). К рассматриваемой категории также относятся понятия «деньги», «денежная купюра», репрезентируемые вербально и невербально.

Репрезентативность категории «Деятель» составляет 12,6 %. Она представлена понятиями о субъектах, которые часто упоминаются в рассматриваемых текстах, в частности участвуют в реализации рассмотренных ранее действий. К таковым, в первую очередь, относятся понятия о членах семьи и их роли: «муж», «жена», «папа», «мама», «ребенок», «сын», «дочь», «сестра», которые в рассматриваемых текстах репрезентируются как вербально, так и в составе иконической части (рис. 5). Субъект при этом может быть также собирательным, например, «семья» (в составе невербального компонента данное понятие часто выражается посредством изображения нескольких членов семьи вместе), «супруги», «родители», «дети», «родственники», а также «соседи», «правительство», «малый бизнес», «средний бизнес», «бюджетники», «ВОЗ», «люди», «придурки», «паникеры» и др., в зависимости от тематики сообщения. В рассматриваемых текстах также нередко репрезентируются понятия о представителях различных профессий и рода занятий, среди которых «полицейский», «медработник», «преподаватель», «обучающийся» (студент или ученик), «волонтер», «любownik», а также «археолог», «летчик», «машинист электропоезда», «таксист», «директор гречневого заво-

да», «директор аптеки», «производитель туалетной бумаги», «директор отеля», «туроператор» и др. В невербальной части для создания комического эффекта также нередко изображаются животные в роли человека, персонажи фильмов и мультфильмов, что характерно для демотиваторов и интернет-мемов в целом.

Признаки, соотносимые с репрезентируемыми в текстах субъектами, действиями и объектами, передаются понятиями категории «Характеристика», степень продуктивности которой составляет 8,9 %. К таковым в первую очередь относятся представления об особенностях внешнего облика и внутреннего состояния человека, находящегося на самоизоляции, которые, как правило, находят выражение в невербальной части посредством определенных поз, мимики, жестов, а в вербальной части репрезентируются посредством соответствующих прилагательных. К таковым относятся «заросший», «полный» (о человеке, набравшем вес) (рис. 6), «испуганный», «удивленный», «растерянный», «недовольный/сердитый», «грустный/отчаявшийся», «уставший», «сумасшедший», «счастливый», «радостный». В зависимости от тематики сообщения в тексте также выражаются такие признаки, как «здоровый», «больной», «безработный», «богатый», «бедный», «нормальный» (о человеке или жизни). Ряд свойств упоминается в отношении продуктов питания или товаров, например, «сытный», «дорогой». В этой связи интерес представляет признак, репрезентируемый лексемой *карантинный*, которая используется для характеристики референтов различных категорий, например, «карантинный запас», «карантинный запой», «карантинный собутыльник» и др.

Рис. 7

Рис. 8

Знание об обстановке, совокупности обстоятельств и условий передается понятиями категории «Ситуация», репрезентативность которой составляет 6,6 %. Последняя в первую очередь представлена центральным смысловым компонентом «самоизоляция», а также понятиями «карантин», «изоляция», которые в данных текстах нередко отождествляются с ним (рис. 7 и 8). При этом лексемы для их обозначения являются одними из наиболее частотных. К данной категории также относятся понятия «режим ЧС», «масочный режим», «отпуск», «онлайн-лекция», «онлайн-урок», «шашлыки», «пропускной режим», «майские праздники» и др., репрезентация которых обусловлена тематикой сообщений.

В анализируемых текстах определенные вербальные и невербальные средства выражают понятия о локациях, ассоциируемых с периодом самоизоляции, которые относятся к категории «Искусственный локус / конструкция» в количестве 6,5 %. Их перечень весьма конкретен и стереотипен, при этом некоторые из них обладают высокой степенью репрезентативности. К таковым, в частности, относится понятие «дом», которое в вербальной части также выражается лексемами *квартира*, *многоэтажка* (рис. 7 и 8). Также несколько реже актуализируются понятия «магазин», «аптека», «парикмахерская», «салон красоты» и др., которые вербализуются посредством соответствующих лексем и словосочетаний. В составе иконической части рассматриваемые смысловые компоненты, как правило, репрезентируются посредством изображения внутренних частей данных помещений, например, комнаты (спальни или гостиной), кухни, балкона, реде ванной комнаты, коридора, гаража, лестничной клетки, подъезда, торгового зала. Понятия «улица», «парк», «двор», «город» зачастую актуализируются в текстах, посвященных вопросам нахождения вне дома, проблемам соблюдения условий самоизоляции и нарушения ограничений.

К нерепрезентативным категориям по количеству выражаемых в анализируемых текстах понятий относятся «Механизм», «Вещество», «Материал», «Естественный объект / организм», «Локус» (менее 1 % в каждом случае). Так, например, к категории «Механизм» относятся упоминаемые в текстах весьма конкретные устройства, оборудование, техника, среди которых «бактерицидная лампа», «компьютер», «холодильник», «телевизор». Категория «Естественный объект / организм» представлена понятием «коронавирус» (которое в рассматриваемых текстах также выражается посред-

ством лексемы *вирус*), а также понятиями о частях тела: «рука», «лицо» — и домашних животных, среди которых «кот», «собака». Категории «Вещество», «Материал», «Локус» представлены в рассматриваемых текстах незначительно, а соотносимые с ними понятия не имеют прямого отношения к представлениям об особенностях режима самоизоляции.

ВЫВОДЫ

Таким образом, как показал анализ, наиболее репрезентативной категорией по числу соотносимых с ней ключевых понятий, часто репрезентируемых в статических поликодовых текстах, посвященных самоизоляции, является «Процесс». Из этого следует, что перечень действий, ассоциируемых с данным режимом, достаточно широк и охватывает представления о пассивном и активном времяпровождении дома, здоровьесбережении во время самоизоляции, соблюдении и нарушении введенных ограничений, желаемых или прогнозируемых действиях после окончания сроков данного режима, динамике психологического состояния и течения времени. В вербальной части текстов также весьма часто упоминаются различные временные отрезки, представлены понятия о нематериальных сущностях высокой степени абстракции из области медицины, образования и ряда других тематик, относящихся к категории «Идеальный феномен». Также достаточно репрезентативной является категория «Инструмент / искусственный объект», включающая понятия о предметах, с которыми, согласно представлениям авторов, человек часто взаимодействует или которые использует в период самоизоляции, находясь дома или за его пределами, среди которых конкретные предметы мебели и интерьера, средства защиты органов дыхания, определенные продукты питания и т. д. При этом их перечень весьма конкретен, стереотипен и выражается вербально и невербально. Субъектами, которые часто репрезентируются в данных текстах, выступают члены семьи, представители различных профессий, а также животные в роли человека. Несколько меньшим количеством репрезентантов представлены категории «Характеристика», «Ситуация», «Искусственный локус / конструкция». К таковым в первую очередь относятся смысловые компоненты, раскрывающие особенности внешнего облика и внутреннего состояния субъекта, которые, как правило, выражаются невербально, а также представления о признаках конкретных товаров и используемых предметов, частых ситуаций и событий, ассоциируемых

с массовой самоизоляцией. Набор мест и локаций, где субъект осуществляет действия во время действия строгих мер, также весьма конкретен и стереотипен — в первую очередь это комнаты и отдельные помещения в доме, определенные заведения торговли и предоставления услуг, элементы городской инфраструктуры, также репрезентируемые вербально и невербально. К нерепрезентативным категориям относятся «Механизм», «Вещество», «Материал», «Локус», «Естественный объект / организм», которые представлены незначительным количеством актуализируемых смысловых компонентов. Однако следует отметить, что некоторые из них, выражая центральные понятия, ассоциируемые с режимом массовой самоизоляции, при этом обладают высокой частотностью, встречаемостью в рассматриваемых текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, Л. М. Системность терминологии / Л. М. Алексеева, Д. В. Василенко. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2015. — № 4 (32). — С. 5—13.
2. Болдырев, Н. Н. Исследование оценочных смыслов в контексте познавательных процессов / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс. — 2010. — № 8. — С. 24—37.
3. Горбунова, Н. Н. Основные морфологические и морфолого-синтаксические словообразовательные модели, реализуемые в

англоязычной терминологии менеджмента / Н. Н. Горбунова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — No 2 (32). — Ч. 1. — С. 60—66.

4. Дроздова, Т. В. Терминообразование с позиций когнитивной лингвистики / Т. В. Дроздова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — No 31 (322). — С. 32—34.

5. Дронова, И. А. Концепт и категория: к вопросу об объеме понятий (на примере категории *assertion* в английском языке) / И. А. Дронова. — Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 11. — С. 40—44.

6. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Назрань : Пилигрим, 2010. — 486 с. — Текст : непосредственный.

7. Лату, М. Н. Номинация в развивающихся терминосистемах / М. Н. Лату. — Пятигорск : СНЕГ, 2015. — 192 с. — Текст : непосредственный.

8. Левит, А. А. Понятийные категории, выражаемые терминами области астрофизики / А. А. Левит. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 43—58.

9. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — Текст : непосредственный // Оптимизация речевого воздействия. — Москва : Высшая школа, 1990. — С. 180—186.

10. Сумина, Е. С. Категория толерантности в научной картине мира / Е. С. Сумина, О. И. Коурова. — Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2006. — № 6 (61). — С. 78—83.

11. Тагильцева, Ю. Р. Тактика «создания образа тяжелого прошлого» как один из основных приемов стратегии запугивания в национальном и религиозном экстремистском дискурсах / Ю. Р. Тагильцева, М. Р. Бабикова. — Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2018. — № 2. — С. 218—223.

M. N. Latu

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6313-5637

 E-mail: laatu@ya.ru.

Categorization of Key Semantic Components Represented in Internet Memes and Demotivators Devoted to Lockdown

ABSTRACT. *The article deals with frequently actualized semantic components of the content of static polycode texts (Internet memes and demotivators), devoted to the phenomenon mass lockdown. The list of these key concepts was singled out as a result of analysis of more than 1200 static polycode texts based on the frequency of words, word combinations and visual elements presented in their verbal and non-verbal components. The study states that the represented verbal and non-verbal means refer to eight thematic fields which correspond to the topics of the texts under consideration: “Health preservation during lockdown”, “Duration of lockdown”, “Staying at home”, “Staying out”, “Observation of lockdown”, “Provision of necessary products”, “Financial well-being”, “Psychological state”. In the course of analysis, the author used the following basic concepts including “Natural object”, “Process”, “Characteristic”, “Actor”, “Locus”, “Artificial locus/construction”, “Artificial object/instrument”, “Substance”, “Material”, “Mechanism”, “Situation”, and “Ideal phenomenon”. The analysis showed that “Process” is the most frequently represented category by the number of related key concepts often represented in static polycode texts devoted to lockdown. Verbal parts of the texts also often contain references to different periods of time and descriptions of non-material entities of a high degree of abstraction from the sphere of medicine, education and a number of other topics belonging to the category “Ideal phenomenon”. The category of “Instrument/artificial object” including concepts about objects with which, according to the authors, man often interacts or often uses during lockdown is also representative enough. The categories “Characteristic”, “Situation”, and “Artificial locus/construction” have relatively fewer representing units. Non-representative categories include the categories “Mechanism”, “Substance”, “Material”, “Locus”, “Natural object/organism”, which are represented by an insignificant number of actualized semantic components.*

KEYWORDS: *Internet; Internet space; Internet communication; Internet discourse; Internet texts; social networking sites; political discourse; political communication; polycode texts; verbal component; iconic component; Internet memes, demotivators; mass lockdown; health of the population; pandemic; coronavirus.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Latu Maksim Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Western European Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.*

FOR CITATION: *Latu, M. N. Categorization of Key Semantic Components Represented in Internet Memes and Demotivators Devoted to Lockdown / M. N. Latu // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 116-123. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_10.*

ACKNOWLEDGMENTS. The Study is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Social Research Expert Institute (EISI), Project № 20-011-31693.

REFERENCES

1. Alekseeva, L. M. Systematic Character of terminology / L. M. Alekseeva, D. V. Vasilenko. — Text : unmediated // Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. — 2015. — No. 4 (32). — P. 5—13. [Sistemnost' terminologii / L. M. Alekseeva, D. V. Vasilenko. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija. — 2015. — № 4 (32). — S. 5—13]. — (In Rus.)
2. Boldyrev, N. N. Research of Evaluative Meanings in the Context of Cognitive Processes / N. N. Boldyrev. — Text : unmediated // Language. Text. Discourse. — 2010. — No. 8. — P. 24—37. [Issledovanie ocenocnyh smyslov v kontekste poznavatel'nyh processov / N. N. Boldyrev. — Tekst : neposredstvennyj // Jazyk. Tekst. Diskurs. — 2010. — № 8. — S. 24—37]. — (In Rus.)
3. Drozdova, T. V. Term Formation from the Standpoint of Cognitive Linguistics / T. V. Drozdova. — Text : unmediated // Bulletin of the Chelyabinsk State University. — 2013. — No. 31 (322). — P. 32—34. [Terminoobrazovanie s pozicij kogitivnoj lingvistiki / T. V. Drozdova. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — No 31 (322). — S. 32—34]. — (In Rus.)
4. Dronova, I. A. Concept and Category: to the Question of the Scope of Concepts (on the Example of the Category of Assertion in English) / I. A. Dronova. — Text : unmediated // Bulletin of the Buryat State University. — 2015. — No. 11. — P. 40—44. [Koncept i kategorija: k voprosu ob ob#eme ponjatij (na primere kategorii assertion v anglijskom jazyke) / I. A. Dronova. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2015. — № 11. — S. 40—44]. — (In Rus.)
5. Gorbunova, N. N. Main Morphological and Morphological-syntactic Word-formation Models Implemented in the English-language Management Terminology / N. N. Gorbunova. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2014. — No. 2 (32). — Part 1. — P. 60—66. [Osnovnye morfologicheskie i morfologo-sintaksicheskie slovoobrazovatel'nye modeli, realizuemye v anglojazyčnoj terminologii menedzhmenta / N. N. Gorbunova. — Tekst : neposredstvennyj // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2014. — No 2 (32). — Ch. 1. — S. 60—66]. — (In Rus.)
6. Zhrebilo, T. V. Dictionary of Linguistic Terms / T. V. Zhrebilo. — Nazran : Pilgrim, 2010. — 486 p. — Text : unmediated. [Slovar' lingvističeskikh terminov / T. V. Zhrebilo. — Nazran' : Pilgrim, 2010. — 486 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
7. Latu, M. N. Nomination in Developing Terminological Systems / M. N. Latu. — Pyatigorsk : SNEG, 2015. — 192 p. — Text : unmediated. [Nominacija v razvivajushhihsja terminosistemah / M. N. Latu. — Pjatigorsk : SNEG, 2015. — 192 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
8. Levit, A. A. Conceptual Categories Expressed in Terms of the Field of Astrophysics / A. A. Levit. — Text : unmediated // Scientific Dialogue. — 2017. — No. 6. — P. 43—58. [Ponjatijnye kategorii, vyrazhaemye terminami oblasti astrofiziki / A. A. Levit. — Tekst : neposredstvennyj // Nauchnyj dialog. — 2017. — № 6. — S. 43—58]. — (In Rus.)
9. Sorokin, Yu. A. Creolized Texts and Their Communicative Function / Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — Text : unmediated // Optimization of Speech Impact. — Moscow : Higher School, 1990. — P. 180—186. [Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija / Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — Tekst : neposredstvennyj // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. — Moskva : Vysshaja shkola, 1990. — S. 180—186]. — (In Rus.)
10. Sumina, E. S. The Category of Tolerance in the Scientific Picture of the World / E. S. Sumina, O. I. Kourova. — Text : unmediated // Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. — 2006. — No. 6 (61). — P. 78—83. [Kategorija tolerantnosti v nauchnoj kartine mira / E. S. Sumina, O. I. Kourova. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika. — 2006. — № 6 (61). — S. 78—83]. — (In Rus.)
11. Tagiltseva, Yu. R. Tactics of “Creating an Image of a Difficult Past” as One of the Main Methods of Intimidation Strategy in National and Religious Extremist Discourses / Yu. R. Tagiltseva, M. R. Babikova. — Text : unmediated // Bulletin of the Pyatigorsk State University. — 2018. — No. 2. — P. 218—223. [Taktika «sozdanija obraza tjazhelogo proshlogo» kak odin iz osnovnyh priemov strategii zapugivanija v nacional'nom i religioznom jekstremistskom diskursah / Ju. R. Tagil'ceva, M. R. Babikova. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2018. — № 2. — S. 218—223]. — (In Rus.)

Н. Ю. Соколова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4149-8901

 E-mail: n.y.sokolova@spbu.ru.

Интерпретация советской действительности в англоязычном искусствоведческом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье приводятся результаты исследования, посвященного выявлению представлений о советском государстве в англоязычном искусствоведческом дискурсе. Учитывая высокую степень идеологизации советского изобразительного искусства, англоязычные специалисты склонны интерпретировать советскую действительность и давать собственные оценки ее явлений. Предметом исследования выступают фрагменты дискурса, содержащие оценочные суждения и языковые объективации осмысления советских реалий. Исследование ставит целью определение способов индивидуальной интерпретации советского политического устройства, отношений государства со сферой искусства, особенностей национального менталитета и проводится на пересечении когнитивного, лингвокультурологического и дискурсивного подходов. В статье предлагается алгоритм выявления и описания категориальной структуры «интерпретационный блок», понимаемой как часть когнитивного пространства, в которой закреплён процесс и результат интерпретации отдельных феноменов действительности. В статье анализируются интерпретационные блоки, репрезентирующие представления о советском государственном аппарате, социальной стратификации, социальных возможностях. Работа выявляет, что англоязычными специалистами в области искусства советская действительность часто рассматривается в сравнении с западной организацией общества и оценивается негативно. Государство репрезентируется как структура, схожая с сицилийской мафией, применяющей методы контроля и запугивания на подвластной ей территории. По отношению к сфере искусства государство видится как доминирующий орган управления, который выполняет функцию патрона и выстраивает отношения с клиентами на основе цензуры. Вместе с тем отмечаются и положительные оцениваемые явления, например, советское образование, рассматриваемое как образцовое даже для других государств. Результаты и материалы работы могут быть применены в когнитивной лингвистике, политической лингвистике, лингвокультурологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советская действительность; Советское государство; политический дискурс; искусствоведческий дискурс; изобразительное искусство; интерпретационные блоки; когнитивное пространство; национальный менталитет; английский язык; лингвокультурология; бинарная оппозиция.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Соколова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии и лингвокультурологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; e-mail: n.y.sokolova@spbu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Соколова, Н. Ю. Интерпретация советской действительности в англоязычном искусствоведческом дискурсе / Н. Ю. Соколова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 124-132. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_11.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

Спустя десятилетия с момента прекращения существования Советского государства исследователи задаются вопросом о том, что будет представлять собой период, который последует за постсоветским [Viskiger 2009]. Тем не менее, наряду с изысканиями, предлагающими к рассмотрению вопросы перспективы, в различных областях знания актуальны исследования, отмеченные устойчивым интересом к процессам и явлениям советской эпохи. Как в отечественной, так и в зарубежной науке осмыслению и пересмотру подвергаются внешне- и внутривнутриполитический имидж Советской страны в целом и отдельные сферы государственной деятельности: политика, культура, наука, искусство и пр. [Блошенко 2012; Коте-

ленец 2013; Янковская 2018; Goode 2010; Vernon 2017]. Часто рассмотрение широкого спектра вопросов, связанных с функционированием государства, проводится специалистами через призму политико-идеологической оптики, в том числе при проведении изысканий за пределами непосредственно области политологии.

Для обоснования выбора искусствоведческого дискурса в качестве объекта данного лингвистического исследования целесообразно отметить, что взаимодействие искусства, государственного строя и общественного порядка находит отражение еще в античной философской мысли, воплощаясь одновременно в образчиках культуры Древнего мира. Однако, учитывая сравнительно

недавнее становление искусствоведения как научной отрасли, действительно значимым представляется тот факт, что уже на самых ранних этапах разработки его методологии взаимосвязь вопросов искусства и государства находится в фокусе исследовательского внимания. В XIX в. английский художник и мыслитель Джон Рёскин, которого называют создателем современного искусствоведения и современной критики искусства, проводил прямую параллель между способами бытования искусства и глобальными государственными интересами, касающимися сохранения национальной идентичности в разных сферах: от образования до природного ландшафта [Рёскин 2017: 53—57]. Справедливость и универсальность размышлений основоположника искусствознания подтверждает и то историческое обстоятельство, что одна из его книг, в которой он изложил принципы гуманизации экономики через обращение к законам и задачам искусства, оказала значительное влияние на содержание социальной программы политического и общественного лидера Махатмы Ганди [там же: 12].

Предлагаемые лингвистикой дефиниции искусствоведческого дискурса ожидаемо общаются о том, что его фокус направлен на область искусства: он определяется как «целенаправленная деятельность применительно к сфере искусства, осуществляемая ее участниками в форме устной и письменной речи, в соответствии с принятыми в обществе правилами, нормами, стандартами» [Милетова 2012: 40]. Отдельную роль в анализе и оценке объектов искусства исследователи отводят интерпретации, утверждая, что субъект постигает невербальный вид художественного творчества с помощью механизма рецепции, подвергает его собственной оценке, кодирует вербально и тем самым интерпретирует [Елина 2003: 5].

Вместе с тем в разговоре о советском изобразительном искусстве едва ли оспори́мо утверждение о том, что в разных своих проявлениях оно неразрывно связано с вопросами идеологии и государственности: одновекторно — соцреализм как официальный художественный метод — или разнонаправленно — нонконформистские течения, существовавшие «вопреки». Высокая степень идеологизации советского искусства была по сути констатирована как факт в работе А. В. Луначарского «Советское государство и искусство» на заре образования молодой страны [Луначарский www].

Таким образом, конструируя смыслы произведения изобразительного искусства, анализируя факты жизни и творчества художника, создавая критический текст о куль-

турном событии, искусствоведы вместе с тем интерпретируют социополитический контекст, в который помещен непосредственный объект их профессионального внимания. Представления зарубежных — в данном случае англоязычных — искусствоведов о советской действительности особенно интересуют нас с точки зрения понимания механизмов, посредством которых иноязычное сознание осмысляет процессы и явления советской эпохи в соотношении с областью искусства, а также с позиции определения способов интерпретации советской действительности с учетом принадлежности авторов к отличающейся культурно-языковой общности и иной ментальности.

Оперировать схемами — «удивительное свойство нашего сознания» [Строева 2019: 11]. Оптимальная работа когнитивной системы возможна только при условии схематизации, или структурирования, знания [Болдырев 2016: 12]. Схемы, которые применяет человек для упорядочивания собственного опыта и языковой информации, носят интерпретационный характер [там же]. Н. Н. Болдырев предлагает широкое и узкое толкования понятия интерпретации. В широком смысле интерпретация представляет собой «практически любую мыслительную операцию, направленную на получение нового, вторичного знания коллективного или индивидуального уровня» [Болдырев 2011: 11]. В узком — применимом в данной работе — толковании «интерпретация — это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [там же]. Языковая интерпретация выполняет три функции, представляющие собой селекцию, классификацию и оценку [Болдырев 2016: 13].

Таким образом, очевидно можно говорить о том, что интерпретация представляет собой сложный процесс, предполагающий субъективизацию действительности через формирование когнитивных схем, в результате чего происходит закрепление незнакомых или чуждых прежде явлений действительности как принадлежности собственному сознанию.

Учитывая многомерность некоторых феноменов мира, например, явлений советской действительности, до полной противоположности отличающихся от принципов организации западного общества, объем интерпретируемой информации оказывается значительным и складывается в некое тематическое когнитивное пространство (по Д. Б. Ньюби), понимаемое как человеческий опыт, который

выражен во взаимодействии концептов, формирующихся, развивающихся и претерпевающих изменения в ходе познания [Егорова 2012: 62]. С нашей точки зрения, при интерпретации полиаспектных явлений в когнитивном пространстве выделяются более дробные, соотносящиеся друг с другом категориальные структуры, так называемые интерпретационные блоки. Под интерпретационными блоками понимаются когнитивные ареалы, хранящие специфические черты процесса и результата субъективизации отдельных явлений действительности, имеющие условные границы ввиду сопряженности самих интерпретируемых явлений и относящиеся к тематически более широкому когнитивному пространству как части к целому.

Эмпирической базой настоящего исследования послужили англоязычные тексты о советском изобразительном искусстве, вмещающие в себя темы личностей художников (в частности скульптора Эрнста Неизвестного), их творчества и линий жизни. Критерием для отбора материала послужило наличие у авторов текстов личного опыта посещения Советского Союза и знакомства с художниками, что, на наш взгляд, предполагает более выраженную оценочную функцию интерпретации советской действительности с опорой на собственные впечатления.

В ходе анализа указанного материала были выявлены дискурсивные фрагменты, репрезентирующие наполнение интерпретационных блоков, образующих когнитивное пространство *Советская действительность*.

Обратимся к языковой репрезентации интерпретационного блока «*Государственный аппарат*».

(1) *Rather than a superpower, the Soviet state resembled more the Sicilian mafia, composed of powerful "families" with turf to secure and investments to protect and ruthless in its methods of control and intimidation. The Union of Artists, Academy of Art, Ministry of Culture, and KGB were such "families" that finally ganged up on the quintessential outsider who threatened everything they stood for — Neizvestny, the "unknown one"* [Leong 2002: 167].

Пример (1) иллюстрирует интерпретацию способа организации властных структур Советского государства, который, по мнению автора, схож с принципом организации сицилийской мафии, оплотом которой являются семейственность и методы контроля и запугивания. Данный фрагмент выявляет индивидуальное переосмысление универсального концепта СССР — *супердержава* и его неприятие автором. Альберт Леонг, по-

святивший свой исследовательский труд жизни и творчеству скульптора и художника Эрнста Неизвестного, посредством выбора соответствующих лексических средств (*the Sicilian mafia, powerful "families", gang up on the outsider*) проводит параллель, которая, обладая четко выраженной коннотативностью и высоким оценочным потенциалом, репрезентирует представления о стране как о территории бандитизма.

Интересно, что концепт *бандитизм* встречается и в тексте другого исследователя творчества Эрнста Неизвестного — британского искусствоведа Джона Бёрджера. Пример (2) иллюстрирует интерпретацию автором характерных черт скульптора, а также репрезентацию причинно-следственных связей между складом личности и его восприятием оппонентами — идеологическими противниками-конформистами — в качестве бандита.

(2) *His enemies talk about him as though he were a kind of bandit. Nothing could be further from the truth, but, given their prejudices, the conclusion is understandable... But seen exclusively as an opponent, he appears coarse, defiant, intractable. Or worse than that, for it is impossible to disregard his intelligence. For his enemies his intelligence is transformed into cunning. And once again his manner can encourage the illusion. He gives the impression of a man driven by deep inner compulsions, who nevertheless misses nothing of what is happening around him. A man who warily but undeviatingly pursues his own ends* [Berger 1997: 16].

Таким образом, пример (2) задает обратный вектор проиллюстрированному в примере (1) направлению представлений о бандитизме в СССР. К слову, в одном из телевизионных интервью, записанных уже в постсоветский период, сам скульптор также вербализовал рассматриваемый концепт, назвав своих друзей «своей мафией».

Примеры (1) и (2) объединены не только репрезентацией представлений о Стране Советов как государстве, допускающем явления «вне закона», но и актуализацией контекстуальной бинарной оппозиции *мафия (государство) — художник*. Учитывая смену вектора в примере (2), очевидно, можно говорить о так называемом «переворачивании бинарной оппозиции», которое имеет место при пересмотре ее значения, и образовании нового смысла: *мафия (художник) — государство*. Образование контекстуальных оппозиций, на наш взгляд, является признаком индивидуальной интерпретации действительности.

Обратимся к рассмотрению следующего интерпретационного блока, который обозначен как «**Социальная стратификация**».

(3) *Neizvestny describes Sverdlovsk as “a city of exiled intelligentsia, aristocracy, and criminals... a city that embodies, as no other, the antinomy of the European and Asian traits of the Russian soul.” A bastion of diversity and freedom, Sverdlovsk was a close-knit community where the cultures of East and West met, where Russians, Tatars, and a large number of Chinese lived and worked [Leong 2002: 15].*

Описание родного города самим скульптором и последующая интерпретация его высказывания автором текста служат репрезентацией представлений о Советском государстве, которое на заре своего образования было страной с выраженными классовыми признаками вопреки официальному провозглашению ликвидации антагонистических классов. Доминирование одних классов над другими не утверждается интерпретатором эксплицитно, но становится очевидным ввиду использования определения *exiled* в качестве цитаты, а также метафоры *a bastion of diversity and freedom* по отношению к Свердловску, из которой следует, что далеко не на всей территории Советского государства соблюдались свободы и допускалось разнообразие. Кроме того, имеет значение и прагматический аспект использования данной метафоры ввиду того, что для потенциальных реципиентов текста, мало знакомых с историей Советского Союза, она может послужить стимулом для их последующей интерпретации положения дел в Советской стране, в которой представители интеллектуального труда и благородного происхождения делили территорию проживания с криминальными элементами.

Наряду с более или менее традиционными классами, в Советском Союзе существовали и специфические слои населения, появление которых было обусловлено эпохой. Обратимся к примеру (4).

(4) *Their social, economic, and political background made Neizvestny’s parents lishentsy, or second-class Soviet citizens deprived of civil rights, including the right to vote and access to ration cards. The authorities could resettle lishentsy anywhere, and their children were not allowed into institutions of higher learning. In the first decades of Soviet rule, individuals from “dangerous” social classes — nobility, capitalists, and counterrevolutionaries — had been placed in this category. Ernst’s father and mother had both suffered from this [Leong 2002: 17].*

Данный фрагмент вполне отражает историческую действительность. Для нашего

исследования он представляет интерес прежде всего вербализацией концепта *lishentsy*, принадлежащего отечественной национальной концептосфере. Англоязычные словари ввиду отсутствия реалии не фиксируют это слово в своих статьях, и автор текста приводит номинацию концепта *lishentsy* транслитерацией, в отличие, заметим, от номинации другого важного для русской культуры концепта *Russian soul* в примере (3). Отметим, что онтологический концепт *русская душа* остается практически без пояснений автора, который эксплицитно интерпретирует этот противоречивый феномен через описание Свердловска, города, являющегося местом встречи двух бинарных планетарных явлений — Европы и Азии. Анализ концепта *lishentsy*, в свою очередь, свидетельствует об интерпретации этого явления, в ходе которой автор, принадлежащий чуждой культуре, сам осваивает общий язык межкультурного взаимодействия и предлагает сделать то же самое реципиентам текста. К слову, на протяжении своего повествования таким же образом Альберт Леонг интерпретирует и другие явления советской действительности, например, *ideinost’, partiinost’, narodnost’*.

Рассмотрим интерпретационный блок «**Социальные возможности**».

(5) *But not all of Erik’s relatives were equally illustrious. His paternal uncle, Sasha, the youngest child of Moisei and Esfir Neizvestny, was a gangster who served ten years in prison for banditry. After Sasha was released from prison, he decided to join the Communist Party because, he boasted, that paid more than stealing. According to Neizvestny, his uncle became a Party bigwig despite his capitalist and criminal background [Leong 2002: 18].*

Как было упомянуто выше, интерпретационные блоки едва ли могут иметь четко очерченные границы, поскольку охватывают пересекающиеся явления. Данный фрагмент, с одной стороны, иллюстрирует репрезентацию представлений о карьерных возможностях, которые давала страна, а с другой — возвращает к интерпретации государства как преступной структуры, у руля которой также могут оказаться вчерашние бандиты. Использование лексемы *bigwig*, отмеченной в словарях принадлежностью к неформальному стилю, отражает авторское представление о вертикали партийной иерархии, а также о легкости, с которой бывший заключенный добился вхождения в партийную верхушку, несмотря на свое скомпрометированное прошлое.

Вместе с тем приведенный пример (5) может быть интерпретирован с точки зрения

присущей государству лояльности по отношению к своим гражданам. В продолжение приведем пример (6), который иллюстрирует интерпретацию государства как покровителя, способного отличить талант и предоставляющего первоначальную возможность социального лифта в виде достойного образования даже сыну лишенцев.

(6) ***A born artist, who was drawing, painting, and modeling clay as long as he could remember, Neizvestny in 1940 won admission by a national competition to an elite school established in 1934 by Sergei Kirov in Leningrad for artistically gifted children — even though Neizvestny was the son of lishentsy parents who had been stripped of their civil rights*** [Leong 2002: 29].

Данный фрагмент выявляет еще одно представление о Советском государстве, а именно как о патроне творческой среды, по крайней мере на этапе обучения образующих ее молодых людей. Отметим, что ракурс изучения советского искусства с позиции патрон-клиентских отношений вызывает сегодня исследовательский интерес. Образование и воспитание будущих представителей творческой среды видится англоязычным искусствоведческим дискурсом неотъемлемой чертой советской действительности.

Интерпретационный блок «**Государство и образование**» представляет собой репрезентацию авторских представлений об обеспечении государством высокого уровня образования.

(7) ***Soviet innovations in education have produced outstanding figures who have enriched world culture and sport. It is no accident that towering figures such as Andrei Sakharov, Sviatoslav Rikhter, David Oistrakh, Mstislav Rostropovich, Mikhail Baryshnikov, Maia Plisetskaya, Galina Vishnevskaya, Ernst Neizvestny, and Garry Kasparov have emerged from the Soviet education system. Other countries might well emulate the Soviet experiment to preserve and develop the creative potential of their young people*** [Leong 2002: 31].

Автор не остается беспристрастным, интерпретируя достижения советского образования через примеры выдающихся личностей, приобретших наднациональное значение. При этом он не останавливается на перечислении имен — он открыто выражает личное мнение о том, что и сегодня советская система обучения талантов могла бы послужить примером для других стран. Данный фрагмент является репрезентацией авторских представлений о качественном образовании как залоге состоявшейся и содержательной жизни в профессии. По всей

видимости, образование является одним из компонентов его шаблона личностных ценностей, частичному формированию которого послужила интерпретация образования как советской национальной ценности, воплотившейся в деятельности выдающихся советских граждан.

(8) *In the 1942-43 term the general education courses taught at the school included Russian language and literature, history and constitution of the Soviet Union, geography, geology, astronomy, natural history, mathematics, German, chemistry, physics, anatomy, military science, art history, drawing, and perspective. Art courses covered painting, drawing, and composition* [Leong 2002: 36].

Роль образования в стране Альберт Леонг интерпретирует также продолжительным перечислением предметов, которые в самое трудное военное время ученики школы для одаренной молодежи продолжали осваивать. Пример (8) иллюстрирует, что классы по изобразительному искусству составляли их значительную часть.

Интерпретация отношений страны с искусством и страны к искусству актуализируется в интерпретационном блоке «**Государство и искусство**».

(9) ***It was the cynical Soviet technique of killing three birds with one stone. First, writings by “enemies of the Soviet State” were kept out of the hands of the Soviet people. Possession of forbidden materials, such as a novel by Solzhenitsyn, was punishable by law and could mean years in a forced-labor camp. Second, the display of books by such banned authors in the Beriozka shops often duped foreigners into thinking that those writers’ works were available to Soviet citizens too, and that Soviet censorship was a fiction concocted by rabid right-wingers. And, third, the very same proscribed books and records were shipped abroad or sold in state-controlled special foreign-currency stores to earn money for the Soviet treasury*** [Leong 2002: 67].

Кроме перечисления фактических мер, предпринимаемых государством в части цензуры и контроля над распространением нонконформистских художественных идей, автор формулирует результат интерпретации этого явления советской действительности посредством авторской вариации идиоматического высказывания *To kill two birds with one stone* и эпитета *cynical*. Центральными репрезентантами интерпретационного блока «**Государство и искусство**» выступают концепты *враг советского государства, запрет, наказание, цензура, фикция*.

В процессе интерпретации неотъемлемую роль играет специфика коллективного

(или национального) менталитета, а также менталитета индивидуального. Встреча с проявлениями иной ментальности и попытка их осмысления напрямую связана с проявлениями собственного менталитета, что в некоторых случаях приводит к культурологическим коллизиям. Размышляя о советском или — шире — русском менталитете, англоязычные искусствоведы в большинстве случаев, рассмотренных нами, неизменно сопровождают свои утверждения сравнением с собственным, западным менталитетом, зачастую не в пользу менталитета советского.

Обратимся к примерам, репрезентирующим интерпретационный блок «**Национальный менталитет и искусство**».

О советском и русском менталитете англоязычные искусствоведы размышляют как в контексте искусства, так и в более широком — социально-политическом плане. Примеры (10) и (11) иллюстрируют интерпретацию черт русского национального характера, находящихся воплощение в русском искусстве.

(10) *Vestiges of the 'unworldliness' expressed in the ikon are still to be found in certain Russian attitudes today. This "unworldliness" should not be sentimentalized; it is so defined only in relation to the "worldliness" of competitive individualism in bourgeois society* [John Berger 1997: 21].

Интерпретируя уникальное явление русского искусства — икону, британский искусствовед Джон Бёрджер отмечает такие воплощенные в ней черты русского национального характера, как отрешенность или надмирность, свойственные, по его мнению, представителям советской действительности и «сегодня» (книга увидела свет в 1969 г.). Однако автор не склонен возвышать это качество, интерпретируя его как часть бинарной оппозиции западному, индивидуалистическому менталитету.

(11) *The Russian cannot believe that the meaning of his life is self-sufficient, and therefore that his existence can be pointless. He is inclined to think that his destiny is larger than his interests... This leads in art to an emphasis on truth and purpose rather than on aesthetic pleasure. Russians expect their artists to be prophets — because they think of themselves, they think of all men, as subjects of prophecy* [Berger 1997: 22].

Пример (11) иллюстрирует интерпретацию такой черты русского характера, как вера в высший смысл, посредством обращения к концепту судьба, который часто определяется исследователями как часть национальной концептосферы. Русские, по мнению искусствоведа, определяют смысл собственной жизни

провидением, трансляция которого ожидается через пророка в Отечестве.

Интерпретации подвергаются и те качества советского менталитета, которые проявляются в быту, а также в отношении к существовавшему политическому строю. Обратимся к интерпретационному блоку «**Национальный характер и советский быт**».

(12) *In my own experience, the flip side of the idealism of the Russian Soviets is often sloth; the most ordinary events of daily life regularly demonstrate that ambition and self-motivation are not operative concepts in the U.S.S.R.* [Solomon 1991: XVIII].

Оценка черт советского характера осуществляется через призму собственного опыта автора. В его интерпретации советской ментальности высвечиваются такие черты, как лень, отсутствие амбициозности, мотивации. Показательно, что интерпретация отмечена обращением к концептам, типичным для англоязычной, в частности американской концептосферы, присущей сознанию автора данного дискурса, с указанием их нерелевантности для советской действительности и ментальности.

(13) *There are things that French, English, and American people simply wouldn't stand for that Russians seem to accept with equanimity. There is also an emotive moral rhetoric that motivates Russians, but that seems naïve, and therefore politically irrelevant, in the West. Life in a communist country is grim and implacably dreary* [Solomon 1991: XIX].

Как следует из примера (13), ценности советского менталитета, обусловленные коллективной формой организации общества, видятся искусствоведам прямо противоположными западным ценностям индивидуалистического мира. Жизнь в коммунистической стране представляется автору невыносимой.

Отметим также присутствие в исследуемом дискурсе прямых личных оценок коллективизма как губительного явления. Осмысляя советскую коллективную действительность, интерпретатор не просто изобличает ее деструктивное влияние на индивидуальность, но и репрезентирует результат своей интерпретации авторской трансформацией советской песни через кафкианские аллюзии, а также посредством оппозиции *dream — nightmare*.

(14) *This story is testimony of how Soviet life exudes corruption in the form of the collective. Collective corruption is directed at the destruction of any and all forms of individuality, at the destruction of the inner person...*

Therefore, the words from a proud Soviet song — “We were born to make a fairytale come true” — will serve as the book’s epigraph. What will become clear is that the “fairytale” is a nightmare. In my version the words will read: We were born to make Kafka come true [Leong 2002: 26].

Таким образом, в результате рассмотрения интерпретационных блоков, в которых актуализированы представления о национальном характере, создается впечатление, что агенты искусствоведческого дискурса, во-первых, не всегда разделяют русский национальный характер и советский менталитет и что, во-вторых, интерпретация советского менталитета имеет наиболее резкие вербальные репрезентации, обусловленные несогласием с явлениями, интерпретируемыми как реалии советской действительности: коллективизмом, отсутствием индивидуальных инициатив, неосознанием самодостаточности собственной жизни.

Подводя итог, отметим, что англоязычный искусствоведческий дискурс обладает высоким потенциалом для лингвистических исследований в социально-политическом аспекте и дает широкое представление об особенностях и механизмах интерпретации советской действительности. Наряду с обращением к непосредственному объекту своих высказываний — изобразительному искусству, творчеству художников, описанию выставок и культурных событий, специалисты интерпретируют явления советской действительности, причем как в контексте вопросов искусства, так и опосредованно. Обращение к рассматриваемому типу дискурса позволяет выявить репрезентации интерпретационных блоков, фиксирующих основные представления англоязычных искусствоведов об отдельных советских реалиях. Их анализ показывает, что интерпретация советских идеологических или культурных концептов не всегда возможна через обращение к концептам, типичным для англоязычной концептосферы, в то время как интерпретация советской ментальности предполагает соотнесение с западным менталитетом. Интерпретация советской действительности сопряжена с вербализацией универсальных и национальных концептов, контекстуальных оппозиций, метафор, аллюзий, понятных западному читателю, репрезентацией шаблонов личностных ценностей и ментальных установок интерпретаторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блошенко, Е. В. Элементы архаического мифа в советской культуре / Е. В. Блошенко. — Текст : непосредственный // Дискуссия. — 2012. — № 2 (20). — С. 10—13.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 4. — С. 10—20.
3. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 33 (248). — С. 11—16. — (Сер.: Филология. Искусствоведение. Вып. 60).
4. Егорова, М. А. «Когнитивное пространство» и его соотношение с понятиями «ментальное пространство», «когнитивная база», «концептосфера», «картина мира» / М. А. Егорова. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 3. — С. 61—68.
5. Елина, Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Номинативно-коммуникативный аспект / Е. А. Елина. — Волгоград ; Саратов : Изд. центр СГСЭУ, 2002. — 256 с. — Текст : непосредственный.
6. Котеленец, Е. А. Образ Советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия / Е. А. Котеленец. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Сер.: История России. — 2013. — № 3 — С. 76—90.
7. Луначарский, А. В. Советское государство и искусство / А. В. Луначарский. — URL: <http://lunacharsky.newgod.ru/lib/russkoe-sovetskoe-iskusstvo/sovetskoe-gosudarstvo-i-iskusstvo/> (дата обращения: 29.11.2020). — Текст : электронный.
8. Милетова, Е. В. К проблеме двойственной природы современного англоязычного искусствоведческого дискурса / Е. В. Милетова. — Текст : непосредственный // Перспективные вопросы мировой науки : материалы VIII науч.-практ. конф. (17—25 дек. 2012 г., Болгария). — София, 2012. — С. 40—46.
9. Рёскин, Д. Сезам и Лилии. Лекции об искусстве / Джон Рёскин ; [пер. с англ. С. Коган («Лекции об искусстве»), О. М. Соловьевой («Сезам и Лилии»); вступ. ст. А. В. Маркова]. — Москва : РИПОЛ классик, 2018. — 488 с.: ил. — (Искусство и действительность). — Текст : непосредственный.
10. Строева, О. В. Искусство и философия. Удивительные параллели, необычные интерпретации / О. В. Строева. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Страта, 2019. — 260 с., илл. — (Серия «Формула культуры»). — Текст : непосредственный.
11. Янковская, Г. А. Советское искусство в годы позднего сталинизма и «рядовой зритель» / Г. А. Янковская. — Текст : непосредственный // *Magistra Vitae*. — 2018. — № 1. — С. 39—45.
12. Berger, J. *Art and Revolution: Ernst Neizvestny and the Role of the Artist in the USSR* / J. Berger. — Vintage Books, 1997. — 191 p. — Text : unmediated.
13. Buckler, J. A. What Comes After “Post-Soviet” in Russian Studies? / Julie A. Buckler. — Text : unmediated // *PMLA*. — 2009. — Vol. 124 (1) — P. 251—263.
14. Goode, J. *Redefining Russia: Hybrid Regimes, Fieldwork, and Russian Politics* / J. Goode. — Text : unmediated // *Perspectives on Politics*. — 2010. — Vol. 8 (4). — P. 1055—1075.
15. Leong, A. *Centaur: The Life and Art of Ernst Neizvestny* / A. Leong. — Rowman & Littlefield, 2002. — 353 p. — Text : unmediated.
16. Solomon, A. *The Irony Tower: Soviet Artists in a Time of Glasnost* / A. Solomon. — Knopf, 1991. — 310 p. — Text : unmediated.
17. Vernon, J. L. *Restructuring Science in Russia* / Jamie L. Vernon. — Text : unmediated // *American Scientist*. — 2017. — Vol. 105 (3). — P. 134.

N. Yu. Sokolova

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4149-8901

 E-mail: n.y.sokolova@spbu.ru.

Interpretation of Soviet Realities in the English-Language Critical Art Discourse

ABSTRACT. *The article provides the results of the study which aims to reveal the ideas about the Soviet state in the English-language critical art discourse. Taking into account the high level of ideologization of Soviet fine arts, English-language critics tend to interpret Soviet realities and give their own individual assessments of them. The study deals with discourse fragments containing evaluative statements and linguistic objectifications of interpretation of Soviet facts of life. The article aims to identify individual modes of interpretation of the Soviet political order, art – state relations and the peculiarities of national mentality and is carried out on the borderline between the cognitive, culturological and discursive approaches. The paper presents an algorithm of exploration and description of the categorial structure called by the author “interpretive block” which is viewed upon as a part of the cognitive space which fixes the process and the results of interpretation of certain real phenomena. The paper analyzes interpretive blocks which represent the ideas about the Soviet state apparatus, social stratification, and social opportunities. The study reveals that English-language critical art experts often consider Soviet realities in comparison with the social organization of western society and give it a negative assessment. The state is treated as a structure similar to the Sicilian mafia practicing methods of manipulation and intimidation on the territory which is under its control. In relation to the sphere of arts, the state is considered the dominant management authority which acts as a patron and establishes the relations with its clients based on censorship. At the same time, some positively evaluated social phenomena are mentioned, for instance, the education system which is considered a model for other countries. The results and the research materials can be used by cognitive linguistics, political linguistics and linguoculturology.*

KEYWORDS: *Soviet reality; Soviet state; political discourse; critical art discourse; visual art; interpretation blocks; cognitive space; national mentality; English language; linguoculturology; binary opposition.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Sokolova Natal'ya Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology and Linguoculturology, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Sokolova, N. Yu. Interpretation of Soviet Realities in the English-Language Critical Art Discourse / N. Yu. Sokolova // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 124-132. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_11.*

ACKNOWLEDGMENTS. *The Study is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project № 20-012-00276.*

REFERENCES

1. Bloshenko, E. V. Elements of the archaic myth in Soviet culture / E. V. Bloshenko. — Text : unmediated // Discussion. — 2012. — No. 2 (20). — P. 10—13. [Elementy arkhaischeskogo mifa v sovetskoy kul'ture / E. V. Bloshenko. — Tekst : neposredstvennyy // Diskussiya. — 2012. — № 2 (20). — S. 10—13]. — (In Rus.)
2. Boldyrev, N. N. Cognitive Schemes of Language Interpretation / N. N. Boldyrev. — Text : unmediated // Issues of Cognitive Linguistics. — 2016. — No. 4. — P. 10—20. [Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii / N. N. Boldyrev. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2016. — № 4. — S. 10—20]. — (In Rus.)
3. Boldyrev, N. N. Interpreting function of language / N. N. Boldyrev. — Text : unmediated // Bulletin of the Chelyabinsk State University. — 2011. — No. 33 (248). — P. 11—16. — (Ser.: Philology. Art criticism. Issue 60). [Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka / N. N. Boldyrev. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2011. — № 33 (248). — S. 11—16. — (Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 60)]. — (In Rus.)
4. Egorova, M. A. “Cognitive space” and its relationship with the concepts of “mental space”, “cognitive base”, “conceptual sphere”, “picture of the world” / M. A. Egorova. — Text : unmediated // Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University. — 2012. — No. 3. — P. 61—68. [«Kognitivnoe prostranstvo» i ego sootnoshenie s ponyatiyami «mental'noe prostranstvo», «kognitivnaya baza», «kontseptosfera», «kartina mira» / M. A. Egorova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. — 2012. — № 3. — S. 61—68]. — (In Rus.)
5. Elina, E. A. Verbal interpretations of works of fine art. Nominative and communicative aspect / E. A. Elina. — Volgograd ; Saratov : Ed. center of SGSEU, 2002. — 256 p. — Text : unme-

diated. [Verbal'nye interpretatsii proizvedeniy izobrazitel'nogo iskusstva. Nominativno-kommunikativnyy aspekt / E. A. Elina. — Volgograd ; Saratov : Izd. tsentr SGSEU, 2002. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Kotelenets, E. A. The Image of the Soviet Union in the World: factors and dynamics of perception / E. A. Kotelenets. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Ser.: History of Russia. — 2013. — No. 3 — P. 76—90. [Obraz Sovetskogo Soyuza v mire: faktory i dinamika vospriyatiya / E. A. Kotelenets. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii. — 2013. — № 3 — S. 76—90]. — (In Rus.)

7. Lunacharskiy, A. V. Soviet state and art / A. V. Lunacharskiy. [Sovetskoe gosudarstvo i iskusstvo / A. V. Lunacharskiy]. — URL: <http://lunacharskiy.newgod.su/lib/russkoe-isskustvo-isskustvo/sovetskoe-gosudarstvo-i-isskustvo/> (date of access: 29.11.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

8. Miletova, E. V. To the problem of the dual nature of modern English-language art criticism discourse / E. V. Miletova. — Text : unmediated // Perspective questions of world science: materials of the VIII scientific-practical. conf. (17—25 December 2012, Bulgaria). — Sofia, 2012. — P. 40—46. [K probleme dvoystvennoy prirody sovremennoy angloyazychnogo iskusstvedcheskogo diskursa / E. V. Miletova. — Tekst : neposredstvennyy // Perspektivnye voprosy mirovoy nauki : materialy VIII nauch.-prakt. konf. (17—25 dek. 2012 g., Bolgariya). — Sofiya, 2012. — S. 40—46]. — (In Rus.)

9. Ruskin, D. Sesame and Lilies. Lectures on Art / John Ruskin ; [trans. from English. S. Kogan (“Lectures on Art”), O. M. Solovieva (“Sesame and Lilies”) ; entry Art. by A. V. Markov]. — Moscow : RIPOL classic, 2018. — 488 p.: ill. — (Art and Reality). — Text : unmediated. [Sezam i Lili. Lektsii ob iskusstve / Dzhon Reskin ; [per. s angl. S. Kogan («Lektsii ob iskusstve»), O. M. Solov'evoy («Sezam i Lili»); vstup. st. A. V. Markova]. —

Moskva : RIPOL klassik, 2018. — 488 s.: il. — (Iskusstvo i deystvitel'nost'). — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Stroeva, O. V. Art and Philosophy. Amazing parallels, unusual interpretations / O. V. Stroeva. — 2nd ed. — St. Petersburg : Strata, 2019. — 260 p., Ill. — (Series "Formula of Culture"). — Text : unmediated. [Iskusstvo i filosofiya. Udivitel'nye paralleli, neobychnye interpretatsii / O. V. Stroeva. — 2-e izd. — Sankt-Peterburg : Strata, 2019. — 260 s., ill. — (Seriya «Formula kul'tury»). — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Yankovskaya, G. A. Soviet art in the years of late Stalinism and the "ordinary viewer" / G. A. Yankovskaya. — Text : unmediated // *Magistra Vitae*. — 2018. — No. 1. — P. 39—45. [Sovetskoe iskusstvo v gody pozdnego stalinizma i «ryadovoy zritel'» / G. A. Yankovskaya. — Tekst : neposredstvennyy // *Magistra Vitae*. — 2018. — № 1. — S. 39—45]. — (In Rus.)

12. Berger, J. Art and Revolution: Ernst Neizvestny and the Role of the Artist in the USSR / J. Berger. — Vintage Books, 1997. — 191 p. — Text : unmediated.

13. Buckler, J. A. What Comes After "Post-Soviet" in Russian Studies? / Julie A. Buckler. — Text : unmediated // *PMLA*. — 2009. — Vol. 124 (1) — P. 251—263.

14. Goode, J. Redefining Russia: Hybrid Regimes, Fieldwork, and Russian Politics / J. Goode. — Text : unmediated // *Perspectives on Politics*. — 2010. — Vol. 8 (4). — P. 1055—1075.

15. Leong, A. Centaur: The Life and Art of Ernst Neizvestny / A. Leong. — Rowman & Littlefield, 2002. — 353 p. — Text : unmediated.

16. Solomon, A. The Irony Tower: Soviet Artists in a Time of Glasnost / A. Solomon. — Knopf, 1991. — 310 p. — Text : unmediated.

17. Vernon, J. L. Restructuring Science in Russia / Jamie L. Vernon. — Text : unmediated // *American Scientist*. — 2017. — Vol. 105 (3). — P. 134.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55
DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_12

ГСНТИ 16.31.61; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

А. В. Вандышева

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5714-617X

Л. Б. Темникова

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: —

E-mail: anna_valentino@mail.ru; temnikova-lina@mail.ru.

Информация личного и профессионального характера: спорные вопросы лингвистической экспертизы текста

АННОТАЦИЯ. В статье поднимается проблема лингвистического обеспечения защиты неприкосновенности частной жизни, а также защиты граждан от несанкционированного размещения информации личного характера о них, рассматриваемая как отдельный вектор лингвокоммуникативной безопасности личности. Авторами представлен обобщенный опыт производства лингвистической экспертизы текстовой составляющей интернет-страниц сайтов «отзовиков» на предмет наличия или отсутствия информации личного характера, в том числе о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни. Кроме того, были проанализированы отобранные методом сплошной выборки интернет-страницы врачей, размещенные на сайтах отзывов. Первоочередной задачей в таких исследованиях является вопрос разграничения понятий «информация личного характера» и «информация профессионального характера» с позиций языка и права, а также экспертная оценка понятия «частной жизни». Далее проводится всесторонний лингвоэкспертный анализ в целях последующей квалификации данной информации как относящейся к личной либо профессиональной сфере, представляющей собой или нет сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни.

Таким образом, судебная лингвистическая экспертиза спорных текстов является, с одной стороны, важным инструментом обнаружения языковых фактов нарушения лингвокоммуникативной безопасности личности, с другой — одним из способов ее обеспечения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернет-пространство; интернет-коммуникация; интернет-дискурс; интернет-тексты; сайты отзывов; интернет-страница; лингвокоммуникативная безопасность личности; судебная лингвистическая экспертиза; информация профессионального характера; информация личного характера; частная жизнь.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Вандышева Анна Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков № 2, Кубанский государственный технологический университет; 350000, Россия, г. Краснодар, ул. Красная, д. 1, корп. К-9; e-mail: anna_valentino@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Темникова Лина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков № 1, Кубанский государственный технологический университет; 350000, Россия, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2, корп. А; e-mail: temnikova-lina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вандышева, А. В. Информация личного и профессионального характера: спорные вопросы лингвистической экспертизы текста / А. В. Вандышева, Л. Б. Темникова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 133-139. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_12.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В наиболее общем виде понятие «лингвокоммуникативная безопасность личности» подразумевает «обеспечение защиты личности / граждан / общества в целом от речевой агрессии на уровне законодательства» [Вандышева, Темникова 2018: 100].

Однако стоит отметить увеличивающееся в последнее время количество обращений граждан в судебные органы с жалобами на размещение в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на различных сайтах (прежде всего речь идет о сайтах отзывов о качестве предоставляемых услуг

теми или иными специалистами в различных профессиональных областях) информации, которая воспринимается ими как информация личного характера. Люди требуют в судебном порядке обязать администрацию данных сайтов удалить любую информацию о них, так как считают, что размещение подобных сведений о них нарушает их законные права.

В данном случае целесообразно говорить еще об одном аспекте лингвокоммуникативной безопасности личности, а именно обеспечении защиты граждан от несанкционированного размещения информации лич-

ного характера о них (то есть без получения на то их официального согласия).

АЛГОРИТМ РЕШЕНИЯ

При этом важным моментом в данном спорном вопросе является разграничение личного и профессионального характера размещаемой информации. Опыт показывает, что зачастую обращения граждан с целью удалить информацию являются необоснованными.

С целью разрешения данной проблемы представители судебных органов, а также физические лица обращаются к лингвистам-экспертам для производства лингвистической экспертизы, призванной установить статус и характер сведений, являющихся предметом спора.

Рассмотрим данный вектор лингвокоммуникативной безопасности личности на примере обращений врачей о нарушении сайтами-«отзовиками» закона о неприкосновенности частной жизни.

На страницах таких сайтов размещаются отзывы пациентов об их опыте посещения тех или иных врачей. Волне естественно, что отзывы могут быть не только положительными. Факт наличия последних побуждает врачей обращаться в судебные органы с исками о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также о защите неприкосновенности частной жизни.

Чаще всего перед экспертом/специалистом ставятся вопросы следующего содержания:

«Информация какого рода содержится в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на интернет-странице „...“ о враче <ФИО>, личного или профессионального характера?»

«Содержатся ли на интернет-странице „...“ сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни доктора <ФИО>?»

Для ответа на поставленные вопросы по данной категории дел необходимо провести анализ понятий «информация личного характера» и «информация профессионального характера», разграничить смысловое содержание указанных понятий.

В первую очередь следует обратиться к лексикографическим источникам.

Личный — 5) а) **Касающийся непосредственно какого-л. лица** (1*3), **какой-л. личности** (3), **затрагивающий только их**; б) **Связанный с чьей-л. частной, интимной жизнью**. в) **Выражающий индивидуальные особенности какого-л. лица, какой-л. личности**; г) **Осуществляемый каким-л. лицом** (1*3), **исходящий от него** [Ефремова 2006]. 1. *Принадлежащий данно-*

му лицу, находящийся в пользовании данного лица || *Предназначенный для обслуживания какого-л. лица, состоящий при нём*. || *Присущий данному лицу*. 2. **Затрагивающий интересы какого-л. лица, касающийся только его**. || **Связанный с частной, семейной жизнью, с частными, семейными отношениями данного лица** [Кузнецов 2000: 501].

Лицо — 3. *Отдельный человек; индивидуум*. || *Человек с точки зрения черт его характера, поведения; личность*. || *Человек как член общества, представитель какого-л. социального слоя* [Кузнецов 2000: 501].

Личность — 1. *Совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность*. 2. *Человек с ярко выраженной индивидуальностью, замечательный во всех отношениях*. || *Человек как член общества, представитель какого-л. социального слоя* [Кузнецов 2000: 501].

Личность — 1) а) *Совокупность свойств, присущих определенному человеку и составляющих его индивидуальность; отдельное человеческое «я»*. б) *Образ такого отдельного «я», воплощенный в произведениях искусства*. 2) а) *Человек с точки зрения черт его характера, поведения, общественного положения*; б) **перен.** *Человек с ярко выраженной индивидуальностью, необыкновенный в каком-л. отношении*. 3) а) *Человек как член общества*; б) *Человек как юридическое лицо*. 4) **перен. разг.-сниж.** *Физиономия, лицо* (1*1) [Ефремова 2006].

Личный — *Собственный, непосредственный, индивидуальный, субъективный* [Абрамов 1999]. 1. *персональный; самоличный (разг.) о жизни: частный, интимный* [Александрова 2011: 195].

Профессиональный — 1. **Относящийся к профессии**. || *Обусловленный профессией*. 2. *Прил. к «профессионал»; свойственный профессионалу*. || *Являющийся профессионалом* [Евгеньева 1988, т. 3: 540]. 1. *Прил. к слову «профессия»; связанный с профессией, вызванный профессией*. 2. *Прил. к слову «профессиональный» союз*. 3. *Занимающийся какими-н. делами как профессией* [Ушаков 1935—1940]. 1) *Соотносящийся по знач. с сущ.: профессия, профессионал, связанный с ними*. 2) *Свойственный профессионалам, характерный для них (противоп.: любительский)*. 3) *Предназначенный для профессионалов* [Ефремова 2006]. 1. *Относящийся к профессии, связанный с какой-л. профессией*. 2. *Относящийся к профессионализму*. 3. *Являющийся профессионалом* [Кузнецов 2000: 1035].

Профессионализм — 1. м. 1) *Занятие чем-л. как профессией; профессионализа-*

ция. 2) *Профессиональное мастерство* [Ефремова 2006].

Профессионал — 1) Тот, кто сделал какое-л. занятие своей профессией (противоп.: любитель). 2) Хороший специалист, знаток своего дела [Ефремова 2006].

Профессиональный — прил., кол-во синонимов: 7: безупречный (38), высокопрофессиональный (4), кадровый (4), мастерский (13), несамодетельный (1), сверхпрофессиональный (3), суперпрофессиональный (3) [Тришин 2015].

Профессия — Род трудовой деятельности, занятий, требующих специальной подготовки [Ефремова 2006]. Род трудовой деятельности, занятий, требующий определённой подготовки и являющийся обычно источником существования [Кузнецов 2000: 1035].

Таким образом, ядерными семами понятия информация *личного* характера являются частная (жизнь) / частные (отношения); интимная (жизнь) / интимные (отношения); семейная (жизнь) / семейные (отношения); индивидуальный / индивидуальность.

Ядерными семами понятия «информация профессионального характера» являются профессия, род деятельности, род занятий, специалист.

Проанализировав интернет-страницы нескольких сайтов отзывов (отобранные методом сплошной выборки), мы приходим к выводу о том, что на данных страницах отсутствует информация о частной/личной/интимной/семейной жизни врачей; частных/личных/интимных/семейных отношениях докторов; характеристиках, выражающих индивидуальные особенности врачей; совокупности свойств, присущих тому или иному доктору, составляющих его/ее индивидуальность.

На данных страницах присутствует информация, отражающая род занятий и указывающая конкретную специализацию врачей, количество отзывов пациентов, научную степень (при наличии); место работы (трудовой деятельности).

Стоит особо отметить, что основным контент каждой исследуемой интернет-страницы в подавляющем большинстве случаев открывается фразой «Отзывы о **враче** <ФИО>», чем указывается, что информация, представленная в отзывах, относится не к человеку, личности, индивидууму, а к специалисту, профессионалу. Отзывы написаны по результатам посещения кого-либо как врача.

На профессиональный характер информации указывает в том числе использование профессиональной лексики (терминологии),

имеющей отношение к сугубо медицинской тематике. Контент-анализ каждой из подвешенных анализу интернет-страниц показал достаточно высокий процент (от 20 % и выше) содержания непосредственно медицинской терминологии по отношению к общеупотребительным языковым единицам. Кроме того, каждый из отзывов содержит значительное количество лексики, передающей оценку профессиональных навыков врачей.

Анализ также показал отсутствие на выбранных для исследования интернет-страницах информации, непосредственно касающейся личности докторов, связанной с их частной или интимной жизнью, с частными, семейными отношениями данных лиц.

Однако стоит отметить, что в ряде отзывов, составивших небольшую часть (менее 3 %) от общего количества проанализированных, содержится информация о характеристиках (как положительных, так и отрицательных), выражающих индивидуальные особенности врачей, а также некоторых свойствах, присущих тому или иному доктору, составляющих его/ее индивидуальность.

Независимо от характера такой информации (положительная или негативная), по нашему убеждению, ее размещение без получения на то официального согласия конкретного врача противоречит принципам лингвокоммуникативной безопасности личности. В данном случае обращение с требованием удалить такую информацию, конкретно ту ее часть, которая подпадает под определение «личной», является правомерным.

Таким образом, модераторам, администраторам сайтов, содержащих отзывы о специалистах в той или иной области, рекомендуется тщательно анализировать тексты поступающих отзывов на предмет наличия/отсутствия содержания в них сведений, которые могут быть расценены как угроза лингвокоммуникативной безопасности личности.

Что касается второго типа вопросов, для их разрешения необходимо разобраться, что конкретно включается в понятие «частная жизнь» как с точки зрения законодательно-правовых норм и актов, так и с точки зрения норм и правил современного русского языка.

Федеральным законом от 02.07.2013 N 142-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации введена статья 152.2 «Охрана частной жизни гражданина». В соответствии с указанной нормой «не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, **в частности сведений о его происхождении, о**

месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни».

Право на неприкосновенность **частной жизни** (ст. 23, ч. 1, Конституции Российской Федерации) означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. **«В понятие „частная жизнь“ включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер»** [Определение 2005, 2006].

«Как указано в Определении Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 г. №1253-О, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера; в понятие **„частная жизнь“** включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер [Определение 2005, 2010].

Под **частной жизнью** понимается «**физическая и духовная сфера, которая контролируется самим индивидом, свободна от внешнего воздействия, то есть это семейная и бытовая сфера индивида, сфера его общения, отношение к религии, внеслужебные занятия, увлечения и иные сферы отношений, которым сам человек не желает придавать гласность, если этого не требует закон»** [Право на неприкосновенность... // МВД по Республике Адыгея 2020].

Частная жизнь гражданина — это весь комплекс **событий и чувств личного и семейного характера, несущих признаки закрытости от третьих лиц, органиций**, но не противоречащих закону [Право на неприкосновенность 2018: 1].

«**Частную жизнь** можно определить как физическую и духовную сферу, которая контролируется самим индивидом, т. е. свободную от внешнего воздействия» [Лукашев 1999: 146]. «Законодательство не может вторгаться в эту сферу, оно призвано ограждать ее от любого незаконного вмешательства. Иными словами, в понятие „частная жизнь“ включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и

государства, если она носит непротивоправный характер» [Лазарев 1999: 113].

«Вся сфера семейной жизни, родственных и дружеских связей, домашнего уклада, интимных и других личных отношений, привязанностей, симпатий, антипатий охватывается понятием неприкосновенности частной жизни. Образ мыслей, увлечения, творчество также **относятся к сфере частной жизни**» [Петрухин 1998: 11].

Тайна **частной (личной) жизни** «не связана с профессиональной и общественной деятельностью человека и дает оценку его характеру, облику, здоровью, материальному состоянию, семейному положению, образу жизни, отдельным фактам биографии, а также его отношениям с родственниками, друзьями, знакомыми и т. п.» [Малеина 2001: 153].

Частный — 3) а) **Касающийся отдельного лица; не государственный, не общественный, личный.** б) **Находящийся за пределами производственной и общественной деятельности.** в) **Исходящий от отдельного лица.** г) **Не имеющий официального значения.** 4) **Принадлежащий отдельному лицу** [Ефремова 2006]. **Частный** — 1. **Представляющий собой какую-л. отдельную часть, подробность чего-л. целого, общего; частичный.** 2. **Отдельный, случайный, нехарактерный.** 3. **Касающийся отдельного лица (отдельных лиц); личный.** 4. **Принадлежащий отдельному лицу, не обществу, не государству** [Кузнецов 2000: 1468]. 1. **Являющийся отдельной частью чего-н., не общий, не типичный.** 2. **Личный, не общественный, не государственный.** 3. **Принадлежащий отдельному лицу, не обществу, не государству.** 4. **Относящийся к личному, индивидуальному владению, деятельности, хозяйству и вытекающим отсюда отношениям** [Ожегов 1986: 762]. 1. **Если жизнь человека, его интересы и т. п. рассматриваются отдельно от жизни того общества, в котором он живёт, касаются только этого человека лично, то они называются частными.** 2. **Всё, что предназначено для пользования только одним человеком или небольшой группой людей, а не для общественного пользования, называется частным** [Дмитриев 2003: 1515].

Проведенный анализ показал, что в определениях понятия «частная жизнь», представленных в нормативно-правовых актах, а также в лексикографических источниках, содержится четкое противопоставление информации, имеющей отношение к частной жизни, и информации, имеющей отношение к профессиональной, общественной, государственной сферам.

ВЫВОДЫ

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что обозначенный вектор лингвокоммуникативной безопасности личности, заключающийся в обеспечении защиты неприкосновенности частной жизни граждан в Интернете, социальных сетях, а также распространения информации личного характера, требует самого пристального внимания не только правоприменителей, но и лингвистов-экспертов. С одной стороны, данную проблему необходимо решать в том числе с помощью лингвистической экспертизы, с другой — важно четко определять терминологический аппарат, юрислингвистическую составляющую понятий «личное» и «профессиональное», «частная жизнь», чтобы прийти к верному правовому решению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. — Москва : Русские словари, 1999. — Текст : непосредственный.
2. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник / З. Е. Александрова. — Москва : Русский язык, 2011. — 568 с. — Текст : непосредственный.
3. Вандышева, А. В. Судебная лингвистическая экспертиза: проблема корреляции формулировок законодательных норм с соответствующими им лингвистическими терминами и понятиями / А. В. Вандышева, Л. Б. Темникова — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 4 (127). — С. 100—107.
4. Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка / Д. В. Дмитриев. — Москва : Астрель : АСТ, 2003. — 1578 с. — Текст : непосредственный.
5. Евгеньева, А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — Москва : Рус. яз., 1988. — 752 с. — Текст : непосредственный.
6. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : АСТ : Астрель : Харвест, 2006. — Интерактивная версия. — Текст : электронный.
7. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — Текст : непосредственный.
8. Малеева, М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М. Н. Малеева. —

Москва, 2001. — 242 с. — Текст : непосредственный. — Текст : непосредственный.

9. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / коллектив авторов ; под ред. В. В. Лазарева. — Москва : Спарк, 1999. — 113 с. — Текст : непосредственный.

10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Русский язык, 1986. — 797 с. — Текст : непосредственный.

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 года N 248-О, от 26 января 2010 года N 158-О-О и от 27 мая 2010 года N 644-О-О // Гражданское дело № 33-17415. Апелляционное определение.

12. Определение Конституционного суда РФ от 9 июня 2005 г. N 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом „б“ части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». — URL: <http://base.garant.ru/1354478>. — Текст : электронный.

13. Определение Конституционного суда от 16 февраля 2006 г. N 63-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова А. Н. на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 89, 121, 123, 125 и 131 Уголовно-исполнительного кодекса РФ». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60419/. — Текст : электронный.

14. Петрухин, И. Л. Личные тайны (человек и власть) / И. Л. Петрухин. — Москва, 1998. — 232 с. — Текст : непосредственный.

15. Права человека : учебник для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. — Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. — 146 с. — Текст : непосредственный.

16. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23, 24 Конституции России) // МБД по Республике Адыгея : официальный сайт. — URL: <https://01.мвд.рф/document/201354> (дата обращения: 19.10.2020). — Текст : электронный.

17. Право на неприкосновенность частной жизни: как оно осуществляется и что грозит // ruАдвокат. Бесплатная помощь юриста. — 2018. — 13 июля. — URL: <https://ruadvocate.ru/vidy-prestuplenij/neprikosnovennost-chastnoj-zhizni/>. — Текст : электронный.

18. Тришин, В. Н. Словарь синонимов : электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS ® / В. Н. Тришин. — 2013. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/143798/профессиональный (дата обращения: 20.10.2020). — Текст : электронный.

19. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940) : (электронная версия) / Д. Н. Ушаков // Фундаментальная электронная библиотека. — URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 23.10.2020). — Текст : электронный.

A. V. Vandysheva

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5714-617X

L. B. Temnikova

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
ORCID ID: —

E-mail: anna_valentino@mail.ru; temnikova-lina@mail.ru.

Personal and Professional Information: Controversial Issues of Linguistic Text Expertise

ABSTRACT. *The article raises the problem of linguistic support for the protection of privacy, as well as the protection of citizens from unauthorized online posting of personal information about them, considered as a separate vector of linguo-communicative personal security. The authors present a generalized experience of the execution of linguistic examination of the textual component of Internet pages of review sites for the presence or absence of personal information, including facts, events and circumstances of private life. In addition, the authors analyze doctors' web pages posted on review sites and selected by the method of continuous sampling. The primary task of such studies is the issue of differentiating the concepts of*

“personal information” and “professional information” from the standpoint of language and law, as well as the expert assessment of the concept of “private life”. Then, the authors carry out a comprehensive linguistic expert analysis in order to further qualify this information as relating to the personal or professional sphere, whether or not it is information about the facts, events and circumstances of private life.

Thus, the forensic linguistic expertise of contentious texts is an important tool for detecting linguistic facts of violation of the linguistic and communicative security of a person, on the one hand, and one of the ways to ensure it, on the other.

KEYWORDS: Internet space; Internet communication; Internet discourse; Internet texts; review sites; Internet page; linguocommunicative security of a person; forensic linguistic expertise; professional information; personal information; private life.

AUTHOR'S INFORMATION: Vandysheva Anna Valentinovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages #2, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Temnikova Lina Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages #1, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.

FOR CITATION: Vandysheva, A. V. Personal and Professional Information: Controversial Issues of Linguistic Text Expertise / A. V. Vandysheva, L. B. Temnikova // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 133-139. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_12.

REFERENCES

1. Abramov N. Dictionary of Russian synonyms and similar expressions / edited by N. Abramov. — Moscow : Russian Dictionaries, 1999. — Text : unmediated. [Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy. — pod. red. N. Abramova, M.: Russkiye slovari, 1999. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Aleksandrova Z. E. Dictionary of synonyms of the Russian language. Practical guide / Z. E. Aleksandrova. — Moscow : Russian language, 2011. — 568 p. — Text : unmediated. [Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskiy spravochnik. — M.: Russkiy yazyk. Z. Ye. Aleksandrova. 2011. — 568 s. — Tekst: neposredstvennyy.] — (In Rus.)
3. Vandysheva A. V. Forensic linguistic expertise: issue of correlation between the wording of legislative norms and the corresponding linguistic terms and concepts / A. V. Vandysheva, L. B. Temnikova. — Text : unmediated // Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. — 2018. — No 4 (127). — P. 100—107. [Vandysheva A.V., Temnikova L.B. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: problema korrelyatsii formulirovok zakonodatel'nykh norm s sootvetstvuyushchimi im lingvisticheskimi terminami i ponyatiyami /A. V. Vandysheva, L. B. Temnikova — Tekst: neposredstvennyy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2018. — № 4 (127). — S. 100-107.] — (In Rus.)
4. Dmitriev's Explanatory Dictionary of the Russian Language / D. V. Dmitriev. — Moscow : Astrel : AST, 2003. — 1578 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka Dmitriyeva. D. V. Dmitriyev. M.: Astrel: AST, 2003. — 1578 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Evgenieva A. P. (ed.). Dictionary of the Russian Language: in 4 Volumes / RAS, Institute of Linguistics research ; under the editorship of A.P. Evgenieva. — 3d ed., stereotype. — Moscow : Russian Language : Printing resources, 1988. — 752 p. — Text: unmediated. [Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; pod red. A. P. Evgen'evoy. — 3-e izd., ster. Poligrafresursy, 1988. — 752 s. Tekst: neposredstvennyy] — (In Rus.)
6. Efremova T. F. The modern explanatory dictionary of the Russian language : In 3 vol. / T. F. Efremova. — Moscow : AST : Astrel' : Harvest, 2006. — Interactive version — Text : electronic. [Efremova T. F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 3 t. — M.: AST, Astrel', Kharvest, 2006. — Interaktivnaya versiya — Tekst: elektronnyy.] — (In Rus.)
7. Kuznetsov S. A. The large explanatory dictionary of the Russian language / ch. ed. S. A. Kuznetsov. — Saint Petersburg : Norint, 2000. — 1536 p. — Text : unmediated. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka // Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb.: Norint, 2000. — 1536 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Maleina M. N. Personal non-property rights of the citizens: concept, exercise, protection / M. N. Maleina. — Moscow, 2001. — 242 p. — Text : unmediated. [Maleina M. N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita. — M., 2001. — 242 s. — Tekst: neposredstvennyy.] — (In Rus.)
9. Scientific practical commentary on the Constitution of the Russian Federation / Composite authors ; edited by V. V. Lazarev. — Text : unmediated — Moscow : Publishing House «Spark». — 1999. — P. 113. [Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii / Kollektiv avtorov ; pod red. V. V. Lazareva. — Tekst: neposredstvennyy. — M.: Izdatel'stvo «Spark». — 1999. — S. 113]. — (In Rus.)
10. Ozhegov, S. I. Dictionary of the Russian Language / S. I. Ozhegov ; under the editorship of N. Yu. Shvedova. — Moscow : Russian language, 1989. — Text : unmediated. [Slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov ; pod red. N. Yu. Shvedovoy. — Moskva: Russkiy yazyk, 1989. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Constitutional Court finding of June 9, 2005 in the case No. 248-O, of January 26, 2010 N 158-O-O and of May 27, 2010 N 644-O-O). In the Civil case № 33-17415 Ruling on Appeal. [Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 9 iyunya 2005 goda N 248-O, ot 26 yanvarya 2010 goda N 158-O-O i ot 27 maya 2010 goda N 644-O-O). Grazhdanskoe delo № 33-17415 Apellyatsionnoe opredelenie.] — (In Rus.)
12. Constitutional Court finding of June 9, 2005 in the case No. 248-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Zakharkin Valery Alekseevich and Zakharkina Irina Nikolaevna on violation of their constitutional rights by paragraph “b” of part three of Article 125 and part three of Article 127 Of the Criminal Penal Code of the Russian Federation. — URL: <http://base.garant.ru/1354478>. — Text : electronic. [Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 9 iyunya 2005 g. N 248-O “Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdan Zakharkina Valeriya Alekseevicha i Zakharkinoy Iriny Nikolaevny na narushenie ikh konstitutsionnykh prav punktom “b” chasti tret'ey stat'i 125 i chast'yu tret'ey stat'i 127 Ugolovno-isspolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii”. — Tekst: elektronnyy. — URL: <http://base.garant.ru/1354478>]. — (In Rus.)
13. Determination of the Constitutional Court of February 16, 2006 N 63-O “On refusal to accept for consideration a complaint of the citizen Kuznetsov A.N. for violation of his constitutional rights by certain provisions of Articles 89, 121, 123, 125 and 131 of the Criminal Penal Code of the Russian Federation”. — URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60419/. — Text : electronic. [Opredeleniya Konstitutsionnogo suda ot 16 fevralya 2006 g. N 63-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kuznetsova A. N. na narushenie ego konstitutsionnykh prav otdel'nymi polozheniyami statey 89, 121, 123, 125 i 131 Ugolovno-isspolnitel'nogo kodeksa RF]. — (In Rus.)
14. Petrukhin I. L. Personal secrets (Man and Power). — Moscow, 1998. — 232 p. — Text : unmediated. [Petrukhin I. L. Lichnye tayny (chelovek i vlast'). — Moskva, 1998. — 232 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Human rights. Textbook for universities / Resp. ed. E. A. Lukashchev. — Moscow : NORMA-INFRA, 1999. — P. 146. — Text : unmediated. [Prava cheloveka. Uchebnik dlya vuzov / Otv. red. Ye. A. Lukasheva. — Tekst: neposredstvennyy. — M.: NORMA-INFRA- M, 1999. — S. 146]. — (In Rus.)

16. The right to privacy, personal and family secrets, protection of honor and good reputation. / Ministry for the Interior of the Russian Federation for the Republic of Adygeya, official website. — Text: electronic. — URL: <https://01.мвд.рф/document/201354> (date of access: 19/10/2020). [Pravo na neprikosnovennost' chastnoy zhizni, lichnyuyu i semeynuyu taynu, zashchitu svoey chesti i dobrogo imeni (st. 23, 24 Konstitutsii Rossii). — Tekst : elektronnyy // MVD po Respublike Adygeya, ofitsial'nyy sayt. URL: <https://01.mvd.rf/document/201354> (data obrashcheniya: 19.10.2020)]. — (In Rus.)

17. The right to privacy: how it is exercised and what the threat is. // ruAdvokat. Free assistance of counsel. — URL: <https://ruadvocate.ru/vidy-prestuplenij/neprikosnovennost-chastnoj-zhizni/>. — Text: electronic. [Pravo na neprikosnovennost' chastnoy zhizni: kak ono osushchestvlyayetsya i chto grozit. — Tekst: neposredstvennyy // ruAdvokat. Besplatnaya pomoshch' yurista. URL: <https://ruadvocate.ru/vidy-prestuplenij/neprikosnovennost-chastnoj-zhizni/> (date of access: 23/10/2020)]. — (In Rus.)

18. Trishin V. N. Dictionary of synonyms. Electronic dictionary-reference book of synonyms of the Russian language of the ASIS ® system (more than 500 thousand words and phraseological units, 190 thousand synonymous links). V. N. Trishin. 2013. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/143798/professional. — Text: electronic (date of access: 20/10/2020). [Slovar' sinonimov. Elektronnyy slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka sistemy ASIS ® (boleye 500 tys. slov i frazeologizmov, 190 tys. sinonimicheskikh svyazey). V. N. Trishin. 2013. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/143798/professional. — Tekst: elektronnyy]. — (In Rus.)

19. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the Russian language : (electronic version) / edited by D. N. Ushakov (1935—1940) // Fundamental electronic library. — URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (date of access: 23.10.2020). — Text : electronic. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka pod redaktsiyey D. N. Ushakova (1935-1940); (elektronnaya versiya): Fundamental'naya elektronnaya biblioteka. Tekst: elektronnyy. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (data obrashcheniya:23.10.2020)]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.581'42:811.111'42

ББК Ш171.1-51+Ш143.21-51

DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_13

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

Цзян Чао

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, КНР

ORCID ID: 0000-0003-3588-9009

 E-mail: nickjiang123@163.com.

Исследования военного дискурса в Китае

АННОТАЦИЯ. В статье представлен обзор исследований военного дискурса и связанных с ним понятий в Китае за последние тридцать лет. Выделены и охарактеризованы этапы становления и развития данного научного направления. Отмечена тенденция к активизации этих исследований, расширению состава их объектов и методов. Интерес к данной области связан с модификацией конфликтов в современном мире: их участники используют новейшие технические средства, позволяющие вести информационные и торговые войны в глобальном масштабе. Понятие «военного дискурса» и связанные с ним понятия были введены в научный оборот в Китае в конце 1980-х годов. Первой написанной в Китае работой, систематически рассматривающей военный дискурс, стала монография «Военная лингвистика» (автор — Лю Лин). В работах 1990-х гг. был проанализирован древнекитайский военный дискурс, тогда же рассматривались общие проблемы военной терминологии и отдельные способы ее пополнения (аббревиация). Исследования, выполненные в рамках дискурс-анализа, относятся уже к началу XXI в. Изучение военного дискурса китайскими лингвистами начинается с описания и интерпретации военного текста. В данном процессе отчетливо выделяются два этапа: этап становления (2010—2015 гг.) и этап развития (с 2015 г. по сей день). На втором этапе ученые переходят к комплексным, полиаспектным исследованиям, в исследовательский материал включаются дискурс СМИ и представителей правительственных структур, в состав методов — методы когнитивной и корпусной лингвистики, дискурсивного анализа, а также междисциплинарные методы. В переводоведческом и сопоставительном аспекте главным образом рассматриваются английский и китайский военные дискурсы, материал других языков пока привлекается редко.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военный дискурс; дискурс-анализ; политический дискурс; военная лингвистика; военная терминология; военные термины; китайский язык; английский язык; переводоведение; китайское языкознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Цзян Чао, аспирант филологических наук, доктор русистики Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, Гуанчжоу, пр-т Байюндадао, № 2; e-mail: nickjiang123@163.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цзян Чао. Исследования военного дискурса в Китае / Цзян Чао // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 140-148. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_13.

В середине XX в. американский исследователь З. Харрис [Harris 1952] и его европейские коллеги П. Хартманн [Hartmann 1963] и Т. ван Дейк [van Dijk 1972] друг за другом сформулировали прорывные идеи, предполагающие выход за рамки сосюрвской структуралистской парадигмы лингвистических исследований. Данные идеи базируются на мысли о том, что исследование языка не должно ограничиваться «микроскопическими» языковыми единицами, такими как единицы фонетические, лексические и синтаксические. «Макроскопические» структуры языка, а именно текст и дискурс, не менее важны. В 1970-е г. изучение языковых функций в западной лингвистике способствовало развитию исследований в области прагматики. Прагматика отличается от традиционных лингвистических областей исследований за счет того, что больше внимания уделяется дискурсу, в том числе динамика дискурса в социальной жизни. Новая лингвистическая парадигма постепенно у-

верждалась в научной среде. Дискурсивное направление в языкознании развивается уже полвека, теория дискурсивных исследований обогащается новыми концепциями, практическая значимость и социальная ценность данных исследований многократно доказаны. На фоне непрерывного расширения состава аспектов и углубления содержания исследований дискурса в начале XXI в. были разработаны междисциплинарные новаторские методы, применение которых дает новый импульс развитию обсуждаемой научной области.

В эру холодного оружия воюющие стороны использовали копья и луки, сражаясь на близком расстоянии. Сегодня участники конфликта используют технические средства современной цивилизации, позволяющие на значительной дистанции друг от друга вести торговые и информационные войны. В условиях конфронтации военный дискурс всегда был важным оружием для защиты собственных интересов и противодействия интере-

сам противника. С диверсифицированным развитием современной войны военный дискурс также модифицируется. Исследования военного дискурса весьма разнообразны в силу междисциплинарного характера самого объекта. За последние 20 лет специалисты из разных стран добились существенных результатов в изучении военного дискурса с различных точек зрения. Анализ и обобщение результатов этих исследований имеют важное значение для дальнейшего развития рассматриваемого лингвистического направления. Ниже представлен краткий обзор китайских исследований военного дискурса.

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Понятие «военного дискурса» и связанные с ним понятия появились в Китае в конце 1980-х г. В 1987 г. «China's PLA Daily» опубликовала статью «Родоначальник военной лингвистики: доцент Даляньюэ военной академии Лю Лин». Впервые понятие военной лингвистики было использовано в публикациях «China's PLA Daily». Лю Лин сам предложил термин «военная лингвистика», что озаменовало фактическое начало междисциплинарных исследований на стыке военной науки и языкознания в Китае. Монография «Военная лингвистика» [Лю Лин 1990] стала первой отечественной работой, в которой систематически рассматривался военный дискурс. Лю Лин считает, что военная лингвистика, как развивающаяся пограничная дисциплина, является сферой контактирования социолингвистики и военной науки. При этом военная лингвистика тяготеет к социолингвистике [Лю Лин 1990: 14—19].

Китайский военный дискурс имеет длительную историю, он возник одновременно с военными операциями. В XXI в. до н. э. в Древнем Китае уже существовали армии и велись войны. Наиболее ранними китайскими военными произведениями, представленными в исторических архивах, являются «Военная история» и «Военное управление», но эти книги по разным причинам сохранились не полностью. Фрагменты «Военной истории» и «Военного управления» цитируют соответственно «Цзо чжуань» и «Искусство войны Сунь-Цзы». В исторический период Вёсен и Осеней Древний Китай осуществил переход от рабовладельческой формации к феодальной. В то время в связи с изменениями в общественном строе происходил частый обмен опытом в военнополитической сфере между странами, который послужил организационной основой для бурного развития идей. Именно на этом ис-

торическом фоне знаменитый военный мыслитель древности Сунь У создал первое в Китае произведение о войне — «Искусство войны Сунь-Цзы».

Несмотря на то, что китайские военные тексты появились еще до нашей эры — в связи с войнами и спецификой образа жизни населения, их научное изучение началось сравнительно поздно. Если иметь в виду современную науку, то следует отметить, что вплоть до конца 1980-х гг., когда военная лингвистика стала оформляться в виде самостоятельной дисциплины, как в военных учреждениях Китая, так и в других организациях постепенно складывалось сообщество исследователей, занимавшихся особенностями военной коммуникации. Основным объектом рассмотрения в тот период была военная лексика. В центре внимания ученых оказывались и история, и современное состояние словарного фонда. В 1998 г. вышла в свет монография Чу Лянцая «Введение в изучение древнекитайского военного дискурса», ставшая заметной вехой в изучении военной терминологии Древнего Китая. Книга основана на докторской диссертации Чу Лянцая. В данной монографии продемонстрированы методы исследования древнекитайской военной лексики, обобщены ее характеристики. Это ценный опыт разноаспектного и детального изучения древнекитайского военного дискурса. В конце XX — начале XXI в. современной военной лексике было посвящено много работ. Это не только «Военная лингвистика» [Лю Лин 1990], «Военно-лингвистические исследования» [Ли Сумин 2006], но и другие монографии, способствовавшие становлению военной лингвистики в целом, а также ряд статей, в которых военная лексика охарактеризована с разных точек зрения. Например, в статье Ли Циншаня «Общее введение в проблему военного термина» [Ли Циншань 1997] рассмотрены основные свойства военной терминосистемы, в статье Дяо Яньбиня «Обобщение и изменение военных терминов» [Дяо Яньбинь 1994] представлен социолингвистический анализ военной терминологии. Статья Цзинь Цзингуо и Вэй Мэнхуна «Аббревиатуры в военных материалах» [Цзинь Цзиньгуо, Вэй Мэнхун 1995] посвящена феномену аббревиации в текстах военных жанров. Большинство статей 1990-х гг., связанных с военным дискурсом, явно концентрируется на лексикологии. Вплоть до начала XXI в. исследования китайских ученых в области военной лингвистики все еще оставались в основном на уровне описания внешней формы языка.

ВОЕННЫЙ ДИСКУРС КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В конце XX в. китайские лингвисты стали уделять внимание изучению различных видов дискурса — политического, медийного, рекламного, юридического и др. К 2010 г. было опубликовано более ста статей, связанных с дискурс-анализом [Ли Яни и др. 2010]. Однако этот поворот лингвистических исследований к дискурсу почти не затронул сферу военной лингвистики, хотя уже в монографии «Военная лингвистика» (автор — Лю Лин) содержатся некоторые наблюдения и идеи, касающиеся функций военного дискурса [Лю Лин 1990: 175—176]. Например, при рассмотрении вариаций военного дискурса автор подчеркивает роль коммуникативного повода: утверждается, что коммуникативный повод является важным компонентом регистра. Лю Лин обсуждает различные характеристики диалога в различных коммуникативных ситуациях. К сожалению, специалисты по военной лингвистике занимались изучением не прагматических функций военного дискурса с точки зрения условий коммуникации и контекста.

Лишь в последнее десятилетие в Китае начались целенаправленные исследования военного дискурса. Ученые отмечают, что по мере повышения глобального политического и военного статуса Китая соответствующий дискурс играет все более важную роль в формировании имиджа КНР и Китайской Народно-освободительной армии, в частности на международной арене, где доминирует западная идеология. Очевидно, что в современной ситуации возможности и вызовы существуют. В 2010 г. китайские Военно-

морские силы реализовали свою стратегию «выхода» и выполнили эскортную миссию в Аденском заливе — за тысячи миль от КНР. Китайские сухопутные войска и военно-воздушные силы активно участвовали в многосторонних антитеррористических совместных военных учениях в рамках ШОС. С 2012 г. ВМФ России и ВМС Китая проводят серию двусторонних совместных военных учений «Морское взаимодействие». В связи с возникновением территориальных споров между Китаем и некоторыми соседними странами в отношении островов и рифов Южно-Китайского моря, а также постоянными трениками между Китаем и Японией по вопросу принадлежности островов Дяоюйдао в Восточно-Китайском море темы, связанные с обороной и военной сферой в целом, становятся весьма актуальными. Особенности международной политической обстановки также стали фактором, способствующим развитию исследований военного дискурса.

В данной работе применено сочетание количественных и качественных методов. С помощью CNKI (China National Knowledge Infrastructure) осуществлен поиск по теме SU=军事*话语 (SU= junshi*huayu, военный*дискурс). Результаты поиска позволяют оценить состояние исследований военного дискурса в макроперспективе. Найдено всего 162 документа. На диаграмме показано, что к началу XXI в. стали появляться соответствующие статьи. После 2010 г., за исключением 2013-го, количество публикаций ежегодно превышало 10, а самым высоким оно стало в 2017 г., достигнув 21 (см. рис. 1).

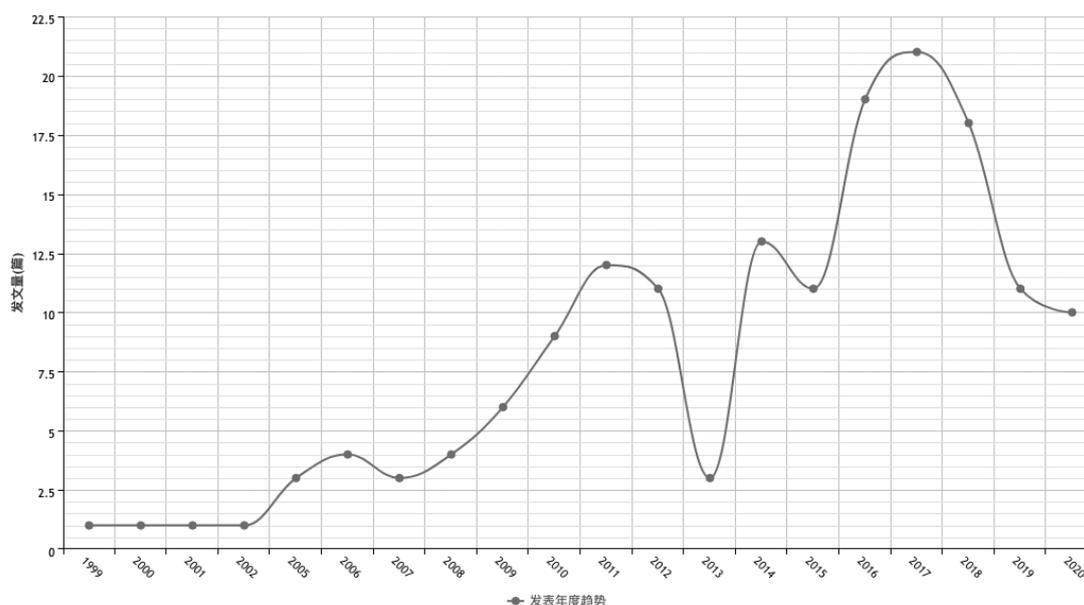
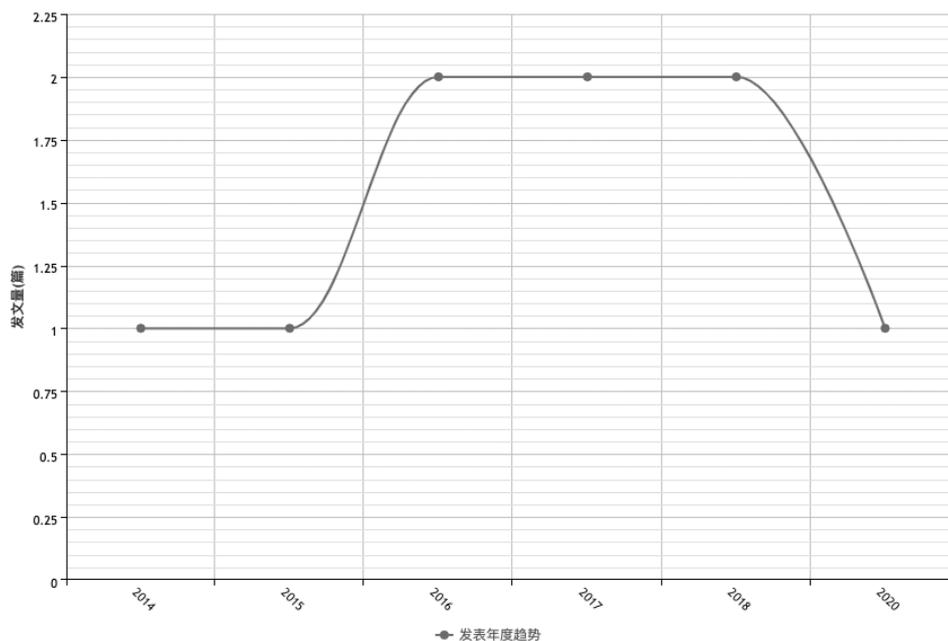
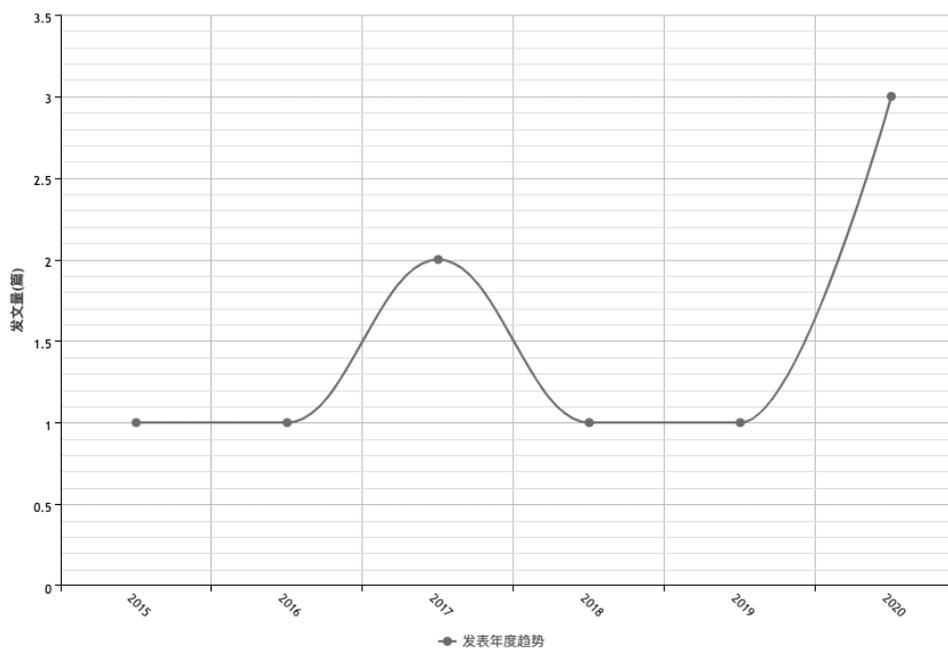

Рис. 1. Количественные результаты изучения военного дискурса в хронологическом аспекте, тема поиска — SU=军事*话语 (junshi*huayu, военный*дискурс). Диаграмма взята из CNKI

Рис. 2. Количественные результаты изучения военного дискурса в хронологическом аспекте, ключевое выражение поиска — 军事话语 (junshihuaayu, военный дискурс). Диаграмма взята из CNKI

Рис. 3. Количественные результаты изучения военного дискурса в хронологическом аспекте, ключевое выражение поиска — 国防话语 (guofanghuaayu, дискурс национальной обороны). Диаграмма взята из CNKI

Далее мы использовали в качестве ключевых выражений 军事话语 (junshihuaayu, военный дискурс) и 国防话语 (guofanghuaayu, дискурс национальной обороны) для определения количества узкоспециальных работ данной тематики. Если используется КУ (ключевое слово) = 军事话语 (военный дискурс) или КУ = 国防话语 (дискурс национальной обороны), в CNKI можно получить

18 результатов поиска — по 9 на каждое ключевое выражение; при этом дублирующих записей нет. Только одна из этих 18 статей была опубликована до 2015 г., остальные позднее (см. рис. 2 и рис. 3). Можно видеть, что китайские лингвисты первоначально занимались смежными исследованиями, связанными с военным дискурсом, и достигли в этом значительных результатов. Специаль-

ные же исследования военного дискурса начались относительно поздно, их количество было ограничено.

На основе анализа соответствующей научной литературы и сопоставления приведенных выше данных диаграмм можно сделать следующие три вывода. Во-первых, исследование военного дискурса китайскими лингвистами начинается с описания и интерпретации военного текста; исследование военного текста хронологически стало первым направлением лингвистических исследований военного дискурса в Китае. Во-вторых, на фоне работы с другими типами дискурса исследования военного дискурса в Китае начались поздно и имеют сравнительно скромные результаты. В-третьих, в истории обсуждаемого направления китайской лингвистики отчетливо выделяются два этапа: этап становления (2010—2015 гг.) и этап развития (с 2015 г. по сей день); 2015 год является поворотным моментом в данном процессе.

ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЕННОГО ДИСКУРСА: 2010—2015 ГГ.

Характеристики данного этапа относительно просты. Ряд лингвистов в этот период использует «Белую книгу национальной обороны Китая» в качестве объекта исследований. «Белая книга национальной обороны» считается типичным военным текстом с точки зрения переводоведения, грамматики и прагматики.

Анализируя свой материал в рамках переводоведения, Чжан Вэньлин в магистерской диссертации «Исследование эксплицитации в переводе „Белой книги национальной обороны Китая“ на английский язык на основе корпуса» [Чжан Вэньлин 2010] использует описательный подход к переводу, достижения корпусной лингвистики и корпусных исследований эксплицитации при переводе. Автор работы указывает преимущества применения эксплицитации в переводе «Белой книги» для создания позитивного имиджа китайской армии и Китая в целом.

Доу Вэйлинь не проводил специальных исследований военного дискурса, но в пятой главе своей докторской диссертации «Сравнительное исследование официальных дискурсов в Китае и США» [Доу Вэйлинь 2011] на основе дискурсивного анализа и анализа частотности слов охарактеризовал словарные цепочки и структуру абзацев «Белых книг» Китая и США. Автор выполнил качественный и количественный текстовый анализ с целью выявления роли социальных ценностей, отраженных в «Белых книгах» Китая и США, в построении национального имиджа.

Ученый пришел к выводу, что под влиянием традиций конфуцианской культуры Китай предпринимает усилия по формированию имиджа страны мирного развития, в то время как США под влиянием идеологии индивидуализма и исключительности формируют имидж страны — глобального стратегического гегемона.

Ли Синь и Ли Чжуовэй проанализировали особенности английского перевода текстов китайского военного дискурса с позиций теории функциональной эквивалентности. Проведя соответствующее переводоведческое исследование [Ли Синь, Ли Чжуовэй 2014], они подтвердили, что перевод «Белой книги национальной обороны» воплощает комплексную модель дискурсивных характеристик и полностью реализует принципы, выдвинутые в рамках функциональной эквивалентности.

Кроме того, имеются статьи, специально посвященные сопоставлению китайских и английских текстовых материалов, например: Луань Ин, «Интерпретация и перевод семантических пресуппозиций: на примере перевода „Белой книги национальной обороны“ 2010 г. с китайского на английский» [Луань Ин 2012]; Чжэн Чжэнь и Лю Сюнь, «Исследование перевода военного дискурса с китайского на английский с точки зрения теории релевантности: на примере перевода „Белой книги национальной обороны“» [Чжэнь Чжэнь, Лю Сюнь 2013]; Чжэн Чжэнь, Лю Сюэчжэн, Чэн Фэншэн, «Сравнительное исследование стиля повествования в „Белых книгах национальной обороны“ Китая и Австралии» [Чжэнь Чжэнь, Лю Сюэчжэн, Чэн Фэншэн 2014] и др. Ученые детально и в различных аспектах анализируют тексты «Белой книги национальной обороны» как образцовые, что в значительной степени способствует повышению теоретического уровня исследований военного дискурса.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЕННОГО ДИСКУРСА: С 2015 Г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

В этот период изучение китайского военного дискурса характеризуется восходящей динамикой. Неуклонно расширяется состав источников корпуса военного дискурса, совершенствуются исследовательские методы и приемы, открываются новые перспективы дискурсивного анализа. На этом этапе появилось не только большое количество статей, но и целая серия диссертаций, посвященных непосредственно военному дискурсу.

Пан Яньянь в статье «Предварительное исследование дискурса национальной обороны в мультимодальном аспекте» [Пан

Яньян 2016] опирается на мультимодальный подход в сочетании с соответствующими концепциями социальной семиотики и когнитивной лингвистики и предлагает метод когнитивно-функционального анализа. Используя междисциплинарные методы исследования, исходя из потребностей государства и общества, автор статьи убедительно показывает, как военный дискурс-анализ служит целям общественного развития.

В этот период продолжается исследование переводов текстов военного дискурса. Цзи Яси и Сюй Хун опубликовали работу «Перевод „Белой книги национальной обороны“ на английский язык: характеристики и приемы» [Цзи Яси, Сюй Хун 2016]. Анализ переводов на английский язык важных пропагандистских текстов военной тематики демонстрирует тот факт, что данные переводы являются военно-политически ориентированными. В статье также представлены практические рекомендации по переводу документов данного типа.

Ли Чжаньцзы в работе «Перспективы дискурсивного анализа в построении военной общественной дипломатии Китая» [Ли Чжаньцзы 2018] рассматривает современную теорию и практику военной публичной дипломатии Китая с позиций дискурсивного анализа и предлагает мультимодальную интеграцию дискурсивных исследований, в том числе функционально-лингвистических исследований, исследований коммуникативных стратегий, исследований медийных продуктов и др. Работа носит инновационный характер: автор применяет новаторские междисциплинарные методы для изучения организации военно-дипломатического дискурса. В то же время предлагается использовать дискурс-анализ для изучения сферы военной общественной дипломатии Китая в новую эпоху, с тем чтобы заложить основу системы подготовки специалистов в этой области. Таким образом, данная статья обладает несомненной прикладной значимостью.

Лян Сяобо [Лян Сяобо 2018] использует в исследовании военного дискурса достижения эмотивной лингвистики и функциональной грамматики, анализирует тональность и модальные характеристики дискурса в рамках пресс-конференции Министерства национальной обороны КНР с целью выяснения эмоций говорящего. Исследование опирается на статистику использования в дискурсе слов различных частей речи (существительных, глаголов, прилагательных и др.), а также риторических средств (метафор и др.), выражающих эмоции. Объект рассмотрения Лян Сяобо — эмоциональный аспект речи пресс-секретаря Министерства

обороны. Авторский исследовательский метод играет ведущую роль в анализе дискурса пресс-секретаря Министерства и позволяет эффективно обобщить эмоциональные характеристики его выступлений и сложившуюся на пресс-конференции эмоциональную атмосферу.

Интенсивное развитие технологий корпусной лингвистики получило отражение и в исследованиях военного дискурса, в которых новая научная парадигма стала применяться достаточно широко. Основываясь на трехмерном анализе структуры информации, настроений и социальности, Цзяо Синьпин и Ао Фэн [Цзяо Синьпин, Ао Фэн 2018] используют поисковую функцию в корпусах, лексическую статистику и метод кейс-анализа при изучении особенностей дискурса в военных микроблогах. Методы корпусной лингвистики могут предоставить исследователям более объективные данные и тем самым способствовать повышению точности качественного анализа.

Диссертационных работ по военному дискурсу в Китае подготовлено пока не очень много. Цзян Тинтин в своей диссертации «Исследование идентичности построения дискурса национальной обороны с точки зрения теории оценки: на примере дискурса пресс-секретаря МИД о ядерном оружии Ирана» [Цзян Тинтин 2017] рассматривает дискурс пресс-секретаря Министерства иностранных дел КНР по проблеме иранского ядерного оружия. Автор диссертации анализирует речь пресс-секретаря Министерства на предмет того, как говорящий использует оценочные ресурсы для конструирования идентичности и какая идентичность конструируется с помощью дискурса национальной обороны.

Теоретической основой диссертации Гао Личжэнь [Гао Личжэнь 2017] является «треугольник стратегического манипулирования» прагматики Франса ван Эмерена: потенциал темы, потребности аудитории и средства выражения. Автор исследует ответы пресс-секретаря на вопросы, заданные журналистами, с позиций теории стратегического манипулирования, обобщает свойства структуры дискурса национальной обороны. Ответы пресс-секретаря охарактеризованы во всех трех аспектах: с точки зрения выбора темы, потребностей аудитории и средств выражения.

Некоторые ученые подчеркивают значимость теории военного дискурса с китайской спецификой в деле совершенствования национальной обороны, указывают на необходимость создания положительного национального имиджа посредством выстраива-

ния системы дискурса национальной обороны Китая. Ши Сюй и Го Хайтин в статье «Академический дискурс и национальная безопасность» [Ши Сюй, Го Хайтин 2017] обсуждают недостатки современных исследований дискурса национальной безопасности. Объектом рассмотрения в статье является дискурсивная практика национальной безопасности Китая. Речь идет о принципах исследования и совершенствования дискурсивной системы национальной безопасности. Западная концепция «китайской угрозы» введена в рамки культурного дискурса и находится в числе объектов современных китайских дискурсивных исследований. С позиций «дискурсивных стратегий» авторы работы показывают, как Запад конструирует национальную безопасность, создавая теорию «китайской угрозы».

Можно видеть, что в течение последних пяти лет китайские исследования военного дискурса развивались в направлении от простого, моноаспектного дискурсивного исследования к исследованию комплексному, многоаспектному. В состав объектов исследований вошли дискурсы СМИ и представителей правительственных структур, в состав методов — методы когнитивной и корпусной лингвистики, дискурсивного анализа, а также междисциплинарные методы, которые дают возможность глубокого изучения смежных вопросов, возникающих при анализе систем военного дискурса.

ВЫВОД

Подводя итог, можно сказать, что, хотя исследования военного дискурса в Китае начались сравнительно поздно, ученые постепенно сформировали теоретико-методологическую базу данного научного направления. В настоящее время теоретические и практические исследования военного дискурса при помощи разнообразных методов и приемов ведутся активно. Эти успешные попытки, безусловно, поднимут уровень изучения военного дискурса на новую высоту. Вместе с тем пока существуют и некоторые проблемы. Во-первых, результаты данных исследований еще не получили полноценного теоретического осмысления и обобщения. Во-вторых, ученые рассматривают в аспектах переводоведения и сопоставительной лингвистики преимущественно английский и китайский военные дискурсы, при этом исследования зарубежных военных дискурсов носят весьма ограниченный характер; в частности, работ, посвященных русскому военному дискурсу, пока крайне мало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гао, Личжэнь. Исследование стратегии манипулирования, используемой пресс-секретарем Министерства обороны, в дискурсе кризиса национальной обороны : дис. ... магистра / Гао Личжэнь ; Фуцзяньский пед. ун-т. — 2017. — Текст : непосредственный.
2. Доу, Вэйлинь. Сравнительное исследование китайского и американского официальных дискурсов : дис. ... д-ра / Доу Вэйлинь ; Шанхайский ун-т иностранных языков. — 2011. — Текст : непосредственный.
3. Дяо, Яньбинь. Обобщение и изменение военных терминов / Дяо Яньбинь // Север : журн. — 1994. — № 12. — Текст : непосредственный.
4. Ли, Сумин. Военно-лингвистические исследования / Ли Сумин. — Изд-во народной вооруженной полиции, 2006. — Текст : непосредственный.
5. Луань, Ин. Интерпретация и перевод семантических presuppositions: на примере перевода «Белой книги национальной обороны» 2010 г. с китайского языка на английский / Луань Ин. — Текст : непосредственный // Вестник Университета Хуайхуа. — 2012. — № 9.
6. Ли, Синь. Анализ характеристик перевода военного дискурса на английский с точки зрения теории функциональной эквивалентности: на примере «Белой книги национальной обороны: диверсифицированного использования вооруженных сил Китая» / Ли Синь, Ли Чжуовэй. — Текст : непосредственный // Вестник Сианьского университета гуманитарных и естественных наук. — 2014. — № 4.
7. Ли, Чжаньцзы. Перспективы дискурсивного анализа в построении военной общественной дипломатии Китая / Ли Чжаньцзы. — Текст : непосредственный // Исследования английского языка : журн. — 2018. — № 4.
8. Ли, Яни. Двадцатилетнее развитие исследований в области дискурс-анализа в Китае и их осмысление / Ли Яни, Доу Цинь, Ли Лисся. — Текст : непосредственный // Китайское электроэнергетическое образование : журн. — 2010. — № 15.
9. Лю, Лин. Военная лингвистика / Лю Лин. — Изд-во военной науки, 1990. — Текст : непосредственный.
10. Ли, Циншань. Общее введение в проблему военного термина / Ли Циншань. — Текст : непосредственный // Военная наука Китая : журн. — 1997. — № 4.
11. Лян, Сяобо. Модальные факторы дискурса пресс-секретаря Министерства обороны / Лян Сяобо. — Текст : непосредственный // Современные исследования иностранных языков : журн. — 2018. — № 4.
12. Пан, Яньян. Предварительное исследование дискурса национальной обороны в мультимодальном аспекте / Пан Яньян. — Текст : непосредственный // Иностранные языки и литературы : журн. — 2016. — № 3.
13. Чу, Лянцай. Введение в изучение древнекитайского военного дискурса / Чу Лянцай. — Изд-во Чжецзянского образования, 1998. — Текст : непосредственный.
14. Чжан, Вэньлин. Исследование эксплицитации в переводе «Белой книги национальной обороны» Китая на английский язык на основе корпуса : дис. ... магистра / Чжан Вэньлин ; Национальный ун-т оборонных технологий. — 2010. — Текст : непосредственный.
15. Чжэн, Чжэнь. Сравнительное исследование стиля повествования в «Белых книгах» национальной обороны Китая и Австралии / Чжэн Чжэнь, Лю Сюэчжэн, Чэн Фэншэн. — Текст : непосредственный // Исследование английского языка : журн. — 2014. — № 6.
16. Чжэн, Чжэнь. Исследование перевода военного дискурса с китайского языка на английский с точки зрения теории релевантности: на примере перевода «Белой книги национальной обороны» / Чжэн Чжэнь, Лю Сюнь. — Текст : непосредственный // Исследование английского языка : журн. — 2013. — № 6.
17. Ши, Сюй. Академический дискурс и национальная безопасность: как западные исследования в области безопасности создали концепцию «китайской угрозы» / Ши Сюй, Го Хайтин. — Текст : непосредственный // Академический круг : журн. — 2017. — № 5.
18. Ци, Яси. Перевод «Белой книги национальной обороны» на английский язык: характеристики и приемы / Ци

Яси, Сюй Хун. — Текст : непосредственный // Исследования иностранных языков : журн. — 2016. — № 3.

19. Цзинь, Цзингуо. Аббревиатуры в военных материалах / Цзинь Цзингуо, Вэй Мэнхун. — Текст : непосредственный // Вестник Института иностранных языков при НОАК. — 1995. — № 1.

20. Цзян, Тинтин. Исследование идентичности построения дискурса национальной обороны с точки зрения теории оценки: на примере дискурса пресс-секретаря МИД о ядерном оружии Ирана : дис. ... магистра / Цзян Тинтин ; Ханчжоуский пед. ун-т. — 2017.

Jiang Chao

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, PRC

ORCID ID: 0000-0003-3588-9009

 E-mail: nickjiang123@163.com.

Military Discourse Studies in China

ABSTRACT. *The article presents an overview of military discourse studies and related notions in China over the last three decades. The author singles out and characterizes the stages of emergence and development of this research area and notes the tendency to activate these studies and to expand the scope of their objects and methods. Interest in this research area is associated with the modification of conflicts in the modern world: their participants use super modern technical means that allow waging information and commercial warfare on the global scale. The concept of the “military discourse” and the notions related to it were introduced in the scientific paradigm in China in the late 1980s. The first Chinese study considering military discourse in a systemic way was the monograph “Military Linguistics” (by Lui Ling). The 1990 works analyze the Old Chinese military discourse. General problems of military terminology and some means of their formation (abbreviation) were also studied at this time. Research made in the framework of discourse analysis refers to the early 21st century. Exploration of the military discourse by Chinese linguists begins with the description and interpretation of the military text. Two stages can be clearly distinguished in this process: the stage of emergence (2010-2015) and the stage of development (from 2015 till now). At stage 2, scholars pass on to comprehensive polyaspect studies, when the research material covers mass media and government discourse, and the methods include methods of cognitive and corpus linguistics, discourse analysis, and interdisciplinary methods. In terms of translation studies and comparative analysis, the studies look mainly at English and Chinese military discourses. Materials of other languages are rarely involved in the study.*

KEYWORDS: *military discourse; discourse analysis; political discourse; military linguistics; military terminology; military terms; Chinese language; English language; translation studies; Chinese linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Jiang Chao, Candidate of Philology, Doctor of Russian Studies, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies (GDUFS), Guangzhou, China.*

FOR CITATION: *Jiang, Chao. Military Discourse Studies in China / Jiang Chao // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 140-148. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_13.*

REFERENCES

1. Gao, Lizhen. A Study of the Manipulation Strategy Used by the Spokesman for the Ministry of Defense in the Discourse of the National Defense Crisis : thesis ... of master / Gao Lizhen ; Fujian Ped. Univ. — 2017. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

2. Dou, Weilin. Comparative Study of the Chinese and American Official Discourses : dis. ... Dr. / Dou Weilin; Shanghai University of Foreign Languages. — 2011. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

3. Diao, Yanbin. Generalization and Change Of Military Terms / Diao Yanbin. — Text : unmediated // North : journal. — 1994. — № 12. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

4. Lee, Sumin. Military Linguistic Studies / Li Sumin. — Publishing house of the people's armed police, 2006. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

5. Luan, Ying. Interpretation and Translation of Semantic Pre-suppositions: on the Example of the Translation of the 2010 White Paper of National Defense from Chinese into English / Luan Ying. — Text : unmediated // Bulletin of Huaihua University. — 2012. — No. 9. — (In Chinese.)

6. Li, Xin. Analysis of the Characteristics of the Translation of Military Discourse into English from the Point of View of the Theory of Functional Equivalence: on the Example of the White Paper of National Defense: Diversified Use of the Armed Forces of China / Li Xin, Li Zhuowei. — Text : unmediated // Bulletin of Xi'an University of Humanities and Natural Sciences. — 2014. — No. 4. — (In Chinese.)

21. Цзяо, Синьпин. Исследование военного дискурса в микроблогах: на примере «Журналистов газеты НОАК» / Цзяо Синьпин, Ао Фэн. — Текст : непосредственный // Исследования иностранных языков. — 2018. — № 1.

22. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris. — Text : unmediated // Language. — Dordrecht : D. Reidel, 1952. — Vol. 8. — Iss 1.

23. Hartmann, P. Theorie der Grammatik / Peter Hartmann. — The Hague : Mouton, 1963. — Text : unmediated.

24. Dijk, Teun A. van. Some aspects of text grammars / Teun A. van Dijk. — The Hague : Mouton, 1972. — Text : unmediated.

7. Li, Zhanzi. Perspectives of Discourse Analysis in the Construction of Military Public Diplomacy in China / Li Zhanzi. — Text : unmediated // Studies of the English Language : journal. — 2018. — No. 4. — (In Chinese.)

8. Lee, Yani. Twenty Years of Development of Research in the Field of Discourse Analysis in China and Their Comprehension / Li Yani, Dou Qin, Li Lissia. — Text : unmediated // Chinese Electric Power Education : journal. — 2010. — No. 15. — (In Chinese.)

9. Liu, Lin. Military Linguistics / Liu Ling. — Publishing house of military science, 1990. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

10. Li, Qingshan. General Introduction to the Problem of the Military Term / Li Qingshan. — Text : unmediated // Military Science of China : journal. — 1997. — No. 4. — (In Chinese.)

11. Liang, Xiaobo. Modal Factors of the Discourse of the Press Secretary of the Ministry of Defense / Liang Xiaobo. — Text : unmediated // Modern Studies of Foreign Languages : journal. — 2018. — No. 4. — (In Chinese.)

12. Pan, Yanyan. A Preliminary Study of the Discourse of National Defense in a Multimodal Aspect / Pan Yanyan. — Text : unmediated // Foreign Languages and Literature : journal. — 2016. — No. 3. — (In Chinese.)

13. Chu, Liangcai. Introduction to the Study of Ancient Chinese Military Discourse / Chu Liangcai. — Publishing House of Zhejiang Education, 1998. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

14. Zhang, Wenling. A Study of Explication in the Translation of China's National Defense White Paper into English Based on

the Corpus : thesis ... of master / Zhang Wenling ; National university of defense technologies. — 2010. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

15. Zheng, Zhen. A Comparative Study of the Narrative Style in the White Papers of the National Defense of China and Australia / Zheng Zhen, Liu Xuezheng, Cheng Fengsheng. — Text : unmediated // Study of the English Language : journal. — 2014. — No. 6. — (In Chinese.)

16. Zheng, Zhen. Study of the Translation of Military Discourse from Chinese into English from the Point of View of the Theory of Relevance: on the Example of the Translation of the White Paper of National Defense / Zheng Zhen, Liu Xun. — Text : unmediated // Study of the English language : journal. — 2013. — No. 6. — (In Chinese.)

17. Shi, Xu. Academic Discourse and National Security: How Western Security Studies Created the Concept of the “Chinese Threat” / Shi Xu, Guo Haitin. — Text : unmediated // Academic circle : journal. — 2017. — No. 5. — (In Chinese.)

18. Ji, Yashi. Translation of the White Paper of National Defense into English: Characteristics and Techniques / Ji Yaxi, Xu Hong. — Text : unmediated // Studies of Foreign Languages : journal. — 2016. — No. 3. — (In Chinese.)

19. Jin, Jinguo. Abbreviations in Military Materials / Jin Jinguo, Wei Menghong. — Text : unmediated // Bulletin of the Institute of Foreign Languages at the PLA. — 1995. — No. 1. — (In Chinese.)

20. Jiang, Tintin. Study of the Identity of Building a Discourse of National Defense from the Point of Evaluation Theory: On the Example of the Discourse of the Press Secretary of the Ministry of Foreign Affairs about Iran's Nuclear Weapons : thesis ... of Master / Jiang Tingting ; Hangzhou Ped. Univ. — 2017. — (In Chinese.)

21. Jiao, Xinping. Study of Military Discourse in Microblogging: the Example of “Journalists of the PLA Newspaper” / Jiao Xinping, Ao Feng. — Text : unmediated // Studies of Foreign Languages. — 2018. — No. 1. — (In Chinese.)

22. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris. — Text : unmediated // Language. — Dordrecht : D. Reidel, 1952. — Vol. 8. — Iss 1.

23. Hartmann, P. Theorie der Grammatik / Peter Hartmann. — The Hague : Mouton, 1963. — Text : unmediated.

24. Dijk, Teun A. van. Some aspects of text grammars / Teun A. van Dijk. — The Hague : Mouton, 1972. — Text : unmediated.

Сяо Юй

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; Цзыбо, Китай
ORCID ID: 0000-0001-7931-3517

 E-mail: gobelieveyu@gmail.com.

Использование социальных сетей в политической коммуникации

АННОТАЦИЯ. В последнее время представители Министерства иностранных дел Китая на своих платформах связей с общественностью активно отвечают на вопросы населения — представителей всех кругов общества, используя социальные сети, у которых сегодня большое количество пользователей, что способствует двусторонней коммуникации с обществом и распространению официальной информации о политике Китая. Это связано с изменениями в интернет-пространстве в начале XXI в.: в современных социальных медиа передача и получение информации часто осуществляется в диалоговом и интерактивном режиме. Основываясь на анализе деятельности пресс-службы Министерства иностранных дел, мы исследуем роль социальных сетей в политической коммуникации, в частности, их роль в создании национального имиджа страны. Анализируются три аспекта интернет-коммуникации: контент, каналы коммуникации и ее языковые стратегии. Высокочастотные существительные вопросов и сообщений на интернет-платформах имеют ярко выраженный политический оттенок, в центре внимания китайско-американские отношения и глобальные проблемы («Эпидемия», «Гонконг» и «Синьцзян»). Каналы коммуникации делятся на внутренние («Weibo») и внешние («Твиттер» и другие международные соцсети). Как правило, ответы пресс-службы Министерства иностранных дел делятся на три группы: ответная реакция на опроверженный факт; разъяснение фактической информации; выражение официальной позиции Китая. Будущее участия социальных сетей в политической коммуникации видится в реализации трех основных направлений: 1) увеличение членов общества, участвующих в политической коммуникации; 2) рост влияния социальных сетей на государственное управление; 3) признание социальных сетей как фактора народной дипломатии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет; интернет-пространство; интернет-коммуникация; интернет-дискурс; интернет-тексты; социальные сети; политический дискурс; пресс-служба; политическая коммуникация; языковые стратегии; связь с общественностью; имидж страны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юй Сяо, аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1; Цзыбо, Китай; e-mail: gobelieveyu@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юй, Сяо. Использование социальных сетей в политической коммуникации / Сяо Юй // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 149-158. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_14.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая коммуникация — это целенаправленный процесс передачи политической информации, который тесно связан с политическими целями государства и их реализацией в реальной политике [Shao, Zhang 2015: 30]. На разных этапах общественного развития у политической коммуникации были различные формы, которые можно условно разделить на политическую пропаганду, собственно политическую коммуникацию и политический маркетинг, сочетание которых влияло на формат государственной структуры, ее политику. Процесс политической коммуникации соответствует классической парадигме Лассуэлла 5W, включающей пять элементов: 1) коммуникатора (автора сообщения), 2) сообщение (информацию), 3) каналы коммуникации (средства передачи сообщения), 4) реципиента (адресата сообщения) и 5) достигнутое воздействие (эффективность коммуникации). Модель 5W Лассуэлла — это способ изучения коммуникативного поведения, который был предложен им в ходе исследований по политоло-

логической проблематике. Модель предполагает разделение коммуникации на элементы с акцентом на коммуникативные эффекты. Раскрытое содержание этих элементов применительно к политической коммуникации.

Коммуникатор — это автор сообщения с политическим контентом. Ван Шицзюнь (старший научный сотрудник Академии общественных наук г. Хэйлуцзяна) пишет в своей статье, что политические коммуникаторы — это люди или организации, которые прямо или косвенно передают информацию в рамках политической коммуникационной деятельности с помощью определенных информационных каналов информации [Wang 2003: 14]. Это значит, что политические коммуникаторы должны соответствовать двум условиям: 1) коммуникационная деятельность должна осуществляться в рамках некой среды; 2) основным объектом распространения должно быть физическое лицо или организация.

С точки зрения *сообщения*, в политической коммуникации преобладает политическая информация. С точки зрения *каналов*

коммуникации, опорными выступают средства массовой информации, включая бумажные СМИ, такие как газеты, книги, плакаты, и электронные СМИ, такие как радио и телевидение. С течением времени и происходящими в информационном пространстве изменениями Интернет и социальные сети также стали основным каналом коммуникации в политической сфере [Зазаева 2015: 179]. Аудитория в этих процессах является адресатом политической информации. Но в новейшее время, в эпоху соцсетей, аудитория не только получает информацию, но также может быть субъектом политической коммуникации. Развитие социальных сетей предоставило новые возможности для участия народных масс в политической жизни, где сама аудитория политической коммуникации становится мощным коммуникатором. Эффективность коммуникации — это важнейший при изучении политической коммуникации параметр, потому что политическая коммуникация направлена на достижение определенных политических целей и формирование политического влияния.

Развитие новых медиаплатформ в эпоху мобильного интернета сделало социальные сети совершенно новым фактором, влияющим на мировую политическую коммуникацию. В сетевом обществе субъект информационной власти больше не контролирует идеологию и политическую власть, как в традиционном обществе, поскольку сетевое сообщество представляет собой огромное количество обычных членов общества, которые имеют абсолютное численное преимущество [Liu 2011: 17]. Кроме того, некоторые эксперты считают, что социальные сети становятся своего рода дипломатической силой вследствие их сильного распространения в их собственных и других странах. Страны, особенно крупные, постепенно начали использовать дипломатические ресурсы социальных сетей. В таких случаях говорят о новом «раунде» дипломатической работы [Wang 2011: 61]. Эта статья посвящена анализу применения социальных сетей, исследованию их функций и роли в сфере политической коммуникации.

I. ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Communication research as “one of the great crossroads where many pass but few tarry”.

Wilbur Schramm [Schramm 1959: 8]

Политическая коммуникация — это не только политическое явление, существовавшее в традиционном обществе, но и наиболее заметный в современном обществе

тип политической деятельности [Shao, Zhang 2015: 30]. В западной академической науке принято считать, что началом истории политической коммуникации послужили политические дебаты и выступления в Древней Греции. «Риторика» и «Политика» Аристотеля содержали множество примеров анализа политической коммуникации. Но в строгом смысле об изучении политической коммуникации по существу можно говорить только применительно к исследованиям современной политической коммуникации [Zhang, Jing 2009: 78]. Обнародованная в 1948 г. теория 5W Лассуэлла, нацеленная на изучение коммуникации и политических явлений, в определенной мере была методологией изучения политической коммуникации. В связи с постоянным развитием исследований в данной сфере Международная коммуникативная ассоциация [Международная коммуникативная ассоциация www] (International Communication Association) создала первое учреждение для изучения политической коммуникации — Отдел политической коммуникации [Отдел политической коммуникации www] (Political Communication Division), а год спустя было основано издание «Политическая коммуникация» (Political Communication Review) ^[1] для расширения обмена результатами академических исследований.

Вопросы политической коммуникации и сегодня остаются актуальным объектом изучения на Западе. Если обратиться к ситуации с аналогичными исследованиями в Китае, то следует упомянуть, что в 1991 г. Шао Пэйжэнь (директор научно-исследовательского института коммуникации Чжэцзянского университета) опубликовал первое монографическое исследование о политической коммуникации на материковой части Китая — «Политическая коммуникация». Эта работа положила начало изучению политической коммуникации в Китае. С тех пор до 2004 г. целый ряд ученых занимался активным изучением опыта политической коммуникации в Европе и Америке и наметил подходящий для развития политической коммуникации в Китае путь. В 2005 г. Ма Лин (доцент школы журналистики и коммуникации Тяньцзиньского педагогического университета) заявил в своей книге «Политическая цивилизация, политическая пропаганда и политическая коммуникация», что развитие и совершенствование науки о политической коммуникации для обслуживания практики в соответствующей сфере не только является требованием времени, но и имеет широкие перспективы [Ma 2005: 70]. В 2009 г. Чжан Сяофэн и Цзин Сюэминь (профессора Китайского университета коммуникации) в сво-

ей статье «Обзор современных западных исследований политической коммуникации» проанализировали и прокомментировали исторический контекст, теоретические школы, методы современных западных исследований политической коммуникации. «Обзор современных западных исследований политической коммуникации» представляет собой теоретический справочник для создания алгоритмов и методов по формам исследования политической коммуникации, адаптированным к национальным условиям Китая. В 2011 г. Цзин Сюэминь, директор Института политической коммуникации Китайского университета коммуникации, объявил о крупном проекте Национального фонда социальных наук «Исследование системы теории и стратегии политической коммуникации с китайскими особенностями», который открыл новый этап политических исследований в стране.

В российской науке первое определение политической коммуникации дал М. Ю. Гончаров в 1991 г., назвав ее циркуляцией информации в сфере политической деятельности, т. е. указав на любые сообщения, которые способны оказать влияние на отношения между социальными группами, нациями или государствами. В «Политологическом словаре» (1994 г., научный редактор и руководитель авторского коллектива — А. А. Мигولاتьев, составитель — В. А. Варывдин) приводится определение, в котором раскрывается функциональная сторона политико-коммуникационных процессов: «Политическая коммуникация — процесс передачи политической информации, который структурирует политическую деятельность и придает ей новое значение, формирует общественное мнение и политическую социализацию граждан с учетом их потребностей и интересов» [Мигولاتьев, Варывдин 1994: 224]. Отметим также работы А. И. Соловьева и Л. Н. Федотовой в этой сфере.

С момента начала развития исследований политической коммуникации и до сегодняшнего дня направление этой научной работы постоянно менялось в соответствии с веяниями и новыми задачами времени. В начале XXI в. появление глобальных сетевых связей и развитие информационных технологий изменили суть политической коммуникации как способа распространения информации. В области изучения политической коммуникации появились понятия международной политической коммуникации, коммуникации в социальных сетях, «мы-медиа» и другие. Международная политическая коммуникация — это в основном распространение среди разных стран идеологически наполненной информации, ее коммен-

тирование. Развитие социальных сетей предоставляет прекрасную возможность для международной политической коммуникации. Коммуникация в социальных сетях резонирует с контентом, предоставляемым институтами, информационными каналами, экспертами других стран. Расширение теории политической коммуникации в новую эпоху происходит с опорой на исследовательский опыт, методологию научных предшественников и наличное состояние общественного развития путем анализа развития и направления эволюции политической коммуникации с точки зрения журналистики и коммуникативистики.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Доктор социологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ Л. Н. Федотова отмечает в своей статье, что «если рассматривать социальные сети на длинных временных волнах, то напрашивается аналогия с бурным развитием телефонизации (в т.ч. факсов) в 30—50-х гг. XX в., которую теоретики коммуникации расценивали как расширение возможностей межличностной коммуникации. Конечно, технологически это кроется и в развитии социальных сетей» [Федотова 2020: 141].

В начале XXI в. человечество вступило в эру Web 2.0. Социальные медиа включают функции социальных сетей и создания пользовательского контента и обмена им для установления и поддержания отношений между пользователями. Благодаря социальным медиа пользователи перешли от пассивного получения информации к новому состоянию, когда все являются «мы-медиа». Социальным медиа присущи черты диалога, о которых писал еще М. М. Бахтин, говоря, что диалогические отношения могут возникать между символами, которые выражают идеологические позиции или определенные значения вещей. Ян Чуаньтин (ученый из Университета китайских эмигрантов) пишет в своей статье «Гуманистический дух теории диалога Бахтина», что важной предпосылкой для диалогических отношений в теории М. М. Бахтина является установление равноправной диалоговой платформы. В современных социальных медиа передача и получение информации иногда осуществляются в диалоговом и интерактивном режиме.

Применение социальных сетей в политической коммуникации привлекло внимание политических структур в различных странах, что дало толчок и научным исследованиям. Впервые эти процессы проявились на Запа-

де, когда повышенное внимание ученых разных областей общественных наук привлекло использование социальных сетей на президентских выборах в США. Выборы — очень важная политическая деятельность в западной демократической политике. Почему социальные сети стали использоваться в этой деятельности? Одно из самых явных объяснений — они изменили способ участия кандидатов в выборах, способствовали углублению понимания избирателями политики и стимулировали участие в политической жизни [Chen 2016: 89].

Кроме того, социальные сети неразрывно связаны с возникновением общественных движений. Технологии социальных сетей не только революционизировали информационную среду и создали новое поле публичного дискурса, пробуждая гражданское сознание, они также обладают функциями расширения политических прав и возможностей граждан, мобилизации, участия, а также «могут поддерживать крупномасштабные социальные перемены» [Gleason 2013: 967]. События, известные как «Арабская весна» и «Россия за честные выборы», вызвали участие людей в политической жизни через социальные сети, которые организовали и мобилизовали людей для включения в социальные движения с помощью Интернета, чем ознаменовалось начало новой эры интернет-демократии.

Распространение социальных сетей быстро привело к их использованию в сфере управления делами государства, в том числе политическими партиями и правительствами различных стран для публикации информации о политике, постановки политических вопросов, общения с народом, общественной дипломатии и предотвращения социальных кризисов [Chen 2016: 89]. Экспрезидент США Дональд Трамп — один из самых известных сторонников концепции «„Twitter“ для управления страной»: этот политик часто выражал свои идеи через социальные сети. Другой пример — официальный представитель пресс-службы МИД Китая Хуа Чуньин, создавшая аккаунт в «Twitter», чтобы рассказывать о внешней политике Китая за рубежом.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КИТАЕ

В мае 2011 г. студент Восточно-Китайского университета политических наук и права (Шанхай) зарегистрировался в «Сина вэйбо» (сервис микроблогов в Китае) и заявил, что будет участвовать в выборах депутатов ВСНП (Всекитайского собрания

народных представителей) как индивидуальный представитель. Он хотел таким образом повысить осведомленность большего числа людей о гражданских правах. Вскоре многие студенты тоже объявили о намерении участвовать в выборах депутатов Всекитайского собрания народных представителей. В июне Ху Вэньхао, студент бизнес-школы Гуандун, объявил на «Сина вэйбо», что будет баллотироваться в Народный конгресс района Чжухай Сянчжоу, и опубликовал в Интернете личную информацию и информацию об имуществе, что вызвало бурные обсуждения среди пользователей Сети. Что касается цели участия в выборах, данный кандидат сообщил на «Сина вэйбо»: «Я не скрывал цели своей выборной кампании, а именно: проникнуть глубоко в среду избирателей и сказать им, что их голос изменит наш город и нашу страну». Хотя в итоге ни один из этих студентов не был избран депутатом ВСНП, их действия позволили всем слоям общества и правительству заметить политическую активность молодых людей. Это была успешная практика участия молодежи в политических выборах в Китае. Она показала, что социальные сети оказывают большое влияние на возможности политического участия людей: от онлайн-мобилизации до спонтанного и активного участия, что не только способствует идентификации молодых людей как граждан с активной позицией, но и может инициировать реформы государственной избирательной системы.

В 2019 г. по Гонконгу (Китай) прокатились демонстрации. Их организаторы воспользовались эффектом распространения информации в социальных сетях для проведения демонстраций и других мероприятий. Позже иностранные СМИ начали сообщать о горячих точках в Гонконге. Китайское правительство отметило, что иностранные СМИ в основном распространяют новости, в которых утрачивается причинно-следственная связь, из-за чего представления китайских и даже иностранных граждан о происходящем искажаются. Так, пресс-служба Министерства иностранных дел уделяла внимание подробностям инцидентов на регулярных пресс-конференциях; СМИ также активно использовали социальные сети, чтобы круглосуточно следить за событиями и предоставлять аудитории правдивую информацию. В результате этого инцидента китайское правительство реально ощутило важность социальных сетей при освещении политических событий.

Использование новых медиа под руководством китайского правительства быстро развивается. SARS в 2003 г. и землетрясе-

ние в Сычуани в 2008 г. повлияли на открытость и прозрачность правительственной информации. Китайские правительства всех уровней активно создают новые медиа. На базе «2W1A» (Weibo + WeChat + App)^[2] управленцами осуществляется работа в сфере распространения политических знаний, государственного строительства, обеспечивается обратная связь в различных социальных сетях для мониторинга и учета общественного мнения и т. д., что делает жизнь граждан многообразнее за счет увеличения в информационной среде политического контента.

В эпоху социальных сетей правительство делится своей властью с активными группами населения. Свобода слова осознается как стимул для политической коммуникации в социальных сетях. На платформах социальных сетей каждый гражданин ощущает себя представителем гражданского общества. Распространение онлайн-политики активизирует чувство сопричастности большинства граждан участию в политике. В Китае социальные сети обогатили политическую жизнь граждан, побуждая их к политическому участию.

IV. ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА (НА ПРИМЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПРЕСС-СЛУЖБОЙ МИД КИТАЯ)

В эпоху Интернета национальные политики могут легко преодолевать географическую и социальную дистанцию, чтобы выражать свое мнение и мысли в социальных сетях, а также вести диалог с обычными гражданами для понимания их потребностей и идей. Это не только сокращает дистанцию между гражданами и политиками, но и позволяет быстро распространять информацию о позиции и политике государства. Таким же образом общение между странами через социальные сети объединяет людей во всем мире, позволяет знакомиться с различными форматами социальной жизни в разных странах. Это расширяет совместное гуманитарное пространство планеты. Коммуникационные сила и активность социальных сетей, оказывающие влияние на ауди-

торию, очевидны для всех, а скорость реакции социальных сетей на горячие новости и масштаб их распространения завоевали любовь и внимание аудитории.

Китайское правительство изучает особенности коммуникации в социальных сетях и активно использует их для общения с гражданами, пропаганды политики. Сегодня силу социальных сетей нельзя игнорировать при ведении международных дел и коммуникации. Начиная с 2019 г. пресс-служба Министерства иностранных дел Китая начала активно продвигать свою национальную позицию и имидж в социальных сетях, последовательно входит в популярные сетевые коммуникационные платформы, такие как «Weibo», «Douyin»^[3], «Twitter», «Facebook», «YouTube» и т. д., и наполнять их контентом. Мы подробно рассмотрим это явление на основании трех аспектов — контента, каналов коммуникации и языковых коммуникативных стратегий.

1. Коммуникативный контент

Автор в своем анализе официального сайта Министерства иностранных дел Китая использовал программу сбора данных «Осьминог» с целью поиска вопросов, заданных на регулярных пресс-конференциях Министерства иностранных дел с 12 мая 2019 г. по 15 сентября 2020 г., и ответов на них. На основе данного языкового материала был проведен контент-анализ. После того, как материал был разбит на отдельные слова, синонимы удалялись вручную. В приведенной ниже таблице показаны 10 наиболее часто встречающихся существительных и глаголов. Высокочастотные существительные имеют ярко выраженный политический оттенок. Частое употребление таких слов, как «Китай», «Америка» и «международные отношения», указывает на то, что в прошлом году в центре внимания находились международные социальные проблемы, такие как китайско-американские отношения. «Эпидемия», «Гонконг» и «Синьцзян» также указывают на серьезные политические проблемы, стоящие перед Китаем. Можно заметить, что развитие социальной сферы, экономики и тенденции международной политики стали вопросами, вызывающими высокую озабоченность в мире.

Таблица 1

10 самых частотных на сайте МИД существительных

Существительные	Количество употреблений
Китай	8229
США	3291
Эпидемия	3029
Интернационал	2691
Гонконг	1511
Общество	1204
Мир	786
Экономика	776
Политика	708
Синьцзян	675

Таблица 2

10 самых частотных глаголов

Глаголы	Количество употреблений
Сотрудничать	2601
Развивать	1727
Защищать	1366
Поддерживать	1198
Противостоять	832
Бороться с эпидемией	688
Связывать	532
Заключать контракт	528
Вести диалог	502
Решить	502

2. Каналы коммуникации

В процессе сбора данных нами было выяснено, что пресс-служба Министерства иностранных дел Китая в основном использует два канала связи: внутренний и внешний. Контент регулярных пресс-конференций в основном представлен на коммуникационных платформах зарубежных каналов, таких как «Twitter», «YouTube», «Facebook» и «Instagram», а внутренние каналы коммуникации включают в себя почти все китайские платформы социальных сетей. Видно, что целевой аудиторией пресс-службы Министерства иностранных дел являются не только СМИ и правительства различных стран, но и все люди в стране и за рубежом, что позволяет распространять ответы на ключевые вопросы во всех уголках мира. Это соответствует принципам политики руководства Китая по созданию прозрачного правительства. «Twitter» — это социальная сеть, которую используют политики и официальные лица разных стран. В частности, практика информирования об управлении страной через «Twitter» экс-президента США Дональда Трампа, продемонстрировавшая эффективность этой платформы, сделала ее популярной и в Китае для освещения положения в стране. Ответы официальных

представителей МИД Китая на острые вопросы, особенно связанные с Америкой, заслуживают международного внимания. Во внутренних каналах, таких как «Weibo», получатели информации — население Китая. По мысли дипломатов, их сообщения должны вселять уверенность китайцев в правильном развитии страны и увеличивать уровень поддержки руководства страны.

3. Языковая коммуникативная стратегия

Языковую коммуникативную стратегию необходимо анализировать на материале регулярных пресс-конференций в следующих аспектах: официальная позиция, языковые особенности, точка зрения официального представителя. Автор отобрал аутентичные тексты трех спикеров МИД Китая по проблеме «Синьцзян». Исходя из официальной позиции, языка и точки зрения повествования, можно представить стратегию языковой коммуникации, которую используют спикеры пресс-службы МИД Китая.

Пример 1. Очередная пресс-конференция МИД, 04.09.2020

Вопрос от Центрального народного радио Китая. *Государственный департамент США опубликовал последнюю информацию, связанную с Синьцзяном, обвинив Китай в*

таких проблемах, как нарушение прав человека, свободы совести, «принудительный труд» и «принудительный контроль рождаемости» в Синьцзяне. Каково мнение Китая по этому поводу?

Спикер пресс-службы. США часто упоминает проблему Синьцзяна и переворачивает факты. Китай неоднократно разоблачал эту безосновательную враждебную ложь с помощью фактов. Я хотела бы еще раз подчеркнуть, что вопросы, связанные с Синьцзяном, ни в коем случае не относятся к этническим, религиозным или касающимся прав человека, они относятся к вопросам борьбы с насилием и сепаратизмом.

Имеются и другие факты различных клеветнических заявлений со стороны США, таких как «принудительный труд» и «принудительное ограничение рождаемости» в этом регионе. США продолжают лгать по вопросам, связанным с Синьцзяном. Это не что иное, как подрыв стабильности страны.

Мы настоятельно призываем Соединенные Штаты прекратить политические манипуляции, прекратить лгать в отношении Синьцзяна и прекратить использование вопросов, связанных с Синьцзяном, для вмешательства во внутренние дела Китая. Решимость Китая защищать свой национальный суверенитет, безопасность и интересы развития не поколеблется.

Пример 2. Очередная пресс-конференция МИД, 09.09.2020

Вопрос от агентства Рейтер. Служащие таможенной и пограничной службы США использовали «принудительный труд» в регионе как предлог для запрета ввоза хлопка и помидоров из Синьцзяна. Каково мнение Китая по этому поводу?

Спикер пресс-службы. Китай неоднократно обращался к фактам и данным, чтобы объяснить, что проблемы, связанные с Синьцзяном, абсолютно не относятся к вопросам прав человека, этническим или религиозным вопросам, они относятся к вопросам борьбы с насилием, терроризмом и сепаратизмом. Дела Синьцзяна — это исключительно внутренние дела Китая, Соединенные Штаты не имеют права вмешиваться.

США нисколько не беспокоят вопросы «прав человека», под предлогом заинтересованности данной проблемой они преследуют цель подавления китайских компаний, подрыва стабильности Синьцзяна и лжи о политике Китая в Синьцзяне. В этом отношении 1,4 миллиарда китайцев, в том числе представители всех этнических групп в Синьцзяне, уже давно осознали ли-

цемерие и враждебные намерения США, и международное сообщество также очень ясно понимает суть данного вопроса.

США должны немедленно прекратить вмешиваться во внутренние дела Китая и ущемлять интересы Китая. Китай продолжит принимать все необходимые меры для защиты законных прав и интересов китайских предприятий.

Пример 3. Очередная пресс-конференция МИД, 15.09.2020

Вопрос от агентства Франс Пресс. США объявили о запрете на ввоз хлопковой продукции соответствующих китайских компаний по причине их подозрения в «принудительном труде». Каково мнение Китая по этому поводу?

Спикер пресс-службы. США используют эту проблему — так называемый «принудительный труд» в регионе — в качестве предлога для введения ограничительных мер в отношении соответствующих китайских компаний, нарушая правила международной торговли и разрушая глобальные производственные цепочки, цепочки поставок и цепочки формирования стоимости. Китай решительно выступает против этого.

Как часть рабочей силы в Китае, представители этнических меньшинств в Синьцзяне имеют свои права и интересы, защищаемые законом. С одной стороны, некоторые люди в США заявляют, что им «небезразличны» этнические меньшинства в Синьцзяне, а с другой — они принимают различные меры для подавления предприятий Синьцзяна. Это полностью обнажает лицемерность и враждебные намерения американцев, стремящихся сдерживать развитие и прогресс Синьцзяна, провоцировать конфликты на почве межэтнических отношений на территории Китая.

Мы призываем США уважать факты, отбросить свои предрассудки, прекратить политические манипуляции и использование вопросов, связанных с Синьцзяном, для нарушения нормального экономического и торгового сотрудничества между китайскими и американскими компаниями. Китай продолжит принимать все необходимые меры для защиты законных прав и интересов китайских предприятий.

Проблема Синьцзяна изначально является этнической проблемой Китая, поэтому вопросы, связанные с Синьцзяном, всегда привлекали пристальное внимание международного сообщества. На трех регулярных пресс-конференциях Министерства иностранных дел в сентябре 2020 г. репортеры трех СМИ по очереди обращались к представителям Министерства иностранных дел,

что свидетельствует о стремлении международного сообщества к тому, чтобы Китай выразил свою позицию.

Проанализировав исходный текст отобранных ответов, делаем вывод о том, что ответы пресс-службы Министерства иностранных дел делятся на три композиционные части: ответная реакция на определенный факт; разъяснение фактической информации; выражение официальной позиции Китая. Все три представителя дали ответ, что проблема Синьцзяна относится к внутренним делам Китая. Они объяснили, что этнические меньшинства Синьцзяна как рабочие защищены китайским законодательством, прояснили позицию Китая по поводу действий США и подчеркнули, что Китай при необходимости примет необходимые меры для защиты своих интересов.

Регулярные пресс-конференции Министерства иностранных дел являются для Китая возможностью сообщить информацию внешнему миру. Позиция, выраженная официальными лицами, является дипломатической позицией китайского правительства. Три представителя пресс-службы Министерства иностранных дел использовали такие слова, как «решительно против» и «немедленно прекратить», чтобы выразить свое несогласие, протестное отношение и твердую позицию Китая по защите своих национальных интересов.

Позиция, выраженная пресс-службой Министерства иностранных дел в ответах на вопросы, строится на положениях руководства Китая, что западные СМИ не могут объективно рассматривать развитие Китая; четкая позиция МИД определяет общественное мнение страны.

Что касается выбора языка, то в ответах официальных представителей использовалась и политическая терминология, и общепринятая лексика. «Принимать белое за черное», «самовольно вмешиваться», «враждебная клевета» и «злая ложь» напрямую относятся к американской практике и опровергают ложные утверждения; такие слова, как «твердый» и «решительный», показывают отношение Китая к инциденту.

Ответы трех официальных представителей были очень краткими, что соответствует общепринятой практике таких брифингов. По таким вопросам, как внутренние дела Синьцзяна, представители пресс-службы должны использовать четкую лексику и говорить по сути вопроса. Таким образом можно избежать неточного понимания, вызванного лингвистическими причинами.

Официальные представители МИДа знают все о производственной деятельности

и образе жизни Синьцзяна (Синьцзян — это тема, которая часто обсуждается на регулярных пресс-конференциях), они могут быстро дать исчерпывающий ответ о ситуации. Одновременно они критикуют гегемонистское поведение США в международном сообществе.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря анализу пресс-конференций Министерства иностранных дел Китая мы обнаруживаем, что учет роли социальных сетей расширяет сферу влияния китайского правительства внутри страны и за рубежом. С дальнейшим развитием социальных сетей они должны стать дипломатической силой, которую нельзя оставлять без внимания.

Применение политической коммуникации в социальных сетях является тенденцией времени. Социальные сети обеспечивают благоприятную почву для инновационного развития политической коммуникации. Это способствует формированию у общественности понимания вопросов внутренней и внешней политики страны, приближает аудиторию к событиям, где бы они ни происходили, стимулирует обычных людей к участию в политической жизни. Дальнейшее развитие социальных сетей в политической коммуникации связано с тремя основными направлениями: обычные члены общества включаются в процесс управления; обычные члены общества выступают в качестве распространителей управленческой информации; официальные органы будут получать все больше и больше полезной информации от общественности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Журнал «Политическая коммуникация» — это ежеквартальный рецензируемый научный журнал, посвященный политической коммуникации. Он был основан в 1980 году. Главный редактор — Клас де Вризе (Амстердамский университет).

[2]. Weibo, или «Сина вэйбо», — сервис микроблогов в Китае.

WeChat — «Вичат» (китайская программа обмена сообщениями посредством мобильных телефонов).

App — мобильное клиентское приложение.

[3]. «Доуинь» — китайское приложение для создания и просмотра коротких видео.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров, М. Ю. Риторика политической коммуникации / М. Ю. Гончаров. — Текст : непосредственный // Массовая коммуникация в современном мире : сборник научных трудов. — Москва : МГИМО, 1991. — С. 55–60.

2. Зазаева, Н. Б. Политические коммуникации / Н. Б. Зазаева. — Текст : непосредственный // Философия и общество. — Волгоград, 2007. — № 4. — С. 175–187.

3. Федотова, Л. Н. Политика — СМК — политики: социологическая парадигма / Л. Н. Федотова. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — Москва, 2017. — Т. 22. — № 1. — С. 99—114.

4. Федотова, Л. Н. Социальные сети — возможности коммуникации / Л. Н. Федотова. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 1. — С. 141—145.

5. Gleason, B. Occupy Wall Street: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter / B. Gleason. — Text : unmediated // American Behavioral Scientist. — 2013. — Vol. 57. — No 7. — P. 966—982.

6. Chen, W. Political Applications of Social Media-Review of Related Foreign Research / Chen W. — Text : unmediated // Shanghai Journalism Review. — 2016. — No.4. — P. 86—92.

7. Liu, S. Changes in Power Structure in the Network Era / Liu S. — Text : unmediated // Jianghuai Tribune. — 2011. — No. 5. — P. 15—19.

8. Schramm, W. Comments on Berelson's Article / W. Schramm. — Text : unmediated // Public Opinion Quarterly. — 1959. — Vol. 23. — P. 6—9.

9. Shao, Z. Analysis of the Propaganda Mode of "News Broadcast" from the Perspective of Political Communication / Z. Shao, X. Zhang. — Text : unmediated // Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences Edition). — 2015. — Vol. 30. — No. 3. — P. 30—42.

10. Wang, S. The Meaning and Characteristics of Political Communicators / S. Wang. — Text : unmediated // Heihe Journal. — 2003. — No. 6. — P. 14—16.

11. Wang, W. Social Media and World Politics in the Web 2.0 Era / W. Wang. — Text : unmediated // Foreign Affairs Review. — 2011. — No. 6. — P. 61—72.

12. Zhang, X. A Literature Review of Political Communication in the West / Zhang X., Jing X. — Text : unmediated // Teaching and Research. — 2009. — No. 7. — P. 76—85.

Yu Xiao

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Zibo, China

ORCID ID: 0000-0001-7931-3517

 E-mail: gobelieveyu@gmail.com.

The Use of Social Networking Sites in Political Communication

ABSTRACT. *Recently, representatives of the Ministry of Foreign Affairs of China have actively been answering on their online public relations platforms questions of the population members from all circles of the society using social networking services with a large number of users, which facilitates bilateral communication with the society and dissemination of official information about the policy of China. This is associated with the change in the Internet space in the early 21st century: in the modern social media, transmission and reception of information is often carried out in dialogic and interactive mode. Based on the analysis of the activity of the Ministry of Foreign Affairs press service, the author studies the role of social networking sites in political communication, and specifically their role in the creation of the national image of the country. The article analyzes three aspects of Internet communication: content, communication channels and its language strategies. High frequency nouns of the questions and messages on the Internet platforms have a salient political flavor. Chinese-American relations and the global issues ("Epidemic", "Hong Kong" and "Xinjiang") are in the focus of attention. Communication channels are subdivided into internal ("Weibo") and external ("Twitter" and other international social networking services). As a rule, answers of the Ministry of Foreign Affairs press service are divided into three groups: response to a certain fact; explanation of factual information; expression of the official position of China. The future of the role of the social networking sites in political communication is believed to lie in the sphere of realization of the three main areas: 1) increasing the number of society members taking part in political communication; 2) boosting the impact of social networking sites on state governance; 3) acknowledgement of social networking sites as factors of people's diplomacy.*

KEYWORDS: *Internet; Internet space; Internet communication; Internet discourse; Internet texts; social networking sites; political discourse; press service; political communication; language strategies; public relations; image of the country.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yu Xiao, Post-Graduate Student of Department of Advertisement and Public Relations, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Yu, Xiao. The Use of Social Networking Sites in Political Communication / Yu Xiao // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 149-158. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_14.*

REFERENCES

1. Goncharov, M. Yu. Rhetoric of Political Communication / M. Yu. Goncharov. — Text : unmediated // Mass Communication in the Modern World : collection of scientific papers. — Moscow : MGIMO, 1991. — P. 55—60. [Ritorika politicheskoy kommunikatsii / M. Yu. Goncharov. — Текст : непосредственный // Massovaya kommunikatsiya v sovremennom mire : sbornik nauchnykh trudov. — Moskva : MGIMO, 1991. — S. 55—60]. — (In Rus.)

2. Zazaeva, N. B. Political Communications / N. B. Zazaeva. — Text : unmediated // Philosophy and Society. — Volgograd, 2007. — No. 4. — P. 175—187. [Politicheskie kommunikatsii / N. B. Zazaeva. — Текст : непосредственный // Filosofiya i obshchestvo. — Volgograd, 2007. — № 4. — S. 175—187]. — (In Rus.)

3. Fedotova, L. N. Politics — MMC — Politicians: a Sociological Paradigm / L. N. Fedotova. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Series: Literary Criticism, Journalism. — Moscow, 2017. — Vol. 22. — No. 1. — P. 99—114. [Politika —

SMK — politiki: sotsiologicheskaya paradihm / L. N. Fedotova. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — Москва, 2017. — Т. 22. — № 1. — С. 99—114]. — (In Rus.)

4. Fedotova, L. N. Social Networks — Opportunities for Communication / L. N. Fedotova. — Text : unmediated // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. — 2020. — No. 1. — P. 141—145. [Sotsial'nye seti — vozmozhnosti kommunikatsii / L. N. Fedotova. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 1. — С. 141—145]. — (In Rus.)

5. Gleason, B. Occupy Wall Street: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter / B. Gleason. — Text : unmediated // American Behavioral Scientist. — 2013. — Vol. 57. — No 7. — P. 966—982.

6. Chen, W. Political Applications of Social Media-Review of Related Foreign Research / Chen W. — Text : unmediated // Shanghai Journalism Review. — 2016. — No.4. — P. 86—92.

7. Liu, S. Changes in Power Structure in the Network Era / Liu S. — Text : unmediated // Jianghuai Tribune. — 2011. — No. 5. — P. 15—19.

8. Schramm, W. Comments on Berelson's Article / W. Schramm. — Text : unmediated // Public Opinion Quarterly. — 1959. — Vol. 23. — P. 6—9.

9. Shao, Z. Analysis of the Propaganda Mode of "News Broadcast" from the Perspective of Political Communication / Z. Shao, X. Zhang. — Text : unmediated // Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences Edition). — 2015. — Vol. 30. — No. 3. — P. 30—42.

10. Wang, S. The Meaning and Characteristics of Political Communicators / S. Wang. — Text : unmediated // Heihe Journal. — 2003. — No. 6. — P. 14—16.

11. Wang, W. Social Media and World Politics in the Web 2.0 Era / W. Wang. — Text : unmediated // Foreign Affairs Review. — 2011. — No. 6. — P. 61—72.

12. Zhang, X. A Literature Review of Political Communication in the West / Zhang X., Jing X. — Text : unmediated // Teaching and Research. — 2009. — No. 7. — P. 76—85.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'42
ББК Ш105.51
DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_15

ГСНТИ 16.21.27, 16.31.21

Код ВАК 10.02.19, 10.02.21

С. И. Красса

Ставрополь, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6699-2159 E-mail: skrassa@yandex.ru.

Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 2)

АННОТАЦИЯ. Проводится обзор докладов Первого круглого стола по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа, организованного Международной ассоциацией судебной лингвистики и Центром цифровых гуманитарных наук Манчестерского университета. Круглый стол проведен 15 мая 2019 года. В обзоре представлены совместный доклад Кишиитофа Креденса из Астонского университета и Петра Рензика «Крупномасштабная классификация автора: исследуя черный ящик»; доклад Джека Грива, профессора лингвистики из Бирмингемского университета, «Изменения стиля и автороведческий анализ». В конце каждого доклада приводятся вопросы к выступающему и ответы на них. В первом докладе установление авторства рассматривается на материале коротких сообщений популярных интернет-форумов (один из них — «Mistnet»). При обработке данных применен статистический подход k — ближайших соседей (k -nearest neighbors approach), использовались следующие маркеры стилей: N -граммы, POS-леммы со снятой неоднозначностью, коллокации, демонстрирующие типичные лексические реализации синтаксических конструкций (фразовые глаголы, прямые дополнения, подлежащие, выраженные местоимениями). Если нет универсально применимых маркеров, необходимо всякий раз отыскивать оптимальные параметры и воспринимать каждый случай как уникальный. Джек Грив в докладе, посвященном стилеметрии, утверждает, что в качестве основы для нее лучше, чем социолингвистика, подходит функциональная теория языкового варьирования: язык видоизменяется в разных контекстах потому, что различные языковые формы лучше подходят для этих контекстов. Для демонстрации преимуществ функционального подхода проводится стилеметрический анализ статей двух политических колумнистов издания «The Telegraph». Стиль аналитических колонок этих авторов различается в соответствии со стратегиями коммуникации: у одного автора стиль более нарративный, у другого — более аналитический. Докладчик делает вывод, что функциональная теория автороведения может стать более надежной, чем социолингвистическая теория идиолекта, базой для судебной лингвистики в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: круглый стол; судебный автороведческий анализ; профилирование автора; стилеметрия; компьютерная лингвистика; ядерные признаки стиля; судебная лингвистика; судебная экспертиза.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: рецензия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Красса Сергей Иванович, кандидат филологических наук, доцент, Ставрополь, Россия; e-mail: skrassa@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Красса, С. И. Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 2) / С. И. Красса // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 159-166. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_15.

ВВЕДЕНИЕ

15 мая 2019 г. Международная ассоциация судебной лингвистики (International Association of Forensic Linguistics) и Центр цифровых гуманитарных наук (Centre for Digital Humanities) Манчестерского университета провели Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа [Forensic Authorship Analysis Roundtable]. Целью мероприятия являлось продвижение судебной автороведческой экспертизы в направлении стандартизации применения, улучшения диалога между учеными различных направлений. Одной из наиболее значимых целей круглого стола было создание площадки для обсуждения и развития междисциплинарного сотрудниче-

ства, которое могло бы привести к формированию строгих методических и теоретических достижений в данной области. Трансляция круглого стола велась в видеохостинге «YouTube» [Forensic Linguistics Roundtable Event]. Порядок проведения круглого стола предусматривал выступления докладчиков, ответы на вопросы, затем выступления и вопросы в режиме диалога. В целом круглый стол продлился более семи часов. Данный обзор является продолжением обзора, опубликованного ранее (Красса, С. И. Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 1) / С. И. Красса // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 174-187. — DOI 10.26170/pl20-06-19).

© Красса С. И., 2021

ОБЗОР ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ

К. КРЕДЕНС, П. РЕНЗИК

Третьим было совместное выступление Кшиштофа Креденса (Krzysztof Kredens) из Астонского университета и Петра Рензика (Piotr Reżik) на тему «Крупномасштабная классификация автора: исследуя черный ящик».

В докладе рассматриваются две проблемы: первая — общая классификация авторов. В значительной мере это исследование в области, в которой работает Е. Стататос и другие специалисты по компьютерной лингвистике. К. Креденс и П. Рензик в своем исследовании тестировали показатели системы, используя различные измерения, чтобы увидеть, какие из них работают лучше других. Однако более важное направление сегодня — рассмотрение «черного ящика». Ранее К. Креденс и П. Рензик использовали термин «экспликация», сейчас — более простой термин, а именно «объяснение». Докладчики постарались продемонстрировать, можно ли объяснить что-либо, используя большое количество данных.

Контекст исследования включает следующие утверждения. Тексты Q и K могут существенно различаться по многим основаниям: жанр, тема, канал коммуникации, эффект аккомодации и так далее. В это очень длинное «так далее» включаются буквально сотни параметров, которые необходимо принимать во внимание в ходе судебной автороведческой работы.

Вследствие отмеченной выше вариативности имеется множество параметров, о существовании некоторых из которых мы иногда не знаем, поэтому проверка достоверности анализа крайне трудна. Обычно в настоящее время при валидации отдается предпочтение науке о судебной речи. Выступающие, по их признанию, хотели сделать то же самое, но на данной стадии для этого проще обратиться к объяснению. Однако объяснение не только возможно, но и необходимо.

Тим Грант ранее обращался к этому кейсу, в частности приводя следующее заявление судьи: «Я не в состоянии оценить достоверность данного анализа в качестве отрасли знания. Это нечто новое для меня. Я не знаю, каковы качество и надежность этого экспертного доказательства».

И судья не использовал данное заключение при вынесении вердикта. Он сказал, что не может оценить аргументированность, которая по определению связана с объяснимостью. Аргументированность (обосно-

ванность, достоверность) имеет отношение к нашей уверенности в том, что система производит измерения того, что мы хотим измерять, а также к тому, как определенный параметр проявляет себя в различных контекстах.

Итак, это предпосылки исследования. Далее докладчик остановился на исследовательских вопросах. Какие маркеры стиля имеют наилучший индивидуализирующий потенциал и почему? Этот вопрос относится к совместным признакам, о которых докладчик спрашивал одного из предыдущих спикеров. Докладчик не верит в такие признаки, вместе с тем одни признаки проявляют себя лучше в одних жанрах, чем в других.

Какой параметр сравнения проявляет себя лучшим образом в атрибуции текстов в отношении того или иного автора и почему? Почему некоторые маркеры демонстрируют эффективность (это вопрос объяснения), и можем ли мы индексировать наши данные с парадигматически сходными для дальнейшего улучшения показателей системы? Если категория работает, если Ngram доказывает свою продуктивность, то давайте рассматривать парадигматически те категории, которые, возможно, будут работать на наши цели. И наконец, какие маркеры не проявляют себя наилучшим образом в идентификационных задачах? Как мы можем объяснить наличие ложных позитивных показателей в системе?

Рассмотрение позиций в докладе началось с маркеров стиля. В течение ряда лет были предложены сотни, если не тысячи идиолектных маркеров. Одна из фундаментальных работ в этом отношении — «Судебная стилистика» Джеральда Мак-Менамика (1993 г.) [McMenamic 1993], где приводится несколько сотен маркеров.

Описываются все уровни письменной речи — от сочетания букв (Ngram) до признаков дискурсивного уровня. Ngram достаточно эффективно достигает поставленных целей. Мы осознаем, что значительное число недавних исследований использует буквы и буквенные и словесные Ngram, но авторы не делают попыток объяснения. Если использование Ngram работает, а оно работает хорошо, то необходимо дать этому объяснение в структурных и языковых терминах.

Далее доклад продолжил Петр Рензик. Он привел примеры по исследованию метафоры черного ящика. Есть еще одна метафора, которая, возможно, не настолько распространена, но также может быть использована, — метафора песочницы. Идея заключается в том, что автороведческие исследования анализа уровня точности и дру-

гих параметров проводятся в рамках компьютерной песочницы.

Одна из идей, которая может быть использована, — несколько песочниц, с которыми мы можем играть или действовать иным образом, чтобы получить наиболее возможные положительные результаты.

Другая идея — это то, что мы оперируем очень большим количеством данных. Одна из наиболее крупных коллекций сообщений — *Mumsnet*, онлайн-дискуссионный форум, содержащий полилоговые тексты, в основном по проблемам родителей. В итоговой версии там содержится более 50 млн постов, более 2 млрд слов, более 600 тыс. авторов.

Имеются и другие дискуссионные форумы, которые мы анализируем, они обозначены как X, Y, Z. Одна из их основных характеристик — они содержат полилоговые тексты: авторы вступают в интеракцию друг с другом, в них мы можем найти все, что находим в других разговорах (участники проявляют любопытство, вмешиваются в чужие дела, шутят с использованием лексического значения слова, выбирая те или иные фразы для достижения прайминг-эффекта, используют фразы, которые рассматриваются в качестве полезных в этом разговоре и больше не используются).

Также есть проблема, кажущаяся наивной: каждый аккаунт, каждый ник соответствует отдельному автору. В то же время существует множественное, разделяемое авторство. Это не такая серьезная проблема для традиционной дискуссии, как для материалов социальных сетей и троллинговых аккаунтов и подобных явлений. Но это должно быть принято во внимание и учтено в результатах.

Выбор методов мотивирован двумя основными факторами.

1. Относительно малый размер тестовых образцов (1—50 постов у автора). Показатели являются результатом обработки большого числа авторов.

2. Контролируемая классификация текстов.

Быстрый базовый тест — это тест с внешним словом (словами), заключенным во входной слой. Идея заключается в том, что если обучение проводится на внешних коллекциях, ваша модель более надежна в применении к другим коллекциям. Теоретически это может распространяться на межжанровое применение, но только теоретически.

Также проводился продолжающийся эксперимент с конволюционными сетями, однако пока нет положительных результатов, поскольку обучение идет очень медлен-

но. Это связано с большим числом классов, которые требуется предсказать — несколько десятков тысяч.

Однако также при IR (Information retrieval) был применен подход k — ближайших соседей (K-Nearest Neighbors approach, k-NN, KNN), переключившийся из более ранних работ П. Рензика по информационному поиску: 10 лет назад ученый должен был разработать классификаторы по отношению к таксонам приблизительно из 20 тыс. категорий — требовалась бинарная классификация, применимая к такой огромной таксономии. Этот подход также позволил получить некоторые результаты.

Маркеры стилей, используемые в классификаторах KNN

- Словесные Ngram (моно-, би-, три- и тетраграммы).
- POS-леммы со снятой неоднозначностью.
- Лексические реализации синтаксических конструкций (дерево зависимостей): фразовые глаголы, прямые дополнения, определения, определения к прямым дополнениям, подлежащие, выраженные местоимениями. Идея заключается в том, чтобы фиксировать сочетания (коллокации), которые могли быть использованы автором: типичное прямое дополнение, которое может быть использовано, но не зафиксировано посредством Ngram; поскольку это прилегающие друг к другу последовательности слов, исследователи вынуждены использовать 6-gram, чтобы определить повторяющиеся паттерны прямого дополнения.

Подход KNN в определении автора

Исследователи пытались определить маркеры для каждого документа. Внимание фокусировалось на ключевых маркерах, что бы это ни означало, на методе их выделения. Набор ключевых маркеров репрезентирует запросы и представлен в индексе. В материал исследования вошла тысяча постов, которые агрегировались с установлением автора. Основная идея состоит в поиске подобных элементов в представленных документах, рассматривались наиболее часто повторяемые единицы. Это простой метод, но у него есть реальные преимущества.

KNN (за и против)

Плюсы:

- обновляемость в режиме реального времени;
- теоретически неограниченное число авторов, классов, как в случае с использованием глубоких нейросетей, для чего требуются серьезные компьютерные ресурсы;

– прозрачный механизм классификации (маркеры прослеживаемые и интерпретируемые);

– межжанровая применимость;

– возможность использования для атрибуции небольших текстовых образцов с невысоким соотношением токенов.

Минусы:

– в большей мере зависит от уникальных слов, чем от дистрибуции наиболее частотных слов;

– может быть квазиоптимальным (теоретически в большей мере непосредственно контролируемые подходы могут работать лучше для небольших наборов авторов/классов);

– несмотря на мгновенное обучение, рост показателей производительности не очень быстрый.

Оценка

50 постов, созданных 100—135 авторами, были извлечены из обучающего набора, вручную (поверхностно) верифицированы как анонимные (удалены все ссылки и другие атрибуты) и включены в исследовательский набор.

Полученные результаты весьма интересны.

Mumsnet. 19,2 % — это бизнес-предложения. Эффективность поиска в первых 30 предположениях: средний высокий балл — 5,46, медиана — 3. Вероятно увеличение с возрастанием времени.

Форум X. 135 авторов в тестовом наборе, число одиночных постов — 7392, средний высокий балл — 7,2, медиана — 4.

Объединив 50 случайным образом перемешанных постов каждого автора, получаем:

Mumsnet. 45,1 % (средний высокий балл — 5,46, медиана — 3).

Форум X: 89,7 % в первых 30 предположениях (средний высокий балл — 2,7, медиана — 1).

Это были результаты «песочницы».

Эффективность поиска в KNN составила 0,7; ранг 30.

Объяснение полученных результатов

Для контролируемого классификатора мы используем «метод случайного перемешивания данных» (data perturbation) (Ribeiro et al., 2016).

Тестовые образцы видоизменены (чтобы одно слово встречалось один раз) и введены в классификатор. Слова, которые помогают или мешают классификаторам, выделены посредством многократной перекалификации: *sense*, *anyhow* (помогают); *was*, *universally* (мешают).

Для KNN-подхода идентифицировались объекты коллекции, которые доказали возврат в релевантные документы. Любой тип маркера может быть проанализирован с позиции его различительного потенциала (пропорции релевантных документов), возможности внести вклад в верную идентификацию автора.

К продолжению доклада вернулся Кшиштоф Креденс. Как он заметил, «вот что происходит, когда мы заглядываем в „черный ящик“»: мы ищем объяснения, и нет очевидных типологических паттернов в наборах совместных признаков, которые представляют собой результат. С одной стороны, это разочаровывает, а с другой — это замечательно.

Наборы созданы из элементов, принадлежащих — в разном количестве и непредсказуемо — к различным лексико-грамматическим категориям. Некоторые категории имеют нулевую реализацию.

Объяснения обнаруживаются для относительно небольшого числа авторов, демонстрирующих: нестандартные формы / ошибки; опечатки, описки, творческие окказионализмы, совместный отбор тематически связанных слов.

Импlications по теории идиолекта

Некоторые авторы демонстрируют узнаваемый стиль идиолекта (ключевое слово — «некоторые»). Некоторые авторы проявляют тенденцию соблюдать жанровые конвенции (или то, чем является стандарт). Ни одна из лексико-грамматических категорий не имеет сильного индивидуализирующего потенциала. Совместный набор признаков часто является ключом к идентификации автора.

Информация об индивидуальных идиолектах обнаруживается только частично каждый раз, когда публикуется индивидуальный пост в режиме онлайн, и чем более его автор активен, тем больше информации проявляется (когда продолжает наблюдаться эффект плато).

Если нет универсально применимых маркеров, тогда мы вынуждены работать от случая к случаю, всякий раз отыскивая оптимальные параметры, и каждый случай уникален. Универсально применимые маркеры, вероятно, просто миф.

Вопросы по докладу

Вопрос. Что вы понимаете под индексом характеристик в парадигматическом аспекте?

Ответ. Если у вас Ngram (N-грамма), которая, как подтвердилось, работает, и данная Ngram представляет лексико-грамматическую характеристику, например определенное наречие + прилагательное, то

это очень интересно. Если вы полагаете, что сочетание такого вида различительное, то это может быть весьма интересным не только для данного, но и для ряда других случаев.

Вопрос. Другой вопрос — о слове *that*. Исследовали ли вы контексты, в которых оно употребляется?

Ответ. Нет.

Вопрос. Потому что это очень интересный признак?

Ответ. Да, но очень сложно отстроить для этих целей программу. Возможно, следует проанализировать конкорданс с *that*. Это следующий шаг. Мы уже заинтересованы в объяснении. Одно из главных отличий в подходе заключается в том, что *that* может быть выбрано в соответствии со строго контролируемым подходом, но не KNN-подходом.

Вопрос. У вас есть данные по *Mumsnet* относительно девайсов и интерфейсов, с которых заходили авторы постов?

Ответ. Нет, сбор материала занял длительное время, около 20 лет. Это хороший вопрос, такая информация может быть еще одним параметром, используемым в рассмотрении постов. Мы предполагаем продление проекта на 10—11 месяцев, и это определенно будет принято во внимание, поскольку есть очень много путей рассмотрения данного материала, как и параметров его исследования.

ДЖ. ГРИВ

Четвертым выступал Джек Грив (Jack Grieve), профессор лингвистики из Бирмингемского университета, с докладом на тему «Изменения стиля и автороведческий анализ».

Докладчик начал выступление с объяснения того, что такое стилеметрия.

Мы можем различать написанное разными авторами посредством количественного анализа. Мы особенно успешны в атрибуции авторства, когда у нас протяженные спорные тексты и большое количество данных для сопоставления (например, использование служебных слов). Но мы не располагаем проверенной и общепризнанной теорией автороведения, чтобы основывать на ней стилеметрический анализ, как отметили Е. Стаматос, Т. Грант и К. Креденс.

Среди специалистов отсутствует единство во мнениях о том, почему люди имеют уникальный письменный стиль (и даже о том, существуют ли уникальные стили) и почему специальные языковые переменные следовало бы анализировать как маркеры этого стиля. Эта проблема очень важна не только для судебной лингвистики, но и для

когнитивной лингвистики, овладения языком и других областей.

Далее докладчик остановился на стандарте Даубера (США; Daubert standart), упомянув необходимость теории в судебном контексте (правило 702); допрос экспертов. Если научные, технические или иные специальные знания эксперта помогают лицу, проводящему следствие, понять или установить факты, относящиеся к делу, свидетель квалифицируется как эксперт на основе знаний, умений, образования, подготовки и может давать показания в форме мнения или другой, если показания основываются на существенных фактах или данных, свидетельство является производением, базирующимся на принципах и методах, надежных для данных фактов и дела.

Идиолект

Автороведческий анализ, особенно в правовом контексте, часто для подтверждения выводов апеллирует к социолингвистической концепции идиолекта — уникальной индивидуальной разновидности языка.

Лингвисты подходят к проблеме спорного авторства с теоретических позиций, согласно которым каждый носитель языка имеет свою собственную отличительную и индивидуальную версию языка, на котором он говорит и пишет — свой собственный идиолект [Coulthard. 2004: 431].

Социолингвистика

Форма языка, используемая людьми с различными социальным бэкграундом и идентификаторами, системно и постоянно изменяется. Существует предположение о том, что в автороведческом анализе этот тип социолингвистического варьирования расширяется до уровня индивидуума, поскольку каждый имеет социально уникальную историю (социальную идентичность, как утверждал в своем докладе Тим Грант — более подробно об этом написано в его совместной с Никки Маклеод статье).

Критично, что социолингвистическая теория и исследования основываются на чередовании переменных — альтернативных способах подтвердить одно и то же, а это часто является основой для анализа в судебной стилистике.

Социолингвистика и стилеметрия

В то время как судебная стилистика может быть основана на социолингвистических принципах, это неверно в отношении стилеметрии, поскольку она основывается не на анализе чередования переменных, а главным образом на относительной частотности индивидуальных форм (набор служебных слов, буквенных Ngram), которые не являются ва-

лидными переменными в социолингвистической теории: не *the* в чередовании с чем-то, а просто *the*.

Например, Деннис Престон утверждает, что частотность индивидуальных форм «do not meet the basic requirement for the study of variation — the choice of more than one semantically equivalent element in environments where all have a privilege of occurrence» [Preston 2001: 291] — «не согласуется с основными требованиями для изучения вариативности — выбора более одного семантически эквивалентного элемента в окружении, где все имеют преимущество в употреблении» (перевод наш. — С. К.). То есть если нет чередования, то нет и параметра.

Приводится пример определения авторства 15-й книги о стране Оз, в частности, с помощью анализа использования служебных слов. Этот пример трудно объяснить с позиций социолингвистики, что вступает в противоречие с положением Д. Престона. Приводится 50 служебных слов, и нет чередования: сообщается процент использования слов *and, the, to*. Такой способ работает весьма эффективно: когда много данных, два автора и нет контроля регистра.

Докладчик полагает, что функциональная теория языкового варьирования представляет собой лучшую основу для стилеметрии, чем социолингвистическая теория. Если вы посмотрите на телефонный разговор и обычную беседу, вы сразу обнаружите отличия. То же касается статьи в газете и рассказа. Это делается намного легче, чем в случае автороведческого анализа. Так происходит за счет распознавания языковых моделей. Реципиента при этом нельзя обвинить в субъективности: узнавание происходит, поскольку опосредовано функцией данного текста.

Язык видоизменяется в разных контекстах потому, что различные языковые формы лучше подходят для этих контекстов.

Язык видоизменяется от автора к автору, потому что они используют какие-то иные коммуникативные стратегии. Особенно, полагает Дж. Грив, релевантны для стилеметрии корпусные методы и теории, основанные на анализе регистров [Biber 1988]. В стилеметрии измерения стилистического варьирования имеют целью исследование регистра, основанного на многомерном анализе относительной частотности грамматических форм.

Докладчик демонстрирует измерения, различающие исследуемые тексты.

Первое измерение — разговорные, неформальные (телефонный разговор, разговор «лицом к лицу», личное письмо, интервью) и более формальные, литературные

(официальные документы, научные тексты, репортажи в СМИ, обзоры прессы, биографии) тексты [Biber 1988]:

«приватные» глаголы	существительные
опущение <i>that</i>	длинные слова
стяженные формы	предлоги
настоящее время	прилагательные
	в роли определений

местоимения 2-го лица
эмфаза
местоимения 1-го лица
дискурсивные маркеры

«Приватные» (*private*) глаголы обозначают ненаблюдаемые интеллектуальные акты и состояния.

Второе измерение: нарративные (любовные истории, детективы, научная фантастика, художественные тексты в целом) — ненарративные (радио и телепередачи, описания хобби, научные тексты, деловые письма, телефонные переговоры) тексты:

прошедшее время	настоящее время
местоимения 3-го лица	прилагательные
	в роли определений

перфект

«публичные» (*public*) глаголы (*say*)

Стилеметрия

Case study. Чтобы проиллюстрировать, как функциональный подход может служить базой стилеметрического анализа, докладчик привел стилеметрический *case study*. Он сопоставил стиль двух авторов, которые являются постоянными политическими колонистами в «The Telegraph», Уильяма Хейга (William Hague) и Чарльза Мора (Charles Moore). Целью Дж. Грива было определить, можем ли мы разграничивать этих авторов (конечно, такая возможность подтвердилась). Но если можем, то как различаются их стили?

Докладчик проанализировал корпус из 130 статей с применением стандартного стилеметрического подхода. Была определена относительная частотность верхних 50 служебных слов в корпусе из 260 текстов. Эти данные были подвергнуты анализу методом главных компонент, чтобы выделить два измерения вариативности. Исследователь выстроил тексты относительно двух измерений, чтобы идентифицировать стилистические различия между двумя авторами. Затем были продемонстрированы кривые распределения для *and, it*, верхних 50 служебных слов, и была построена их корреляционная матрица. Эти служебные слова заметно разграничивают стили.

Анализ регистров

Для понимания, что стилеметрический анализ говорит нам о различии стилей авто-

ров, докладчик провел повторный анализ данных, используя регистровый анализ. Также он провел разметку данных и обработку 66 грамматических характеристик с использованием *Andrea Nin's MAT Tagger* [Nini 2019]. Сократил набор данных до двух измерений, используя факторный анализ. Интерпретировал эти два фактора на основе переменных и текстов, в наибольшей мере ассоциированных друг с другом. Составил диаграмму текстов двух авторов в разрезе этих факторов. Сравнил эти факторы с анализом регистров до измерений предыдущего стилиметрического анализа, для чего использовал набор характеристик Д. Байбера [Biber 1988].

Выводы

Стиль, которым Хейг и Мор пишут аналитические колонки, различается потому, что у Мора стиль более нарративный, тогда как Хейг использует более аналитический стиль. Результаты продемонстрировали, как авторы используют слегка различающиеся стратегии для коммуникации в данном контексте. Именно поэтому стилиметрические методы работают: они определяют эти типы риторических различий.

Стилиметрия не нуждается в подтверждении положения, что идиолект существует: только стилистические вариации меняются и отражаются в соответствии с коммуникативной целью, и эта цель может различать авторов в измеряемом и интерпретируемом аспектах. Функциональная теория автороведения также потенциально обеспечивает в дальнейшем более надежное основание для судебной лингвистики в целом, чем социолингвистическая теория идиолекта.

Вопросы по докладу

Вопрос. Вы основывались на встречаемости (употребительности) или частотности?

Ответ. На частотности, да. В коротких текстах, объемом в сотни слов, мы основываемся на употреблении, встречаемости (есть или нет). Но в текстах размером тысячей слов это, конечно, частотность.

Вопрос. Выбор параметров — это строго контролируемая ситуация, или вы проводили отбор случайным образом?

Ответ. Скорее, это осознанный отбор, поскольку я лингвист. Тем более что необходимо объяснение того или иного выбора. Корпусный лингвист, специалист по анализу дискурса это делает сознательно.

Вопрос. Я согласен с точкой зрения, согласно которой множество характеристик может быть объяснено с функциональной точки зрения. Однако я должен согласиться и с тем, что многие характеристики, которые вы назвали, представляют собой функциональные черты.

Ответ. Лично я считаю, что все характеристики функциональные. Ngram, коллокации, знаки препинания имеют функциональную нагрузку.

Вопрос. Вопрос о риторической теории жанров. Мы относим текст к тому или иному жанру. Они представляют собой разновидность текстов, мы выделяем коммуникативные цели, и эти цели относятся ко всем текстам этого жанра или лишь к некоторым текстам?

Ответ. Я считаю, что в автороведческом анализе рассматривается не социальное, а регистровое варьирование — в 95 % случаев. Например, мы анализируем блоги или троллей. Если вы рассматриваете регистр — пристально изучаете его характеристики, индивидуальный язык в рамках регистра. Если вы посмотрите мои научные статьи, то в них я подробнее характеризую указанные подходы.

S. I. Krassa
Stavropol, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6699-2159

 E-mail: skrassa@yandex.ru.

First Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis (overview 2)

ABSTRACT. *The article provides an overview of the reports of the 1st Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship. The roundtable was held by the International Association of Forensic Linguistics and the Centre for Digital Humanities at the University of Manchester on May 15, 2019. The review presents a co-authored report by Krzysztof Kredens from the University of Aston and Piotr Reżik “Large-scale author classification — looking into the black box”, Jack Grieve, Professor of Linguistics at the University of Birmingham “Register variation and authorship analysis” and the report by Jack Grieve, Professor of Linguistics at the University of Birmingham, “Register variation and authorship analysis”. Each report is supplemented with questions to the speaker and their answers to them. The first report looks at the issue of authorship identification on the material of short messages from popular Internet forums («Musmnet» is one of them). Data processing involves the k-nearest neighbors algorithm and uses the following style markers: n-grams, POS-lemmas with neutralized polysematicity, collocations demonstrating typical lexical realizations of syntactic constructions*

(*phrasal verbs, direct objects and subjects expressed by pronouns*). In case there are no universally accepted markers, it is necessary each time to find optimal parameters and treat each case as unique. In his report on stylometry, Jack Grieve argues that the functional theory of language variation is more suitable as a foundation for it than sociolinguistics: language varies in different contexts because some linguistic forms suit these contexts better than others. To demonstrate the advantages of the functional approach, a stylometric analysis of the articles of two political columnists of "The Telegraph" is performed. The style of analytical columns of these authors differs depending on the communication strategy: the style of one author is more narrative, and that of the other is more analytical. The reporter concludes that the functional theory of authorship identification studies can become more reliable than the sociolinguistic theory of individual style and can be considered a foundation of forensic linguistics on the whole.

KEYWORDS: roundtable discussions; forensic authorship analysis; author profiling; stylometry; computer linguistics; core features of a style; forensic linguistics; forensic expertise.

TYPE OF PUBLICATION: review.

AUTHOR'S INFORMATION: Krassa Sergey Ivanovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Stavropol, Russia.

FOR CITATION: Krassa, S. I. First Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis (overview 2) / S. I. Krassa // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 159—166. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_15.

REFERENCES

1. Biber, D. Variation across Speech and Writing / Douglas Biber. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1988. — 13, 299 p.
2. Coulthard, M. Author identification, idiolect, and linguistic uniqueness / Malcolm Coulthard. — Text : unmediated // Applied Linguistics. — 2004. — Vol. 25. — Iss. 4. — P. 431—447.
3. Forensic Authorship Analysis Roundtable. — URL: <https://www.eventbrite.co.uk/e/forensic-authorship-analysis-roundtable-tickets-59772040783#> (date of access: 27.10.2020). — Text : electronic.
4. Forensic Linguistics Roundtable Event / International Association of Forensic Linguists ; Centre for Digital Humanities, University of Manchester // YouTube. — Duration: 7:29:40. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZUfxdLstIOc> (date of access: 27.10.2020). — Image (moving; 2D) : electronic.
5. Grant, T. Assuming identities online: experimental linguistics applied to the policing of online paedophile activity / Tim Grant, Nicci Macleod. — Text : unmediated // Applied Linguistics. — 2016. — Vol. 37. — Iss. 1. — P. 50—70.
6. Grant, T. Resources and constraints in linguistic identity performance: a theory of authorship / T. Grant, N. Macleod. — Text : unmediated // Language and Law. — 2018. — Vol. 5. — Iss. 1. — P. 80—96.
7. Grieve, J. Quantitative authorship attribution: an evaluation of techniques / J. Grieve. — Text : unmediated // Literary and Linguistic Computing. — 2007. — Vol. 22. — P. 251—270.
8. Grieve, J. Regional Variation in Written American English / J. Grieve. — Cambridge Univ. Pr., 2016. — Text : unmediated.
9. Grieve, J. Sociolinguistics: Quantitative Methods / J. Grieve. — Text : unmediated // The Encyclopedia of Applied Linguistics / C. A. Chapelle (ed.). — Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell, 2012.
10. MacLeod, N. Whose Tweet? Authorship analysis of microblogs and other short-form messages / Nicci MacLeod, Tim Grant. — Text : unmediated // Proceedings of The International Association of Forensic Linguists' Tenth Biennial Conference / Centre for Forensic Linguistics, Aston Univ. — 2012. — P. 210—224.
11. MAT Tagger = Multidimensional Analysis Tagger / Dr Andrea Nini. — Program : electronic. — URL: <https://sites.google.com/site/multidimensionaltagger/>.
12. McMenamic, G. R. Forensic Stylistics / G. R. McMenamic. — Amsterdam : Elsevier Science Publisher, 1993. — XV, 249 p. — Text : unmediated.
13. Nini, A. The Multi-Dimensional Analysis Tagger / A. Nini. — Text : unmediated // Multi-Dimensional Analysis: Research Methods and Current Issues / Berber Sardinha, T. & Veirano Pinto M. (eds.). — London ; New York : Bloomsbury Academic. — 2019. — P. 67—94.
14. Preston, D. Style and the psycholinguistics of sociolinguistics: the logical problem of language variation / Dennis R. Preston. — Text : unmediated // Style and Sociolinguistic Variation / P. Eckert, J. R. Rickford (Eds.). — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001. — P. 279—304.
15. Ribeiro, M. T. Why Should I Trust You?: Explaining the Predictions of Any Classifier / Marco Tulio Ribeiro, Sameer Singh, Carlos Guestrin. — DOI 10.1145/2939672.2939778. — Text : electronic // Proceedings of the 22nd ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining / ACM, 2016. — P. 1135—1144. — URL: <http://www.kdd.org/kdd2016/papers/files/rfp0573-ribeiroA.pdf>.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
  - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
  - Ученая степень, звание, должность.
  - Полное и точное место работы автора.
  - Подразделение организации.
  - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
  - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997. — Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК G02B23/12, G02B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/> (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логинова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логинова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.nrl.ru/> (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2021. ВЫПУСК 1 (85)**

Адрес редакции:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.
Адрес учредителя:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет
Адрес издателя:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.
Подписано в печать 16.02.2021. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет: 26.02.2021.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 19,2. Усл. печ. л. — 19,5. Тираж 500 экз. Заказ 5201.
Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.me